
Кедров Константин - "Параллельные миры "

СОДЕРЖАНИЕ

[КАК РОЖДАЮТСЯ АНГЕЛЫ КТО ОБРЕТЕТ ТОЛКОВАНИЕ ЭТИХ СЛОВ, ТОТ НЕ ВКУСИТ СМЕРТИ](#)

[ТАЙНА КОСМИЧЕСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ФОМЫ](#)

[КАК ИИСУС УЗНАЛ, ЧТО ОН ХРИСТОС](#)

[ОТ ХРИСТА ДО ИЕШУА](#)

[КАК НАЧИНАЛАСЬ НОВАЯ ЭРА](#)

[МНИМОЕ ВРЕМЯ ИЛИ ЗРИМЫЙ РАЙ](#)

[ДВИЖЕТСЯ ЛИ ВРЕМЯ В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ?](#)

[ТУРИНСКУЮ ПЛАЩАНИЦУ СОЗДАЛ ЛЕОНАРДО](#)

[ТАЙНА НОЕВА КОВЧЕГА](#)

[КЛОНИРОВАНИЕ - НАШЕ БИОЛОГИЧЕСКОЕ БЕССМЕРТИЕ?](#)

[ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ - АККЛИМАТИЗАЦИЯ К ВЕЧНОСТИ](#)

[ЧЕЛОВЕК БЕССМЕРТНЫЙ ПРИДЕТ НА СМЕНУ ЧЕЛОВЕКУ РАЗУМНОМУ](#)

[1. РАСПЯТИЕ](#)

[2. ПОГРЕБЕНИЕ ИЛИ ЛАЗАРЬ](#)

[3. ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ](#)

[4. КАНА ГАЛИЛЕЙСКАЯ](#)

[5. ЗАЧАТИЕ](#)

[6. ПРЕОБРАЖЕНИЕ, ИЛИ НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА](#)

[7. РОЖДЕСТВО](#)

[ИНСАЙДАУТ. ЧЕЛОВЕК - ЭТО ИЗНАНКА НЕБА](#)

[ЛЕСТНИЦА ИАКОВА ВЕДЕТ НАС К БЕССМЕРТИЮ.](#)

[XXI ВЕК ПРИНЕСЕТ БОЛЬШИЕ СЮРПРИЗЫ](#)

[ЧЕЛОВЕК БЕССМЕРТНЫЙ...](#)

[УЛЫБКА СФИНКСА](#)

[ПИРАМИДЫ ЕГИПТА-ГЕНЕРАТОРЫ ВОСКРЕШЕНИЯ](#)

[ТАЙНА ШИФРА 666](#)

[ФОРМУЛА БЕССМЕРТИЯ](#)

[СВЕДЕНБОРГ-КОСМИЧЕСКИЙ КОНТАКТЕР XVIII ВЕКА](#)

[САМЫЙ ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЕВРОПЫ](#)

[ФОРМУЛА БЕССМЕРТИЯ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА ГАММА БУДЕТЛЯНИНА](#)

[МАШИНА ВРЕМЕНИ](#)

[ФОРМУЛА БЕССМЕРТИЯ](#)

[ВСЕЛЕННАЯ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА](#)

[БЕССМЕРТИЕ ПО ФЛОРЕНСКОМУ](#)

[ОН ДОКАЗАЛ НАМ, ЧТО МЫ БЕССМЕРТНЫ,](#)

[ИЛИ ГЛАВНОЕ ОТКРЫТИЕ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО, ОТЦА ПАВЛА, ЧЬИ НЕПОЗНАННЫЕ ОТКРЫТИЯ РАВНЫ ЛИШЬ](#)

[ПРОЗРЕНИЮ ГЕНИАЛЬНОГО ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ](#)

["МНИМОСТИ В ГЕОМЕТРИИ"](#)

[КОММЕНТАРИИ К КНИГЕ П. ФЛОРЕНСКОГО "МНИМОСТИ В ГЕОМЕТРИИ"](#)

[ИСКУССТВО ЖИТЬ ВЕЧНО](#)

[ДАНИИЛ АНДРЕЕВ - СОЗДАТЕЛЬ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ](#)

[ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ - ГЕНИЙ РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ](#)

[ЯКОВ ДРУСКИН - ВЕЛИКИЙ СМЫСЛОИСКАТЕЛЬ](#)

[МИСТЕРИЯ А. БЛОКА](#)

["ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОГИБШЕГО ЧЕЛОВЕКА" \(мистерия Достоевского\)](#)

[ВАСИЛИЙ РОДЗЯНКО - УЧЕНИК АЛЕШИ КАРАМАЗОВА](#)

[ТАЙНЫЙ КОД МИРОЗДАНИЯ](#)

[ОБРЕТЕНИЕ КОСМОСА](#)

[ЯЗЫК СВЕТА](#)

[КАК ИЗМЕНЯТСЯ НАШИ ЧУВСТВА](#)

[АДАМ КАДМОН - ЧЕЛОВЕК-ВСЕЛЕННАЯ](#)

[ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИ МАРИИ](#)

[ЗВЕЗДНАЯ КНИГА](#)

[ЧАША ГРААЛЯ](#)

[ГЕНИИ XX ВЕКА](#)

[ХРИСТОС И ФРЕЙД](#)

[КТО ПРОЧТЕТ ТАЙНОЕ ИМЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ КОДЕ?](#)

[ИГРА ЗВЕЗД](#)

[ЗОЛОТОЙ МЕЧ](#)

[БЕСЕДЫ О БЕССМЕРТИИ](#)

[БЕСЕДА 1 ЧЕЛОВЕК НАМНОГО БОЛЬШЕ ВСЕЛЕННОЙ](#)

[БЕСЕДА 2 ВТОРОЕ КОСМИЧЕСКОЕ РОЖДЕНИЕ](#)

[БЕСЕДА 3 ЗАКОН ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ](#)

[БЕСЕДА 4 "БОГ ЕСТЬ СВЕТ"](#)

[БЕСЕДА 5 КОСМИЧЕСКАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА](#)

[БЕСЕДА 6 СМОКОВНИЦА БУДДЫ И СМОКОВНИЦА ХРИСТА](#)

[БЕСЕДА 7 МЕТАКОД](#)

Кедров Константин - "Параллельные миры "

КАК РОЖДАЮТСЯ АНГЕЛЫ

Мой двоюродный дед художник Павел Челищев происходит из древнего дворянского рода, породненного с Иваном Калитой. Один из знаменитых предков Павла Федоровича - оруженосец Дмитрия Дрнского Михаил Бренко. Он пал на Куликовом поле, переодетый в доспехи великого князя. Сам Дмитрий Донской сражался в одежде простого воина и был найден тяжело раненный под грудой тел. Михаил же Бренко был разрублен в чело. Есть предание, что после этого род получил имя Челищевы. Все это я узнал в 1954 году, сидя на крылечке в древнем городе Угличе, куда приехал на школьные каникулы, а рассказала мне об этом моя двоюродная бабушка Мария Федоровна Челищева-Клименко. Она только что вернулась тогда из 9-летней отсидки. От нее же я узнал, что сестра Павла Федоровича Челищева, моя родная бабушка Софья Федоровна, погибла в 1920 году от тифа, а Павел Федорович в том же году покинул Россию с деникинской армией и узелочком красок в руках.

В 20-30-х годах Павел Челищев - театральный художник балетной труппы Дягилева в Берлине. Он оформлял балеты Стравинского "Весна Священная" и "Орфей". Стравинский вспоминает моего двоюродного деда как большого мистика и теософа. Однажды у Павла Федоровича спросили:

- Почему вы нарисовали ангела с крыльями, растущими из груди. Где вы видели, чтобы у ангелов так росли крылья?

- А вы часто видели ангелов? - поинтересовался Павел Челищев.

Сам он видел ангелов в 'человеке. И незадолго до своей смерти написал целую серию "ангельских портретов", где человек просвечивает сквозь звезды. Среди немногих, кто пони- мал и ценил мистический сюрреализм моего двоюродного деда, были: поэтесса Эдит Ситаэл, писательница Гертруда Стайн, искусствовед Паркер Тайлер, написавший монографию о Павле Челищеве под заголовком "Немодный художник".

От коммунизма Челищев эмигрировал в Европу, от фашизма в Америку. Здесь он жил в замкнутом кругу своих поклонников и меценатов, ужасаясь наступающему материализму. Его картина "Каш-каш" ("Прятки") ныне висит в музее Гугенхей-ма в Нью-Йорке. В 40-х годах около нее толпились люди и часами разглядывали непонятную, притягивающую живопись.

"Каш-каш" - воспоминания о безмятежном детстве в имении моего прадеда Федора Сергеевича Челищева.

Село Дубровка Калужской губернии - родовое гнездо этой ветви челищев-ского рода.

Павел Челищев любил уходить в лес со своими сестрами, и там посреди лесной поляны он впервые ощутил религиозные чувства.

- Я молюсь на деревья! - сказал он своей сестре Марии Федоровне, будущей узнице сталинских лагерей.

После рокового семнадцатого года наша семья еще жила в родовом имении. Крестьяне снарядили делегацию к Ленину с просьбой оставить моего прадеда в Дубровке с многодетной семьей в должности лесничего. Отец Павла Челищева, мой прадед Федор Сергеевич, покрыл лесами всю Калужскую губернию. Доход от его имения составил 7 миллионов. По тем временам громадная сумма. Ныне там ровное место - все вырублено. От роскошного фруктового сада не осталось и следа.

Ленин принял ходяков и приказал: "Выселить всех в двадцать четыре часа".

Подвода едва вместила многочисленное семейство. Прадед с женой и Павел Федорович со своими сестрами Натальей, Вар-варой, Марией, Софьей, Александрой.

- Барышни, что же вы смеетесь? Не знаете, какая мука вас ждет, - сказал сердобольный крестьянин.

Уцелели, как по Чехову, только три сестры: Мария в сталинском концлагере, Александра в парижской эмиграции. Варвара, самая благополучная из сестер, - ее мужа расстреляли, но жила она в Москве и преподавала литературу в кремлевской школе.

К ней посылал Павел Федорович продовольственные посылки для Марии, томящейся в заключении. У меня хранятся письма Павла Челищева к Варваре Федоровне, где он пытается объяснить, что живопись его не безумие, а новое духовное зрение. Он видел человека в мистической сферической перспективе, которую Павел Флоренский назвал "обратной перспективой". Трудов Павла Флоренского Павел Челищев в далекой Америке, конечно, не знал. Ничего не ведал он о соловецком узнике; но пришел к тем же выводам, что и он.

Последние годы жизни Павел Челищев провел в Италии вблизи православного монастыря, ведя еще более уединенный и замкнутый образ жизни. Его письма 50-х годов заполнены ужасом перед наступающим материализмом, который захлестнул тогда всю западноевропейскую цивилизацию.

Павел Челищев ищет выхода в невидимое для глаза четвертое измерение. Его картины становятся все более мистическими. Он много думает о православной иконе и в конечном итоге приходит к выводу, что овальная "Мандорла", окружающая Христа на старинных иконах, - это чертеж всего мироздания.

Его картины все более утончались, освобождаясь от материи. Сначала тело человека стало для него прозрачным, как рентгеновский снимок. Потом анатомические очертания исчезли и возник сияющий чертеж души человека, сотканный из звездного света.

В Москве, на Донском кладбище, в родовой могиле покоятся сестры Павла Федоровича - Наталья, Мария, Варвара. Неизвестно, где похоронена моя бабушка Софья, а сам Павел Федорович похоронен в Италии - на родине всех художников.

А теперь остановимся в раздумье около его картины "Каш-каш", висящей ныне в музее Гугенхайма в Нью-Йорке.

Дерево - дорога - материнская утроба - рука - нога. Что это значит? Это вселенское тело бессмертного человека, слитое со всем живым. Рука-крона устремлена к небу, нога-корни уходит в землю. Листья,- ангельские детские головки усыпали крону по кругу от зимы к лету и прямо навстречу нам из ствола-дупла-чрева летит головой вперед младенец. Так умирает художник, так рождаются ангелы.

КТО ОБРЕТЕТ ТОЛКОВАНИЕ ЭТИХ СЛОВ, ТОТ НЕ ВКУСИТ СМЕРТИ ТАЙНА КОСМИЧЕСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ФОМЫ

В декабре 1945 года плуг египетского феллаха наткнулся на очень давний тайник. Оказалось, что это захоронение древних рукописей на коптском языке. Копты - самые ранние христиане, жившие в Египте. Здесь уместно вспомнить, что Мария и Иосиф бежали от гнева царя Ирода именно в Египет, где Христос и провел свое раннее детство.

Об этих годах нам ничего не известно; но евангелия свидетельствуют о том, что после возвращения из Египта Иосиф и Мария однажды потеряли двенадцатилетнего Иисуса на ярмарке в Иерусалиме. Каково же было их изумление, когда они нашли своего ребенка восседающим со старцами в синагоге за обсуждением священных текстов. Значит, кто-то учил до этого Божественного ребенка. Не в Египте ли получил он зачатки своего великого учения?

Многих поражало, что в четырех канонизированных церковью евангелиях при всем их отличии друг от друга сама речь Христа передана с поразительной точностью, почти что без искажений. Это тем более удивительно, что авторы евангелий св. Матфей, св. Лука, св. Марк и св. Иоанн писали и диктовали свои тексты в разных местах спустя десятилетия, а то и более после распятия, смерти и воскресения своего Учителя. Наизусть помнить слова Христа они конечно же не могли. Значит, существовал некий список изречений Иисуса, с которым работали все четыре евангелиста, сверяя по нему свои тексты. Этот список изречений - "логий" - был буквально вычислен немецкой филологической школой еще в середине XIX века. Его искали, но не находили нигде. Кто мог подумать тогда, что спустя 100 лет, в середине XX века, плуг египетского феллаха наткнется на то, что было предсказано и угадано кропотливыми лингвистами за письменным столом.

Около пятидесяти текстов было расшифровано и переведено в течение двух десятилетий, однако на русском языке они появились в переводе М.К. Трофимовой лишь в 70-х годах. Среди легенд, апокрифических евангелий, не включенных в канон, и философско-религиозных трактатов один из текстов выделяется своей древностью, стройностью, глубиной и простотой изложения. Как всегда, исследователи расходятся в определении времени написания, но разброс этот небольшой - от второй половины I до начала II века. Время, когда написаны и четыре канонических евангелия от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна.

Евангелие от Фомы, найденное в египетском селении Наг-Хаммади, начинается такими словами: "Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Ииуда Фома. И он сказал: "Тот, кто обретет толкование этих слов, не вкусит смерти". Большинство изречений открываются словами: "Учитель сказал". Далее следуют афоризмы, ответы на вопросы, развернутые диалоги. В отличие от канонических четырех великих евангелий, известных всему христианскому миру, Евангелие от Фомы не содержит никаких жизнеописаний Христа. Оно состоит только из Его слов. Вполне закономерно предположить, что это и есть

искомый свиток "легенде-изречении Христа, которым могли пользоваться все четыре евангелиста.

Евангелие от Фомы резко отличается от тридцати восьми апокрифических подделок, отвергнутых в свое время церковными Соборами. Здесь, нет сказок, легенд, фольклорных чудес и просто народных вымыслов. Многие богословы самых разных христианских конфессий не видят в нем каких-либо еретических положений, резко контрастирующих с устоявшейся христианской традицией. Однако есть в нем нечто принципиально новое, открывающее нам космическую перспективу раннего христианства.

Один из самых поразительных фрагментов - диалог апостолов с Христом о роли Марии Магдалины. На вопрос: "Для чего среди нас Мария?" - Иисус отвечает: "Когда вы сделаете женское как мужское, внутреннюю сторону как внешнюю и внешнюю сторону как внутреннюю и верхнюю сторону как нижнюю, многое как одно и одно как многое, тогда вы войдете в Царствие".

Здесь невольно вспоминаются уже известные евангельские эпизоды с Марией, когда она сидит у ног Учителя и слушает его поучения. Это вызвало ропот Марфы, потребовавшей, чтобы Мария помогала ей по хозяйству.

Христос ответил: "Марфа, Марфа, печешься о многом, а надо лишь об одном. Взгляни на Марию, она избрала благую участь". Известно, что именно Мария с другими женщинами пришла к гробу Христа и увидела камень, отваленный от двери гроба, и ангела в белых одеждах, возвестившего, что Христос воскрес. Именно Марии первой явился Христос после своего воскресения, когда она в слезах шла от гроба. "Женщина, о чем ты плачешь?" - спросил Он ее, и она ответила: "Унесли Господа моего и не знаю, где положили его". - "Взгляни на меня", - говорит Христос. Только в этот миг Мария поняла, что человек, которого она сквозь слезы приняла за садовника, был ее воскресший Учитель.

Интересно, что и в Евангелии от Фомы в связи с Марией возникает один из интереснейших текстов. Христос сообщает ученикам, что для обретения Царствия Небесного им необходимо перешагнуть через все условности земной жизни. В Царствии Небесном: женское как мужское и мужское как женское. Похожее изречение есть и в известных евангелиях, где Христос говорит, что в Царствии Небесном не женятся, не разводятся. Это мир, где земные страсти -преображены в высшую гармонию, которую в XX веке Циолковский назвал в разговоре с Чижевским лучевой жизнью. По мнению космического Колумба, человечество рано или поздно "перейдет в лучевое состояние высокого порядка, которое будет все знать и ничего не желать, то есть в то состояние сознания, которое разум человека считает прерогативой богов. Перейдя в лучистую форму высокого уровня, человечество становится бессмертным во времени и бесконечным в пространстве".

Вспомним, что светоносные образы пронизывают все известные нам евангелия. Обычно сравнения Христа со Светом Небесной жизни и жизнью Света воспринимаются как красивая метафора. В Евангелии от Фомы и в трудах Циолковского приоткрывается нечто большее.

*Когда вы сделаете внутреннее
как внешнее, женское как мужское,
мужское как женское,
тогда вы войдете в Царствие.*

Евангелие от Фомы

Если представить себе, что Свет одушевлен, как считает великий ученый и как говорит Христос, мы окажемся в Царстве вечного Света, где действительно верх как низ, единое как многое и внутреннее как внешнее.

Мало кто обращает внимание на признание Циолковского, что невесомость как душевное состояние впервые посетило его в детские годы: "Мне представляется, что основные идеи и любовь к вечному стремлению туда - к Солнцу, к освобождению от цепей тяготения - во мне заложены чуть ли не с рождения. По крайней мере, я отлично помню, что моей любимой мечтой в самом раннем детстве, еще до книг, было смутное сознание о среде без тяжести, где движения во все стороны совершенно свободны и где лучше, чем птице в воздухе".

Когда Христос говорит о верхе как низе, он, конечно, имеет в виду не просто космическую невесомость, которую испытали на себе уже многие космонавты, а соответствующее ей душевное состояние. Однако то и удивительно, что душевному состоянию соответствует вполне осознанная ныне реальность космоса - невесомость, относительность верха и низа. Сложнее обстоит дело с относительностью внутреннего и внешнего.

Сегодня каждый нормальный школьник знает, что в космическом корабле нет верха и низа; и хотя на земле верх-низ реальности абсолютные, разуму не нужно делать больших усилий, чтобы представить себе мир космической невесомости, где верха и низа нет. Однако человечество не располагает сегодня такими же достоверными сведениями об относительности внутреннего и внешнего. И все же, если, прочитав Евангелие от Фомы, кто-то попытается представить себе, что внешнее пространство мира вдруг стало его нутром, он вместит в себя небо, звезды и всю вселенную; но в том-то и дело, что на метафорическом уровне это происходило со многими.

Вот что ощутил в XVIII веке поэт Г.Р. Державин в дождливую ночь на одной из почтовых станций, почувствовав в себе Бога:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь - я раб;
я червь - я Бог!

Конечно, это поэзия. А есть ли и в самом деле такие состояния человека в космосе, когда внутреннее и внешнее могут поменяться местами? Американский космонавт Эдгар Митчелл, ступив на Луну и взглянув оттуда на Землю, вдруг почувствовал грандиозный переворот. Он ощутил, что вся вселенная стала лишь частью его самого. Митчелл назвал это чувство "религиозным". Обретение человеком всего космического пространства, будь это на Земле или на Луне, снова возвращает нас к Евангелию от Фомы. Перед нами великое откровение, смысл которого открывается лишь сегодня. Не случайно и в научном и в религиозном мире все чаще раздаются голоса с просьбой признать этот текст подлинным и включить его в Новый Завет, как пятое Евангелие. Однако, не вторгаясь в тонкую и очень деликатную сферу канонического богословия, можно с уверенностью сказать, что в Евангелии от Фомы человечество соприкасается с великой и страшной тайной космической жизни. То, что земная жизнь человека является лишь частью вечной космической жизни, сегодня вряд ли нужно доказывать. Тайной остается другое. Почему, несмотря на многие откровения и прозрения, эта истина остается и по сей день сокрытой от очень большого числа людей.

Евангелие от Фомы 1600 лет пролежало в земле, сокрытое от взоров разного рода фанатиков и гонителей. Россияне и сегодня могут найти этот текст только в специальной научной литературе. Человечество до сих пор опутано множеством религиозных и атеистических предрассудков, мешающих ясно и прямо смотреть на вещи. Христос был не один. Он пришел в мир со всей древнеегипетской и произросшей от нее древнееврейской

цивилизацией. Его религиозный уклад-и образ мыслей внешне повторяет то, что было во множестве религиозных сект до и после него:

эссены, кумраниты, терапевты, гностики принимали крещение в воде, собирались с двенадцатью избранниками и вкушали вино из чаши. У кумранитов еще до Рождества Христова был некий Учитель, умерщвленный нечестивым жрецом, который предсказывал пришествие Царства Света. Евангелие от Фомы считают гностическим, но кто такие гностики - толком никто не знает. Создается ощущение, что ранние христиане, жившие в Египте в 1-11 веках, становились все более нежелательными лицами для Византии, принявшей христианство намного позже.

Чопорная военно-бюрократическая империя не хотела никаких откровений, кроме тех, которые уже стали государственной идеологией к III веку. Маниакальная бесконечная борьба с недозволенными уклонами настолько окуклила мозги, что любая новость воспринималась как опасная преступная ересь. Каких только обвинений не выдвигалось против гностиков: то они слишком распутны, то они слишком аскетичны. Ясно, что для идеологической расправы годились любые обвинения. На самом же деле государственная власть, присвоившая себе монополию на религию, занималась тем, чем она занималась всегда, - боролась с Христом. Вот и получилось, что подлинные изречения Христа пролежали в земле шестнадцать столетий, а канонизировали лишь то, от чего уже нельзя было отказаться, поскольку четыре евангелия и без них уже все знали и все читали. Евангелие от Фомы предназначалось Учителем лишь для немногих ушей, потому что нельзя было "метать бисер перед свиньями, дабы они не попрали его ногами". Так и получилось. Ходили ногами по великим словам, не подозревая об их существовании.

Историчность Христа, слава Богу, сегодня уже никому не надо доказывать. Он был. Труднее и сложнее обстоит дело с учением, которое Он оставил. Четыре евангелия, вошедшие в канон, написаны не Христом и не Им продиктованы. Евангелие от Фомы, если оно подлинное, продиктовано им самим.

Прочитав его еще в 70-х годах, я получил для себя ответы на многие вопросы, которые возникали при чтении четырех канонических евангелий. При этом ничто не убавилось из прежнего понимания, а, наоборот, стало значимее и глубже. Мистериальная роль Марии, отношения между мужчиной и женщиной как модель отношений между человеком и Богом - все это угадывалось и в известных текстах. Церковь - невеста Христова, Христос - жених. Сам Христос говорит о радости обретения Царствия Небесного, как об ожидании невестой своего жениха. Когда апостолы спрашивают Иисуса, где смогут расселиться по воскресении все умершие, Христос отвечает им: "В доме Отца моего Небесного обителей много". Во времена Возрождения монах Джордано Бруно сожгли на костре именно за эту мысль о множестве заселенных миров в бесконечной Вселенной.

Средневековая Церковь упорно отворачивалась от космоса и не хотела видеть бесконечность даже спустя 70 лет после смерти Коперника. Вот почему Евангелие от Фомы, пронизанное дыханием космоса, стало неудобным уже в IV веке вместе со всеми гностиками Греции и Египта, прямыми наследниками и продолжателями ранних христиан.

Византийские власти и средневековые инквизиторы желали видеть вселенную, построенную из своих ограниченных представлений, а не ту бесконечную область света, которую открыл Христос своим ученикам и последователям.

Сделать верх как низ означало сделать землю как небо, а по небу ступать как по земле.

Сделать внутреннее как внешнее, а внешнее как внутреннее значило увидеть в себе бесконечный космос и узнать себя в бесконечном космосе.

Путь к этому в I веке проходил не через космодромы и обсерватории, а через познание великой мистической тайны мужского и женского. Тайна, к которой русский мыслитель Розанов подошел лишь в XX веке, правда,

слишком материалистично и заземлено.

Любовь, которую открыл Христос, была не аскетической и не чувственной, она была выше мужского и женского, а как бы за пределами пола. "Нет ни мужчины, ни женщины, ни эллина, ни иудея". Эти слова апостола часто цитируют, чтобы показать равенство всех людей перед Богом; но есть в них и другой, более высокий, космический смысл, раскрытый в эпизоде с Марией в Евангелии от Фомы - космическая тайна любви. Совсем недавно пришло сообщение, что в Палестине обнаружено около сорока неизвестных ранее древних свитков I - II веков до Рождества Христова. Если соединить это с сенсационными находками текстов в Наг-Хаммади в 1947 году и кум-ранских текстов вблизи Мертвого моря в 1947 году, перед нами открывается целая цивилизация, погребенная книжная Атлантида. Библия при всей своей значимости начинает смотреться как вершина гигантского айсберга, большая часть которого была сокрыта в глубине времен.

Но даже в этом море открытий, которые еще не раз удивят человечество в XX и в XXI веках, Евангелие от Фомы, вероятно, останется самым драгоценным подарком для человечества, жаждущего понять, что же произошло в Израиле двадцать веков назад и почему рождение и смерть одного человека, казненного в тридцать три года, перевернуло весь мир.

Удивительная устойчивость и живучесть зла на земле, предсказанная, кстати, самим Христом, все же не может уменьшить значимости того, что случилось с человечеством в I веке. Просто с легкой руки Гегеля, а позднее Дарвина мы неправильно выстроили линию эволюции. Совершенствоваться надо не от I века к двадцатому, а от XX века к первому. Там, на Голгофе, в лице Христа эволюция достигла такой вершины, что человек стал Богочеловеком. И хотя никто из нас Богом не станет, мы по крайней мере знаем, какая духовная вершина соразмерна нашему росту.

Когда читаешь Евангелие от Фомы, возникает ощущение, как от космических формул Эйнштейна. "Кто обретет толкование этих слов, тот не вкусит смерти". Хорошо бы, конечно, но даже частичное соприкосновение с великой тайной приносит большую радость.

КАК ИИСУС УЗНАЛ, ЧТО ОН ХРИСТОС

Как получилось, что человек или Богочеловек, на две тысячи лет опередивший ход мировой истории, по сути дела, историкам почти неизвестен? Четыре евангелиста и апостолы рассказывают лишь о проповеди Иисуса Христа, о его рождении, смерти и воскресении. К тому же о Рождестве до нас дошли только поздние предания, которые спустя сто - двести лет истолковывались по-своему.

Или взять хотя бы общеизвестный эпизод, где Христа приводят на суд к прокуратору Пилату. Так вот, в 1961 году найден камень с надписью, в которой упомянут Пилат. Титул - префект Иудеи. С одной стороны, это блистательное подтверждение историчности и достоверности евангельского предания, а с другой - напоминание о том, что евангелисты не были прямыми очевидцами событий. Иначе они не назвали бы префекта прокуратором. Это абсолютно разные титулы. Прокуратор - главный прокурор. Префект - правитель части империи, действующий от лица императора.

*Опоясанный тернием мозг
Колосился зрачками,
Розы зрели в ладонях,
В лозе опустелой
Пел ещё виноградный Христос.*

Имя Иисуса в античной еврейской литературе пишется как Ешу, Ешуа, Иешуа, Иегошуа, и лишь позднее возникло греческое написание Иисус. "Какая разница?" - спросит иной читатель, но для историка звучание и написание имени - фактор немаловажный. Закрепившееся обозначение Иисус свидетельствует о том, что мы знакомимся с учением величайшего религиозного реформатора все же не в еврейском подлиннике, а в поздней греческой интерпретации, сто лет спустя, а значит, здесь многое забыто, утрачено или истолковано в духе своего времени. Представьте себе, что мы пишем историю Наполеона, игнорируя французский язык, спустя сто лет после его смерти. За примером ходить далеко не надо. Лев Толстой всего лишь через несколько десятилетий после 1812 года дает в романе "Война и мир" свой образ Наполеона. Художественные достоинства романа неоспоримы, но для человечества было бы большим несчастьем, если бы наши знания о Бонапарте ограничились трактовкой гениального писателя.

У Толстого, пишущего об императоре, и евангелистов, пишущих о Христе, разные цели. Толстой хочет развенчать Наполеона и устраняет все положительное, доводя до шаржа. Евангелисты стремятся заслуженно возвысить образ своего учителя и потому выносят за скобки все, что, по их представлениям, могло бы нанести ущерб его славе или нарушить стройность учения.

Отсюда разногласия двух родословных Иисуса. Главное - доказать, что Христос происходит из рода царя Давида. Ведь Мессия (Спаситель) должен быть потомком Давида. Родословная сочиняется в соответствии с греческой религиозно-исторической традицией тех времен. Такие же родословные были сочинены для императора Августа, современника Иисуса. Через Ромула и Рема императоры восходили по родству к самому Зевсу. Потому после смерти император нарекался богом, а божественные почести ему воздавались еще при жизни. "Я, кажется, становлюсь богом", - пошутил умирающий император Веспасиан. В глазах евангелистов Христос - Царь Мира и Царь Иудейский. Соответственно ему положена царская родословная и божественные почести при жизни. Иисус въезжает в Иерусалим на осле, под ноги ему расстилаются полотна, жи тели машут пальмовыми ветками и кричат: "Осанна, Царь Иудейский". Более того, на позорной крестообразной виселице по приказу Пилата прибавляется надпись: "Иисус Назарей Царь Иудейский". Исторически все это совершенно невероятно. Историк и современник Иисуса Иосиф Флавий, описавший жизнь Иерусалима с точностью до часа, нигде не упоминает о царском въезде в Иерусалим, хотя он с большим уважением пишет об Иисусе как о великом учителе, праведнике, сотворившем множество чудес и, "по словам его учеников", воскресшем после казни.

Флавий, еврей по происхождению и по вере, не вдается в споры о личности Иисуса. Как историк при дворе римского императора он лишь фиксирует факты и слухи, стремясь к максимальной объективности и достоверности.

Евангелисты пишут не историю, а теологию. Им важно раскрыть божественный, потаенный смысл событий. Здесь предание, легенда, притча важнее любого факта. События даны глазами посвященных. Въезд в Иерусалим на осле, конечно, был, были и расстилаемые полотна, и царские почести, но исходили эти знаки почитания исключительно от горстки учеников и последователей. Ведь, согласно евангелиям, даже осел для царского въезда был подготовлен тайно одним из последователей Иисуса, имя которого не называется. Кстати, автору книги, на мой взгляд, удалось приподнять завесу тайны над плотницким ремеслом земного отца Иисуса. Что Иосиф плотник лишь в том смысле, в каком мasons называли себя строителями и мастерами, я и раньше не сомневался. Марию - храмовую жрицу из рода Давидова не могли выдать замуж за простого изготовителя мебели. Ясно, что Иосиф был из посвященных в тайны Соломонова храма. Статус плотника лишь означал высокую стадию посвящения. Оказывается, во времена Иисуса существовало религиозное предписание:

"Люби ремесло и отвергай учительство", поэтому учителя-книжники часто зарабатывали на жизнь плотницким ремеслом.

Особенно учеными считались в ту пору плотники. Когда возникал спор по поводу сложного вопроса, то говорили: "Нет ли здесь плотника, сына плотника, который смог бы решить нам этот вопрос?" Таким плотником, сыном плотника был, по мнению исследователя, Иисус.

Долгие годы считалось, что учение Иисуса звучало кощунственно для религиозной партии фарисеев, которых он часто критиковал. На самом деле в учении фарисеев было нечто очень близкое к христианству. В отличие от эллинизированных саддукеев они верили в грядущее воскрешение мертвых. Саддукеи называли эту веру детскими сказками.

Многое из того, чему учили религиозные проповедники I века, почти дословно совпадает с заповедями Иисуса. Раби Гиллель учил: "Что тебе неудобно, не делай ближнему: это - весь закон". Не раз отмечалось, что заповедь о любви к ближнему есть не что иное, как цитата из Торы (Пятикнижия):

"Люби ближнего, как самого себя" (Лев, 19, 18). Однако Иисус пошел еще дальше: "А я говорю вам: любите врагов ваших и молитесь за гонящих вас" (Мтф., 5, 44). На такую высоту духа до Христа никто не поднимался. Иисус далеко не сразу пришел к мысли, что именно Он является Спасителем-Мессией и Сыном Бога. Вначале на

прямой вопрос учеников,, кто он, Иисус отвечает вопросом: "А что говорят другие люди?" Даже когда Иоанн Креститель посылает к нему своих учеников с таким же вопросом, Иисус не называет себя Мессией и Сыном Бога. Однако казнь Иоанна все перевернула. Значит, Мессия не Иоанн, а он сам. Но для Иисуса быть Сыном Бога означало готовность принести себя в жертву искупления, как это делали пророки и сам Креститель. В молении о чаше Иисус просит у отца: "Да минует меня чаша сия" - и это говорит о том, чего стоило молодому 33-летнему человеку пойти на распятие, чтобы своей кровью искупить все грехи человечества. Исторические детали есть только исторические детали. Они никогда не изменяют в корне самого главного, что принес Иисус в мир две тысячи лет назад. Правда, он и сам предсказывал, что мир останется неизменен. "Царство мое не от мира сего" и еще: "Царство Божие внутри вас". Это и есть та точка опоры, которая может перевернуть Землю. Не экономика, не политика, не военная сила, а человеческое сердце.

ОТ ХРИСТА ДО ИЕШУА

Хотя бы раз в тысячелетие человечество пытается понять, кто именно положил начало точке отсчета новой эры. Почти все условно в его исторической биографии. Известно имя Иего-шуа (в греческой транскрипции Иисус). Год и дата рождения уместаются в пределах от 7 года до н. э. до традиционно принятого 1 года н. э. Число условно приурочено по древней традиции к двум астрономическим событиям, наиболее близким к его рождению. Это появление на небе новой звезды или кометы и зимнее солнцестояние. Позднее из-за реформ календаря дата рождения раздвоилась. Двадцать пятого декабря у католиков, 7 января у православных. Место рождения тоже условно. В евангелиях названы два города: Назарет и Вифлеем. Богословы объясняют это тем, что мать Иисуса и его названный отец Иосиф были родом из Назарета, но родился Младенец в Вифлееме. Мать Иисуса Мария происходит из древнего рода царя Давида. Из этого же древнего, но к тому времени захудалого рода происходит и названный отец Иисуса, Иосиф.

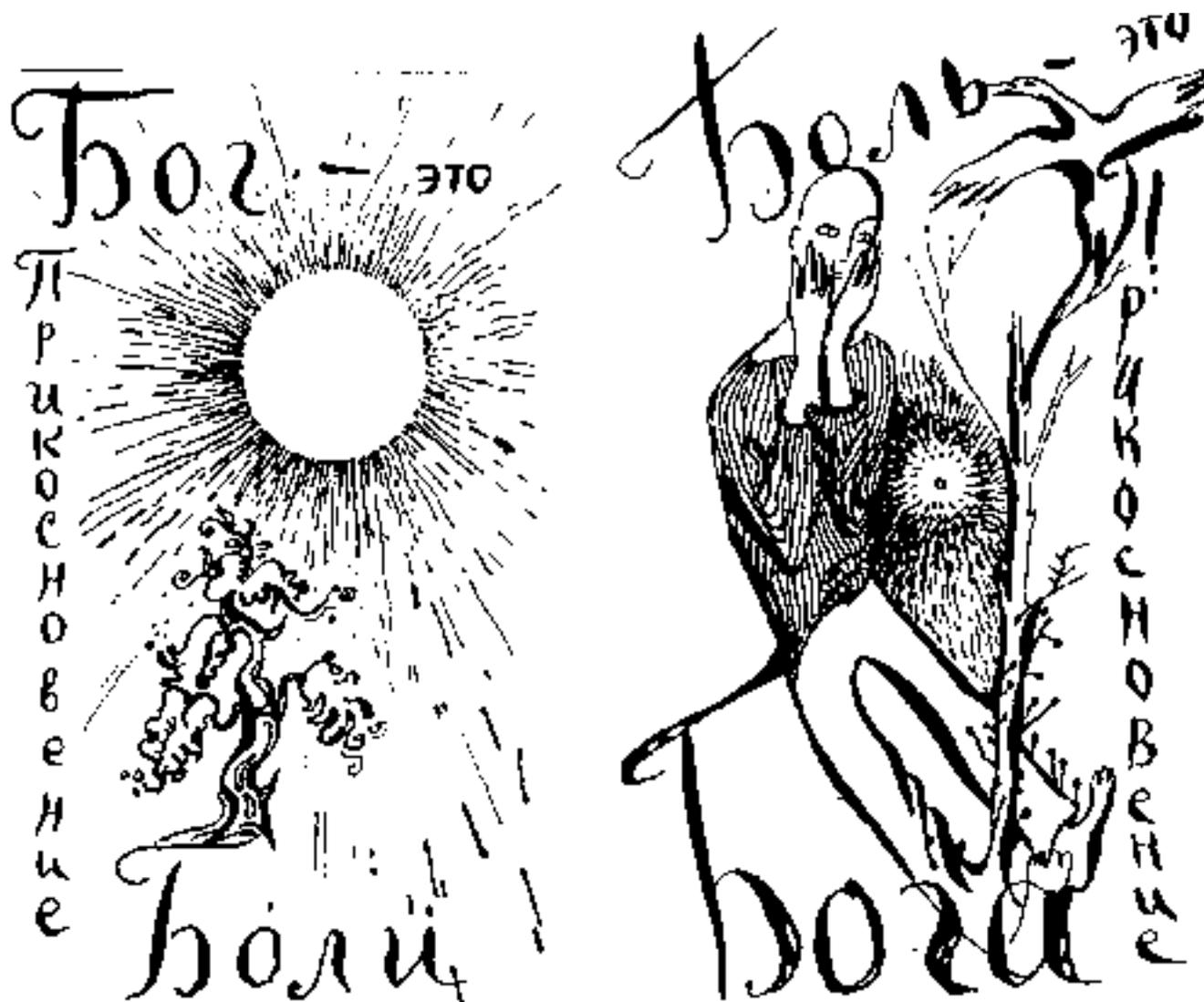
Историки не могут оперировать священным преданием, как историческим фактом. Это не дело науки. Можно лишь отметить, что евангельское повествование о непорочном зачатии очень похоже на Подобное же предание о рождении Будды за 6 веков до Иисуса. Явление, предзнаменования, пророчества, голос во сне и наяву, нисходящий с небес, - все это обычное дело для Древнего Востока и Древней Греции, когда речь идет о рождении великого человека, Бога, полубога, основателя новой религии или героя.

Известно, что во времена рождения Иисуса Иудея, будучи провинциальной колонией Рима, ждала рождения помазанника, спасителя, мессии, который избавит еврейский народ от римского владычества. Мессия (по-гречески Христос) должен был выйти из рода Давидова и стать Царем Иудейским.

О скором пришествии мессии проповедовал дядя Иисуса, Иоанн Креститель. Именно от него Иисус принял крещение в Иордане при большом стечении народа. Евангелия повествуют, что при этом разверзлись небеса, все увидели Святой Дух в виде голубя и услышали голос Бога: "Сей есть Сын мой возлюбленный"

Предполагают, что это произошло, когда Иисусу исполнилось 30 лет.

Первая же проповедь, произнесенная с высокой горы и получившая название Нагорная, поражает воображение. Иисус переворачивает все традиционные представления о благе и смысле человеческой жизни. Он утверждает, что законы Неба, Царствия

Небесного не совпадают с законами земли. Здесь на земле счастливые, блаженные, веселые, богатые, сильные, всеми признанные люди. Для Христа блаженны плачущие, ибо они утешатся, блаженны милостивые, ибо они помилованы будут, блаженны изгнанные правды ради, ибо они сынами Божиими нарекутся, блаженны кроткие, ибо они наследуют землю, блаженны чистые сердцем, ибо они и Бога узрят. "Блаженны вы, когда вас ругают злыми словами из-за меня. Радуйтесь и веселитесь яко мзда ваша многа на небесах".

Обратно пропорциональная зависимость между законами земли и законами неба здесь очевидна. Плачущие утешатся, изгнанные будут усыновлены Богом. Их Иисус называет сынами Божиими. В других случаях он называет себя Сыном Человеческим, который будет передан на распятие. Проще говоря, предан своими и казнен римлянами.

Формально Иисуса казнили не за проповедь, а за присвоение титула "Царя Иудейского". Римский кесарь император Ти-берий занимался не столько Иудеей, сколько усмирением варваров на северных рубежах своей империи. С политической и военной точки зрения происходящее в Иерусалиме или в Иудейской провинции не имело большого значения для Рима.

Но уже спустя полвека произошло чудо. Учение, призывающее, если ударят в правую щеку, подставить левую, если снимут рубашку, отдать и кафтан, стало распространяться по всему Средиземноморью, а через 300 с лишним лет стало государственной религией Римской империи.

Притягательность учения Иисуса объясняли тем, что "человеческая душа - христианка". В жизни невозможно "любить врагов и благословлять ненавидящих", но в душе человек хотел бы уподобиться Богу, "который

посылает свет солнца на праведных и неправедных". И все-таки главным переворотом было не это, а тот момент, когда было сказано: "Царство Божие внутри вас", ибо "что толку человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою потеряет". Вот воистину копер-никовский переворот. Отныне и во времени и в пространстве человек становится больше всей Вселенной, поскольку внутри него Царство Божие и Жизнь Вечная. На такую высоту до Иисуса человека не поднимал никто. Разумеется, речь идет не о каждом человеке, ибо "много званых, но мало избранных". Избранные могут быть богатыми или бедными, больными или здоровыми, рабами или господами - это не имеет значения, хотя "кому много дано, с того много и спросится".

Бесчисленное множество религиозных толкований и предписаний Иисус вместил в одну заповедь: "Люби ближнего, как самого себя. В этом весь закон и пророки". Одним из критериев истинности гипотезы Альберт Эйнштейн считает ее красоту. Красота главной заповеди Иисуса ослепительна. Не говоря уже о его определениях- Бога: Бог есть Дух, Бог есть Любовь, Бог есть Свет.

На прямой вопрос, кем он является: Мессией-Спасителем, сыном Бога, пророком, воскресшим Моисеем или Или-ей, Иисус не дал ученикам прямого ответа. "Смотрите сами:

хромые выпрямляются, слепые прозревают", - ответил он. Ясно, что для самого Иисуса не этот вопрос был главным. Он стремился, прежде всего, исполнить свою Божественную миссию, не зарыть талант в землю, а приумножить и "пустить в рост", как говорится в одной его притче. Василий Иванович Качалов, лежа в больнице, перечитывал Евангелие, что было в те атеистические годы небезопасно.

"В сущности говорят какое варварство. Ну, жил молодой человек, ну, что-то там проповедовал. Где-нибудь в просвещенном Риме или Греции никто бы и не заметил, а тут, какое зверство, прибили к кресту гвоздями", - сказал он Мариенгофу. Великий актер был не совсем прав. Зверство и варварство осуществили все-таки "просвещенные римляне". У иудеев на это не было права. Они могли только предать человека в руки властей. Что и отражено во всех евангелиях вполне достоверно. Вкралась только одна несущественная ошибка. Пилат не был прокуратором (прокурором), он являлся понтификом (губернатором), но это всего лишь мелочь, за которую непременно бы ухватился Берлиоз, который "не композитор". Говорить, что Иисуса распяли иудеи, глупо. Иудеями были все апостолы, все первые христиане, мать и названный отец Иисуса. Тринадцатого января Православная Церковь празднует Обрезание Господне, что не мешает некоторым священнослужителям быть антисемитами явно или в душе.

Сегодня все крупные нехристианские религии относятся к Иисусу как к великому пророку. Иисуса чтят иудаисты, мусульмане, буддисты, синтоисты, конфуцианцы. Для христиан он прежде всего Христос (помазанник), Сын Божий, Богочеловек, Спаситель.

Свобода совести в России привела в последние годы к неожиданным результатам. На смену воинствующим атеистам и хри-стоборцам 20-х годов пришли вполне религиозные сатанисты, открыто или тайно исповедующие зло и насилие. Фактически они давно сомкнулись с фундаменталистами. Которые исповедуют то же самое, кощунственно прикрываясь ликом Христа. Антихрист и должен рядиться в хитон, выдавая себя за Христа. С Христом сравнивал себя даже Гитлер.

"О Иисус, научи меня, как тебя любить", - поется в рок-опере "Иисус Христос - суперстар". Это самая искренняя молитва второй половины нашего уходящего века. Ни у кого нет ответа на этот вопрос Магдалины. Ясно одно, ближе всего ХХ веку оказался интеллигентный кроткий и мудрый булгаковский Иешуа.

Христос стал точкой отсчета для двух тысячелетий европейской цивилизации. Он останется таковым и в третьем тысячелетии.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

КАК НАЧИНАЛАСЬ НОВАЯ ЭРА

Если бы жителям Древнего Рима и Древней Иудеи, входящих в состав Древнеримской империи, сказали, что они живут в начале новой эры, они с этим конечно бы согласились:

"Да, - сказали бы римляне, - ведь мы живем в правление великого Августа Октавиана, положившего начало новому летоисчислению и благоденствию Рима, его именем назван месяц август". Жители Иерусалима сказали бы, что не сегодня-завтра наступит конец света и придет Спаситель-Мессия, который освободит Иудею от власти Рима и восстановит на земле справедливость.

Август позволял критику в свой адрес и преследовал своих политических противников не за слова, а за дела. Любые волнения жестоко подавлялись во всех колониях, но бесцельной свирепости, свойственной позднее Нерону, Август не проявлял. Правда, ему приходилось решать очень сложную проблему вольноотпущенников. Рабы с годами становились накладным грузом, и хозяева все чаще предпочитали отпускать их на волю целыми семьями. Наиболее сметливые рабовладельцы давно заметили, что раб, отпущенный на волю, может добиться в жизни высокого положения, разбогатеть, а затем купить себе свободу за хорошие деньги. Август даже издал эдикт, запрещающий отпускать на волю более ста рабов в год. Тем не менее его правой рукой и своего рода министром двора был тоже вольноотпущенник.

Еретическая мысль, что рабы такие же люди, как их господа, еще никому не приходила в голову. Но уже и сам император стал проявлять милосердие. Когда в гостях у могущественного магната раб нечаянно опрокинул чашу, император взял вину на себя и раба не скормили свирепым рыбам, плавающим в бассейне. Правда, эта легенда вызывает сомнения у историков. Сказано, что рыбы были муренами, а мурены людей не едят, хотя кто их знает.

В дальней колонии Рима, именуемой Сирия, было карликовое царство: Иудея. В малюсенькой Иудее был захудалый городок Назарет, про который ходила поговорка, вошедшая даже в тексты Евангелия: "Из Назарета может ли быть что-нибудь доброе". Тем не менее и в Назарете жили люди, ведущие родство от легендарного царя Давида. За тысячу лет до этих времен Давид стал вторым по счету царем древнего Израиля. Он принял царство от выходца из пастухов, выбранного жрецами царя Саула. Саул любил слушать, как Давид играет на гуслях и воспеваает Бога, но воинские успехи юного Давида насторожили Саула и он на всякий случай изгнал его из дворца в пустыню. Однажды во время охоты Саул задремал в пещере. Давид увидел спящего царя, подошел к нему и срезал прядь его волос. Когда придворные посоветовали Са-улу убить Давида, как опасного претендента на трон, тот показал Саулу отрезанную прядь, и царь заплакал. Давид мог его убить во сне, но пощадил, а стало быть, от него не следует ждать заговора или переворота. Позднее Саул обезумел, бегал на четвереньках и ел траву, а на трон израильтяне возвели Давида, победившего в поединке гигантского филистимлянина Голиафа. Давид стал легендой Израиля и тысячи лет спустя, когда Иудея стала римской колонией, евреи ждали, что из Назареев, потомков Давида, родится Мессия, Спаситель. Он, согласно пророчествам, сядет на трон и вернёт Израилю самостоятельность.

Людей, считающих себя мессиями, было много, но наибольшее восхищение и любовь вызвал выходец из секты ессеев Иоанн Креститель, дядя Иисуса из Назарета. Иоанн жил в пустыне, ходил в одежде из грубой верблюжьей шерсти, питался диким медом и загадочными акридами. Некоторые думают, что акриды - это сушеная саранча.

Двадцать четвертого июля 7 года до официально принятой даты Рождества Христова, или рождения Иегошуа, по-гречески Иисуса, в небе Израиля зажглась новая яркая звезда. Волхвы-астрологи знали, что это соединение Юпитера (отца) с Сатурном (сыном). Смысл такого соединения был ясен. Бог (отец) воплотится в Человека (сына). Сыном будет потомок Давида, родившийся в том месте, над которым остановится новая звезда. Так называемая остановка планеты - это момент, когда он делает внезапный "ход конем" или петлю. Дело в том, что в результате оптической иллюзии планеты, в отличие от как бы неподвижных звезд, петляют по небу, делают внезапный зигзаг, перед этим как бы замирая на мертвой точке.

Найти будущего Мессию было не трудно. Волхвы-астрологи сначала шли вслед за звездой, а "потом остановились там, где она остановилась". Этим местом оказался еще меньший, чем Назарет, городок под названием Вифлеем Иудейский. Оставалось определить, в какой семье в этот момент родился Богомладенец из семьи назареев. Таким младенцем оказался Иегошуа, потомок царя Давида, племянник Иоанна Крестителя. Его мать, храмовая жрица Мария, была обручена жрецом Иосифом, именуемым плотник. Дело в том, что плотниками в Иудее именовали толкователей закона жрецов, которые не брали денег за свою проповедь, а кормились столярным ремеслом. Существовала иудейская поговорка: "Где найти нам плотника, сына плотника, который растолкует это пророчество". Иисус и стал впоследствии таким сыном плотника. Уже в 11 лет родители нашли его в синагоге за толкованием священных текстов.

Вифлеем настолько малюсенькое селение, что не представляло труда узнать, в каком именно доме родился младенец. Тем более, что Иосиф и Мария пришли из города Назарета. Роды застали семью в пути, поэтому Иисус родился в маленьком сарайчике, в яслях, где рядом обитали домашние животные: вол, осленок и ягнята. Обычное дело для простого быта Вифлеема Иудейского.

Три волхва несколько не смутились, увидев младенца Мессию среди животных в хлеву, и принесли ему царские дары: золото, ладан и смирну (масло для помазания царя). Эти дары были отнюдь не безопасны для жизни Богомладенца. Царь Ирод, правящий в Иудее, вовсе не желал, чтобы рождался еще какой-то Царь Иудейский. Был даже отдан жестокий приказ избить всех младенцев от новорожденных до двух лет. Приказ был исполнен, но Мария с Иосифом, зная о замыслах Ирода, бежали в Египет. Откуда вернулись лишь после

смерти лютого правителя.

Уже в 11 лет Иисус проповедует и толкует Писание в синагоге, а в 30 лет, подражая своему дяде Иоанну Крестителю, он постится в пустыне 40 суток. Во время столь жестокого поста он увидел дьявола, который поднимал его на высокую гору и предлагал все царства мира в обмен на признание сатанинской власти, но Иисус ответил словами своего великого предка царя Давида: "Царство мое не от мира сего". Предложил дьявол Иисусу прыгнуть вниз, ибо сказано у того же Давида: "Ангелам своим заповедаю подхватить тебя крыльями и не преткнешься о камень ногою своею". Иисус ответил соблазнителью, что у Давида есть и такие слова: "Не искушай Господа твоего". Отвергнут был и третий соблазн - превратить камни в хлеба, ибо "не хлебом единым жив человек, но словом, исходящим из уст Божьих". После этого Иисус вышел из пустыни и при стечении народа произнес свою первую Нагорную проповедь, с которой, можно сказать, и началась новая эра. Люди были буквально потрясены призывом:

"Любите врагов ваших и благословляйте ненавидящих вас". Древнеиудейский закон предписывал "любить ближнего" и не делать другому то, чего не хочешь себе. Но любить врагов, подставлять левую щеку, если ударят в правую, к этому античный разум был не готов.

Через три года проповеди, в 33 года, Иисус был казнен позорной казнью, прибит гвоздями к крестообразной виселице. С точки зрения Рима он нарушил закон, поскольку назывался Царем Иудейским. Эта вина была начертана на табличке над его головой, где было написано: "Иисус Назарей Царь Иудей".

Иисус умер на кресте со словами предка царя Давида:

"Элои! Элои! Лама савахони" (Боже мой! Боже мой! Зачем ты меня оставил). При этом римские воины не поняли, что значит Элои или Элогим, то есть Бог. Они сказали: "Это он Илию Пророка зовет".

Из историков Рима только императорский историк, иудей по вере и по происхождению, Иосиф Флавий в одном абзаце записал, что Иисус был великим праведником и проповедником, он сотворил множество чудес и исцелений, был казнен и, "как утверждают его ученики, воскрес". Христос родился при императоре Августе и был казнен при императоре Тиверии, но вряд ли Тиверий имел отношение к этой казни. Здесь большую роль сыграли межрелигиозные распри между двумя религиозными партиями Иудеи саддукеями и фарисеями. Фарисеи, которых Иисус часто критикует, были в оппозиции и верили в грядущее воскресение мертвых. Саддукеи, находившиеся у власти, называли веру в воскресение "детскими сказками". Именно совет жрецов саддукеев решил, что Иисус достоин смерти, но, не имея власти казнить, передал Иисуса в руки римского правосудия. Однако для Рима религиозные воззрения не играли в то время особой роли. Другое дело обвинение в том, что Иисус называл себя Царем Иудейским. "Нет у нас царя кроме римского Цезаря", - заявили саддукеи.

Историки Рима и Иудеи ничего не говорят о воскресении и вознесении Иисуса. Однако среди ранних христиан идут бурные дебаты на эту тему. Так, в одном из апостольских посланий говорится: "Если Христос не воскрес, то и вера наша тщетна". Это значит, что далеко не все последователи нового учения верили, что Христос воскрес. Здесь еще отчетливо слышны религиозные споры саддукеев, не верящих в воскресение, с фарисеями, которые твердо верили в приход Мессии и грядущее воскресение мертвых. В течение века христианство стало стремительно распространяться в Римской империи, несмотря на лютые гонения со стороны Нерона, Диоклетиана и других императоров. Через три века при императоре Константине христианство было признано государственной религией Рима. Император Юлиан, получивший кличку Отступник, попытался вернуться к древнеримским богам, но тщетно. Он умер со словами: "Ты победил, Галилеянин". Многонациональная Римская империя, где огромная часть населения была в рабстве, с радостью приняла слова апостола Павла: "Для Бога несть грека и иудея, ни свободного, ни раба, но все и во всем Христос".

Мир, основанный на рабстве, грубой силе и праве только для избранных, рухнул. И вот уже два тысячелетия

человечество с переменным успехом пытается построить христианскую цивилизацию, основанную на любви и равноправии всех людей.

МНИМОЕ ВРЕМЯ ИЛИ ЗРИМЫЙ РАЙ

"И увидел я новое небо и новую землю", - воскликнул любимый ученик Христа св. Иоанн Богослов. Свое небесное видение св. Иоанн назвал Новым Иерусалимом и дал такое описание небесного города. Стены и башни сияют радужным спектром всех известных ему драгоценных камней. Посреди города течет река и всякий, кто из нее пьет, после этого не знает жажды. Здесь же растет дерево с плодами. Всякий вкусивший этих плодов уже никогда не испытывает голода.

Епископ Василий Родзянко считал, что это есть не что иное, как описание вечной вселенной или рая, из которого мы были изгнаны в первый момент Большого взрыва, с которого начинается сотворение нашего мира. Родзянко утверждает, что момент взрыва и последующее возникновение вселенной есть не что иное, как отпадение от Бога. Как же произойдет восстановление погибшего человека? В Апокалипсисе сказано: "И голос был, что времени больше не будет". Значит, физическое время перестанет существовать, исчезнет и пространство, в коем мы все пребываем. Стоп, но ведь это время и это пространство имеет свое начало. Оно не вечно и возникло 20 или 10 миллиардов световых лет назад, когда возникла или взорвалась из сгу-сточка света наша вселенная.

А что же было до этого? Раньше космологи и физики утверждали, что сам вопрос некорректен. "До" и "после" бывает только во времени, поэтому бесполезно спрашивать, что было "до" начала времен. И тем не менее космологи спрашивают. Стивен Хокинг осмелился глянуть за горизонт событий и пришел к неожиданному выводу. "До" времен было так называемое мнимое время и такое же мнимое пространство. Мнимости на привычном графике, знакомом каждому по школе, обозначаются знаком минус: -1, -2, -3 и т. д. Так вот оказалось, что там, до первовзрыва, мнимое время и мнимое пространство ничем друг от друга не отличаются. Это означает, что как в пространстве можно двигаться сначала, скажем, на север, а потом в противоположном направлении на юг, так и в мнимом времени можно двигаться из будущего в прошлое. Мнимое пространство-время конечно, но безгранично. Возьмем, к примеру, поверхность глобуса. Она конечна и вполне обозрима со стороны, однако на самой поверхности глобуса можно двигаться вечно и безгранично. За каждым горизонтом новый горизонт и так далее до бесконечности. Такая вселенная никогда не была сотворена и никогда не исчезнет. Она действительно вечна.

И увидел я новое небо

И новую землю,

Ибо прежнее небо

И прежняя земля

Уже миновали.

Апокалипсис

Прежняя земля и прежнее небо - это наша с вами вселенная, возникшая примерно 20 миллиардов световых лет назад. Рано или поздно эта вселенная исчезнет, но никогда не исчезнет небесный Иерусалим, обозначенный космологом Хокингом как "мнимое время".

Се скиния Бога с человеком,

И он будет обитать с ними.

И отрет Бог всякую слезу с очей их,

*И смерти не будет ужо,
Ибо прежде прошло.*

Апокалипсис

Эта вечная жизнь видится нам, с одной стороны, как будущее, а с другой - как финал нашего времени и конец нашего мира. Однако и Апокалипсис, и космология Стивена Хо-кинга дают иную картину. Это не начало и не конец времен. Это финал и начало одновременно.

И сказал мне сидящий на престоле:

Се творю все новое.

Я есть Альфа и Омега,

Начало и конец.

Но в мнимом времени именно так и обстоит дело. Начало совпадает с финалом, а прошлое встречается с будущим, как будущее с прошлым.

Теперь от космологии с богословием обратимся к нашей, человеческой жизни. Она тоже имеет свое начало от момента зачатия. У вселенной приблизительно 20 миллиардов световых лет, у человека приблизительно 70 обычных лет, однако и вселенная погибнет, и человек умрет. При всей несоизмеримости масштабов следует признать, что у возникшей вселенной.

Так лорд Байрон, покинув Грецию, Плыл в Элладу, как древний грек. Человек человеку - ангел, Ангел ангелу - человек.

рожденного человека участь одна. Рано или поздно они минуют порог нашего времени и пространства, чтобы перейти в мнимое время или в жизнь вечную.

И меня потрясает удивительное сходство описания того, что происходит в сжимающейся, умирающей вселенной, с тем, что испытал Иван Ильич Льва Толстого в момент умирания. Сужение пространства, туннельный эффект, тьма, переходящая в свет, то, что уже неоднократно описал Р. Моуди в книгах "Жизнь после жизни" и "Жизнь после смерти".

Обратим внимание еще на одну интересную деталь. Психологическое время человека очень похоже на мнимое время Стивена Хокинга. Все эти чудеса с перемещением из будущего в прошлое очень хорошо знакомы каждому из нас. Что это, как не воспоминание. И чем ближе человек к горизонту жизни, тем этих воспоминаний больше. Иногда в минуту опасности перед человеком в одно мгновение прокручивается вся жизнь от последнего выдоха до первого вдоха. Не означает ли это, что мнимое время Хокинга каким-то непостижимым образом находится не только в дальних вселенских далях, но и в нас самих. "Царствие Божие внутри вас есть".

Задолго до Стивена Хокинга еще в 20-х годах к сходным идеям пришел Павел Флоренский. Его книга "Мнимости в геометрии" исходит из того же самого постулата. За барьером скорости света начинается другая вселенная, отраженная в мнимых числах. Правда, Флоренский говорил не столько о мнимом времени, сколько о мнимом пространстве. Но, как мы теперь знаем, за порогом мнимости нет разницы между временем и пространством. Пожалуй, только полностью парализованный и лишенный возможности говорить Стивен Хокинг разобрался в этой проблеме до конца в своем основном труде "Краткая история времени". Он изъясняется при помощи компьютера, синтезирующего голос, надавливая на клавишу единственным действующим пальцем. Хокинг приезжал в Советский Союз в своем кресле-каталке, вел оживленные дискуссии с нашими космологами и в особенности с Линде, автором теории вечной вселенной. Именно модель Линде помогла Хокингу прийти к столь неожиданным выводам. Дав статус реальности мнимым числам, Хокинг повторил подвиг Орфея, который совершил путешествие на тот свет за влюбленной Эв-ридикой. Тот свет именовался ранее сингулярность. Там все величины приобретали бесконечные значения и, стало быть, отпадала дальнейшая возможность что-то исследовать. Хокинг открыл, что там есть о чем говорить. Возможно, он краем уха узнал от Линде о работах Павла Флоренского но, скорее всего эти работы оказали воздействие на самого Линде. Я очень жалею, что на встрече в Институте Гнесиных не спросил об этом у Линде. Дело было в 1986 году, и я не знал еще, что вскоре Линде покинет Россию. Его теория вечной безграничной, но конечной вселенной показалась мне уже тогда чрезвычайно убедительной и восходящей к "Мнимостям в геометрии" Флоренского. Флоренский, погибший в тридцать седьмом году, и Линде, слава Богу живой и здравствующий, помогли Хокингу прийти к столь неожиданным выводам о мнимом времени. Первый, кто оценил и понял мистический смысл Хокинга, был епископ Василий Родзянко. Его книга "Теория распада вселенной и вера отцов", изданная в России в 1995 году, дает православное христианское истолкование космологии Стивена Хокинга. Родзянко справедливо считает, что мнимое время - это и есть единая скиния, где человек в вечности пребывает с Господом. Он приводит такие слова св. Григория Богослова, подтверждающие эту гипотезу.

"Из миров один сотворен прежде. Это - иное небо, обитель богоносцев, созерцаемая единым умом, пресветлая; в нее вступит впоследствии человек Божий, когда, очистив ум и плоть, совершится богом. А другой - тленный мир создан для смертных, когда надлежало устроиться в лепоте светил".

За пределами Большого взрыва (Биг бэнга) епископ Василий Родзянко с помощью космолога Хокинга прозревает истинный рай. "На периферии расширяющейся вселенной пылкий научный поиск застаёт обстоятельства, сопутствующие первым мгновениям, последовавшим после взрыва. И к удивлению ученых, обстановка здесь оказывается куда спокойней, нежели повсюду в расширяющейся вселенной. В непосредственной близости от взрыва наблюдается удивительная тишина и гармония. Там же, где вселенная

сгущается после взрыва, появляются материальные массы, будущие солнца, звезды и планеты, - процесс, противоположный гармоническому. Хаос прослеживается и на квантовом уровне".

Справедливости ради следует заметить, что, не будь этого хаоса, не было бы и нас с вами, восхищающимися той изначальной тишиной и гармонией, которая предшествовала взрыву. Вряд ли сотворение нашего мира следует считать только отпадением, грехопадением и распадом, хотя элементы этого ярко выражены и присутствуют повсеместно. И все же описание утраченного рая, где господствует мнимое время, поражает своей красотой. Здесь епископ Василий цитирует Плотина, великого неоплатоника. "Все там есть небо; и земля тоже небо. Потому что свет везде встречается со светом: там каждая вещь содержит в себе все и видит все в другой. И зрение, которым видят там, не может утомляться, и восприятие не может быть полным, поэтому интуиция никогда не приходит к концу. И жизнь там есть мудрость".

Но, если там было так прекрасно, откуда возникла причина грехопадения. Боюсь, что сама концепция греха и грехопадения должна претерпеть серьезные изменения или по крайней мере пополниться новизной. Ведь взорваться изначальная вселенная могла отнюдь не от ущерба, а от полноты блага, из желания распространить рай в самые отдаленные области условного "ада". Если свет заполняет собою тьму, это вовсе не значит, что он туда пал. "И свет во тьме светит, и тьма его не объест".

Теперь о термине "мнимость". Хокинг справедливо отмечает, что с таким же успехом мнимой со знаком минус можно обозначить нашу вселенную, возникшую вместе с нами в результате Биг бэнга. То, что мы обозначили мнимым временем, может обладать подлинной реальностью, поскольку мнимое время-пространство вечно, а наше имеет свое начало и рано или поздно растворится во мнимости.

Здесь мы подходим к самому интересному моменту в гипотезе Хокинга. Как взаимодействуют между собой и взаимодействуют ли мнимое время-пространство тл наша вселенная. Перефразирую еще проще.

Вмешивается ли Бог в ход событий в нашей вселенной, после того как были заданы изначальные величины, для того чтобы произошел Биг бэнг, наша вселенная и мы в ней. По теории Хокинга, нет никаких физических причин вмешиваться Творцу в дальнейший ход событий. Двадцать миллиардов световых лет наш мир пребывает в богооставленном состоянии и, видимо, в этом причина всех наших бед. Эта богооставленность никогда не может быть полной, поскольку вся вселенная и мы реальны лишь постольку, поскольку являемся отсветом изначального света. А Бог есть не только Дух, но и свет. Постоянство физической скорости света в нашей вселенной говорит о неизменности Божьего замысла и нерушимости его косвенного присутствия в нас и с нами. Все физические константы нашей вселенной таковы, чтобы мы обязательно были и задавали те вопросы, которые задаем. Воля Божия ни в чем так ярко не выражена, как в законах физики и космологии. Если наша вселенная устроена таким образом для того, чтобы в ней были мы, значит, мы зачем-то нужны Творцу. И наоборот, "если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно". Кому? Прежде всего нам с вами. Без этих звезд нас бы просто не было. Для чего вселенная столь велика? Для того, чтобы в ней было, что познавать. Она велика, но вполне соразмерна человеку, его духовному миру. Человек может быть и больше вселенной, и меньше ее, но она есть мера и эталон души. А для вселенной эталоном является человек - венец творения. Она должна под него подделываться, иначе никто ее, вселенную, не увидит и не услышит. Проще говоря, ее просто не будет.

Итак, есть две вселенных: вечная, из которой все возникло, и временная, в которой мы временно пребываем. Вечная при всей своей отдаленности очень нам близка и похожа на нашу душу. В ней объективная реальность очень напоминает наш субъективный внутренний мир. Временная вроде бы намного ближе, мы в ней родились и в ней умрем, но она во всем нам противоречит. "Царство мое не от мира сего", - сказал Христос, и мы это можем повторить, ничуть не лукавя. Получается, что мы несем в себе две вселенных. Мнимую вечную и временную реальную. О двоемирии человека задумывался еще Шекспир. "Быть или не быть" - это две вселенных, мнимая и реальная, и обе в душе у Гамлета. Вот и выяснилась роль человека на стыке этого двоемирия. Он связует собой разрозненные миры, тот и этот свет. Не было бы человека и был бы действительный распад вселенной на жизнь и смерть. Вечность ничего не знала бы о смерти и, стало быть, не понимала своей вечной сути, а смерти бы и нашего мироздания просто не было. Не было бы вечности, не было бы жизни и смерти.

Не случайно корень слова "астр" содержит в себе корень "стр" - страдание, чтобы были звезды, нужно страдание. Мы подходим здесь к самой сердцевине христианской цивилизации. Не случайно и система координат Ньютона, и график Минковского образуют крест. Крест распятия. В нашем мире четыре измерения пространства-времени. И это тоже четырехконечный крест.

Сам Стивен Хокинг, открывший реальность мнимого времени яркий пример осмысленного страдания. Его книга написана из глубины таких мук, какие и не снились большинству живущих. Болезнь отняла у него не только подвижность, но даже голос, но он продолжает жить и творить. Здесь только выбор Стивена играет

роль. Он мог бы замкнуться в боли и в печали, а вместо этого колесит по свету в каталке и продолжает пробиваться к тайнам мнимой вселенной. Хокинг нарушил все научные табу, шагнул за грань неведомого и обрел самый бесценный дар исследователя - истину.

Однако для епископа Василия Родзянко открытие Хокинга стало не просто научным открытием, а убедительным подтверждением его веры.

Сам Хокинг пишет, что модель вселенной существует только в голове человека, и остается тайной, почему вселенная устроена таким образом, ч-уэ именно такая модель возникла в голове Стивена. И уж совсем непонятно, зачем вселенной понадобился паралич великого ученого.

На вопрос "зачем?" ответа нет ни у религии, ни у науки, но у науки есть ответ на вопрос "почему?".

Современная космология нашла ответ. Он называется "ан-тропный принцип". Вселенная устроена так, и не иначе, потому что только в такой вселенной возможен человек. А человек таков, как он есть со всеми своими радостями и бедами, потому что только такой человек может видеть и понимать устройство вселенной.

Тут самое время продолжить мысль Стивена, довести ее до логической завершенности. Становится ясно, что человек и вселенная - это единосущное создание. У них два тела (вселенское и человеческое), но только одна человеческая душа. Наше вселенское тело живет уже примерно двадцать миллиардов световых лет, а тело человеческое, у каждого свое, проживет значительно меньше, примерно семьдесят лет обычных, но это в масштабах нашего вселенского времени. В масштабах времени мнимого мы живем вечно и вечно творится наше роскошное мироздание.

Наша душа и наш внутренний мир каким-то непостижимым образом полностью слиты с вечной жизнью мнимого мира. Об этом не знают пока космологи и физики, но психологи, богословы и поэты кое о чем догадываются. Религия и поэзия следствие этой догадки.

ДВИЖЕТСЯ ЛИ ВРЕМЯ В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ?

А почему бы и нет? С точки зрения физики нет никаких запретов. Другое дело, что на практике время всегда движется только в одном направлении, из прошлого в будущее. Иначе обстоит дело в мнимом времени снов и искусства. До сих пор есть люди, которые не понимают фильмов, где герой сначала умирает, а потом рождается. Но большинство зрителей не испытывают никаких психологических затруднений, понимая, что это сценические условности. Проще говоря, нам знакома такая модель вселенной, где время может менять свое направление. А что такое воспоминание? Мысленное движение из настоящего в прошлое. Снова и снова мы сталкиваемся с удивительным фактом. Душевный мир человека очень похож на модель вселенной до первовзрыва. Там господствует мнимое время, неотличимое от пространства, вдоль которого можно, как в пространстве, перемещаться из будущего в настоящее, из настоящего в прошлое.

Вся беда в том, что во вселенной с мнимым временем человек жить не может. Ему нужна именно такая вселенная, в которой он сегодня находится. А здесь время необратимо.

Антропный принцип мироздания гласит, что наша вселенная такова, как она есть, потому что только в такой вселенной возможен человек, задающий вопрос об ее устройстве. Однако память о правселенной заложена в человека, и более того, без этой памяти человек немислим. Даже сама мысль невозможна без воспоминания, а воспоминание - движение поперек стрелы времени.

Напрашивается вывод - наша мысль, наши чувства, наша душа и жизнь духа подчиняются законам вечности и живут не столько здесь, сколько в правселенной, которая существовала, существует и будет существовать всегда.

Многие считают, что трудно понять вечность. На самом деле, наоборот, вечность для нас дом родной, а вот смерть не укладывается в сознание. Ее в равной мере отвергают и разум и чувства человека, нет ни малейшего сомнения, что смерть реально существует в нашей вселенной, возникшей приблизительно двадцать миллиардов световых лет назад, но в правселенной, состоящей из сгусточка света, из которого мы все возникли, смерти нет. Есть только вечность. Внешне правселенная ничтожно мала но в ней потенциально содержалось все наше мироздание вместе с нами, нашими предками и потомками.

Когда апостолы спрашивали Иисуса о Царствии Небесном, он ответил, что это царство величиной с горчичное зерно (имеется в виду мельчайшая пылинка размолотой горчицы). Это правселенная, которая была до первовзрыва, есть сейчас и будет всегда. Взорвавшись, она существует в нашей расширяющейся вселенной, наподобие дрожжей в тесте. Их не видно но именно они дают движение и превращают тесто в хлеб наш насущный. Вот почему Иисус сравнивает Царствие Небесное с дрожжами и оставляет нам единственную молитву "Отче наш", космический смысл которой открывается по-настоящему только сегодня.

Уже первая строка обращает взор к нашей небесной прародине, правселенной, из которой мы все возникли:
Отец наш суций на небесах.

(Отче наш иже еси на небеси.)

Вторая строка напоминает о том, что отец небесный, отцовская правселенная состояла из сгустка света и этот свет им сегодня сияет на небе всеми созвездиями.

Да святится имя твое.

Тут и намек на то, что имя Божие закодировано в свете. Кстати, все крупнейшие космологические открытия XX века связаны с размышлениями о природе света. Просто физического света не существует. Свет всегда *Божественен*. "Бог есть свет".

Да придет царствие твое.

Первовзрыв правселенной нельзя рассматривать как отпад от Бога и изгнание из рая. Ведь это одновременно сотворение Богом нашего мира с постоянным приходом к нам света и жизни. Вся реальность вокруг, вся живая и неорганическая материя, все живое и внешне неживое возникло из света, всегда "приходящего" с постоянной скоростью от момента первовзрыва и во веки веков.

Да будет воля Твоя

Яко на небеси и на земли.

Тут открывается человечеству важнейшая тайна Творца. Мир сотворен таким образом, что рано или поздно законы правселенского отечества, рая, восторжествуют и в нашей сотворенной вселенной. Воля Божия будет "яко на небеси и на земли". Об этой тайне пока не знают физики и космологи, но знают богословы. Рано или поздно законы мнимого времени, или, еще точнее, законы нашего духовного мира восторжествуют и в нашей сотворенной вселенной. Обратите внимание на слово "сотворенная". Творец создает ее не один, а с кем-то, и этот кто-то есть человек. Пока законы духовного мира господствуют только в духовном мире, но постепенно человек одухотворяет мир. Его голос, его мысли и образы уже заполнили мир бездушных радиоволн.

Кварцевые дискеты становятся в компьютерах вместительней бесценной информации. А законы хранения и передачи информации все больше приближают нас к жизни изначального света. Физический барьер скорости света оказался преодолимым на квантовом уровне. Недавно немецкие ученые использовали квантовый эффект для передачи музыкального сигнала. Музыка Моцарта была передана со скоростью, в 10 раз превышающей световую. А при скорости больше световой время меняет направленность и движется из настоящего в прошлое. Значит ли это, что мы уже путешествуем по времени в обратную сторону? Законы Эйнштейна конечно же нерушимы. Речь идет о каком-то обходном пути природы, который был неизвестен создателю теории относительности. Теоретическая возможность нефизических перемещений из настоящего в

прошлое вытекает как раз из теории Эйнштейна. Скорей всего, со световой скоростью обмениваются информацией клетки мозга. Скорость мысли больше скорости света.

Эксперимент немецких ученых по передаче музыкального сигнала со сверхсветовой скоростью где-то на грани между физическим и духовным.

Информация - это язык, а законы языка лишь отчасти соприкасаются с физикой.

Скорость переработки информации с появлением человека растет в геометрической прогрессии. Время уплотняется. Двести тысяч лет на земле жил неандерталец. Современный человек существует всего 50 тысяч лет, из них на первобытную жизнь ушло 45 тысяч лет. Наша цивилизация существует не дольше пяти тысяч лет. Из них 4 тысячи лет господствовал рабовладельческий строй. Феодализм длился не более семисот лет. Капитализм 200 лет. Чувствуете, как уплотняется время. Подсчитано, что при таком сжатии время сожмется в точку уже к 2007 году. Что это? Конец света? Ничего подобного, дальше скорость переработки информации достигнет сверхсветовых параметров, и этот взрыв мысли сделает человечество совершенно другим.

Мы научимся путешествовать в прошлое из настоящего на уровне мысли. Это подарит нам приблизительно двадцать миллиардов световых лет жизни нашего мироздания. Это будет обретение духовного бессмертия, хотя срок средней продолжительности человеческой жизни останется в пределах семидесяти лет, как и сказано в Библии.

Двадцать миллиардов световых лет - это бесконечность, которая принадлежит нам по праву.

Отдельные личности давно уже обогнали человечество и получили всю сумму знаний, переполнив объем вселенной. Не буду называть их имен, рни или оставили нам свои книги, или рассказали о том, что увидели. Их свидетельства индивидуальны, но сходятся в одном. Человек может жить жизнью вечной вместе со всей вселенной.

Существует гениальная догадка Велимира Хлебникова о том, что каждый человек существует как единица, но в таком случае есть еще и другая его половина (-1). Эта другая половина, мы сами, только в вечной правселенной, где время пространственно и обратимо и обозначено в нашей системе координат областью мнимых чисел. Стивен Хокинг справедливо замечает, что систему координат можно изобразить иначе, так, что в области мнимых чисел окажется наша вселенная. Какой из миров считать мнимым, а какой реальным, это дело выбора. Есть люди, которые наш мир считают мнимым и иллюзорным, а статусом реальности наделяют потусторонний мир. Если следовать античной традиции Платона и Аристотеля, то реальностью можно считать лишь то, что неразруσιμο и вечно, а такими свойствами обладает лишь правселенная, где время обозначено мнимыми величинами. В таком случае прав Платон. Наш мир только тень теней и отблеск от первовзрыва, исходящий от правселенной. Возможно, что наша жизнь и наш мир - это только сон. Но, в отличие от обычного сна, где все возможно, здесь господствуют строгие закономерности, которые нарушить нельзя. В этом сне все родившиеся обязательно умирают и стрела времени необратимо движется из прошлого в будущее.

Это заставляет задуматься над другой проблемой. Почему или для чего время нашего мира необратимо.

Представим себе, что земля вращается в другую сторону. Тогда солнце восходит на западе и заходит на востоке. То, что мы называем утро, будет вечером, а то, что мы называли вечер, будет утро. Пожалуй, такая перемена ничего не изменит. Если же утром мы станем называть время захода солнца, то придется ночь считать днем. Несколько иначе будет обстоять дело, если стрела времени повернет человеческую жизнь таким образом, что она начнется с его похорон. Мертвый старец встает из гроба, затем лет семьдесят молодеет, пока не вернется в утробу матери сначала в виде младенца, потом в виде зародыша, потом в виде оплодотворенной клетки, а затем исчезнет, разделившись на женскую яйцеклетку и мужской сперматозоид. Вы не поймали себя на мысли, что такая перспектива жизни куда привлекательнее, чем движение от молодости к могиле. И вот что интересно, в проекте грядущего всеобщего воскрешения, которого ждет весь

христианский мир, есть момент обратного течения времени. Мертвые встают из гробов или выходят из пасти животных или из огня или воды в зависимости от того, кто какой смертью умер и как был погребен. Скелет обволакивается мышцами, затем кожей, затем тело покрывается одеждой. Оставляю без комментариев эти образы и сюжеты, запечатленные во многих церковных фресках. Для меня они, помимо всего другого, еще и зримые ключи к вхождению в вечность. Эти фрески больше чем пророчество и фантазия. В них великая тайна вечной жизни, которая включает в себя и первую смерть, и второе рождение уже для вечной жизни, - воскресение.

По сути дела, любая мистерия, это движение в прошлое. Христианские церкви каждую неделю в воскресенье и каждый год в Пасху празднуют Воскресение Христа. Каждый год и каждую неделю мы возвращаемся в первую треть I века, когда был распят и погребен Иисус из Назарета. Но если бы в реальном историческом времени мы могли вернуться туда, то сделали бы все возможное, чтобы распятия не было. Другим стал бы весь ход истории, а, стало быть, мы с вами уже не смогли бы родиться. Так что запрет на обратное движение в реальном времени нашей вселенной вполне уместен и даже необходим. Если бы прошлое могло вмешиваться в будущее, будущее никогда бы не наступило.

*Человек - это изнанка неба.
Небо - это изнанка человека.*

Однако то, что невозможно в реальном времени, вполне реализуется во времени мнимом. Все, что приходит в голову человека, скорей всего, находит воплощение в мнимом времени, и отсюда проистекает реальная возможность ада ирая. "Если б не былорая и ада, их бы выдумал сам человек".

Но если мы можем воздействовать на правселенную силой своего духа, не может ли правселенная воздействовать на наш мир помимо известных путей физического и космологического воздействия через массу, энергию, гравитацию и другие силы?

Здравый смысл говорит о том, что такое воздействие может быть либо очень слабым, дабы не нарушить естественный ход событий, либо чрезвычайно редким. Одно дело, если вы смотрите в зеркало, не нарушая его поверхности, и совсем другое, если вы отпечатываетесь негативом на фотоэмульсионной пластинке. По отношению к небесному прао-течеству мы зеркало, в которое оно смотрит на себя нашими глазами. К сожалению, мы видим не только рай, но и ад. Символически это изображено и представлено в распространенном образе Страшного суда. Мертвые выходят из гробов и заполняют собой вселенную. Посредине весы, на которых взвешивается добро и зло в душе каждого человека. Склоненность вправо означает, что добрые деяния перевесили, но ангел незримо подправляет острием копья чашу весов, склоняя их к раю. Это очень точно передает взаимодействие между нами и правселенной. На конечный результат событий она, конечно, воздействует, но лишь в критических ситуациях и самым незначительным образом. Иначе наша вселенная утратила бы свое бытие. Без вмешательства она погибла бы полностью, а при сильном вмешательстве исчезла бы ее индивидуальность и самобытность.

Воздействие мнимого времени правселенной на время и пространство нашего мира называется чудо. Оно не укладывается в рамки известных закономерностей, во-первых, потому, что единично и редко, во-вторых, потому, что выходит за пределы нашего здешнего опыта.

Таким чудом было: сотворение нашей Вселенной, возникновение Солнечной системы и в ней Земли с условиями, пригодными для жизни, появление жизни, происхождение 50 тысяч лет назад совершенного человека, появление примерно семь тысяч лет назад человеческой цивилизации сразу в нескольких точках земли, приход 2 тысячи лет назад Иисуса. Можно заметить явное уплотнение времени и сокращение интервала ожидания между главными чудесами от миллиардов световых лет до двух тысячелетий. Это соответствует росту информации и убыстрению хода событий, о котором мы уже говорили. Соответственно следующее равновеликое чудо прогнозируется на 2007 год, когда вследствие уплотнения времени его значение станет равным нулю и начнется другая эра космической жизни нашего мира.

Однако в жизни отдельного человека чудеса вовсе не являются редкостью. Дело в том, что, как мы уже говорили, душевный мир человека, его разум и чувства подчиняются в основном законам мнимого времени правселенной, поэтому духовная жизнь людей кишит чудесами. Тут и телепатия, и предвидение будущего, и прозрение прошлого, и целительство, и говорение языками, и любовь, и вдохновение - то, что апостол назвал дарами Святого, Духа. На иконе, изображающей сошествие Святого Духа на апостолов изображено лицо в короне с бородой и с надписью "Космос". Это образ правселенной, из которой исходят эти дары.

Таким образом, человек является связующим существом между двумя мирами, так называемого "мнимого" и так называемого "реального" времени. В этой раздвоенности его смерть и его бессмертие. Он похож на паучка, зависшего в прозрачной паутинке собственных излучений, соединяющей разрозненные миры. Мнимая правселенная связана с нами отнюдь не внешними контактами. Мы соприкасаемся с ней нутром. Наш мозг с легкостью путешествует по мнимой оси запредельного времени. Он там больше дома, чем здесь.

ТУРИНСКУЮ ПЛАЩАНИЦУ СОЗДАЛ ЛЕОНАРДО

Когда на выставке в Италии я впервые увидел Туринскую плащаницу, то сразу возникло ощущение чего-то очень знакомого. Совсем не потому, что и до этого видел множество ее репродукций, а потому, что видел подлинники картин Леонардо да Винчи. Ни один художник в мире не обладает такой манерой письма. Об этом в свое время хорошо сказал Ва-зари: "Достоинно изумления, что этот гений, стремясь придать своим произведениям наибольшую выпуклость, применял преимущественно темные тени, чтобы получить еще более темные фоны, и изыскивал такую черную краску, которая была бы еще темнее, нежели остальные черные цвета, для того чтобы светлые краски при таком сопоставлении казались бы еще более светящимися; в конце концов при этом способе он дошел до такой черноты, что в его работах не осталось ничего светлого". Благодаря этой особенности работ Леонардо, где светлое погружается в темное, а темное становится черным, возник эффект негатива. Задолго до изобретения фотографии художник средствами живописи превращал позитивное изображение в негатив. Это и привело к неожиданному открытию в конце XIX века. Когда Туринскую плащаницу сфотографировали, то на пластинке оказался четкий портрет Иисуса, в то время как на самой плащанице трудно что-то различить, кроме скопления темных контуров. Как справедливо писал отец Александр Мень, "художественной ценности плащаница не имела. На куске полотна были видны только темные пятна, неясно обозначающие черты какого-то лица и силуэт тела". В 1898 году фотограф Секондо Пиа своими снимками открыл миру ту Туринскую плащаницу, которую мы видим сегодня. "Пиа сделал снимок с полотна и, взглянув на негативную пластинку, был глубоко потрясен. На ней появилось изображение, удивительно напоминающее исторические иконы Спасителя".

Первые два века христианства Иисуса изображали в виде рыбы или ягненка. В человеческом образе его рисовали как прекрасного юношу без бороды, усов и с короткой стрижкой. Существует тайна, почему именно в III веке Христа стали изображать длинноволосым, с бородой и усами. Возможно, к тому времени более досконально изучили обычаи Израиля. Иисус был назареем, потомком царя Давида. Назареи не стригли волосы, умащивая их маслом. Евангелия, избегая бытовых деталей, все же сохранили эпизод, где одна из жен мироносиц выливает на его голову драгоценное душистое миро, вызывая ропот среди апостолов. Не лучше ли, мол, было продать дорогие благовония, а деньги раздать нищим. Иисус замечает, что нищие будут при вас всегда, а Сын Человеческий не всегда будет с вами на земле.

По свидетельству Вазари, Леонардо "испытывал такое удовлетворение при виде человека со странной головой или запущенной бородой или волосами, что мог целый день бродить за такой понравившейся ему фигурой, при этом он так запечатлевал ее в своей памяти, что, придя домой, зарисовывал ее, как если бы она сейчас перед ним стояла".

Леонардо-родился в 1452 году, а умер в 1519-м. В эти годы упорно ходили слухи о существовании подлинной плащаницы с отпечатком тела Христа. Однако Церковь эти слухи решительно опровергала утверждая, что речь идет о подделках. Как раз в год рождения Леонардо герцог Савойский, предок будущих итальянских королей, получает на хранение плащаницу. Семейное предание утверждает, что это и есть Туринская плащаница, но лишь в 1578 году, через 59 лет после смерти Леонардо, плащаница попадает в собор Сан Джованни в Турине. Отсюда и возникло ее название - Туринская. Радиоуглеродный анализ, произведенный в недавние годы, показал, что возраст плащаницы соответствует времени ее появления в Турине. Речь идет о XV веке, когда жил и творил Леонардо.

Кроме эффекта негатива, Туринская плащаница совпадает со многими картинами Леонардо своим восково-золотым колоритом, напоминающим отсвет свечи. Это неудивительно, ведь художник целые ночи проводил в подвале тайного анатомического театра, где зарисовывал и составлял свой анатомический атлас. "Он собственноручно с величайшей тщательностью дал в перспективных сокращениях и изображениях все костные части, а к ним присоединил потом по порядку все нервы и покрыл их мускулами".

Умирание и смерть интересовали Леонардо не меньше, чем жизнь. Его даже обвиняли в жестокости. Сам художник ответил на эти обвинения так: "О созерцатель этой нашей машины! Не печалься, что ты познаешь ее благодаря смерти других, но радуйся, что виновник нашего бытия поместил ум в таком превосходном инструменте". Изобразить умершего Христа с такой достоверностью мог только он. Ни один художник не обладал такими познаниями в анатомии и таким мастерством для передачи тончайших оттенков жизни и смерти в лице умершего.

Искусствоведы давно заметили, что, кого бы ни изображал художник, он невольно, а иногда и сознательно придает изображению сходство со своим отражением. Автопортретное сходство лика Туринской плащаницы с лицом Леонардо бросается в глаза. Брови, нос, глаза, строение черепа, усы, борода и длинные волосы похожи на автопортрет Леонардо, только с поправкой на возраст.

Теперь посмотрим, как создавалась плащаница. Она соткана из простого льна методом, который применялся в Палестине во времена Христа. Только Леонардо со свойственной ему энциклопедичной доскональностью мог позаботиться о таких деталях, как материал и технология его изготовления. На веках лика отпечатаны две монеты Древнего Рима, где титул императора Тиверия отлит с ошибкой. Такие подлинные монеты огромной редкости Леонардо мог раздобыть только у нумизмата. На спине Иисуса следы бичевания. Это были особые римские бичи со свинцовыми шариками. И наконец, еще одна деталь, выдающая Леонардо. Следы гвоздей не в ладонях, а на запястье. Почему? Анатомические опыты, проводимые уже в XX веке, показали, что тело не могло висеть на гвоздях, вбитых в ладони. Следовал разрыв сухожилий и падение. Между тем в запястье гвозди прочно выдерживали вес тела. Опыты Леонардо с телами казненных известны. Он изучал все для построения своего анатомического атласа.

Остается еще одна деталь. В отпечатке почти нет следов краски, но есть следы билорубина, вещества из состава крови. Леонардо, скорее всего, действительно сделал отпечаток на ткани с умершего или казненного человека, а уж затем стал работать над этим отпечатком кистью и "красками", в состав которых, скорей всего, входили сукровица и кровь.

Создать такой шедевр, как Туринская плащаница, мог либо сам Леонардо, либо гений, равный ему в познании и в искусстве. Но равного ни до, ни после на земле не рождалось.

Можно ли считать этот шедевр Леонардо подделкой? Ни в коем случае. Церковь объявила подделками все изображения плащаницы, выдаваемые за подлинные. И правильно сделала. Если бы такой отпечаток существовал, апостолы, несомненно, заговорили бы о нем, поскольку споры о воскресении Иисуса велись даже среди христиан. Апостолы молчат потому, что такого отпечатка не было и не могло быть. Умершего Христа "обвили", именно обвили пеленами, при этом лик оставался открытым, его закрывали отдельным платом. Пелены более походили на бинты, и ни о каком цельном отпечатке на них не может быть и речи.

Однако одно дело история, а другое - молва, легенда, традиция. Леонардо воплотил легенду, создав Туринскую плащаницу, но, конечно, его шедевр мог существовать только тайно, поскольку и все анатомические зарисовки Леонардо выполнял тайно ночью. Ведь он выкупил у монахов тела казненных.

Плащаница, созданная Леонардо, перекликается с другим образом, созданным его вечным соперником Микеланджело на фресках Страшного суда. Там изображен человек, державший в руках свою собранную кожу, на которой четко отпечатан автопортрет художника.

Кедров Константин - "Параллельные миры"

ТАЙНА НОЕВА КОВЧЕГА

Древневавилонские глиняные таблички заполнены клинописными сказаниями о потопе. Человек по имени Утнапиштим услышал голос, исходящий от тростниковых стен его хижины. Тростник предупредил о грядущем потопе и посоветовал построить ковчег-корабль.

Библия утверждает, что человека звали Ной, а голос он услышал не от стен, а от самого Бога. Так или иначе, но и Древневавилонские таблицы, и Библия утверждают, что был человек, заранее предупрежденный о грядущем потопе.

Итак, был ли на самом деле потоп?

"Да", - утверждают древнекитайские и древнеабхазские предания. Однако наука не располагает прямыми данными, подтверждающими или полностью отвергающими эту информацию.

С одной стороны, раскопки в Древнем Шумере показали, что отложения ила и других остатков воды присутствуют в одном из слоев. С другой - нет никаких оснований считать следы этого наводнения всемирным потопом. Можно предположить, что в сказаниях о всемирном потопе отражено знание наших далеких предков о том, что когда-то вся Земля была покрыта водой. Следы ракушек и отпечатки морских животных вполне могли привести жрецов Китая, Абхазии, Шумера, Вавилона и древнего Израиля к мысли о всемирной катастрофе, когда-то разразившейся над Землей.

В Библии мы знакомимся с древнеизраильской версией о потопе. Утверждается, что праотец Ной выгодно отличался от современников тем, что "ходил перед Богом", то есть верил в Бога и сверял свое поведение с его тогда еще никому не известными законами. Это было за три тысячелетия до получения Моисеем заповедей на горе Синай.

Ной любил выпить и однажды дал своим сыновьям Симу, Хаму и Иафету повод посмеяться над собой, когда валялся на земле пьяный и голый. Правда, воспользовался этим поводом только Хам. Иафет и Сим смеяться над отцом не стали.

Узнав от Бога о предстоящем бедствии, Ной принялся строить ковчег по небесной инструкции. Корабль строился трехэтажный, из дерева гофер, с каютами, осмоленный изнутри и снаружи. Его размеры: в длину 300 локтей, в ширину 50 локтей и в высоту 300. Кроме того, у ковчега было отверстие вверху величиной с локоть и боковая дверь.

Ной со своим семейством и скотом, "каждой твари по паре", вошел в ковчег, и светопреставление началось. За 150 дней непрерывных дождей на Земле все погибло. Потом вода стала убывать, а затем на горах Араратских ковчег остановился. Через 47 дней Ной открыл крышку ковчега и вышел на сушу.

Разумеется, и здесь не следует все понимать буквально. Никакого запаса продовольствия на 187 дней Ноею со всем семейством и скотом на ковчеге такой величины конечно бы не хватило. Кроме того, если бы все живое на Земле погибло, вымер бы и Ной со своим семейством, и животные, которых он спас, поскольку для биологического выживания популяции нужна отнюдь не одна пара, а множество. Кто-то умирает от болезней, кто-то от случайностей, нужна хотя бы тысяча особей данного вида, чтобы жизнь продолжалась.

Однако Библия - это не научный трактат, а притча, которую вовсе не следует понимать буквально, хотя географические названия, как правило, носят вполне документальный характер. Если сказано, что Ноев ковчег остановился в Араратских горах, значит, во времена создания первой книги Библии, Бытие, действительно в горах Арарата было место, которое почиталось как пристанище для ковчега. Возможно, что там были и остатки какого-то древнего святилища в форме ковчега. Точные размеры 300x50x30 локтей, скорее всего, и есть описание этого храма. Ведь и сегодня в память о ковчеге Ноея храмы стоят в форме корабля, а на алтаре стоит золоченое строение, именуемое "ковчег". В этих ковчегегах раньше хранилась либо частица от Ноева ковчега, либо частица от Креста, на котором был распят Иисус. Известно, что, выходя из Египта, Моисей вынес и знаменитый Ковчег завета, прикрытый со всех сторон завесой. Этот Ковчег был позднее установлен в Иерусалиме в храме, построенном Соломоном.

В 60-е годы стали появляться сообщения об американской экспедиции, обнаружившей на склонах Арарата какое-то сооружение, похожее на корабль. А в последнее время даже опубликованы снимки из космоса с видами этой аномалии, действительно по форме близкой к ковчегу.

Я сам видел в Эчмеадзине, в Армении, реликвию - кусок дерева, изъеденный червями, который считается обломком Ноева ковчега. Однако научные данные говорят, что этому дереву всего 500 лет, и обломком Ноева ковчега оно быть не может.

В печати гуляют упорные слухи, что якобы ЦРУ располагает неоспоримыми данными о том, что аномалия, похожая на корабль на склоне Арарата, является подлинными останками корабля. Если даже это так, то есть все основания говорить не о Ноевом ковчеге, а о следах священного святилища в форме ковчега, построенного, скорее всего, уже на основе библейского предания в поздние времена. Нельзя, впрочем, исключить и более древний срок создания святилища, восходящий к Ноевым временам"

Однако есть и третья гипотеза. Природная аномалия, по форме напоминающая корабль, могла породить предание о Ноевом ковчеге, причалившем в горах Араратских. Вот уж тут наука непоколебима. Никакого потопа, затопившего Арарат, в обозримых тысячах лет не наблюдается.

Умеем ли мы читать и понимать древние священные тексты? Они не менее сложны и многомерны, чем современные научные труды и поэмы. Здесь нельзя слишком далеко уходить от текста в произвольном толковании, но и воспринимать сказанное буквально довольно глупо.

В расширенном символическом понимании сегодня вся наша Земля есть Ноев ковчег в окружении

безжизненных планет и галактик. Сто восемьдесят дней потопа можно расширить до ста восьмидесяти семи тысяч, а может, и миллионов лет. Чем больше мы узнаем о Марсе, Венере, Луне, Сатурне, Юпитере и других планетах, тем больше удивляемся: почему на Земле существует жизнь и как она еще не погибла за миллионы лет, тогда как на всех остальных планетах не выживают даже бактерии.

Под воздействием цивилизации стремительно вымирает и навсегда исчезает множество видов животных, насекомых, растений, птиц. Вымирают даже некоторые народы. И все же пока жизнь стремительно набирает темпы. Кажется, человечество из двух заповедей Бога, данных Ноем после потопа, способно выполнять лишь одну. Вот эти две заповеди для Ноя: "Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю" и "кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека, ибо человек создан по образу Божию". Бог разрешил Ноему плодиться и размножаться и запретил убивать людей.

Притча о Ноевом ковчеге напоминает о хрупкости и уязвимости жизни. Напоминает она и о том, что жизнь - это дар Божий, который дано отнять только самому Богу. Ной, как хранитель, сберегатель и создатель жизни на Земле, почитается третьим после родоначальников жизни Адама и Евы.

Всемирный потоп тоже не просто выдумка. Множество глобальных/катастроф стерли с лица земли целые цивилизации и народы. Выяснилось, как тонок и хрупок озоновый слой Земли, защищающий все живое от смертоносной радиации. Да и наводнение, недавно затопившее значительную часть Западной Европы, лишней раз напомнило об уязвимости и непрочности ковчега цивилизации. Образно говоря, "строить ковчег" надо всегда. Жизнь нуждается в постоянной защите.

В Библии названа причина потопа. "И раскаялся Господь, что создал человека на Земле, и воскорбел в сердце своем". Если верить Библии, с тех пор прошло 5 тысяч лет. Однако оснований для нового потопа у Бога не поубавилось. Не удивительно, что в конце II тысячелетия от Рождества Христова усилились ожидания нового, но теперь уже не водного, а огненного конца света. После Чернобыля оснований для беспокойства более чем достаточно. Однако и тут не следует быть слишком самоуверенными. Не человеком создана жизнь и не ему ее уничтожить.

"Ноев ковчег Земли" построен Творцом сверхпрочно и сверхнадежно. Видимо, человечеству нужны еще миллионы лет, чтобы доплыть до райского Аларата.

КЛОНИРОВАНИЕ - НАШЕ БИОЛОГИЧЕСКОЕ БЕССМЕРТИЕ?

Слово "клонирование" вот уже год будоражит умы. Очаровательная овечка Долли уже принесла потомство, а в США приступили к начальным опытам по клонированию людей. Весь мир раскололся на два лагеря: за и против клонирования. Напомню, что такую же бурю вызвало 10 лет назад зачатие в пробирке. Сегодня на земле живут 200 тысяч вполне здоровых детей, зачатых в пробирке. Они ничем не отличаются от остальных. Чем отличается клонирование от зачатия в пробирке? Тем, что в результате на свет появятся дети с заранее известным подом, вылитая копия отца или матери. В зависимости от того, у кого взята клетка.

Кроме того, при клонировании берется не яйцеклетка, предназначенная самой природой к зачатию, а любая клеточка организма. Годится даже от кожи или от ногтя. Из этой клетки вынимают ядро и вставляют в ядро оплодотворенной яйцеклетки.

На самом деле технология процесса намного сложнее. Суть в том, что вы можете получить в своем сыне или в дочери точную биологическую копию самого себя.

Впрочем, преувеличивать не следует. Близнецы похожи друг на друга как две капли воды, но это разные люди.

Клонирование дает возможность иметь детей, которые по сути являются близнецами своего отца или матери. Никакого насилия над природой человека при этом не совершается. Ведь бывает же, что и при обычном зачатии ребенок - вылитая копия матери или отца.

С овечками ничего экстраординарного не произошло. Они здоровы и ничем не отличаются от своих собратьев по лабораторной отаре.

Будут ли клонированные дети?

Скорее всего, да. Прежде всего, потому, что этого хотят миллионы людей. Они желают, чтобы дети были точной биологической копией своих родителей. Почему бы и нет?

Однако в Англии, в России, во Франции и в США есть масса противников возможного новшества. Доводы не очень вразумительные. Ссылаются на то, что международные конвенции запрещают опыты над живыми людьми. На самом деле область репродукции (продолжения рода) всегда нуждалась в помощи науки и медицины. Кесарево сечение, ставшее повсеместным, слава богу, никто не запрещает. Все, что способствует расширению сферы жизни и продолжению человеческого рода, следует только приветствовать.

Также протестовали в свое время против пересадки сердца, а некоторые секты до сих пор выступают против переливания крови. В 1998 году КГБ поднял истерику вокруг опытов по созданию голубой (искусственной) крови. Был доведен до самоубийства профессор Белоярцев. В результате искусственная, безопасная от СПИДа кровь изобретена не у нас, а в США.

Успехов по клонированию в России также не предвидится. Дело это хлопотное и требует больших денежных вливаний. В США и в Британии, как это часто бывает, не в свое дело суются малоинформированные депутаты парламентов, идя на поводу у массы невежественных избирателей. Они выдвигают законопроекты, запрещающие опыты по клонированию человека. Президент Клинтон призвал ученых не спешить с дальнейшими опытами. Все это область политики, ничего общего не имеющая с наукой.

Возможно, что клонирование человека окажется довольно крепким орешком.

Пока это область гипотезы и мечты. Если у природы есть на это запрет, то наука наверняка столкнется с непреодолимым барьером, как это было в опытах по кодированию человека. Тогда миллионы полновесных рублей были выброшены в трубу. ЦРУ и КГБ остались с носом. Творец заложил в конструкцию мозга человека запрет на превращение людей в послушные механизмы. В случае с клонированием такой барьер вряд ли возникнет. Природа заинтересована в продолжении рода.

Есть и философский аспект клонирования. Впервые смертная живая клетка обрела свойства биологического бессмертия, превратившись в результате пересадки ядра в яйцеклетку. В отличие от обычной клетки, яйцеклетка считается биологически бессмертной, поскольку яйцеклетки сегодняшних женщин те же, что были у прародительницы Евы.

Если бы Адам был клонирован, то и его клетка обрела бы бессмертие. Это означает, что граница между смертью и жизнью весьма расплывчата и подвижна. Еще Илья Мечников задавал вопрос, почему человек так противится смерти. Ведь умирание - естественный природный процесс. Где же инстинкт смерти? По мнению великого ученого, человек просто не доживает до отведенных ему природой ста двадцати лет и поэтому так противится старению.

В нас жива память о бессмертии. Клонирование доказывает, что мириады живых клеток в нашем организме помнят о биологическом бессмертии. Стоит вложить в клетку оплодотворенное ядрышко, и программа бессмертия продолжения рода заработала.

Это означает, что память о бессмертии в нашей психике вовсе не так беспочвенна, как считалось раньше. Наша тяга к вечной жизни покоится на прочном биологическом фундаменте. Не хотим умирать, потому что это противоречит природе. Получается, что изначально Творец создал бессмертную яйцеклетку, а уже потом из

бессмертного была создана смертная клетка, обычная;

Это неожиданное подтверждение мысли академика Вернадского, считавшего, что неживое возникло из живого, а не наоборот, как да этого считала наука. Только теперь мысль ученого можно расширить. Смертное возникло из бессмертного. А раз так, то рано или поздно живое и бессмертное вернется, "смертию смерть поправ", к своему изначальному бессмертному состоянию.

Новое открытие - сенсация века. Всего год прошел после удачного клонирования овечки Долли, и вот уже нагрелось новое открытие. Ученые США обнаружили ген, заведующий в организме клеточным бессмертием. В результате деятельности этого гена вырабатывается вещество, которое полностью предотвращает старение и умирание живых клеток. В пробирке уже находятся клетки, "обреченные" на бессмертие. Нет, это не означает, что человек смертей, а жизнь по природе вечна.

Клонирование доказывает, что вся живая ткань состоит из потенциально бессмертных клеток. Если бы в мумии фараона или туше замерзшего мамонта сохранились живые клетки, их можно было бы подвергнуть клонированию и получить маленького фараончика, точную копию того, что лежит в саркофаге. Таким же путем можно было бы вернуть на землю вымерших мамонтов. Пока это только заманчивая мечта. Клеток, годных к репродукции, ни в мамонте, ни у фараонов нет. Есть еще мумия человека эпохи неолита, замерзшего в Альпах. Словом, помечтать, конечно, можно. А вот потомство от человека, недавно погибшего или умершего, - это вполне реальная перспектива в ближайшие 5-10 лет.

Даже некоторые богословские проблемы становятся понятнее. Христос - Богочеловек. Его утверждение о полном единстве Отца и Сына, конечно, не сводится к тождеству биологическому, и все же утверждение "Я - ОТЕЦ И ОТЕЦ - Я" может иметь, кроме духовной, еще и эту основу. Заслуживают более глубокого прочтения и слова Библии о том, что "Бог сотворил Адама и Еву по образу и подобию своему". Кроме того, Ева была создана из ребра Адамова, то есть клонирована из живой клетки реберной ткани.

Клонирование - это блистательная возможность иметь потомство по образу и подобию своему, но, кроме того, это возможность иметь детей даже от недавно умерших. Клонирование значительно расширяет сферу жизни и подтверждает самые смелые предположения о принципиальной неуничтожимости™ жизни. Выясняется, что смертный человек вылеплен из бессмертной "глины". Не случайно, многие ученые и богословы считают, что "глина" - это красноватое вещество из живых клеток, которое скапливается у кромки прибой. Океан жизни поистине бесконечен.

ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ - АККЛИМАТИЗАЦИЯ К ВЕЧНОСТИ

Все помнят начало "Божественной Комедии" Данте:

Земную жизнь дойдя до половины,

Я очутился в сумрачном лесу.

Дальше случилось то, что обессмертило навек имя этого легендарного флорентийца.

Данте побывал в Аду, в Чистилище и в Раю.

Семь кругов Ада, пройденных поэтом, почти ничего не добавили к нашим знаниям о мире и человеке. Многие считают, что Данте увидел все. Освенцим, Хиросиму, СПИД и множество других бедствий, известных человечеству уже в земной жизни.

Неожиданностью для современников оказалось описание промежуточного состояния между Адом и Раем под названием Чистилище.

До этого никто не знал о существовании своего рода акклиматизационной зоны между гибелью и

бессмертием. Похоже, что и для самого Данте это стало открытием.

Древние утверждали, что человек всю жизнь готовится к смерти. В этом есть лишь та доля истины, что смерть - последнее испытание в этом мире перед входом во врата вечности.

Даже при восхождении на высокую гору требуется время в 2-3 месяца для акклиматизации альпинистов к высоте. Еще дольше привыкают к невесомости будущие космонавты, имитируя необычное состояние в сурдокамерах. Почему не предположить, что вся наша Земля является таким устройством для акклиматизации человечества при переходе к вечности.

Вечность еще необычней, чем невесомость. В невесомости нет верха и низа, а в вечности нет прошлого, будущего и настоящего. Все существует всегда и как бы одновременно. Если включить в эту необъятность нашу земную жизнь, она окажется не в прошлом, не в будущем, не в настоящем, а всегда.

Вот тут и есть смысл поговорить сначала об Аде, потом о Чистилище и, наконец, о Рае. Ад - это постоянное присутствие в вечности зла, совершающегося на Земле. Чистилище - это такое же вечное совместное пребывание рядом добра и зла. Рай - внезапное и вечное преобразование добра и зла в нечто совсем другое. К этому другому мы все не очень готовы.

Дело в том, что даже в земной жизни мы часто не умеем радоваться. Зато очень склонны страдать. "Живите и радуйтесь", - сказал Христос. "Как радоваться, если вокруг творится такое!" - тотчас же восклицаем мы. Так в земной жизни зло поглощает добро, а печаль убивает радость. Физиологи даже говорят о существовании в мозгу двух зон: Ада и Рая. Включаются они по очереди, и человека бросает то в жар, то в холод. Какая-то бессмыслица получается.

Впрочем, давайте вспомним, при каких обстоятельствах чередуются контрастные режимы. Ну да! Это делается при закалке стали. В природе нет ничего бессмысленного. Чередование Ада и Рая в земной жизни есть некая подготовка души к Чистилищу, где она наконец научится не впадать в отчаяние и уныние при виде зла.

В вечности, как в земной жизни, зло неуничтожимо, но преодолимо. Ад не уничтожен, но пройден, преодолен. Умение заключить зло в темницу, "не помнить зла", "отойти от зла и сотворить благо" вовсе не означает капитуляцию перед силами тьмы. Просто нельзя пускать зло внутрь себя. "Тень, знай свое место". Зло должно оставаться только во внешнем мире, не проникая в душу.

"Тьма внешняя" - это есть Ад, изгнанный из души. "Все прощать и не помнить зла" могут только великие подвижники и святые. Здесь есть свои гроссмейстеры, свои рекордсмены и чемпионы мира. Мы же, простые смертные, вполне можем довольствоваться простой гимнастикой. Цели надо ставить вполне выполнимые, чтобы не расхолаживать и не разочаровывать самого себя несбыточными рекордами. Если один раз в день вы кого-то простите или перестанете лелеять в себе какую-либо душевную боль, то и этого вполне достаточно, чтобы на волосок приблизиться к Раю. Кто не помнит зла, тот уже в Раю.

Все думают, что вечная жизнь где-то далеко от нас, в безграничных даях Вселенной. На самом деле она даже не рядом с вами, а внутри вас. "Царство Божие внутри вас". Не надо отправляться за тридевять земель, дабы приблизиться к Раю. Приблизиться надо к самому себе. Вспомнить о себе. Если хотите, полюбить себя. Да, да! Все разговоры о любви к ближнему бессмысленны, если человек не любит себя. Сказано: "Люби ближнего, как самого себя". Вот себя-то мы и не любим. Терзаем воспоминаниями, лелеем обиды, вынашиваем скорбь. А надо забыть о печальном, простить обиды, вынашивать радость. Пусть жизнь будет для вас не Раем, а хотя бы Чистилищем, которое открыл великий Данте.

Он был изгнан из родной Флоренции. Одинок и в личной жизни, и в своих взглядах, но преодолел в себе Ад, прошел сквозь Чистилище и обрел Рай.

Часто люди говорят: "Я не верю в Бога и в загробную жизнь". Ну и не верьте. Но в себя-то вы можете поверить. Человек - существо очень странное. Он многого не может: не видит в темноте, как кошка, не бежит даже со

скоростью кенгуру, не слышит ультразвук, не летает, как птица, не живет в воде, как рыба; но зато он может жить в вечности уже сегодня, если захочет. Для этого у него есть два дара.

Дар видеть добро и зло и второй, гораздо более важный, - дар выбирать добро. Первое приносит человеку страдание и выводит его к Чистилищу. Второе дает ему Рай уже на Земле.

Жизнь на Земле - это акклиматизация к вечности.

Время - иллюзия, мы бессмертны. Временем люди называют все, что связано в единое целое, но при этом невидимо, подвижно, равномерно и выражено в чередовании различных символов (день, ночь, утро, вечер, зима, весна, лето и т. д.).

От пространства время в сознании людей отличается подвижностью. Время течет, а пространство неподвижно. Эйнштейн нарушил традиционные представления.

Во-первых, нет отдельно времени и отдельно пространства, есть пространство-время или хронотоп (Бахтин).

Во-вторых, и время и пространство подвижны, подвержены изменению, могут сжиматься, расширяться при скоростях, близких к 300 000 км/с.

Наконец, существует нуль-время и нуль-пространство при скорости 300 000 км/с.

К сожалению, в быту все осталось по-прежнему. Мы воспринимаем не по Эйнштейну, а скорее по Аристотелю или по Блаженному Августину. Прошлое - воспоминание, настоящее - переживание, будущее - ожидание. Эти три душевных состояния делают нас догматиками. Мы верим, что время может пройти, или уйти, или прийти. Труднее представить, что времени просто нет или оно - нуль. У человека нет опыта полета со световой скоростью, и он не знает, что это такое. Вернее, теперь знает, но только теоретически.

Время, равное нулю, - это время света. Царствие Небесное, где нет ни прошлого, ни будущего, - есть вечно длящаяся Нирвана.

Остановись, мгновенье, - ты прекрасно.

Нет, продолжайся. Не остановись.

Гете. Фауст

Между тем буддийские мистики и христиане-исихасты знают это состояние, называя его Нирвана или Исихия. Божественный свет, Божественная энергия. Здесь прошлое, будущее, настоящее или отсутствует (Нирвана), или существует ОДНОВРЕМЕННО (Исихия).

Возражая Копернику, земляне всегда ссылались на личный опыт. Солнце кружит вокруг Земли - это видно. Возражая Будде, Христу, Эйнштейну, можно опять же сослаться на чередование дня и ночи или быстротекучесть человеческой жизни. Человек живет, а потом умирает, и в этом "потом" умещается все наше земное время. Поставьте вместо "потом" черточки (живет-умирает) или поменяйте их местами (умирает-живет), и уже придется иметь дело с Эйнштейном или Христом и Буддой.

Эйнштейн не допускал мысли о возможности рокировки будущего и прошлого, поскольку такое было бы возможно лишь при сверхсветовых скоростях (доклад Курта Геделя).

Запрет на сверхсветовые скорости сомнению не подлежит:

но реальность и физическая реальность не есть тождественные понятия (Павел Флоренский).

Сверхсветовая или бесконечная скорость - это и есть та, нефизическая, вернее, сверхфизическая реальность, которая лежит в основе мира, и вещей, и явлений, видимых и невидимых или "видимых же всем и невидимых" (Credo).

Дабы не впадать в дешевую мистику, отмечу, что мир Эйнштейна тоже достаточно иллюзорен, потому что его сверхсветовые, и околосветовые, и световые ангелы-наблюдатели все время смотрят на свои воображаемые часы.

Итак, реальность - это то, во что мы верим или не верим, о чем мы знаем или не знаем.

Время же - первый признак реальности (ожидаем, переживаем, вспоминаем). Вспомнили, дождались, почувствовали - это уже пространство-время, а хронотоп - это уже материя, образ, символ, лицо, предмет. Человек живет-умирает. Умирает - лицо умирающего, труп предмет, образ умершего - гроб, символ умершего - крест или воображаемое любое подобие - могила или череп в руках Гамлета. Все это реальности несомненные. Реальности до световых скоростей. Но скорость света всюду: "Мы сотканы из той же материи, что и наши сны" (Шекспир). "Жизнь есть сон" (Кальдерон). Мы сотканы из частиц, которые мчатся все-таки по миру со скоростью 300 000 км/с, и это наше тело, и наши мысли, и сны сотканы из сверхсветовой материи, скорость мысли больше скорости света.

Что такое страх и боль?

Это тоска света по своему земному досветовому. Что такое радость? Это встреча света со своим досветовым "Я".

Можно не умирать?

Конечно. Можно и нужно. "Не Солнце вокруг нас, а мы вокруг Солнца" (Коперник). Не свет вокруг нас, а мы вокруг света, а он в нас всегда.

Есть мир света - Бог.

Есть мир Земли до света - человек.

Есть мир минус свет -

АД и дьявол.

Физической реальности в дьяволе нет. Эйнштейн прав. Зато есть реальность над-под-физическая. К сожалению, не только Бог, но и дьявол дух. Злой дух пронизывает миры, как мир - добрый. Он легко прокрадывается в материи, потому что невидим, нематериален и прогнать его можно только силой духа. "И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого".

Змий лукавый дьявол не может подняться над материей, он под ней, в земле (червь), или на ней ползет, пресмыкается змий. Он цепляться за нас должен, чтобы подняться. Он цепляется за нас незримыми пятью лапками по имени: страх, уныние, вражда, печаль, ненависть. Мы же противопологаем храбрость - отчаянию, унынию - надежду, вражде - примирение, печали - радость, ненависти - любовь, и отсыхают пять лап дракона и ползет он по земле - змий.

К сожалению, на Земле и в космосе есть место, где дьявол властвует почти безраздельно, но никогда его власть не может быть абсолютной. Власть Бога тоже имеет свои пределы, она от 300 000 км/с до полного покоя и чем ближе к свету, тем Божественнее. Материя Божественна - она из света, а душа делится пополам.

Половина до 300 000 км/с вечна, другая, все, что выше той скорости и со знаком минус, есть вечное небытие - ад. Кто затормозил в Нирване (0 - времени 300 000 км/с), тот спасся.

Ты уже догадался, что змий сии с отрубленными лапами и невидимый есть не что иное, как время. Он извивается, будучи по сути своей низменным, неизменным.

ЧЕЛОВЕК БЕССМЕРТНЫЙ ПРИДЕТ НА СМЕНУ ЧЕЛОВЕКУ РАЗУМНОМУ

В Париже, в соборе Нотр Дам де Пари можно увидеть изображение Девы Марии с лестницей в правой руке. "Радуйся - лестница от земли к небу", - говорится в православном акафисте Богородицы.

У этой небесной лестницы девять ступенек. Что же означают они? Известно, что число Богоматери 15. В астрологии эта цифра - символ полной луны. Полная луна с девятью ступенями - это 9 месяцев вынашивания во чреве плода.

Разумеется, речь идет не о простом младенце, а о Христе. Алхимики Христом называли золото. Получить золото из благородных металлов значило из несовершенной человеческой природы воссоздать в течение девяти месяцев Богочеловеческую природу Христа. Символ Богоматери - полная луна, серебро. Символ Христа - золото и солнце. Крест - знак соединения в человеке солнечной, божественной и лунной, человеческой природы.

Алхимическая реакция, при которой из благородных земных металлов возникает небесное золото, хорошо известна. Она описана во множестве алхимических трактатов и состоит из девяти стадий.

Вот ее описание...

1. РАСПЯТИЕ

Соединяется несоединимое: легкое с тяжелым, воздушное с земляным, металлическим, влажное с огненным, мужское с женским. При этом все, что внизу, должно оказаться вверху, все холодное - воспламениться, все огненное - охладиться, все сухое - увлажниться, все влажное - высохнет. Но при этом все четыре стихии Огонь,

Воздух, Вода, Земля соединятся в единый четырехсторонний крест" Это Распятие.

2.

ПОГРЕБЕНИЕ ИЛИ ЛАЗАРЬ

При соединении четырех стихий образуется некая темная масса, издающая запах гниения. Чтобы эта масса не вырвалась , наружу, ее надо плотно спеленать. Нужен сосуд попрочнее чернобыльского реактора, чтобы смерть не вырвалась наружу и не распространилась по миру.

3.

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

Постепенно перебродившая, перегнившая, перегоревшая масса вдруг начнет светиться золотым огнем, как червонное золото. Зловоние перейдет в нежный аромат. На этой стадии можно отвалить камень от гроба. Приоткрыть сосуд и оттуда выйдет чистый благоухающий лазурит.

4.

КАНА ГАЛИЛЕЙСКАЯ

Это невеста, готовая для брака. Ее следует повенчать с женихом - ртутью Меркурия. Для этого небесный лазурит надо мелко истолочь до порошковой массы и соединить на брачном ложе с серебристой невестой ртутью.

5.

ЗАЧАТИЕ

Серебристое тяжелое ртутное семя Меркурия проникнет в лоно лазурной невесты, и в ней зачатся младенец. Начнется бесконечная реакция, источающая холодный свет.

6.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ, ИЛИ НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Зачатый зародыш начнет сиять неогненной славой. Образуется огненная купель-купина. Куст горящий и несгораемый. Гомункулус начинает сиять в пробирке, и свет его легко проходит сквозь материальную преграду.

7.

РОЖДЕСТВО

Отсияв светом, искусственный младенец превращается в тяжелый холодный золотой слиток. Его извлекают из тигля и кладут в ясли, специальный ларец, покрытый серебром и свинцом. Надо ли объяснять, что полученный радиоактивный слиток алхимики считали золотом из-за постоянного свечения. На самом деле это очень мощное оружие, с которым можно поступить двояко: либо растворить его, превратив в кровь Христову - красную ртуть, либо истолочь в порошок и разнести по миру во множестве ларцов, хранящих в себе Кощееву смерть.

Никто не знает, где хранится сегодня это страшное оружие средневековых алхимиков. Восьмая и девятая стадии алхимической реакции - до сих пор тайна для человечества. Дело в том, что на этой стадии речь уже идет не о химии или физике, а о превращении неживого в живое. Тайна гомункулуса. Возникновение жизни. И еще большая тайна появления разума на земле.

Многие считают, что человечество возникло под воздействием мощнейшего радиоактивного излучения, исходящего от урановых рудников. Наше появление как бы не было запланировано Творцом. Среди африканских приматов возникла мутационная ветвь - человек. Разумное, но смертное существо. До этого разумом обладали только бессмертные ангелы и боги. Законы генетики таковы, что все мутационные ветви ведут в тупик вырождения и гибели. Так и произошло с потомками Адама. Они выродились и были сметены всемирным потопом, поскольку давно утратили человеческие свойства.

Однако Ноева ветвь, сохранившая человеческие и божественные свойства, была спасена. Ныне человечество снова приблизилось к стадии допотопного вырождения. Тупость, агрессия, садизм, фанатизм порой охватывают целые материки и государства. Теперь речь идет не о всемирном потопе, а о совместном существовании людей с человекоподобными существами, поскольку по законам генетики в любом человекообразном может всегда пробудиться человек и даже Богочеловек.

Вся земля превратилась в огромную алхимическую реторту где все 7 стадий алхимической реакции происходят одновременно. Золото разума мгновенно превращается в навоз, а из гниения и навоза вдруг возникает благоуханный лазурит или даже золотой слиток разума. Эта реакция будет длиться вечно, как в четвертом котле Чернобыльской АЭС.

Появится ли, однако, бессмертный гомункулус?

Кедров Константин - "Параллельные миры "

ИНСАЙДАУТ. ЧЕЛОВЕК - ЭТО ИЗНАНКА НЕБА

А теперь я осмелюсь высказать совершенно невероятную для большинства людей мысль. Человек не внутри Вселенной, а одновременно и внутри и снаружи обхватывает ее собой. Нам кажется, что мы внутри космоса; но это такая же иллюзия, как движение Солнца вокруг Земли.

На самом деле весь вопрос - откуда смотреть. Если мысленным взором посмотреть на себя с Луны, или с Марса, или со стороны самых отдаленных галактик, то мы увидим маленькое существо, которое обхватывает собою изнутри все мироздание. Возьмите маленький детский резиновый мячик и бросьте его в океан. Все ясно: океан снаружи, а мяч внутри океана. Ну а теперь попробуйте мысленным взором вывернуть маленький мячик наизнанку. Во время выворачивания наступит такой момент, когда мячик охватит собою весь океан. Представьте себе, что вместо мячика - человек, а вместо океана - Вселенная, и вы поймете, что происходит с человеком, когда он выворачивается в космос.

Впрочем, не только человек, но и все живое. Бутон выворачивается в мироздание: так появляются листок и цветок, улитка выползает из ракушки, обхватывая ее собою. А человек?

*Обтекая галактику селезенкой,
Я улиткою звездною вполз в себя,
Медленно волоча за собой
Вихревую галактику,
Как ракушку.*

Звездный мой дом опустел без меня.

Речь идет о том, что можно мысленно и чувственно выползти из ракушки нашей галактики и всего

мироздания, обволакивая собою весь мир.

Не только все пространство, но и все время с прошлым, будущим и настоящим человек может в одно мгновение объять собою.

*И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И чад морских подводный ход,
И дальней лозы прозябанье.*

А.С. Пушкин

При выворачивании человек вообще выходит за пределы времени и пространства. Сколько бы ни было лет Вселенной, У человека времени больше.

Сам я, пережив дважды такое космическое посвящение, понял, что переворот Коперника надо продолжить. Как отказались люди от иллюзии плоской земли, вообразив, что она круглая, так же следует отказаться от иллюзии нашего пребывания внутри космоса и отдельно от космоса. Космос - наше нутро. Это даже не дом наш, а наше тело. В космосе нет ничего, чего нет в нас, и в нас нет ничего, чего бы не было в космосе.

Небо - это высота взгляда.

Взгляд - это глубина неба.

Боль - это прикосновение Бога.

Бог - это прикосновение боли.

Человек - это изнанка неба.

Небо - это изнанка человека.

Расстояние между людьми заполняют звезды.

Расстояние между звездами заполняют люди.

В момент выворачивания тело человека начинает светиться и ощущается как бы утрата веса. Что-то вроде неподвижного полета от себя и к себе одновременно. Самая дальняя точка мироздания становится близкой, а, наоборот, собственное тело как бы распространяется по всему космосу. Четко ощущается, что будущее вдруг оказывается в прошлом, а прошлое воспринимается как будущее. Таким образом, даже собственная смерть становится уже пережитой, а рождение как бы постигается заново.

Одним словом, выворачивание - это даже нечто большее чем бессмертие. Космическое выворачивание я назвал термином инсайдаут, чтобы выделить его вселенскую суть.

Американский космонавт Эдгар Митчелл, вступив на Луну и взглянув на Землю со стороны, вдруг почувствовал, что вся Вселенная стала частью его. Именно частью. Человек больше, чем мироздание, открытое его взору.

Много раз я пытался описать, что произошло со мною не на Луне, не в космосе, а здесь, на Земле, и однажды написал стихотворение "Позади Зодиака":

Тебя долбят изнутри,

И вот ты челн из зыби.

В глазной изнанке нет горизонта.

Угольный зрачок

Стекает с резьба винта.

Небо - гаечный ключ Луны.

Медленно поверни.

Из резьбы вывернется лицо,

*Хлынет свет обратный
На путях Луны, друг в друге аляя.
За этой свободой,
Ничем не очерченной
Не офаненной,
За этими пьянящими контурами
Проявляющейся фотобумаги
Не ищи заветных признаков,
Не обременяй громоздким
Твое грядущее шествие в незавершенность.
И когда эти камни,
Эти пьянящие камни,
Отпадая от тела,
Упадут в пустоту,
Ты пойдешь по полю,
Наполненному прохладой,
Отрывая от земли
Букет своих звонких тел.*

Кто не пережил свое космическое рождение из космического чрева, свое выворачивание, свой инсайдаут, тот вряд ли поймет, о чем я здесь говорю. Труднее всего объяснить незрячему, что такое свет и цвет. Однако слепоглухонемая девушка написала такие стихи:

*Не умею видеть,
Не умею слышать,
Но имею больше
Чувств живых простор.
Гибким и послушным,
Жгучим вдохновеньем
Я соткала жизни
Красочный узор.*

Сегодня каждый школьник с легкостью видит то, что не могли себе представить современники Коперника, Галилея и Джордано Бруно - Землю, которая вращается вокруг Солнца. Возможно, нужны еще два-три десятилетия, чтобы люди переориентировали чувства и зрение и почувствовали космос как свое бессмертное тело. Но рано или поздно такое время наступит, и я хотел бы, чтобы это произошло скорее.

ЛЕСТНИЦА ИАКОВА ВЕДЕТ НАС К БЕССМЕРТИЮ. XXI ВЕК ПРИНЕСЕТ БОЛЬШИЕ СЮРПРИЗЫ

Бессмертие противоречит законам природы, поэтому оно недопустимо. Такова общепринятая точка зрения. Она базируется на историческом опыте и на вполне научных гипотезах. Но не будем забывать, что наука очень молода. Ее методы сформировались лет двести назад. Они принесли миру миллион открытий, раздвинули средний срок человеческой жизни до библейского идеала: "Что человек? Срок его жизни 70 лет". Однако в Библии есть и другие сроки. Легендарный мафусаилов век достигает почти тысячи лет.

Что мешает человеку жить хотя бы 500 лет, как некоторые деревья?

В чем секрет долгожительства черепах до трехсот лет?

На эти вопросы у науки ответа нет. Есть, правда, гипотеза, что все дело в укорачивании хромосомы, на которой записан код жизни. Поговаривают всерьез, что уже в 2020 году этот изъян можно будет устранить. И тогда срок человеческой жизни раздвинется до ста пятидесяти лет. Кстати, великий биолог Мечников полагал, что биологический возраст человека 120 лет.

И все же, глядя на сегодняшних долгожителей (им, как поавило, 90-100 лет) я скептически отношусь к идее продления жизни до ста пятидесяти. Есть ведь еще проблема качества жизни.

Легендарный изобретатель Термен, с которым я был знаком прожил до девяноста трех лет. Он умер в 93 года, мечтая жениться на 16-летней девушке. Его жены (их было бесчисленное количество) всегда были молоды, не выходя за пределы двадцати с лишним лет.

Термен уверял меня, что знает секрет бессмертия. Для этого надо было проделать ряд экспериментов с кровью, пропустив ее сквозь особые установки. Возможно, что себе Термен продлил жизнь таким образом. А может быть, и скорее всего, у него просто очень хорошая наследственность. Сама вера в бессмертие позволяла ему чувствовать себя абсолютно молодым в 90 лет. А ведь жизнь Термена легкой, не назовешь. Тюрьмы и концлагеря отняли 25 лет.

Однако 90 не 900. О каких сроках говорит Библия? Скорее всего, речь здесь идет о времени космического долголетия души человека. Хромосомы хромосомами, а сегодня наука все чаще задает себе вопрос, а откуда взялся вообще весь этот генетический код. И ответ может быть только один. Есть где-то в космосе матрица, с которой этот код отпечатан. Матрица генетического кода в виде малоизученных излучений - это и есть человеческая душа. Возможно, что со временем и она изнашивается, как дискета, но тысяча лет - это приличный срок.

Уже в XXI веке мы научимся распознавать код своей дискеты в виде излучений, исходящих от клеток. Вот тут-то и возможна неожиданность. Срок биологической жизни человека в результате сможет приблизиться к сроку жизни его души. Мы научимся исправлять искажения сигналов, идущих от клеток в космос и от космоса - к клеткам. При этом смерть перестанет быть столь трагической и болезненной. Информация не просто "стирается", а переходит в более качественную стадию. Лестница этих усовершенствований в космосе не беспредельна. Библия называет несколько степеней восхождения: ангелы, архангелы, силы, престолы, власти, херувимы и серафимы, каждая из которых может уподобиться ступени, ведущей к Богу. Семь стадий на пути к слиянию души с вечностью. Каждая ступень по тысяче лет. Через тысячу лет душа человека или исчезает, или становится ангельской.

Но у некоторых людей это происходит в очень сжатые сроки, еще при земной жизни. Это святые и ясновидцы. Ясновидцем был Альберт Эйнштейн, сказавший: "Я настолько слился с жизнью Вселенной, что собственная смерть не представляется мне событием значительным". Это означает, что он уже прочел главную информацию. Говоря современным языком, вышел на главный файл.

Цель человека не бесконечное продление ограниченных сроков жизни, а выход в бесконечность. И здесь XXI век принесет большие сюрпризы. Взломать коды вечной жизни средствами техническими и научными полностью никогда не удастся, но достаточно совершенный разум всегда найдет возможность с помощью науки расширить пределы своих возможностей.

Космос устроен таким образом, что вечная и невечная жизнь в нем необходимы. Человек столь совершенен, что может жить обоими жизнями одновременно. Он и бессмертен, и смертей. Такова его природа.

Библейский патриарх Иаков увидел во сне лестницу, по которой одни ангелы поднимались на небо, а другие низвергались вниз.

В XXI веке человечество достигнет первой ступени этой лестницы, если не низвергнется вниз в результате ядерной катастрофы. Человеческий разум так же безграничен, как и человеческое безумие.

Итак, в XXI веке должно произойти сразу два прорыва.

Биологически человек сможет жить не дряхлея примерно до ста двадцати лет.

Духовно он приобщится к тысячелетней жизни своей души в космосе и очень многое узнает о своем тысячелетнем прошлом и будущем.

Жизнь всегда имеет предел. Но за этими пределами открываются новые и новые горизонты.

ЧЕЛОВЕК БЕССМЕРТНЫЙ...

"Вначале было Слово". Слово было, вернее, пребывало, еще вернее, пребывает раньше, чем возникло время - "прежде всех век". Словом Бог начал светотворение. "И сказал Бог:

"Да будет свет". И стал свет".

Скорость света 300 000 км/с. Значит, слово Божие разбегается со скоростью света по мирозданию, вернее, вместе с мирозданием. Время и пространство возникают по мере замедления, сгущения и уплотнения света. Звук движется медленнее света. Бога в Библии никто не видит, но слышат Его голос. Вот эти слова, запечатленные в Бытии: "Да будет свет", и далее, отделив свет от тьмы, Бог творит мир и нарекает небо небом, землю землей и наконец упорядочивает ход небесных светил. "И сказал Бог: "Да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю".

Первые слова Бога, обращенные к сотворенному человеку и услышанные им: "Плодитесь и размножайтесь".

Далее говорится, что при сотворении Евы Бог говорит: "Вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть". Далее отмечается: "И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились".

Только после этого прозвучали слова таинственного запрета: "Только плодов дерева, которое среди рая, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы не умереть".

Итак, первоначальный замысел Творца - это наши бессмертные Адам и Ева посреди рая. Они плодятся и размножаются, властвуют над всей землей и не знают добра и зла. Вкусив плод от запретного дерева, Адам и Ева, подобно Богу, узнали добро и зло, но при этом утрачивают Божественное бессмертие. Кроме того, появились болезни, а пища перестала быть доступной. Теперь ее придется добывать "в поте лица".

Возможно ли возвращение к изначальному бессмертному райскому состоянию? Возможно, но не в земном, а в космическом масштабе времен. В каждом мире земного времени в свернутом сжатом виде пребывает миг сотворения, когда Творец сказал: "Да будет свет". И стал свет.

Земная райская проекция на землю того же высказывания Бога - это первые слова Творца, которые услышал сотворенный человек: "Плодитесь и размножайтесь. Да будут двое как одна плоть".

Все жреческие ухищрения бледнеют перед этой первой заповедью, произнесенной Богом, и только "Люби ближнего, как самого себя" служит ей дополнением через несколько тысяч лет, хотя эта заповедь есть во Второзаконии.

Адам и Ева в отдельности не похожи на Бога, но вместе они Богоподобны. "И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их".

В любви мужчины и женщины человек становится Богоподобным. Никакого разделения на дух и плоть здесь не наблюдается. Все это появится намного позднее, после грехопадения. Библия не пишет о времени

пребывания в раю Адама и Евы, поскольку в раю они бессмертны и вечны. В земной проекции это могут быть тысячи или даже миллионы. Однако с точки зрения вечности это длится всегда. Дело в том, что каждый ограниченный промежуток земного времени проецируется в вечность. Линза такой проекции образуется, когда Адам и Ева снова "едина плоть". Заметим, что Бог ничего не говорит здесь о духе, поскольку в любви, то есть до грехопадения (а любовь всегда "до") плоть одухотворена и дух воплощен.

Когда плоть одухотворена, а дух воплощен - это вочело-вечивание. Но кроме того - это есть обретение космоса. Бог творил его для Адама и Евы. Имя Ева означает жизнь. Значит, Адам без Евы не был обладателем вечной жизни. Он был всего лишь отражением Бога, его зеркальной марионеткой. Только женское начало Евы сделало его мужчиной. Он стал живым. В небесной проекции Адам (красный) - Солнце, и Ева (жизнь) - Луна. Кроме того, Адам (красный) - это Марс, а Ева - это Венера.

В нас живут два существа: вечный разум и смертное тело.

Для чего человеку дан разум?

Для жизни и для выживания вполне достаточно простых инстинктов. Амеба практически бессмертна, живет, вечно сливаясь с другими амебами. Не плохо устроились вирусы, кочующие аж по Вселенной и тоже практически неуязвимые. Триста лет живет крокодил, не читая книг и не размышляя о смысле жизни. Откуда же возник разум? И зачем? "Мыслью - значит существую", - сказал философ Рене Декарт. Он подметил в этом высказывании очень важные свойства разума. Ум живет не сиюминутным существованием, а жизнью вечной. Благодаря разуму мы сегодня можем переживать события, которые происходили за тысячи лет до нашего рождения в Древнем Риме или в Древнем Египте.

Разум позволяет нам наблюдать события, которые предшествовали возникновению Солнечной системы. Мы даже знаем, как 19 миллиардов световых лет назад в результате мгновенного взрыва возникла Вселенная. Можно сказать, что это и есть возраст и время жизни для разума - 19 000 000 000 световых лет. Зачем человеку даны эти знания, если его жизнь даже в древнебиблейские времена не выходила за пределы тысячи лет. Если верить преданиям, Мафусаил прожил 999 лет, а мы в среднем живем лет семьдесят шесть.

Ответ напрашивается сам собой. Мы-то живем в пределах ста лет, а в голове у нас ютится почти бесконечная световая жизнь Вселенной.

Разум - это форма жизни. И продолжительность этой жизни 19 000 000 000 световых лет. Считается, что мировой разум может жить и без человека. Сомневаюсь. Без человека нет разума. Разуму нужен мозг. Разум - это параллельная форма жизни.

За время жизни человека тело его и весь состав клеток гибнет и обновляется много раз. За время жизни одного мирового разума гибнут и рождаются миллиарды людей. Однако разум у них единый и вечный, поскольку 19 000 000 000 световых лет для нас практически вечность. Вот и получается, что человек это как бы два живых существа, которые друг без друга не могут. Одно существо - разум - живет вечно. Другое - наше биологическое "Я" - увы, смертно и стремится как можно дольше к симбиозу с бессмертным разумом.

Разум в момент биологического "Я" как бы впадает в забытие. Ведь вечность можно осознать, лишь будучи смертным. Вот и получается, что вскользь оброненная фраза Пушкина "нет, весь я не умру" применима не только к гению, но и к любому из нас. Разум не то чтобы живет без нас во Вселенной. В нем он скорее спит и только в нас оживает. Мы же без разума даже не люди, а какие-то бессловесные твари. Даже если все части тела на своем месте.

Поиски высшей цивилизации затянулись и не приведут ни к чему. Потому что искать ее надо не в космосе, а в самом себе. "Царство Божие внутри вас есть".

Можем ли мы полностью слиться с вечной жизнью разума внутри нас? Однажды это произошло. Голливудский философ Барух Бенедикт Спиноза зарабатывал на жизнь шлифовкой алмазов. Однажды его пронзило

прозрение. Разум и свет - это одно и то же.

Шлифователь алмазов Барух Бенедикт Спиноза Доказал синонимичность Понятий "алмаз" и "разум". Грани разума - грани алмаза. Ум алмазообразен.

Теперь яснее солнечного света, что только в бесконечном может вместиться бесконечное.

Мы знаем только три бесконечности: разум, любовь и свет. На самом деле это одна реальность преломляется в трех гранях. Такова главная идея "Этики" Спинозы, состоящей из теорем, аксиом и схим.

Спустя 300 лет эта вещь произвела огромное впечатление на Альберта Эйнштейна. Как физик, он заинтересовался природой света и пришел к удивительному открытию. Оказывается, свет изначальная и главная физическая реальность. Приближаясь к скорости света, даже время и пространство сжимаются, превращаясь в нуль. Что это означает, почти никто не понял.

Даже сам Эйнштейн не мог вывести свое открытие за пределы физики. Признать, что свет - это мысль, а мысль - это свет, ему, воспитанному в традициях материализма, было слишком трудно. Он любил Спинозу, но не был его последователем. Зато Серафим Саровский еще в XIX веке понял, что смысл жизни человека "стяжание Духа Свята". Свят от слова "свет". Дух Света преподобный Серафим "стяжал" еще при жизни. Энергия этого Света была такова, что даже зимой под старцем подтаивал снег, а в темноте от него исходило ослепительное сияние. Это видел воочию и описал генерал Мотовилов, которого преподобный Серафим исцелил от тяжелого недуга. Свет бывает не только видимый, но и невидимый, неразличимый взглядом. Энергетические потоки нейтрино пронизывают нашу Вселенную и никто не знает, какую информацию они несут.

Ясно только, что и частицы света - фотоны, и частицы нейтрино живут вне времени и вне пространства, мгновенно пронизывая собой все мироздание.

Однажды я почувствовал, как некий нервный ток, исходящий от меня в космос, пронзил все мироздание и в тот же а правильное сказать, одновременно вернулся ко мне. В этот миг вся Вселенная стала мной и я вспомнил слова Тютчева:

"Все во мне и я во всем". Это был миг жизни вечной, который длится во мне и по сей день.

УЛЫБКА СФИНКСА

Двадцать первого марта наступило первое весеннее равноденствие на грани двух веков и двух тысячелетий. И снова внимание миллионов людей устремлено к тайне пирамид. Сегодня нет ни малейшего сомнения в том, что пирамиды Древнего Египта - своеобразные обсерватории, ориентированные своими вершинами на Полярную звезду - центральную неподвижную точку неба. Поскольку в Египте каждая точка звездного неба символизировала такую же точку на теле человека, Полярная звезда - это темя. Кроме того, в пирамидах есть шахты, нацеленные на Плеяды и на часть созвездия Ориона - Озириса, которая считалась божественным фаллосом, оплодотворяющим Вселенную. Таким моментом считалось время весеннего равноденствия на восходе солнца, когда Сириус - Изида пересекает эту часть созвездия Ориона.

Этот момент приблизительно совпадает с весенним праздником Пасхи. "Встает Озирис, и радуется Египет. Встает Ози-рис, и зеленеют поля. Встает Озирис, и оживают рыбы в Ниле и птицы поднимаются в небо". Эти древние песнопения египтян так похожи на наши ликующие пасхальные песнопения.

В последние годы не затихают споры об особой космической энергии пирамид, которая, нисходя в шахту от созвездия Плеяд или Ориона, уносит в небо душу - сгусток энергий усопшего фараона. С другой стороны, сами пирамиды, построенные по законам золотого сечения и пропорциям человеческого тела, могут во много раз усилить энергетику, исходящую от живого тела, образуются два энергетических спиральных вихря. Один от

звезд к человеку, другой от человека к звездам. В результате возникает двуединое информационное поле человек - космос. Космос становится человеком, а человек космосом. Этот феномен блистательно описал Андрей Белый, взошедший на пирамиду Хеопса. "В этом месте ужасная иллюзия зрения: над головою видишь не более трех-четырёх ступеней; вниз - то же самое; пирамида видится повешенной в воздухе планетой, не имеющей касания с землей. Мы вдруг ощутили дикий ужас от небывало-сти своего положения. Это странное физиологическое ощущение, переходящее в моральное чувство вывернутости тебя наизнанку. Эта вывернутость связалась с поворотным моментом всей моей жизни. Как будто восходил на рябые ступени одним, сошел же другим".

Таких свидетельств бесчисленное множество и от людей, взошедших на пирамиду, и от небольшого количества избранных внутри шахты для посвященных, строго ориентированной с севера на юг. Есть все основания предполагать, что в основе этих необычных переживаний лежат не только субъективные ощущения, но и некоторые энергетические свойства древнеегипетских пирамид, пока еще не очень поняты наукой.

Дело в том, что наука может исследовать лишь 11 видов излучений, исходящих от человека. Множество других, значительно более слабых, не могут быть зафиксированы приборами. Но и об известных излучениях не затихают споры. Одни утверждают, что это обычные энергетические всплески, исходящие от любого, даже неодушевленного предмета. Другие настаивают, что в этих излучениях закодирована информация, излучаемая от человека в космос. Спор во многом риторический. Скажем, радиоволны могут быть просто радиоволнами, а могут передавать человеческую речь, стихи Шекспира, формулы Эйнштейна, заповеди Христа.

Похоже, что в обычном состоянии человек просто окружен немым энергетическим полем, однако в момент вдохновения или наивысшего любовного всплеска эти поля становятся передатчиками ценнейшей информации. Это состояние мира и человека очень точно передано Лермонтовым: "Ночь тиха, пустыня внемлет Богу. И звезда с звездою говорит". Звезды говорят не только со звездами, но и с людьми, и вполне возможно, что пирамиды усиливают возможность такой космической беседы.

Почему-то, говоря о любви, люди все время обращаются к звездам. Джульетта восклицает, что тело ее возлюбленного, разорванное на части, стало бы звездным небом и в него влюбилась бы вся Вселенная. Разумеется, ни Шекспир, ни Джульетта не подозревают, что таков был обряд терзания Озириса. Его разбрасывали по Вселенной на 14 частей неба, а потом Изиды-Сипиус идя от созвездия к созвездию, соединяла в единое целое тело возлюбленного и воскрешала его.

Современный мир основательно перегружен нарастающей лавиной избыточной информации. Между тем главные для человека проблемы жизни, любви и смерти остаются такими же загадочными и нерешенными, как и в эпоху пирамид. Мистерии Древнего Египта интересны уже тем, что дают свой вариант ответа на мучительные вопросы.

Со времени создания пирамид прошло не меньше пяти тысячелетий, а сфинкс все так же загадочно улыбается, храня свою извечную тайну. "Кто же так жестоко смеется над человеком?" - спрашивал Достоевский устами Федора Карамазова. Может быть, не смеется, а просто что-то не договаривает?

ПИРАМИДЫ ЕГИПТА-ГЕНЕРАТОРЫ ВОСКРЕШЕНИЯ

Когда Сириус восходит с Востока, начинается разлив Нила. Древние египтяне знали - это Изиды - жена-дочь-сестра Озириса - ищет в ночи тело своего убитого мужа-сына-брата. Ози-рис - созвездие Ориона - растерзан на

14 частей. Изида-Си-риус, блуждая по небосводу, собирает по частям его тело и только Фаллос Озириса (одна из звезд в Поясе Ориона) никак не удается найти. Когда же и эта немаловажная часть тела наконец-то найдена, Изида-Сириус прикладывает ее к Озирису. И Озирис-Орион воскресает!

Восход Озириса-Ориона египтяне отмечали так же торжественно, как мы Пасху.

*Воскрес Озирис,
И радуется Египет,
Воскрес Озирис,
И зеленеют всходы.,
Воскрес Озирис,
И птицы вьют
Свои гнезда.*

Миг воскресения Озириса - это максимальное сближение звезды Сириус с тремя созвездиями в Поясе Ориона.

"Тексты пирамид", "Тексты гробниц", "Книга мертвых", изображения на стенах погребальных камер во всех подробностях передают смысл этой звездной мистерии. Хотя расшифровать ее в деталях удалось лишь недавно.

Умерший фараон становился Озирисом. Его душа должна была улететь на одну из звезд. На какую?

Мы знаем, что это средняя звезда из трех звезд в Поясе Ориона.

Открытию предшествовали исследования японцев, обнаруживших в 1993 году полые шахты внутри Великой

пирамиды в Гизе. Вначале думали, что она для вентиляции. Затем специальный робот, запущенный в глубь штольни, вернулся оттуда с великим открытием. Шахты нацелены на 4 звезды. Одна - на Си-риус-Изиду, другая - на первую звезду Пояса Ориона (Фаллос Озириса). Третья - на самую крупную звезду в ковше Малой Медведицы, четвертая - на звезду Тубан в созвездии Дракона. Души усопших забальзамированных мумий фараонов отправлялись на свои звезды, а правильнее сказать, становились этими звездами.

Самым же поразительным открытием стало то, что все пирамиды в долине Гизе, если взглянуть с высоты, составляют созвездие Озириса-Ориона.

При этом Нил выглядит как Млечный Путь. Фотография Ориона относительно Млечного Пути, выполненная в 1987 году, выглядит словно пирамиды долины Гизе, а Нил есть точная проекция из космоса на Землю этого изображения. Даже величина пирамид в точности воспроизводит степень яркости звезд в созвездии Ориона. Чем ярче звезда, тем больше пирамида.

Таким образом, весь комплекс пирамид в долине Гизе, с точки зрения древних египтян, был сложнейшим астро-косми-ческим устройством для ежегодного воскрешения умершего фараона в звездном облике в "виде созвездия Ориона. Практический смысл такого сооружения очевиден. Жизнь Египта полностью и целиком зависела от разлива Нила, Время разлива великой реки соответствовало моменту максимального сближения Сириуса с Поясом Ориона. Этот момент и наблюдался изнутри пирамид через шахтные "телескопы".

Фараон - это звезда, которая, освещает небо,

Яркая звезда и путешественник в другой мир.

Будь душа как живущая звезда пирамид.

Я - душа, я - золотая звезда.

О, фараон, собрат Ориона,

Смотри, он прибыл как Орион,

Смотри, Озирис пришел как Орион.

Фараон пришел для того,

Чтобы прославить Ориона,

Озирис расположен у его головы.

Ты можешь взойти на небо.

Небо даст тебе рождение,

Как Ориону пирамиду,

Живи и будь молодым,

Как Орион в небе.

О, фараон, ты - это великая звезда.

Собрат Ориона,

Кто путешествует по небу с Орионом,

Властитель мертвых вместе с Озирисом.

Так египтяне воспевали воскресающего Озириса каждый год в течение долгих тысячелетий.

Что же на самом деле происходит с душой после смерти?

Возносится ли она на небо к своей звезде или постепенно, растворяется в надмирном хаосе?

Древние египтяне считали, что процесс этот отнюдь не прост. Пирамида как бы генерировала излучения, исходящие от тела к небу. При этом желательно было повторять эту процедуру каждый год. А значит, и тело следовало хранить в забальзамированном виде как можно дольше.

В современной христианской цивилизации вместо пирамид - храмы. Вместо умершего забальзамированного фараона живые люди, возносящие ввысь свои моления об умерших. При этом считается, что души обретают

"Вечную память". Самого же воскресения пока что не происходит. Оно отодвинуто на конец времен. Так или иначе, но сегодня можно с уверенностью сказать, что пирамиды долины Гизе являлись своего рода реактором, осуществляющим воскрешение. Современная наука не может проверить действенность этого сложнейшего астрокосмического сооружения. Но, по крайней мере, теперь известно его устройство и назначение. Думаю, что потомки, которые обнаружат наши ядерные реакторы, тоже не сразу расщепят атом.

ТАЙНА ШИФРА 666

Апокалипсис, или Откровение святого Иоанна Богослова - самая загадочная книга в Новом Завете. Согласно преданию, она написана любимым учеником Иисуса апостолом Иоанном на острове Патмос. Свои откровения св. Иоанн продиктовал молодому сподвижнику Прохору. Патмос для Иоанна был местом ссылки, где он прожил до девяноста лет. Таковы церковные предания.

С точки зрения филолога, Апокалипсис, как все великие и древние книги, содержит в себе несколько смысловых слоев, восходящих к еще более древним памятникам. Это не противоречит церковному преданию. Ведь и сам Иисус часто цитирует тексты из Ветхого Завета или обильно ссылается на всевозможные притчи, бытовавшие на Востоке.

В Апокалипсисе довольно часто звучит поговорка: "Имеющий уши да услышит". Филологи знают, что это очень древнее шумерское изречение. В этом нет ничего удивительного, поскольку древнееврейская цивилизация впитала в себя еще более древнюю шумеро-вавилонскую культуру и древнееврейский язык содержит в себе множество шумерских слов и пословиц. Однако в Апокалипсисе прорвались не только шумерские слова, но и шумерская шестеричная система исчисления. В отличие от более поздней десятичной системы, система шестеричная опиралась на число шесть. Шестерка была для шумеров таким же круглым числом, как для нас десятка. Соответственно 60 значило то же, что для нас 100, а 600 - то же, что для нас 1000.

Когда Иисус обозначает количество бесов, то говорит:

"Имя им - легион". Легион, как тысяча, символизировал тьму и бесконечность. В русском языке слово "тысяча" обозначалось термином "тьма". Тьма-тьмущая, некая неисчислимая бездна.

У древних шумеров число 666 обозначало такую же бесконечность. Называя зверя-антихриста, Иоанн говорит: "Имя ему 666". Это одновременно и тьма, и бесконечность, но еще и реально закодированное имя. Как же оно звучит? По-шумерски 600 - это гешу, 60 - геш, 6 - ишеаш. Соединим звучание вместе и получим имя зверя Гешугешишеаш. А теперь вспомним, как звучало имя Иисуса не в греческой, а в еврейской транскрипции - Иегошуа. Сопоставив Гешугешишеаш с именем Иегошуа, мы ясно увидим, что имя зверя - это анаграмма от имени Иисуса, оно состоит из тех же букв. Только при этом имя Иегошуа как бы вывернуто наизнанку. Греки обозначили это приставкой "анти". Христос - Антихрист.

Таково смысловое значение имени зверя, которое подгоняли и под Нерона, и под Наполеона, и под Ленина, и под Гитлера, и под Сталина: словом, имя им - легион.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

ФОРМУЛА БЕССМЕРТИЯ

СВЕДЕНБОРГ-КОСМИЧЕСКИЙ КОНТАКТЕР XVIII ВЕКА САМЫЙ ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЕВРОПЫ

Под пышным париком европейской знаменитости XVIII века очень трудно распознается лицо. В париках все лица суровы, к тому же не принято было распространяться о личной жизни или исповедоваться перед обществом в сокровенных чувствах.

Всемирно известный шведский ученый Эммануил Сведенборг уже в 57 лет был на вершине своей научной и политической славы. К нему приезжал отец русской истории Татищев. Созданная Петром I Русская академия назвала Сведенборга своим почетным членом. Шведский король был благодарен ему за улаженные отношения с парламентской оппозицией. Все мы и по сей день пользуемся десятичной системой исчисления, не подозревая, что для россиян ее специально разработал Эммануил Сведенборг. Его открытия в горнорудном деле столь велики, что по значимости своей для Европы XVIII века он был рангом не ниже Сахарова или Оппенгеймера для XX столетия.

В 50 лет от трактатов по философии и минералогии Сведенборг переходит к монографии об устройстве всего живого. Само название труда "Хозяйство одушевленного царства" говорит о том, что перед нами вполне законченный, как сказали бы раньше, "стихийный материалист". Ученый утверждал, что душа переносится с кровью человека и что есть-де особая духовная жидкость, в коей она содержится.

И вдруг в 1745 году в Лондоне Сведенборг стал космическим контактером. Посланец инопланетной цивилизации приказал ему рассказать людям об устройстве царства небес. Спустя 11 лет Сведенборг выпустил первый трактат об этом под названием "Небесные тайны".

После инопланетного контакта в 57 лет Сведенборг 27 лет оставшейся жизни неустанно проповедует, издается только на свои деньги, полностью уходит от общественной жизни, предпочитая обществу людей общество ангелов и духов.

Он становится не только самым знаменитым, но и самым загадочным человеком Европы.

В небесном царстве царит любовь.

По свидетельству Сведенборга, устройство неба оказалось поистине поразительным. Небеса своим строением полностью повторяют человека. Есть два невидимых неба, духовное и небесное, они соответствуют сердцу и легким человека. В духовном царстве царит любовь к Богу, что в переводе на язык людей означает любовь к истине и благу. В небесном царстве царит любовь к ближнему. Оба царства соотносятся друг с другом, как сердце и легкие. "Соответствие обоих небесных царств с сердцем и легкими есть общее соответствие небес с человеком". Глаза - это разум неба, уста и язык - небесная речь, почки - способность отделять истину от лжи.

"Хотя все, что есть телесного в человеке, соответствует всему, что есть в небесах, тем не менее человек не есть образ небес по внешности своей, а по внутренности. Внутреннее начало его есть преемник небес".

Оказалось, что на небесах тоже есть Солнце, по сравнению с которым наше, земное выглядит крайне тусклым. Этим Солнцем небес является сам Господь, от него исходит тепло-любовь. "Свет на небесах так велик, что он намного превосходит здешний полуденный; я часто видел его даже в вечернюю пору и ночью. Свет небес не природный, как свет нашего мира, но духовный, потому что исходит от Господа". Здесь начинается самое интересное. На небе есть тоже восток, запад, север и юг. Однако востоком называется там то место, где сияет истиной и любовью Солнце-Господь. Ангелы же устроены так, что, куда бы они ни обращались лицом, Восток-Солнце всегда у них перед глазами немного справа, левая же сияет небесная Луна, которая намного ярче нашего земного Солнца.

Свидетельства такого рода вызывают особое доверие. Это детали, а их придумать трудно.

Описания ангельских одежд напоминают нам православные иконы, хотя Сведенборг протестант и о православии толком ничего не знает. "Одеяния некоторых яркие, как пламя, а у других блестящи, как свет, у других же одеяния светлы, белы, без блеска или разноцветны". "А что они одеваются в разное платье, это я видел тысячи раз", - утверждает ученый.

Особенно удивило и удивляет многих современников описание небесных жилищ. Здесь опять же невозможно не вспомнить православные иконы, наполненные сияющими небесными чертогами. "Я видел на небесах дворцы, которые так великолепны, что превосходят всякое описание; вверху они блестели как бы чистым золотом, а внизу - как бы драгоценными камнями. Эти дворцы были один другого великолепнее, и внутреннее великолепие их не уступало наружному". Здесь же описание райских садов. "На некоторых деревьях листья были как из серебра, а плоды как бы из золота; цветы на грядках казались радугой; в конце садов виделись новые дворцы, и ими заканчивался этот вид".

Все это пишет не восторженный юноша, а человек, идущий к финалу жизни, знаменитейший ум Европы, а главное - ученый и по методике, и по складу своего характера. Как, например, объяснить, что у ангелов, как бы они ни вращались, перемещаясь в пространстве, восток всегда перед лицом, а позади запад? Разве не ясно, что здесь мы имеем дело с какой-то неземной, неевклидовой геометрией. У науки XVIII века еще нет Для этого нужных терминов, и Сведенборг объясняет так: "Но что у ангелов восток всегда впереди, как бы они ни обращались лицом и телом, это еще труднее понять здесь, где человек, обращаясь куда хочет, может видеть и всякую другую сторону света перед собой". Далее дается очень сложное геометрическое, космологическое и

физическое объяснение такого эффекта, которое тем не менее хотелось бы привести здесь полностью.

"Известно, что на земле всякая вещь стремится к своему центру, но правление этого стремления на небесах отличается от направления его на земле". Теперь внимание: "Это различие состоит в том, что на небесах обращаются к общему центру передние части, а на земле - нижние". Все очень сложно и не очень понятно. Зато ясно, что Сведенборг действительно видел нечто весьма не похожее на земную реальность.

В XVIII веке не существовало компьютерных игр, дающих возможность зримо смоделировать виртуальную реальность, проще говоря, делать зримой любую фантазию. Сегодня появились два очень известных фильма "Трон" и "Газонокосильщик" где герои, играя с компьютером, постепенно переходят в ее программу и действуют уже как бы внутри дискеты. Нечто подобное происходит в небесном царстве Сведенборга. Здесь нет расстояний, пространства, длины, ширины, высоты, нет интервалов времени. Вместо времени и пространства - желаний духа или ангела. "Всякий дух в том мире немедленно является! перед другим, если только пожелает этого. И наоборот - один удаляется от другого по мере отвращения от него". Мир субъективной реальности на небесах как раз и является настоящим и объективным.

Как изъясняются ангелы. Сведенборг утверждает, что сотни раз беседовал с ангелами и духами. Речь ангелов единая для всех небес. Она построена на любви, поэтому звуки выражают прежде всего степень расположенности к собеседнику. Чисто внешне язык небесного царства похож на древнееврейский, хотя отличается от него, как подлинник от весьма искаженной копии. "Язык ангельской речи не имеет ничего общего с человеческим, земным, разве в некоторых словах, в звуке которых слышится чувство. Ангелам невозможно произнести ни одного слова человеческой речи. Они пытались это сделать, но не смогли, ибо они могут произносить только то, что вполне согласно с их чувствами".

Невозможно не вспомнить о существующих ныне компьютерных языках, когда читаешь свидетельство Сведенборга о том, что многие понятия в языке ангелов даются числами, а мозг собеседника сам мгновенно расшифровывает переданное;

сообщение, на каком бы языке оно ни звучало. Дело в том, что ангелы говорят с человеком на его языке телепатически через:

систему сложнейших кодов и шифров. При этом человек понимает переданное сообщение раньше, чем его услышит. В речи ангелов мысль опережает произнесенное слово. "Ангелы могут в одном слове выразить то, что человек не может и в тысяче; не говоря уже о том, что мысль их обнимает предметы, которые человек не может ни понять, ни выразить в словах. Вот почему виденное и слышанное на небесах называют неизреченным, чего никогда ухо не слыхало и глаз не видал".

Для того чтобы разговаривать с небом, человеку нужно быть приведенным в особое состояние. Сведенборг с удивлением отмечает: "Я был иногда приводим в состояние, свойственное ангелам, и в этом состоянии, разговаривая с ними, я все понимал; но когда я возвращался к прежнему своему природному состоянию, к обычному для человека мышлению, и хотел собрать в уме все слышанное мною, то не мог этого сделать, ибо тут были тысячи вещей, не подходящих к понятиям природного мышления". Далее следует одно из самых удивительных сообщений ученого. Оказывается, речь высшей цивилизации состоит не столько из звуков, сколько из света. Там, где человеческая земная мысль отстывает и возникают неземные понятия, ангелы начинают сиять словами. "Невыразимые для земли понятия можно передать только посредством разноцветных переливов небесного света. Понятия ангельского мышления, из которых рождаются их слова, являются видоизменениями небесного света, а чувства их, от которых происходят звуки слов, видоизменениями небесного тепла". Таков, по Сведенборгу, язык межпланетной цивилизации.

По сути дела, разговор Сведенборга с посланцами инопланетной цивилизации мало отличим от галлюцинации и фантазии. "Речь ангела и духа, обращенная к человеку, слышится им так же звучно, как речь людская, с той

разницей, что никто из посторонних не слышит ее, а только он один. Это происходит оттого, что речь ангела и духа отражается сперва в мысли человека, а затем уже, внутренним путем, в его орудии слуха". Здесь велик соблазн признать все видения Сведенборга чисто субъективным фантазированием; но как быть тогда с другим признанием ученого, которое во избежание кривотолков приведу дословно. "Однажды я получил с небес бумажку, на которой было написано только несколько слов еврейскими буквами; при этом мне было сказано, что каждая буква полна тайн премудрости и что тайны эти заключаются в изгибах и наклонениях букв и также в звучании их". Бумажку с письменами галлюцинацией не назовешь. Назвать же великого ученого обманщиком но осмелился никто даже из самых яростных его оппонентов.

Сведенборг познакомился не с одной, а с двумя высшими цивилизациями. Одну он называет царством небесным, другую - царством духовным. Царство духовное он называет иногда "внутренним небом". Ангелы внутренних небес могут по звуку и нескольким словам говорящего узнать всю его жизнь. Таким же образом ангелы могут в нескольких словах передать все, что написано в целой книге.

Однако, как бы ни был интересен мир ангелов, для нас, людей, куда важнее мир духов, а вернее - мир нашей загробной жизни. Здесь у Сведенборга очень много совершенно неожиданного и нетрадиционного.

Жизнь после смерти. Мы знаем, что вся окружающая нас среда обитания состоит из остатков существ, когда-то живших на земле. Об этом достаточно писал в свое время философ Федоров. Атмосфера и земля возникли из живых организмов. Ими мы дышим, по ним ступаем. Сведенборг же сообщает, что и небесный мир состоит из духов умерших людей. "Христианскому миру совершенно не известно, что небеса и ад образуются из рода человеческого". Даже ангелы образовались после человека из человеческих душ.

Сведенборг не раз беседовал с умершими людьми. "С иными мне случалось говорить спустя два дня по их кончине. Я рассказывал им, что в это самое время готовятся их похороны и остатки тела их готовятся к погребению. При этом они просили рассказать людям, что они не умерли, а живут такими же людьми, как и прежде, только перешли из одного мира в другой; что они ничего прежнего не утратили, ибо находятся и в теле и пользуются всеми чувствами его, как и прежде: обладают тем же разумом и волей и сохранили такие же помышления, наклонности, ощущения и желания, как бывало на земле".

Такой взгляд на потустороннюю жизнь многим покажется неожиданным, однако и в Апокалипсисе Иоанна Богослова, любимого ученика Христа, говорится о небесном Иерусалиме, где есть и дворцы, и стены, и башни, и река, утоляющая жажду, и дерево, приносящее небесные плоды, утоляющие голод. Обитатели же небесного града на православных иконах выглядят совершенно как люди в одеждах того же покроя, что они носили при жизни. Лица праведников и грешников сохраняют земное портретное сходство, вплоть до особенностей прически.

Говоря о душевном состоянии людей, только что умерших, Гвеленборг пишет: "Каждый человек после смерти находится первоначально в том состоянии, в котором он был и здесь, а потом постепенно переходит из него в небеса или ад. Многие из них чрезвычайно радовались тому, что они живы, и даже с трудом этому верили".

По свидетельству Сведенборга, умершие дети на небесах полностью сохраняют свою детскость и непосредственность - их воспитывают и обучают так же, как на земле.

На небесах есть даже браки по духовной расположенности друг к другу; но конечно же они отличаются от земных супружеских уз. "Небесная супружеская любовь берет свое начало в соединении двух личностей в один дух: вот почему двое супругов на небесах не называются двумя ангелами, а одним".

Жизнь неба постоянно заполнена творчеством и трудом. Духи и ангелы двух небес должны постоянно поддерживать жизнь на земле от растительного царства до человека. При этом борьба умов, торжество истины или, наоборот, заблуждения тотчас же сказываются на всех пределах небесного и духовного царства. Заблуждения есть и в небесной жизни, но там они более высокого порядка.

Я не знаю ничего более утешительного для человека, чем та картина загробной жизни, которая открылась Сведенборгу.

Свидетельство великого Канта. В 1759 году произошел случай, снова привлечший к Сведенборгу внимание всей Европы. Предоставим слово величайшему философу Канту, кстати сказать, не раз полемизировавшему с ясновидцем. Вот отрывок из его письма к Шарлоте фон Кноблох. "В конце сентября, в субботу, в четыре часа пополудни, господин Сведенборг прибыл из Англии в Готенбург. В шесть часов вечера господин Сведенборг вышел из гостиной бледный и взволнованный. Он заявил, что в Стокгольме, на Зюдермальме, вспыхнул пожар (Готенбург от Стокгольма на расстоянии пятидесяти миль) и что огонь распространяется. Он очень беспокоился и часто выходил из комнаты. Он сказал, что дом одного из его друзей, которого назвал по имени, уже превратился в пепел и что опасность грозит его собственному дому. В восемь часов, снова зайдя в комнату, он радостно воскликнул: "Слава Богу, пожар потушен недалеко от моего дома".

Во вторник утром к губернатору прибыл королевский курьер с донесением о пожаре, о причиненном им ущербе, о сгоревших домах. Донесение ничем не отличалось от сообщения, сделанного Сведенборгом; пожар действительно был потушен часов в восемь.

Что сказать против достоверности этого происшествия? Приятель, пишущий мне об этом, проверил все не только в Стокгольме, но месяца два тому назад в Готенбурге, где хорошо знаком с лучшими семьями и мог получить исчерпывающие сведения и где живет еще большинство очевидцев происшествия".

Заметим, что в письме Канта есть одна ошибка. Расстояние от Стокгольма до Готенборга не 50 миль, а целых 300, что несомненно, еще больше усиливает необычность события.

Как ни странно, но именно этот случай, а не сами труды Сведенборга взволновали современников. Еще большее волнение в умах Европы вызвал почти детективный эпизод, когда вдова голландского посла обратилась к Сведенборгу за помощью. После смерти мужа ей предъявили неоплаченные счета, вконец разоряющие семью. Сведенборг встретился с умершим голландским посланником в мире духов, и тот сообщил ему, что счета на самом деле оплачены. Расписки же хранятся в потаенном ящике с бриллиантовой заколкой, которая считалась давно утерянной.

Случай этот тоже достаточно часто проверялся и перепроверялся и современниками, и историками. Вывод один - он был.

Кстати, именно Кант упрекал Сведенборга в том, что реальности потустороннего мира тот слишком прямолинейно перевел на язык Земли. Однако пожар, увиденный в подробностях на расстоянии в 300 миль, и расписки с бриллиантовой брошью в потаенной шкатулке вряд ли можно отнести к разряду небесных видений. Сведенборг ясно увидел то, чего не могли и не могут видеть люди, обладающие обычным зрением. Последний случай особенно удивителен, ведь здесь реальности земного и потустороннего небесного мира тесно переплелись. Что может быть реальнее оплаченной долговой расписки; но, чтобы найти ее, Сведенборгу нужно было отправиться в мир духов и побеседовать там с умершим.

Все свои путешествия Сведенборг совершал не вставая с места. Речь идет не о физическом перемещении тела в пространстве Земли, а о духовных полетах и ясновидении. Человек, создавший систему перемещения посуху судов, сделавший открытия в области медицины от функций коры головного мозга и гипофиза до некоторых особенностей системы кровообращения, открыл еще и то, что оказалось не по зубам даже науке XX века - космическую вечную жизнь каждого человека.

"Прав ты, прав ты, Шведенбург!" - радостно воскликнул

Державин, познакомившись с трудами великого ясновидца. Похоже, что действительно прав.

ФОРМУЛА БЕССМЕРТИЯ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

ГАММА БУДЕТЛЯНИНА

Подобно тому как шахматная доска состоит из черных и белых клеток, мир времени соткан из чередования двоек и троек, четных и нечетных событий. Это означает, что через $2n$ должны происходить события подобные, а через $3n$ - события противоположные. Хлебников перевел эти числа из количества дней в количество лет и получил загадочное число в 317 лет. "Если понимать все человечество как струну, то более настойчивое изучение дает время в 317 лет между двумя ударами струны". Так законы Наполеона вышли через 317×4 лет после законов Юстиниана - 533 год. Римская империя возникла в 31 году, а Германская - в 1871-м, через 317×4 (й) "Итак, 317 лет - не призрак, выдуманный большим воображением, и не бред, но такая же весомость, как год, сутки Земли, сутки Солнца".

"Сутки Солнца", то есть год или время обращения Земли вокруг Солнца, Хлебников тоже считал очень важной мерой. Если земля вращается вокруг Солнца, повторяя свою орбиту; через 365 дней, то не менее интересно знать, что, согласно Хлебникову, через каждые 365 лет рождаются люди-двойники.

"Например, есть закон рождения подобных людей. Он гласит, что луч, гребни волн которого отмечены годом рождения великих людей с одинаковой судьбой, совершает одно свое колебание в 365 лет".

В 476 году в Индии родился астроном Ариабхат, утверждавший, что Земля вращается вокруг Солнца, а через 365×3 в 1157 году родился Калер, доказавший это вращение.

Вывод Хлебникова таков: через 365 лет происходит рождение подобных людей, через $(365 - 48)$, то есть через

317 лет возникают войны, а через $(365+48)$ лет рождаются новые государства.

Самое интересное, что все эти странные чередования укладываются, согласно Хлебникову, в гамму звуковых колебаний от А до У (самого низкого звука в азбуке). Вообразите парня с острым и беспокойным взглядом, в руках у него что-то вроде балалайки со струнами. Он играет. Звучание одной струны вызывает сдвиги человечества через 317. Звучание другой - шаги и удары сердца, третья - главная ось звукового мира. Перед вами будетлянин со своей "балалайкой".

Перед нами стройная неопифагорейская теория, где история человечества вписывается в гамму колебаний звуковых волн. Мы слышим неразличимую простым слухом музыку времени, но Хлебников идет еще дальше. Зная, что все явления материального мира есть сгустки и вибрации световых волн, Хлебников фактически создает проект машины времени, подчиненной звуковой гамме.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Хлебниковская машина времени состоит из зеркал и линз, улавливающих лучи, замедляющих или ускоряющих волны света. Нет никакого сомнения, что такой проект мог возникнуть только на основе теории относительности Эйнштейна. Ведь именно в этой теории проистекает возможность замедления или ускорения времени в зависимости от скорости светового луча. В теории Хлебникова это открытие преломилось самым неожиданным образом. "Когда наука измерила волны света, изучила их при свете чисел, стало возможно управление ходом лучей. Эти зеркала приближают к письменному столу вид отдаленной звезды, дают доступные для зрения размеры бесконечно малым вещам, прежде невидимым, и делают из людей по отношению к миру отдельной волны луча полновластных божеств. Допустим, что волна света населена разумными существами, обладающими своими правительствами, законами и даже пророками. Не дает ли для них ученый, прибором зеркал правящий уходом олл казаться всемогущим божеством?"

О нет это не фантастика Уэллса. Такая машина времени существует - это сама Вселенная, но Хлебников утверждает что люди могут уподобиться "всемогущему божеству", став создателями своего мира, переделывая и создавая будущее и прошлое. Кому-то такой проект покажется только фантастикой, но самое поразительное, что к осуществлению его наука уже приступила.

В 60-е годы астрофизик Козырев предложил абсолютно новую теорию времени. Согласно Козыреву, время есть неуничтожимая реальность Вселенной, порождающая свет и материю. А раз так, то можно построить систему зеркал, улавливающих мировой свет и даже изменяющих течение времени.

В домашних условиях он построил свою систему "зеркал", улавливающих невидимые лучи, энергетические всплески, исходящие из будущего и прошлого. Каким образом? Он направил свои гироскопы в те точки неба, где планета была и где она еще будет. Результат превзошел все ожидания. Сигнал был получен и из будущего, и из прошлого. Во многих лабораториях мира пытались повторить опыт Козырева, но безуспешно. Результат повторить не удалось, а следовательно, он не получил признания.

Однако совсем недавно, в 1991 году, сибирская Академия наук повторила опыты Козырева и получила ошеломляющие результаты. Все опыты подтвердились. Светила исправно слали лучи как из прошлого, так и из будущего, подтверждая правоту Хлебникова.

Наконец, экспедиция академика Казначеева построила систему зеркал Козырева, улавливающих время. В результате пять раз появлялся светящийся объект неизвестного происхождения, а затем в одном из опытов появился "сияющий хвостатый плазмод" необычных очертаний. Ведутся работы над расшифровкой этого опыта.

Вернемся к предсказанию Хлебникова. "Изучив огромные лучи человеческой судьбы, волны которой населены людьми, человеческая мысль надеется применить к ним зеркальные при-SMbi управления, из двояковыпуклых и двояковогнутых стекол. Можно думать, что столетия колебания вселенского луча будут так же послушны ученому, как и бесконечно малые волны светового луча. Тогда люди сразу будут и народом, населяющим волны луча, и ученым, управляющим ходом этих Лучей". Проще говоря, человек станет Богом, а Бог человеком. Однако остановимся на задачах более скромных. С помощью зеркал Хлебникова человек будет видеть свое будущее и прошлое, выходящее за пределы его рождения и его смерти, а это уже бессмертие.

ФОРМУЛА БЕССМЕРТИЯ

Одна из самых загадочных формул Хлебникова - это уравнение прошлого, будущего и настоящего времени, открытое им незадолго до смерти в двадцать втором году. "Три числа! Точно я в молодости, точно я в старости, точно я в средних годах вместе идем по пыльной дороге $105 + 104 + 115 = 742$ года 34 дня".

Кое-что в этой формуле понятно. Хлебников вслед за великим ученым древней Греции Пифагором считает, что срок человеческой жизни в прошлом, будущем и настоящем простирается в пределы тысячи лет. За это время человек трижды рождается и умирает в трех новых обликах. Так, себя Хлебников считал родившимся трижды. В прошлом он видел себя математиком и поэтом Омаром Хайямом, в настоящем - геометром Лобачевским и в будущем, то есть в XX веке - Велимиром Хлебниковым. Почему Омар Хайям обозначен числом 105, Хлебников 115, а Лобачевский 104, со временем разберутся математики. Нам же интересно, что срок космической жизни человека - 742 года перекликается с теми, которые указаны в Библии. Девятьсот лет и более живут библейские патриархи от Адама до Мафусаила. Отсюда выражение "мафусаилов век", означающее сказочное долголетие. Если взглянуть на эти таинственные сроки жизни глазами Хлебникова, то увидим, что средний срок земной человеческой жизни 70 лет - это лишь верхушка айсберга, скрывающего в глубине тысячелетий глыбы жизни космической.

Очертания этой жизни выглядят у Хлебникова загадочно и странно, но в то же время они строятся из материала сегодняшней земной жизни. И в прошлое и в будущее мы глядимся, как в зеркало, и видим в нем пусть преображенное, но все же зеркальное отражение самих себя. "Я посмотрел в озеро и увидел высокого человека с темной бородой, с синими глазами в белой рубахе и в серой шляпе с широкими полями. Так это Числобог, - протянул я разочарованно. - Здравствуй же старый приятель по зеркалу, - сказал я, протягивая мокрые пальцы.

Но тень отдернула руку и сказала:

- Не я твоё отражение".

Числобог - это человек, овладевший законами времени, уловивший его в свои таинственные линзы и зеркало. В данном же случае это сам Хлебников, глядящийся в озеро.

Так же как небесные тела, согласно новейшим астрономическим данным, находятся в прошлом, будущем и настоящем одновременно, так и человек, Числобог, есть некая бессмертная субстанция человека, находящаяся во всех временах. Хлебников утверждал, что об этом знали еще древние египтяне. Они назвали эту бессмертную субстанцию человека именем Ка. "Ка - это тень души, ее двойник, посланник. Ему нет застав во времени. Ка ходит из снов в сны, пересекает время и достигает бронзы (бронзы времен). В столетиях располагается удобно, как в качалке".

И Хлебников жил одновременно во всех временах, потому он так ясно видел многие детали из будущего. Ведь машины времени у поэта не было, был только проект ее. Он сам был сложнейшим устройством,

пронизывающим века невидимыми лучами мысли.

Среди других великих космических утопий XX века (всеобщее воскрешение по Федорову, освоение космоса по Циолковскому) проект Хлебникова кажется мне самым смелым и, может быть, самым глубоким. Ведь он предлагает полет не на космических кораблях и не в пространстве, а во времени. "Мы полетим в космос прямо со стульев земного шара", - восклицал поэт. Он спроецировал теорию относительности Альберта Эйнштейна из области физики, космологии и математики в сферу человеческой интуиции, и здесь его посетили прозрения, которые становятся понятными лишь на исходе нашего века. Поет в пространстве уже закончен. Здесь ясны границы, видны пределы. Пришла эпоха полетов во времени.

Циолковский в своих трудах обжил для человечества космические пространства. Хлебников заселил нами время. Здесь техника должна уступить человеку с его прозрением и интуицией. Я хочу, чтобы луч звезды целовал луч моего глаза, как олень оленя", - писал Хлебников в 1909 году, а в драме "Мир с конца" есть описание обратного хода времени не от рождения к смерти, а от смерти к рождению. Человек сначала старец, потом взрослый, потом юноша, потом младенец. Кажется, уж тут-то мы имеем дело с чистой фантастикой, но не следует спешить с выводами. Математик Курт Гедель тщательно проанализировал время и пространство с точки зрения теории относительности и пришел к выводу, что теоретически обратный ход времени во вселенной возможен. И умирающий старец встретит себя - младенца. Кстати, старец-младенец известен в Китайской мифологии под именем Паны-у.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

ВСЕЛЕННАЯ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

Еще в XIX веке возник спор: в какой вселенной мы живем? Видим ли мы своими глазами мир реальный, или очи обманывают, и мир отнюдь не очевиден. Первый камень в хрустально ясный образ бросил Лобачевский. Его "воображаемая геометрия" вызвала гнев и возмущение ученого мира. Лобачевского высмеяли, об открытии позабыли. Когда сын Н.Г. Чернышевского заинтересовался геометрией Лобачевского, Николай Гаврилович из ссылки прислал письмо, где всячески отговаривал его от вздорной затеи. Даже Чернышевский считал геометрию Лобачевского безумной.

Бунт против неевклидовой геометрии слышен в пламенном монологе Ивана Карамазова, под которым и сегодня могли бы многие подписаться:

"Но вот, однако, что надо заметить: если Бог есть и если он действительно создал землю, то, как нам совершенно известно, создал он ее по евклидовой геометрии, а ум человеческий с понятием лишь о трех измерениях пространства. Между тем находились и находятся даже теперь геометры и философы, которые сомневаются в том, чтобы вся вселенная или, еще обширнее, - все бытие было создано лишь по евклидовой геометрии, осмеливаются даже мечтать, что две параллельные линии, которые, по Евклиду, ни за что не могут сойтись на земле, может быть, и сошлись бы где-нибудь в бесконечности. Я, голубчик, решил так, что если даже этого не понять, то где же мне про Бога понять. Я смиренно соединяюсь, что у меня нет никаких способностей разрешать такие вопросы, у меня ум евклидовский, земной, а потому где мам решать о том, Что не от мира сего. Пусть даже параллельные линии сойдутся и я это сам увижу; увижу, что сошлись, и все-таки не приму".

Позиция В. Хлебникова совершенно иная, антикарамазов-ская. Вслед за Достоевским он пристально

всматривался в ту отдаленную, а может быть, и очень близкую точку вселенной, где параллельные прямые, образно говоря, "пересекаются в бесконечности".

После открытий Минковского и Эйнштейна "воображаемая геометрия" оказалась физической и космической реальностью. К ней устремились взоры многих писателей и поэтов XX века.

"Я - Разин со знаменем" Лобачевского", - писал о себе Велимир Хлебников. Если сегодня окинуть взором многочисленные статьи о нем, мы не найдем в них разгадки этих слов. Главные мысли Хлебникова так и остались погребенными.

В 1916 году в своем воззвании "Труба марсиан" поэт писал:

"Что больше: "при" или "из"? Приобретатели всегда стадами крались за изобретателями.

Памятниками и хвалебными статьями вы стараетесь освятить радость совершенной кражи. Лобачевский отсылался вами в приходские учителя.

Вот ваши подвиги! Ими можно исписать толстые книги!..

Вот почему изобретатели в полном сознании своей особой природы, других народов и особого посольства отделяются от приобретателей в независимое государство времени".

Для современников было непонятно обращение к Лобачевскому. Поэт может быть певцом восстаний и революций, но при чем здесь воображаемая геометрия? Каждый год выходят статьи о Хлебникове, но его неевклидово зрение по-прежнему не интересует исследователей. Пора восполнить пробел.

Девятнадцатилетним студентом В. Хлебников прослушал в Казанском университете курс геометрии Лобачевского, и уже тогда он начертал свое "Завещание": "Пусть на могильной плите прочтут: он связал время с пространством, он создал геометрию чисел". Не пугайтесь, читатели: "числа" Хлебникова это совсем не та скучная цифирь, которой потчевали в школе. У поэта они поют, как птицы, и разговаривают человеческими голосами. Они имеют свой вкус, цвет и запах, а время и пространство не похожи на некую безликую массу - они сливаются в человеке. Хлебников был уверен, что человеческие чувства не ограничиваются пятью известными (осязание, зрение, вкус, слух, обоняние), а простираются в бесконечность.

"Он был, - пишет поэт, - настолько ребенок, что полагал, что после пяти стоит шесть, а после шести семь. Он осмеливался даже думать, что вообще там, где мы имеем одно и еще одно, там имеем и три, и пять, и семь, и бесконечность".

Но это опять же иная бесконечность. У Хлебникова она вся заполнена нашими чувствами. Только открывается это человеку лишь в кульминационный, предсмертный миг.

"Может быть, в предсмертный миг, когда все торопится, все в паническом страхе спасается бегством, может быть, в этот предсмертный миг в голове всякого со страшной быстротой происходит такое заполнение разрывов и рвов, нарушение форм и установленных границ".

"Разрывы" и "рвы" не позволяют нам в обычных условиях видеть все бесконечное энмерное пространство-время вселенной.

"Осветило ли хоть раз ум смертного такое многообразие, сверкнув, как молния соединяет две надувные тучи, соединив два ряда переживаний в воспаленном сознании больного мозга?"

"Два ряда переживаний" - это чувства пространства (зрение) и времени (слух).

Переворот в науке должен увенчаться психологическим переворотом в самом человеке. Вместо разрозненных пространства и времени он увидит единое пространство-время. Это приведет к соединению пяти чувств человека: "Пять ликов, их пять, но мало. Отчего не: одно, но велико..."

На смену разрозненным в пространстве и времени пяти чувствам должно прийти единое пространственно-временное видение мира. Поэт сравнивает разрозненные чувства с беспорядочными точками в пространстве. Слияние этих точек будет восприятием всего энмерного пространства в целом, без дробления его на слуховые

и зрительные образы.

"Узор точек, когда ты заполнишь белеющие пространства, когда населишь пустующие пустыри?..

Великое, протяженное, непрерывно изменяющееся многообразие мира не вмещается в разрозненные силки пяти чувств.

Как треугольник, круг, восьмиугольник суть части единой плоскости, так и наши слуховые, зрительные, вкусовые, обонятельные ощущения суть части, случайные обмолвки великого протяженного многообразия". И "есть независимые переменные, с изменением которых ощущение разных рядов - например: слуховые и зрительные или обонятельные - переходят одно в другое.

Так, есть величины, с изменением которых синий цвет василька (я беру чистое ощущение), непрерывно изменяясь, проходя через неведомые нам, людям, области разрыва, превратится в кукование кукушки или в плач ребенка, станет им".

Хлебников предсказывает, что "единое", протяженное многообразие пространства-времени, ныне воспринимаемое человеком разрозненно, рано и ^ пи поздно будет восприниматься в целом. Это приведет к слиянию пяти чувств, к новому видению мира, ради которого должна сегодня работать поэзия.

Эта вера была незыблемой на протяжении всей его жизни. В одном из последних прозаических отрывков незадолго до смерти поэт писал:

"Я пишу засохшей веткой вербы, на которой комочки серебряного пуха уселись пушистыми зайчиками, вышедшими посмотреть на весну, окружив ее черный сухой прут со всех сторон.

Прошлая статья писалась суровой иглой лесного дикобраза, уже потерянной...

За это время пронеслась река событий...

Но самое крупное светило на небе событий, взошедшее за это время, это "вера 4-х измерений"...

3.IV.1922".

"Вера 4-х измерений" - это теория относительности Эйнштейна, в которой как бы подтвердилась догадка поэта о существовании единого пространства-времени.

Свое юношеское "Завещание" Хлебников писал в предчувствии великого открытия, которое спустя пять лет было сформулировано на основе теории относительности Альберта Эйнштейна математиком Германом Минковским в 1908 году:

Неизданный Хлебников. Л., 1940, с. 318, 319.

"Взгляды на пространство и время, которые я хочу изложить перед вами, развивались на основе экспериментальной физики, и в этом их сила. Они радикальны. Отныне пространство само по себе и время само по себе обратились в простые тени, и только какое-то единство их обоих сохранит независимую реальность".

Слова эти ясно перекликаются с "Завещанием" юного студента, еще не известного в литературных кругах.

Хлебников прослушал курс геометрии Лобачевского и, размышляя о ней, поставил перед собой задачу связать пространство со временем.

Эйнштейн и Минковский пришли к выводу о существовании четвертой пространственно-временной координаты, исходя косвенным образом из тех же идей Лобачевского.

Однако Хлебников шел иными путями, и его понимание пространства и времени было и остается до настоящего времени совершенно феноменальным.

Отрывок "Завещания" дает ясно почувствовать, как преломились в сознании поэта идеи Лобачевского. В отличие от Минковского и Эйнштейна, он считал, что пространство и время соединяются в человеке. Здесь, в сфере живого мыслящего существа, образуется тот узел, где пересекаются параллельные прямые. Здесь готовится гигантский скачок не только сквозь бездны космического пространства, но и сквозь бездны

времени. Человечество должно "прорасти" из сферы пространства трех измерений в пространство-время, как листва прорастает из почки, "воюя за объем, веткою ночь проколов".

Как уже говорилось ранее, в трудах академика В.И. Вернадского высказана сходная мысль: крупнейший ученый считал, что именно пространство живого вещества обладает неевклидовыми геометрическими свойствами.

Когда-то Ломоносов увидел в гласных звуках образ пространства. Так, звук "а" указывал направление ввысь: Открылась безднА звезд полнА;

ЗвездАм числа нет, бездне днА.

Хлебников спустя двести лет продолжал мысли Ломоносова о пространственной природе звука, распространив ее не только на гласные, но и на согласные звуки. Возникла "звездная азбука", о которой речь в дальнейшем. В одной из его записей говорится, что, если язык Пушки-можно уподобить "доломерию" Евклида, не следует ли в современном языке искать "доломерие" Лобачевского. Расшифровка этой мысли проста и высоко поэтична. Евклидова геометрия основывается на обычном опыте человечества. "Доломерие" Лобачевского иного рода, оно основывается на необыденном. Для того чтобы представить его, нужно оторваться от повседневности и очевидности. Таков неожиданный отрыв Хлебникова от привычных значений звука.

Все поиски в области расширенной поэтической семантики звука шли в одном направлении; придать протяженному во времени звуку максимальную пространственную изобразительность. Звук у Хлебникова - это и пространственно-зримая модель мироздания, и световая вспышка, и цвет.

Если читать звуковые стихи Хлебникова, пользуясь данным поэтом ключом к их пониманию, то каждый звук приобретает сияющую цветовую бездонность, перед глазами возникают величественные пространственные структуры, изменяющиеся, превращающиеся друг в друга, творящие из себя зримые очертания неочевидного мира.

Для Хлебникова зримый мир пространства был застывшей музыкой времени. Он чувствовал себя каким-то особо тонким устройством, превращающим в звук очертания пространства и в то же время превращающим незримые звуки в пространственные образы.

Он действительно опространствливал время и придавал пространству текучесть времени.

Пусть мглу времен развеют вещие звуки Мирового языка. Он точно свет. Слушайте Песни "звездного языка".

"Доломерие" - славянская калька со слова "геометрия": "гео" - доле, го есть пространство.

Итак, вот видимое звучание "звездной азбуки". Мировое энмерное пространство-время, как айсберг, возвышается лишь тремя измерениями пространства над океаном йевидимого. Но наступит время, когда рухнет барьер между слухом и зрением, между пространственными и временными чувствами и весь океан окажется в человеке. В этот миг голубизна василька сольется с кукованием кукушки, а у человека будет не пять, а одно, новое чувство, соответствующее всем бесчисленным измерениям пространства, тогда "узор точек" (чувств) заполнит "пустующие пространства" и в каждом звуке человек увидит и услышит неповторимую модель всей вселенной.

Звук "с" будет точкой, из которой исходит сияние. Звук "з" будет выглядеть как луч, встретивший на пути преграду и преломленный: это "зигзица" - молния, это зеркало, это зрачок это зрение - все отраженное и преломленное в какой-то среде. Звук "п" будет разлетающимся объемом - порох, пух, пар; он будет "парить" в пространстве, как парашют.

Эти звуковые волны, струясь и переливаясь друг в друга, сделают видимой ту картину мироздания, которая открылась перед незамутненным детским взором человека, впервые дававшего миру звучные имена. Тогда человек был пуст, как звук "ч", как череп, как чаша. В темной черноте этого звука уже рождается свет "с", уже луч преломляется в зрение, как звук "з".

Распластанный на поверхности земли и приплюснутый к ней силой тяготения, четвероногий распрявился и стал "прямо стоящее двуногое" - "его назвали через люд", ибо "л" - сила, уменьшенная площадью приложения, благодаря расплыванию веса на поверхности. Так, побеждая вес, человек сотворил и звук "л" - модель победы над весом.

Ныне звуки в языке выглядят как "стершиеся пятаки", их первоначальное пространственно-временное значение, интуитивно воспринятое в детстве человечеством, забыто. О нем должны напомнить поэты. Но древние слова, как древние монеты, хранят в начале слова звук - ключ к их пониманию.

Так, в начале слова "время" стоит звук "в", означающий движение массы вокруг центра. Этим же знаком обозначен "вес" - нечто прикованное к своей орбите, но стремящееся разбежаться и улететь. В результате получается "вращение". Вес, время, вращение - вот модель попытки вырваться за пределы тяготения. В результате получается движение планет по кругу, по орбите вокруг центра тяготения.

В противоположность этому стремлению вырваться за пределы тяготения есть центростремительная сила вселенной, выраженная в структуре звука "б". Это тяжелое бремя веса. Чем больше сила тяжести, тем медленнее течет время (это предположение Хлебникова подтвердилось в общей теории относительности, которую Хлебников справедливо назвал - "вера 4-х измерений").

Итак в момент слияния чувств мы увидим, что время и остранство не есть нечто разрозненное. Невидимое станет ви-мым а немое пространство станет слышимым. Тогда и какими заговорят, зажурчат, как река времени, их образовавшая:

Времышы-камышы

На озера бреге,

Где каменя временем,

Где время каменем.

Пространственно осязаем звук в "Слове об Эль":

Когда судов широкий вес

Был пролит на груди,

Мы говорили: видишь, лямка

На шее бурлака...

Когда зимой снега хранили

Шаги ночные зверолова,

Мы говорили - это лыжи.

Он одинок, он выскочка зверей,

Его хребет стоит как тополь,

А не лежит хребтом зверей,

Прямо стоячее двуногое

Тебя назвали через люд.

Где лужей пролилися пальцы,

Мы говорили - то ладонь

Эль - путь точки с высоты,

Оставленный широкой

Плоскостью...

Если шириною площади остановлена точка - это Эль.

Сила движения, уменьшенная

Площадью приложения, - это Эль.

Таков силовой прибор, Скрытый за Эль.

"Формула-образ" - иного определения и не придумаешь для последних строк этого стиха. Может ли формула быть иллюзией? Конечно, только поэт может увидеть в этой формуле "судов широкий вес", пролитый на груди, - лямку на шее бурлака; лыжи, как бы действительно расплескавшие вес человеческого тела на поверхности сугроба; и человеческую ладонь; и переход зверя к человеческому вертикальному хождению, действительно ставшему первой победой человека над силами тяготения, - победой, которая сравнима только с выходом человека в космос в XX веке. Пожалуй, даже большей. Ведь не было для этого каких-то технических приспособлений.

Рядом со "звездным языком" и "Словом об Эль" стоит в поэзии Хлебникова гораздо более известное, но, пожалуй, гораздо менее понятное непосредственным читателем стихотворение "Бобэоби":

*Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй пелся облик,
Гзи-гзи-гзээо пелась цепь.*

*Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило лицо.*

В отличие от "звездной азбуки" и от "Слова об Эль", это стихотворение строится не просто на пространственной структуре звука, но и на тех ассоциативных ощущениях, которые вполне закономерно могут возникнуть у большинства читающих. Произнося слово "бобэоби", человек трижды делает движение губами, напоминающими поцелуй и лепет младенца. Вполне естественно, что об этом слове говорится: "пелись губы". Слово "лиэээй" само рождает ассоциацию со словом "лилейный", "гзи-гзи-гзээо" - изящный звон ювелирной цепи.

Живопись - искусство пространства. Звук воспринимается слухом как музыка и считается искусством временным. Поэт осуществляет здесь свою давнюю задачу: "связать пространство и время", звуками написать портрет. Вот почему две последние строки - ключ ко всему стихотворению в целом: "Так на холсте каких-то соответствий вне протяжения жило лицо".

"Протяжение" - важнейшее свойство самого пространства. Протяженное, зримое, видимое. Хлебников создает портрет непротяженного, незримого, невидимого. Портрет "Бобэоби", сотканный из детского лепета и звукоподражаний, создает незримое звуковое поле, воссоздающее женский образ. Этот портрет "пелся": пелся облик, пелись губы, пелась цепь. Поэтическое слово всегда существовало на грани между музыкой и живописью. В стихотворении "Бобэоби" тонкость этой яни уже на уровне микромира. Трудно представить себе большее сближение между Музыкой и живописью, между временем и пространством.

Соединить пространство и время значило также добиться от звука цветовой и световой изобразительности. Он искал те незримые области перехода звука в цвет, "где голубизна василька сольется с кукованием кукушки". Для Скрябина, для Римского-Корсакова, для Артюра Рембо каждый звук тоже был связан с определенным цветом. Обладал таким цветовым слухом и Велимир Хлебников. Он считал, что звук "м" - темно-синий, "з" - золотой, "в" - зеленый.

Звукопись

Вэо-вэя - зелень дерева.

Нижеоты - темный ствол.

Мам-эами - это небо.

Пучь и чапи - черный грач.

Лели-лили - снег черемух,

Заслоняющих винтовку.

Мивеаа - небеса.

Реакция окружающих на эти слова в драме "Зангези" вполне определена:

Будет! Будет! Довольно!

Соленым огурцом в Зангези!..

Но мы прислушаемся к словам поэта. Несомненно, что звуковые ассоциации Хлебникова, связанные с окраской звука, так же субъективны, как ассоциация, скажем, Рембо, но есть здесь и нечто объективное.

В 1967 году я сравнил цветовые ассоциации Хлебникова с некоторыми данными о цветофонетических ассоциациях школьников, приведенными в статье Г.Н. Ивановой-Лукияновой.

У Хлебникова:

З - отражение луча от зеркала (золотой);

С - выход точек из одной точки (свет, сияние);

Д - дневной свет;

Н - розовый, нежно-красный.

Большинство школьников окрасили звук "с" в желтый цвет. У Хлебникова этот звук - свет солнечного луча.

Звук "з" одни окрасили в зеленый, другие, как и Хлебников, в золотой цвет.

Многие, как и Хлебников, окрасили "м" в синий цвет, хотя большая часть считает "м" красным.

Эти данные тем более ценны, что лингвист-фонетик никак не соотносил свои исследования с поэзией Хлебникова. Видимо, цветозвуковые фонемы Хлебникова и его "звездная азбука" глубоко уходят корнями в пространственно-временные свойства.

Подтверждение правоты В. Хлебникова еще раз пришло несколько неожиданно для меня в 1981 году. В это время вышла книга калининградского лингвиста А. П. Журавлева "Звук и смысл". Там сообщалось, что многие поэты, подчас неосознанно, видят цвет звука. Звуки "а" и "я" передают красный цвет, а звук "о" - желтый и т. д. Спустя два года А. П. Журавлев перебрался в Москву, и мы совместно повторили опыт с окраской звука по телевидению в передаче "Русская речь".

Перед школьниками лежали разноцветные карточки и буквы русского алфавита. На глазах у зрителей они должны были выбрать для каждой буквы свой цвет.

Теперь уже не по книгам, а в реальности я как ведущий телепередачи убедился в правоте Велимира Хлебникова. Многие школьники выбрали хлебниковские цвета. Для них, как и для поэта, "м" был синим звуком.

Конечно, здесь существуют тонкости. Даже в обычном опыте один и тот же цвет люди видят по-разному. Для дальтоников, например, красный и зеленый неразличимы, так сказать, на одно лицо. Есть люди, которые видят мир черно-белым. Что уж-говорить о высоте восприятия Хлебникова или Рембо.

Цветозвук Велимира Хлебникова - весть из другого, как говорили древние, "горнего" мира. Горний мир высоко, как хрустальная небесная гора, но в душе человека эта высота есть. "Горе имеем в сердцах", - восклицали древние поэты. Слово стало исчезать из нашего языка. Только у Цветаевой в "Поэме горы":

Вздрогнешь- и горы с плеч, и душа - горе.

Дай мне, о горе, спеть о моей горе...

Цветозвуковая небесная гора Хлебникова как бы опрокинута в человека. Он смотрит с ее вершины и видит: "Стоит Бештау, как А и У, начертанные иглой фонографа". При таком взгляде звучат любые контуры предмета. А ныне появились переложения рельефа Альпийских гор на музыку - нечто величественное, похожее на фуги

Баха, хотя выполнял эту работу компьютер.

Я представляю, как трудно было поэту жить в мире сияющих слов, в пространстве звучащих облаков и гор. Бештау аукался очертанием своих вершин, одновременно поэт слышал здесь древнеиндийский мировой звук "аум".

Хлебников утверждал, что в звучании "ау" содержится 365 колебаний (подсчитывал на фонографе), одновременно 365 дней в году и еще 365 разновидностей основных мышц у человека, и отсюда мысль о повторяемости каждого мирового цикла событий через каждые 365 ± 48 лет. К этому открытию мы еще вернемся, а пока прислушаемся к "звездной азбуке".

Она похджа на современную космологическую модель метавселенной, где мифы переплетены, взаимопроникаемы и в то же время невидимы друг для друга.

Иные вселенные могут валяться в пыли у наших ног, могут пролететь сквозь нас, не оставляя следа.

Я вспоминаю стихотворение Велимира Хлебникова, где Сириус и Альдебаран блещут в пыли под ногтем.

Это так близко к нашему восприятию метавселенной.

Выходит, что поэт интуитивно видел метавселенную, жил в ней уже в 20-х годах нашего столетия, хотя, конечно, не надо отождествлять его мир со строго научной космогонией. Мета-вселенную можно представить как дерево со множеством веток, вторые не соприкасаются между собой. Каждая ветвь - всеянная, либо подобная нашей, либо отличная от нее. Именно такую модель предложил И.С. Шкловский.

В космической драме "Зангези" Хлебников воздвигает "колоду плоскостей слова", которые вполне можно уподобить листе на древе метавселенной. Их единый образ - утес среди гор соединенный мостом "случайного обвала основной породю" гор.

Мост случайного обвала - это символ поэтического прорыва к единой метавселенной. Сам утес, "похожий на железную иглу, поставленную под увеличительным стеклом", одновременно - на "посох рядом со стеной", - символ нашей вселенной, одиноко возвышающейся среди "основных" пород других миров.

Метавселенная здесь похожа еще на книгу с каменными страницами: "Порою из-за корней выступают каменные листы основной породы. Узлами вьются корни, там, где высунулись углы каменных книг подземного читателя".

Плоскости-вселенные отданы людям, птицам, числам, богам, поэтам, но главное действие разворачивается на восьмой плоскости, где Зангези сообщает миру свою "звездную азбуку".

Она состоит из тех же звуков, которыми изъясняются боги, птицы и люди, но значения этих звуков совсем иные. Это "речи здание из глыб пространства".

Хлебников создает здесь свой вселенский метаязык. Не будем смешивать его в дальнейшем с метаязыком лингвистов, хотя у Хлебникова есть и это значение.

"Слова - нет, есть движение в пространстве и его части - точек, площадей...

Плоскости, прямые, площади, удары точек, божественный угол падения, пучок лучей прочь из точки и в нее - вот тайные глыбы языка. Поскоблите язык, и вы увидите пространство и его шкуру".

В каждом звуке нашего языка таится модель одной из многочисленных вселенных. Легко воспроизвести эти модели графически. "Вэ - вращение одной точки около другой".

Это модель нашей галактики, где все планеты и звезды вращаются вокруг центра. Луна вокруг Земли, Земля вокруг Солнца, Солнце - вокруг оси галактики.

"Эль - остановка падения или вообще движения плоскостью, поперечной падающей точке".

Это модель "двухмерного мира", растекающегося на плоскости. Мир поверхностей населял воображаемыми "плоскатики-ми" еще Эйнштейн в книге "Эволюция физики". "Плоскатики" не видят объема, для них третье измерение - такая же математическая абстракция, как для нас четвертое. Гусеница, ползущая по листу и не

ведающая о дереве, - вот наилучший образ плоскатики. Так мы не видим древа метавселенной и даже не различаем четвертую пространственно-временную координату своей вселенной.

Эр - точка, просекающая насквозь поперечную площадь".

Это одномерная вселенная. Ее "точечные" обитатели не подозревают о существовании линии или плоскости. Их мир - сплошной дискретный мир точек. Мир квантовый. Они "скачут", как фотоны, из ничего в ничто.

Пэ - беглое удаление одной точки прочь от другой, и отсюда для многих точек, точечного множества, рост объема".

Это наилучший образ нашей разбегающейся, расширяющейся вселенной.

Эм - распыление объема на бесконечно малые части. Образ сжимающейся вселенной, скажем, в областях черных дыр.

"Эс - выход точек из одной неподвижной точки, сияние".

Наилучший образ нашей вселенной в первый момент "творения" - взрыва.

"К - встреча и отсюда остановка многих движущихся точек в одной неподвижной. Отсюда конечное значение К - покой, закованность".

Это опять же в районе черных дыр и максимального гравитационного уплотнения массы.

"Ха - преграда плоскости между одной точкой и другой, движущейся к ней".

Это может быть стена уплотнения в области подлета к черной дыре. Между "нами" и "ними" образуется плотная стена. Уплотняется вся вселенная, пока не перейдет в стадию "Эль" - растекание по плоскости до бесконечности.

"Че - полый объем, пустота" - это наша вселенная в будущем на стадии максимального расширения. Находясь внутри ее, мы окажемся как бы в полом объеме.

"Зэ - отражение луча от зеркала - угол падения равен Углу отражения".

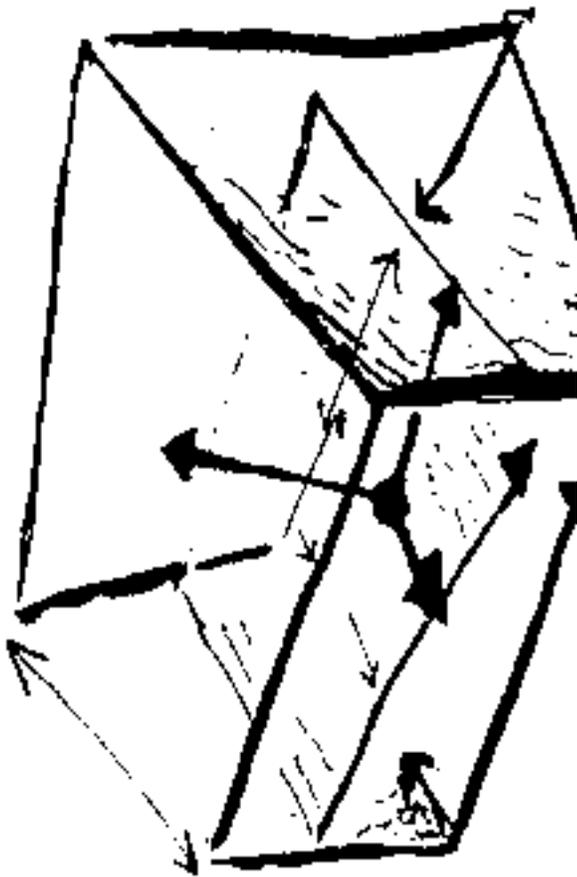
Это зримый образ нашей встречи с антимиром, частицы с античастицей. Зеркальное отражение без соприкосновения.

"Гэ - движение точки под прямым углом к основному движению, прочь от него. Отсюда вышина".

Это антигравитация, полет, невесомость и сингулярность, есть область преодоленного тяготения.

C - свет, расходящийся от точки.

П - разлетающийся объем. В. Хлебников

Модели Хлебникова многослойны: это просто звуки (язык птиц), это звуки-знаки (язык богов), звуки-речи (язык людей) звуки - модели пространства, звуки - модели пространства-времени нашей вселенной на разных стадиях существования - то, что мы только что рассматривали, и, наконец, седьмой уровень - "знаки звездного языка" метавселенной. На этом уровне они звучат для нас просто как "заумный язык", поскольку вселенные метавселенной на уровне привычного языка непередаваемы, ибо говорит поэт: "У нас три осады: осада времени, слова и множества".

Осада времени - это разобщенность вселенных, в каждой свое время и свое пространство, не совпадающее с нашим.

Осада множества - множественность вселенных в метавселенной и принципиальная невозможность сведения их к ОДНОМУ знаменателю.

Осада слова - это ясно выражено в теореме Геделя о неполноте, где доказано, что любой язык, любая знаковая система зиждется на противоречивых утверждениях, то есть язык в принципе не может быть полным описанием реальности.

У лингвистов появился термин "метаязык", то есть язык из другой знаковой системы, который восполняет неполноту другого. Каждый язык неполон, и в то же время он выступает как абсолют, как метаязык по отношению к другому.

Так "звездная азбука" Хлебникова размыкается на всех уровнях. Язык птиц переходит в язык богов, язык богов становится языком людей, язык людей превращается в систему геометрических символов, в космогонические модели, а космогонические модели размыкаются в "заумный язык" невнятного для человека лепета метавселенной:

*Боги великие звука,
Пластину волнуя земли,
Собрали пыль человечества,
Пыль рода людей.
Мы - дикие звуки,
Мы - дикие кони,
Приручите нас:
Мы понесем вас
В другие миры...*

Хлебников приоткрыл тайну своего метаязыка в записных книжках в этом языке семь слоев. Это:

- 1) звукопись - птичий язык;
- 2) язык богов;
- 3) звездный язык;
- 4) заумный язык - "плоскость мысли";
- 5) разложение слов;
- 6) звукопись;
- 7) безумный язык.

Их комбинации в разных сочетаниях дают множество звуковых вселенных.

Поскольку сам Хлебников объяснял, что звук в его драме "Зангези" - это модель пространства, мы можем вычертить контуры каждой вселенной.

Птичий язык соответствует одномерной вселенной - движение точек на плоскости.

Язык богов - двухмерная вселенная - плоскости разных культур.

Звездный язык - трехмерные модели знакомых нам объемов, движущихся в пространстве.

Заумный язык, или плоскость мысли, - это четырехмерное пространство, то есть то, что нельзя охватить обыденным зрением.

Разложение слова - это пространство микромира, опять же ускользающее от обычного видения.

Звукопись - язык четвертой, пространственно-временной координаты, где звуку-времени соответствует пространственная окраска и форма.

И наконец, так называемый безумный язык иных вселенных, которые мы в принципе не можем представить, ибо еще Фрэнсис Бэкон писал, что "вселенную нельзя низводить до Уровня человеческого разума, но следует расширять и развивать человеческое разумение, дабы воспринять образ вселенной по мере ее открытия".

Прочитав "звездную азбуку", легко понять смысл имени зангези: "з" - луч света, преломленный и отраженный в косной преграде "н"; преодолев эту преграду, свет знания устремляется ввысь, как возвышенный звук "г", и, преломившись в лесной сфере, луч истины снова возвращается на землю молнией звука "з" - ЗаНГеЗи.

В имени Зангези - композиция и сюжет всего произведения. Имя Зангези похоже на щебет птиц - это "первая плоскость звука" и первое действие драмы. Каждое действие переходит в новую плоскость, новое измерение.

Все вместе они составляют действие в энмерном пространстве-времени.

Первая плоскость - просто дерево и просто птицы. Они щебечут на своем языке, не требующем перевода:

"Пеночка, с самой вершины ели, надувая серебряное горлышко: Пить пэт твичан! Пить пэт твичан! Пить пэт твичан!.."

Дубровник. Вьер-вьёр виру съек-съек-съек! Вэр-вэр-виру сек-сек-сек!

Сойка. Пиу! Пиу! Пьяк, пьяк, пьяк!.."

Сын орнитолога, Велимир Хлебников в юности сам изучал язык птиц. Эти познания пригодились поэту.

Звукопись птичьего языка не имеет ничего общего с формализмом. Хлебников никогда не играл словами и звуками.

Вторая плоскость - язык богов. Боги говорят языком пространства и времени, как первые люди, давшие им названия. Значение звуков еще непонятно, но оно интуитивно соответствует облику богов. В этой "плоскости богов" было создано стихотворение "Бобэоби".

Суровый Велес урчит и гремит глухими рычащими звуками. Бог Улункулулу сотрясает воздух грозными звуковыми взрывами:

Рапр, грапр, апр! жай

Каф! Бзуй! Каф!

Жраб, габ, бокв - кук

Ртунт! Тунт!

Конечно, и язык птиц, и язык богов читается с иронической улыбкой, которую ждет от читателя и сам автор, когда дает такого рода ремарки:

"Белая Юнона, одетая лозой зеленого хмеля, прилежным напилком скоблит свое белоснежное плечо, очищая белый камень от накипи".

Но не будем забывать, что язык богов, как и язык птиц, строится теми словами и теми созвучиями, корни которых характерны для языков их ареалов культуры.

Язык богов, переплетаясь и сливаясь с языком птиц, как бы умножает две плоскости звука - ширину и высоту. Так возникает трехмерный объем пространства, в котором появляется человек Зангези. Он вслушивается в язык птиц и в язык богов, переводит объем этих звуков в иное - четвертое измерение, и ему открывается

звездный язык вселенной. Опьяненный оим открытием, Зангези радостно несет весть о нем людям, епям и богам: "Это звездные песни, где алгебра слов смешана с аршинами и часами. 'Первый набросок'".

Реакция окружающих банальна. Одни видят в его азбуке "когти льва", но не стремятся его понять, другие просто называют Зангези безумцем. Тогда Зангези опрокидывает свой звездный язык с небес на землю, проецируя небо звуков и сферу неба на сферу мозга. Звучит опьяняюще возвышенный "благовест ума":

Проум

Праум

Приум

Ниум

Вэум

Роум

Заум

Выум

Воум

Боум

Быум

Бом.

Сразу же после этого дается разгадка каждого образа: "Пра-ум - предвидение", "Выум - летающий обруч глупости, не знающий границ, преград, лучистый, сияющий ум".

В "заумном языке" Хлебников моделирует состояние вселенной, где наши представления о пространстве и времени в "Ринципе" дают сбой. И.С. Шкловский писал, что здесь язык современной науки немеет. В самом деле, как смоделировать такие понятия, стоящие на пороге сингулярности, как нуль-про-'^Ранство, нуль-время? Наша вселенная возникла восемнадцать миллиардов лет назад, а что до этого? Нельзя сказать "до этого", ведь "до" подразумевает время. Говоря словами И. Шкловского: "Что было, когда ничего не было?" Вот абсурдная и тем менее реальная постановка вопроса.

Первые три слоя нашей вселенной - язык птиц, язык богов и язык людей - нам знакомы. О чем же говорит слой четвертый - язык заумный? Это еще сфера нашей вселенной, но в той ее области, где смыкаются пространство и время в четвертую пространственно-временную координату.

Пятый и шестой слой метаязыка Хлебникова - разложение слова и звукопись - в принципе понятны. Каков же последний, седьмой слой - язык "безумный"? Его в драме нет и не может быть, он подразумевается как некая разом-кнутость всех слоев языка в невыразимое, то, что сами мы именуем областью разрыва, отделяющей вселенные друг от друга.

К сожалению, мы не можем перелетать, как птицы Хлебникова, от одной ветви вселенной к другой.

Равномерные вселенные, возможно, в принципе неконтактны. Хлебников догадывался и об этом. В его записных книжках есть такие слова:

"Молчаливо допущено, что пространство и время непрерывные величины (бездырно), не имеют строения сетей. Я делаю допущения, что они суть прерывные величины, измерение одного мирка другой величиной".

Вот вам и проблема не межгалактических, а межвселенских контактов. Как измерить мерой нашего мира миры другой величины, мысленно перепрыгнуть из одной ячейки в другую?

Знаменитый "сдвиг", широко пропагандируемый футуристами как прием, для Хлебникова был явлением гораздо более значительного порядка. Теория "сдвига" требовала фактически смешения разновременных и разнопространственных планов изображения. Для Хлебникова "сдвиг" - это скачок из одной вселенной в другую. Читателя должно трясти на ухабах времени. Вместо плавного чередования эпох, предлагаемого

учебником истории, Хлебников дает живой, прерывистый пульс времени с перепадами, перебоями, захватывающими дух у внимательного читателя.

Зачем же вам глупый ученик?

Скорее учитесь играть на ладах

Войны без дикого визга смерти -

Мы - звуколюди!

Батый и Пи! Скрипка у меня на плече!

Поэт призывал человечество "вломиться" во вселенную:

Прибьем, как воин, свои щиты, пробьем

Стены умного черепа вселенной,

Ворвемся бурно, как муравьи в гнилой пень,

С песней смерти к рычагам мозга,

И ее, божественную куклу, с сияющими по ночам глазами,

Заставим двигать руками

И подымать глаза.

Свою трагическую гибель в этой битве Хлебников предвидел вполне, но это не могло поколебать его решимость отвоевать небо.

И на пути меж звезд морозных

Полечу я не с молитвой,

Полечу я мертвый, грозный,

С окровавленную бритвой...

Если "физический" контакт с отдельными ветвями мета-вселенной невозможен, то можем ли мы соприкоснуться на уровне мысли с обитателями иновселенной? Хлебников отвечает на этот вопрос положительно. В стихах эта встреча выглядит так:

Раз и два, один, другой,

Тот и тот идут толпой,

Нагибая звездный шлем,

Всяк приходит сюда нем.

Облечен в звезду шишак,

Он, усталый, теневой,

Невесомый, но живой,

Опустил на остров шаг.

Остров Хлебникова в метавселенной - это поэтический порыв мысли первых десятилетий нашего века.

С мыслью о принципиальной невозможности физического контакта с иными вселенными человечество смириться может, труднее представить невозможность контакта на уровне языка, на уровне мысли, воображения, представления.

Хлебников все же дает нам некоторую надежду. Его "звездная азбука" адресована всей метавселенной, всем мирам. Правда, мы не подозреваем о многих ее космических слоях, как птицы не подозревают о языке людей, хотя в принципе в "языке птиц" и "языке людей" у Хлебникова те же звуки.

Размышляя традиционно, мы все же должны предположить, что если есть метавселенная, значит, множество вселенных представляет некое материальное единство, а если так, то должен существовать некий единый код всей материи - мета-код. Здесь понятие о нем расширяется по сравнению с первой главой. Уже не просто

астрономический код, а более насыщенное понятие, о котором речь еще впереди. В таком случае, говоря на "разных языках" и космологически не общаясь друг с другом, вселенные в принципе могут воссоздать семантику отдаленных миров в системе своих языков, но теорема Геделя с неполнотой велит нам предположить, что и в этом случае останутся вселенные, не охваченные единым кодом. Правда, тут есть некоторое утешение: ведь язык поэзии в принципе всегда разомкнут, открыт в другие миры и потому в житейском смысле заумен или даже "безумен", говоря словами Хлебникова. Поговорим о метавселенной поэта просто на языке поэзии.

И Мировичей - дух надзвездный, зазвездил и

Синим лоном неба; он обитаем

Последний и одинокий.

Миров иных изведал жажду,

Мирейные целины просек оралом звездным,

Разгреб за валом бездны мировинные целины.

"Звездная азбука" звуков нашего языка Будет передана во вселенную, возникнет единое метавселенское государство времени. Оно начнется с проникновения в космос:

Вы видите умный череп вселенной

И темные косы Млечного Пути,

Батыевой дорогой зовут их иногда.

К замку звезд

Прибьем, как воины, свои щиты.

Так же, как сейчас мы путешествуем в пространстве, мы сможем передвигаться во времени. Путешествие во времени будет выглядеть неподвижным в пространстве.

Ты прикрепишь к созвездью парус,

Чтобы сильнее и мятежнее

Земля неслась в надмирный ярус,

А птица звезд осталась прежнею.

"Птица звезд" - очертания нашей галактики на небе. С открытием теории относительности поэтическая мечта Хлебникова приобрела очертания научно-фантастической гипотезы. Время замедляется по мере приближения к скорости света. Следовательно, "фотонная ракета", двигаясь с такой скоростью, будет фактически обиталищем людей бессмертных. Мысль о превращении Земли в движущийся космический корабль была почти тогда же высказана Циолковским. Хлебников говорил о превращении в космический корабль всей галактики.

"Звездная азбука" Хлебникова - космический ориентир для плавания по океану поэзии. Об этом лучше всего говорит сам поэт:

Еще раз, еще раз

Я для вас

Звезда.

Горе моряку, взявшему

Неверный угол своей ладьи

По звездам:

Он разобьется о камни,

О подводные мели.

*Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни.*

Возвращаясь к модели метавселенского древа, вспомним, что корни и ствол у вселенского мысленного древа едины, и тогда разобщенность ветвей вселенных не покажется столь абсолютной. Во всяком случае, Хлебников это древо видел и оставил нам его образ, где, как в голограмме, каждая часть содержит информацию о целом.

*Изломан сук на старом дереве,
Как Гоголь, вдруг сожегший рукописи...
Казалось, в поисках пространства Лобачевского,*

*Здесь Ермаки ведут полки зеленые
На завоевание Сибирей голубых,
Воюя за объем, веткою ночь проколов...*

*Ты тянешь кислород ночей могучим неводом,
В ячеях невода сверкает рыбой синева ночей,
Где звезды - предание о белокуром скоте.*

Это дерево - настоящая поэтическая модель метавселенной. Здесь листва, прорываясь в небо, повторяет путь воинов Ермака и одновременно вычерчивает кривые Лобачевского, выходя в четвертое измерение пространства-времени.

Так мы вычерчиваем древо метавселенной, хотя наши сегодняшние представления о ней со временем могут показаться не более достоверными, чем мифологические предания о звездах как о "белокуром скоте". И все же как приятно "растекаться" поэтической мыслью по метавселенскому древу Хлебникова.

Здесь самые разные, будто бы созданные разными поэтами, строки складываются в единую голограмму вселенной. В этом сказочном замке можно, спустившись в подземелье египетской гробницы, выйти навстречу будущему. Можно в самолетном "шуме Сикорского" уловить стрекотание кузнечика и трепет прозрачных крыльев. Стихи Хлебникова и его поэмы удивительно похожи на очертания "умных машин", переливы жидких кристаллов; его образы перекликаются своей необычностью с математическими законами, открытыми научной мыслью XX века. Он воочию видел "стеклянные соты" современных зданий, он видел и то, что, возможно, еще предстоит совершить человечеству, "прикрепив к созвездию парус".

Математический ум поэта с легкостью соединяет несовместимые друг с другом планы пространства, при этом большее пространство часто оказывается заключенным в меньшее:

*В этот день голубых медведей,
Пробежавших по тихим ресницам...
На серебряной ложке протянутых глаз
Вижу море и на нем буревестник...*

Ложка, глаза, море, ресницы и медведи совмещены по принципу обратной матрешки: меньшая матрешка вмещает в себя большую. Глаза и ложка вмещают в себя море, медведи пробегают по ресницам.

Для нас гипотеза о человеческом хронотопе, назовем ее есть прежде всего яркий художественный миф Хлебникова. Этот миф строился на новейших научных представлениях и в то же время из древнейших блоков всей мифологии культур Востока и Запада.

В своей стройности пространственно-временной мир поэта хватывает все слои языка, от звука до композиции произведения в целом.

Здесь уместно вспомнить разъяснение к новой космологии мира, данное самим Эйнштейном: "Программа теории поля обладает огромным преимуществом, заключающимся в том, что отдельное понятие пространства

(обособленного от пространства-времени) становится излишним. В этой теории пространство - это не что иное, как четырехмерность поля, а не что-то существующее само по себе. В этом состоит одно из достижений общей теории относительности, ускользнувшее, насколько нам известно, от внимания физиков". (То, что ускользнуло от физиков, "не ускользнуло" от Хлебникова еще в 1904 году.) Эйнштейн считал, что четырехмерность мира вообще нельзя увидеть человеческим взором:

"Я смотрю на картину, но мое воображение не может воссоздать внешность ее творца. Я смотрю на часы, но не могу представить себе, как выглядит создавший их часовой мастер. Человеческий разум не способен воспринимать четыре измерения". Он не знал, что еще до выхода в свет специальной теории относительности Хлебников создавал свою четырехмерную поэтику, полностью подчиненную задаче открыть четырехмерное зрение:

"Люди! Мозг людей и доныне скачет на трех ногах (три оси пространства). Мы приклеиваем, возделывая мозг человечества, этому щенку четвертую лапу - время".

О четырехмерном мире Эйнштейна - Минковского хорошо сказано в книге астронома Ф. Зигеля

"Неисчерпаемая бесконечность":

"В 1909 году немецкий математик Герман Минковский предложил оригинальную модель реального мира. К трем обычным его измерениям он прибавил четвертое измерение - время. В самом деле, всякое событие происходит не только где-нибудь (для этого нужно знать три измерения, точнее, три координаты), но и когда-нибудь. Поэтому наш пространственно-временной мир Минковский предложил представить по аналогии с железнодорожным графиком. Тогда каждому объекту, в том числе и человеку, в четырехмерном мире Минковского будет соответствовать некоторая кривая, которую он предложил назвать мировой линией.

Конечно, мировая линия может быть лишь в том случае если речь идет о математической точке, существующей во времени. Что же касается протяженных тел, то их четырехмерные изображения в мире Минковского скорее можно сравнить со змеями или червями. Так, например, всякий человек в мире Минковского сразу представлен всей своей жизнью от момента появления на свет до смерти. То же, что мы видим вокруг себя есть сечение в данный момент времени странных четырехмерных образований". Правда, Зигель, в отличие от Эйнштейна, считает четырехмерность лишь удобной математической абстракцией. Хлебников, как и Эйнштейн, четырехмерность пространства-времени считал реальностью всей вселенной. Его поэзию можно назвать эстетическим обживанием вселенной Эйнштейна. Теория относительности дает две космологические модели пространства-времени нашей вселенной: замкнутую расширяющуюся (сферу) и открытую вселенную с отрицательной кривизной (гиперсферой). Любое событие в такой вселенной изображается не точкой, а мировой линией, проходящей по всей поверхности пространства-времени. С вселенской точки зрения любое точечное событие в нашем мире растягивается, как веер, в четырехмерном континууме. Получается, что роковая пуля Дантеса, столь молниеносно пролетевшая в нашем трехмерном пространстве, в четырехмерном вселенском пространстве-времени продолжает свой путь сейчас и летела там еще до того, как Дантес спустил курок. Хотя понятия "до" и "после" вполне реальны в нашем пространстве, они не имеют никакого смысла во вселенском четырехмерном мире. На сферической поверхности мира линия мировых событий рано или поздно должна сомкнуться, как всякая искривленная линия и, стало быть, повториться. Это приводит к несколько странному выводу. Выстрел

Дантеса, прозвучавший в нашем реальном пространстве в 1837 году, в четырехмерном континууме должен периодически повторяться каждый раз, если кончатся искривленная линия мировых событий. При этом нельзя сказать, который из выстрелов следует считать повтором. Во вселенной Эйнштейна понятия "раньше" и "позже" не имеют никакого реального смысла.

Хлебников смотрел на время таким, космическим взором. Он считал, что "вселенские" повторы одного и того же события имеют отношение и к нашему трехмерному пространству. В RO вселенском пространстве-времени "раньше" и "позже" не существует. Там все, что было - будет, и все, что есть - было. А что, если спроецировать такое вселенское видение на наш, земной мир?

Кедров Константин - "Параллельные миры "

БЕССМЕРТИЕ ПО ФЛОРЕНСКОМУ

Самое скверное в моей судьбе - фактическое уничтожение опыта всей жизни. Если обществу не нужны плоды моей жизни, то пусть и остается без них; это еще вопрос, кто больше наказан, я или общество...

П. Флоренский

Правду о снах поведал мне Павел Флоренский в книге "Иконостас".

Есть сны обычные, а есть вещие. В вещих снах время движется в обратную сторону и часто можно увидеть будущее.

"Я спал глубоким сном, похожим на обморок, так что даже сновидений не было или они забылись еще до пробуждения. Но соответственно сильным было чувство, правильнее сказать, мистическое переживание тьмы, небытия и заключенное. Я ощущал себя на каторге".

Сон оказался вещим. И, как знать, может, промелькнул в тех провидческих видениях миг освящения поляны. Узники Соловков нарекли поляну Храмом Иоанна Богослова и тайно молились Господу посреди заснеженного зим-"зго леса. Может быть, среди них был и священник Павел корейский.

Впрочем, литургия есть таинство. В ней незримо присутствуют все молящиеся. Все мы прихожане того незримого храм Иоанна Богослова.

Таинство евхаристии - превращение хлеба в тело Христово, превращение виноградного вина в его кровь. Не было у арестантов виноградного вина для совершения таинства, но в первом своем чуде Христос превратил воду в вино, а потому и снег и вода могут стать соком виноградной лозы.

"В это мгновение тончайший луч, который был не то незримым светом, не то неслышным звуком, принес имя - Бог"

Мне кажется, я всегда знал Павла Флоренского и любил тихие беседы с ним. Он приходил ко мне всегда вечером, когда последний луч золотого света озаряет иконостас и в храме поют "Свете тихий святые славы пришедшие на запад солнца видеше свет вечерний" и еще "Во свете твоём узрим свет".

Я стоял тогда в храме в алтаре, и стихарь псаломщика озарялся и переливался светом, когда я снимал ее после службы в ризнице.

Тогда, еще ребенком, я не знал, что это был он - Флоренский. Неодолимая сила влекла меня к запретному храму. Позднее, в студенческие годы, я с замиранием сердца открыл в библиотеке фолиант трудов Павла Флоренского. Манило само название: "Столп и утверждение истины". При слове "столп" я видел столб света в храме, ниспадающий из-под купола в час вечернего богослужения.

Но есть еще и другой свет, свет невидимый, "свет невечерний" - напоминал Флоренский. Этот незримый свет исходит от золотого неба древнерусских икон. "Почему у нас на иконах небо не серое, не голубое, а золотое, - спрашивает Флоренский, - потому что это изображение незримого изначального света любви".

"Мой светлый, мой ясный", - с такими словами обращается Флоренский к своему другу. Книга "Столп и утверждение истины" состоит из таких писем. От света к свету передается слово, от человека к человеку. Не случайно в Библии свет и Слово едины. "И сказал Бог: "Да будет свет". И стал свет". А потом в Евангелии от Иоанна: "Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма его не объест". Таким светом стал в моей жизни Павел Флоренский - философ света.

В Сергиевом Посаде под сенью "Троицы" Рублева он учился защищал свою богословскую диссертацию, позднее священствовал, писал трактат, свои последующие труды, общался с богословом Сергеем Булгаковым. Так изобразил их Нестеров в картине "Философы". Они идут, беседуют на фоне подмосковного пейзажа, еще не ведая о своей судьбе.

Сергей Булгаков станет священником, потом изгнанником и напишет биографию Флоренского.

Павел Флоренский станет узником Соловецкого лагеря и других сталинских лагерей, где в заточении и ссылке прервется его жизнь. Но мне не хотелось бы подробно говорить о мученическом финале жизни, ибо для самого Флоренского важнее были мысли, им высказанные, - то, ради чего он принял мученический венец.

"Самое скверное в моей судьбе - фактическое уничтожение опыта всей жизни. Если обществу не нужны плоды моей жизни, то пусть и остается без них; это еще вопрос, кто больше наказан, я или общество".

Вот она книга, за которую арестован священник, никому не причинявший никакого зла, - "Мнимости в геометрии". Раскрыв ее, встретите много формул, но не пугайтесь. Все это можно увидеть так.

Вот я иду по ступеням со свечою в руках, спускаюсь ниже и ниже, вот передо мной темный туннель, вот в переходах орудия пыток, цепи, вот пространство сужается, тьма. Шаг - и я на вершине колокольни, и безграничная перспектива передо мной. Спускаюсь во тьму - выхожу к свету, спускаюсь вниз, а оказываюсь на вершине, вхожу в сужающееся пространство, а оно распахнуто в бесконечность.

Как это возможно? Это возможно в мире обратной перспективы и неевклидовой геометрии.

Сам Флоренский изобразил это так. Вот я беру ножницы, разрезаю ленту, перекручивающее восьмеркой и склеиваю концы. Это лента Мёбиуса.

Человек, идущий по ней, спускаясь, поднимается вверх, как на картинах художника Эсхера, много раз иллюстрировавшего эту идею.

Но для Флоренского это не идея, а опыт его мистической жизни. "Истина, - говорил он, - происходит от слова истина". "Есть" - это значит "быть" и "вкушать" - оба значения верны.

Геометрические формулы неевклидовой геометрии есть чертеж смерти и бессмертия человека. Флоренский понял это, когда впервые прочел теорию относительности Альберта Эйнштейна. Вот он, физик, поначалу почти безбожник, позднее верящий в Бога, но вне всех религий - Альберт Эйнштейн и православный священник, богослов и математик Павел Флоренский. Их соединяет все тот же луч света.

Учение Флоренского о мнимостях и обратной перспективе до сих пор понимают немногие.

Мнимости - это запредельные величины. Сны, видения загробная жизнь. До Флоренского все это считалось уделом религиозной мечты, и вдруг - космология, физика, геометрия.

Эйнштейн открыл, что скорость света имеет предел. А дальше? А дальше "тот свет", говорит Флоренский. Он реален, его можно увидеть в обратной перспективе сквозь резную решетку царских врат во время богослужения или в отсвете лампы, отраженном в стекле киота.

Вовсе не обязательно мчаться со сверхсветовой скоростью, чтобы увидеть тот незакатный свет. Икона есть окно в запредельный мир. Вот одно из доказательств бытия Божия по Флоренскому: "Если есть "Троица" Рублева, значит, есть Бог". Перспектива иконы сходится не в отдаленной точке воображаемого пространства, а в человеке. Вся вселенная спроецирована сюда. "Царство Божие внутри вас".

По Флоренскому, финал земной человеческой жизни не совпадает с его смертью. Поэтому год расстрела - 1937-й - не может считаться концом его земного пути. Для Бога "один день как тысяча лет и тысяча лет как один день".

Может быть, земная жизнь Флоренского началась в первом веке, когда на землю пришел Христос, а может быть, раньше, когда "сказал Бог: "Да будет свет". И стал свет".

Попробуйте посмотреть на солнце открытым взором. Нет, вы ничего не увидите, кроме вспышки. А если сквозь пелену, дымку слез? Сквозь прозрачный прищур ресниц? Тогда можно увидеть солнце воочию.

"Когда Христос исцелял слепорожденного, тот видел сперва проходящих людей, как деревья, - это первое оформление небесных видений, но мы пролетающих ангелов не видим ни как деревья, ни как тень далекой птицы, попавшей между нами и солнцем, хотя более чуткие иногда и отметят могучие взмахи ангельских крыл, но эти знаки почувствуются лишь как тончайшее дуновение".

Флоренский понял мудрость Творца. Между земным зрением и небесным светом должна быть решетчатая преграда. Это япадокс, но только сквозь решетку можно увидеть близлежащее соседнее пространство и почувствовать его перспективу и глубину. Посмотрите на небо. Вы не видите, как оно высоко: слишком велико расстояние. А теперь сквозь листву деревьев. Какая бездна пространства открывается в одной кроне.

Вот так весь наш зримый и материальный мир - только крона дерева, только узорчатая листва, только резьба алтарной решетки, чтобы сквозь нее прозреть вечность.

Та бесконечность открывается нам за стеклом киота. Для того и существует это стекло, чтобы сквозь прозрачную преграду взор ушел в бесконечность.

"Однажды в детстве принесли много винограду. Я увидел свет солнца в виноградной грозди и потянулся к нему. Но отец нарисовал обезьяну и сказал: "Она запрещает", - и тогда я понял: земной виноград не для меня". Не к земному винограду, а к небесному свету тянулась рука ребенка.

А потом, когда он узнал, что свет мчится по Вселенной с невероятной скоростью, он устремился за ним мысленным мистическим взором и почувствовал там, за барьером скорости света, холодок стекла киота, преграду между этим и потусторонним миром.

Дальше лететь нельзя, говорят физики и космология. Здесь время и пространство равны нулю. Но туда-то и рванулся Флоренский мысленным взором. И понял, что тело становится вечным; на языке физики - приобретает "бесконечную массу", на языке Флоренского - "выворачивается в мироздание".

И вдруг он почувствовал что-то очень знакомое. Ну да, ведь именно это происходит в момент таинства

евхаристии, в проникновенной молитве, в смерти - отпевании, в рождении - крещении.

Именно тогда он написал: "Нет никаких доказательств, что такое выворачивание возможно лишь при световых скоростях".

Такого доказательства нет. Потому что скорость мысли больше скорости света, а жизнь духа простирается в вечность за пределы всех скоростей.

ОН ДОКАЗАЛ НАМ, ЧТО МЫ БЕССМЕРТНЫ, ИЛИ ГЛАВНОЕ ОТКРЫТИЕ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО, ОТЦА ПАВЛА, ЧЬИ НЕПОЗНАННЫЕ ОТКРЫТИЯ РАВНЫ ЛИШЬ ПРОЗРЕНИЮ ГЕНИАЛЬНОГО ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Уже на исходе XX столетие и пора подвести итоги великим его открытиям. Хватит лить слезы и сокрушаться о том, что не сбылось. Пора обрадоваться тому, что мы все-таки обрели.

Павел Флоренский родился 9 января 1882 года в местечке Евлах Елизаветпольской губернии. Расстрелян в 1937 году на Соловках. Учился на физико-математическом факультете Московского университета, затем продолжил образование в Духовной академии.

Основные труды "Столп и утверждение истины", "Иконостас" в советское время были запрещены.

Самый главный труд "Мнимости в геометрии" до сих пор не переиздавался.

Человек совершенен только в двух случаях: когда он творит и когда он любит.

Есть еще совершенство подвига или жертвы, но оно сопряжено с уходом из нашей жизни и потому совсем нежелательно.

Павел Флоренский реализовал себя полностью во всех трех измерениях совершенства: он гениальный творец, он идеальный любящий отец своих детей, физических и духовных, и, к величайшему несчастью для нас, он мученик священник, расстрелянный в Соловецком лагере.

О мученичестве Флоренского сказано так много, что это заслонило самое главное открытие его жизни - книгу "Мнимости в геометрии". За нее и арестовали отца Павла, за нее и убили, хотя, конечно, наспех приписали ему участие в монархической подпольной организации, что звучит абсурдно для всякого, кто знаком с жизнью и трудами Павла Флоренского.

На самом деле гениальный священник был абсолютно лоялен по отношению к существовавшей власти, поскольку вслед за А. Блоком считал ее справедливым возмездием Божиим, осуществляющим Апокалипсис на земле. Флоренский был активнейшим участником в осуществлении плана ГОЭЛРО (электрификации всей России), даже в ссылке он продолжал работать над производством взрывчатого вещества огар-огара, экспериментировал, пока была такая возможность в лаборатории вечной мерзлоты.

По обилию творческих замыслов, отчасти загубленных, отчасти осуществленных, его можно сопоставить разве что с Леонардо да Винчи. С той разницей, что Леонардо завершил свой жизненный путь в почете и славе, а мы не знаем даже могилы своего гения.

Не для разжигания страстей я все это говорю, а для того, чтобы понять, что именно неладно в нашем Датском (Российском) королевстве. Почему страна убивает своих великих сынов?

Мне кажется, что зло коренится в неистребимой жажде иметь перед глазами образ врага. В те годы образ врага - человек в сутане, священник, а значит, все, что делает такой человек, - крайне опасно и подозрительно.

Если бы Павел Флоренский не был священником, вероятно, ему бы удалось, как Вернадскому или как академику Павлову, вписаться в систему, не сливаясь с ней, продолжая научные исследования. Он уже ступил на этот путь, начав исследования по добыванию взрывчатых веществ из морских водорослей. Иногда судьба была более милостива и к священникам. Архиепископ хирург Лука получил Сталинскую премию за свою монографию "Гнойная хирургия", будучи в тюрьме.

Не будем искать закономерности в абсурде. И архиепископ Лука мог погибнуть в застенках без всякой премии, и Павел Флоренский мог получить Сталинскую премию за свои исследования в Соловецком лагере.

Закономерность в другом: тот и ДРУГОЙ оказались за решеткой в мирное время, будучи лояльными гражданами страны, несмотря на свою гениальность, а вернее, именно благодаря своей гениальности.

Общество часто не любит гениев. В них слишком много яркого, индивидуального, а система ценностей,, которая закладывалась в умах россиян в течение многих столетий, требовала "будь как все". Та самая крестьянская община, которую с умилением Успевали и славянофилы, и революционные демократы, не допекала ничего личного, отсюда и к частной собственности неприязнь и вражда; а мысли - они со времен патриарха Никона строжайше контролировались и учитывались, дабы не было ереси.

Парадокс, но священник Павел Флоренский и тысячи дру, тих священнослужителей погибли в той самой соловецкой тюрьме для верующих, где в дореволюционные времена была духовная (да, да, духовная) тюрьма для атеистов и еретиков.

Конечно, не в таких масштабах и с противоположным знаком, но все же тюрьма для мысли. Здесь нет ни малейшего повода к самоуничтожению. Духовные тюрьмы были и в Западной Европе, чего стоит одна инквизиция, но так или иначе Европа избавилась от этой страшной заразы, избавилась постепенно и Россия XIX и начала XX века, но катастрофа мировой войны завершилась для Германии и части Европы фашизмом, для России - коммунизмом. Обе идеологии строились на презрении к личности. "Ты - ничто, твой народ - все", "Единица - вздор, единица - ноль" - вот скрижаль для посредственности. Отсюда гигантские разросшиеся НИИ, которые при всей своей необъятности не заменят одного Циолковского, одного Флоренского, одного Вернадского, одного Чижевского.

Флоренский вырос в семье, где отец стремился создать семейный рай для своих детей. И такой же рай стремился создать отец Павел в своей семье. Любящий отец, нежный семьянин, скромный священник, но прежде всего гений. Все можно укротить и вогнать в каноны, но мысль яростную, неподчиненную - куда ее денешь?

К чему бы ни прикоснулся Павел Флоренский своей мыслью, все начинало сиять и светиться новым неповторимым светом. Он открыл словарь на слове "истина" и прочел по-литовски "естина". Значит, истина - это то, что достоверно само по себе и не нуждается в доказательстве, как солнце на небе.

Такой подход опережал движение философской мысли на годы. Пройдут десятилетия после выхода книги Флоренского "Столп и утверждение истины" и появится целое направление лингвистической философии.

Лингвистическая философия станет очень пристально всматриваться в слова и придет к выводу, что почти все научные определения упираются в расплывчатые и многозначные формулировки, которые мы придаем словам. Мысль уперлась в тупик. Все формулируется словом, а слово по природе своей неточно.

Флоренский, нащупав условность слова, сразу нашел выход из тупика. Это интеллектуальное словотворчество.

Мыслитель сам создает свою мифологию вокруг слов, не скрывая субъективность творческого подхода. Так слово "истина" связалось со словом "есть", "быть", по-немецки "ist".

Флоренский был твердо убежден, что любая научная истина должна иметь конкретный чувственный облик для человека. Ему принадлежит замечательный постулат доказательства ймтия Божия. "Если есть "Троица" Рублева, значит, есть Бог". Икономир. Флоренский не отрицал, что икона - символ, но для него символ был

большей реальностью, чем сама доска, на которой Троица запечатлена.

И здесь философ опережал время примерно на полстолетия. Позднее в трудах ученика Фрейда Юнга будет четко сформулировано учение об архетипах - прообразах мироздания обладающих в равной мере субъективной и объективной природой.

Магнетизм "Троицы" Рублева притягивал взор Флоренского, внезапно открывшего в этой великой иконе геометрию Лобачевского. Да, да. Именно Лобачевского. Ведь "воображаемая геометрия" великого геометра была действительно для зеркально выгнутых полусфер. Флоренский увидел, что геометрия иконы подчинена не Евклиду, а Лобачевскому. Перспектива изогнутого пространства такова, что не вы смотрите в глубь картины, а картина охватывает вас своей изогнутой полусферой - вы внутри иконы. Так елочный зеркальный шар отражает пространство всей комнаты, вбирая его в себя.

Флоренский назвал это "обратной перспективой". Оставался один шаг до главного открытия жизни. Вышла в свет на русском языке "Общая теория относительности" Альберта Эйнштейна. Где все пространство нашей Вселенной оказалось искривленным именно по законам обратной перспективы Флоренского.

С этого момента начался духовный поединок отца Павла с великим физиком. С чем же не согласился Флоренский в тео-РИИ относительности Эйнштейна?

Дело в том, что согласно теории относительности скорость света во Вселенной не может превышать 300 000 км/с. Все, что за пределами этой скорости, в формулах великой теории выступает со знаком минус, обозначается мнимыми величинами. С этим физическим фактом Флоренский не спорит, но он считает, что именно эти "мнимости в геометрии" обозначают реальность, не подвластную физике и космологии. Свет выше скорости света - это "тот свет", физически его нет, но, кроме физики, есть еще дух.

Прервемся на время и вспомним, что Флоренский считает, что золотой фон древних икон символизирует свет невидимый или "тот свет". Почему голубое небо Италии и Древней Византии обозначено золотым светом?

Потому что художники пишут незримое небо, небо, не видимое телесными очами.

Нет никакого сомнения, что священник Павел Флоренский видит в формулах общей теории относительности фактическое подтверждение своей правоты. Он не согласен с Эйнштейном. Но он согласен с его открытием: время и пространство по мере приближения к скорости света 300 000 км/с становятся равными нулю. Ну а если перескочить через этот нуль и выйти в потусторонний мир? Сделать этот шаг Флоренскому помог Данте.

Читая "Божественную Комедию", отец Павел заметил, что Данте, спускаясь все ниже и ниже по кругам Ада, внезапно оказывается наверху и выходит в Чистилище.

Соединив общую теорию относительности Эйнштейна с "Божественной Комедией" Данте, Флоренский создал свой неповторимый образ Вселенной. Здесь дух является причиной возникновения света, а мысль летит по Вселенной быстрее всех скоростей. Границы же нашего земного мира очерчивает радиус светового луча, пробегая свой путь за одну секунду. Таким образом, наш, земной мир оказывается в пределах Солнечной системы, а то, что мы видим за ее пределами, - это уже другие, совсем нечеловеческие миры.

Получается, что физически мы пребываем здесь в пределах скорости света, а мысленно проникаем во все измерения мироздания, свернулось в клубок наше земное время, вмещающая прошлое, будущее и настоящее. Это есть реальная вечность. Эта змея, свернувшаяся в клубок, у Эйнштейна называлась - линия мировых событий; но, в отличие от Флоренского, великий физик поначалу считал, что это всего лишь удобная математическая абстракция, помогающая понять, как устроено мироздание, и лишь в конце жизни поверил в свое открытие по-настоящему. Получив письмо от своего сына о смерти друга юности Марка Соловина, Эйнштейн ответил, что известие это его несколько не огорчает, поскольку "мыто, физики, знаем, что никакого прошлого нет. Все прошедшее остается и пребывает всегда на линии мировых событий.

Земным зрением это нельзя увидеть; но мало ли обманов дает нам земное зрение: плоская Земля, Солнце,

вращаемое вокруг земли. Доверять надо не земному, а вечному".

Разумеется, Эйнштейн ничего не знал о Флоренском, расстрелянном в 1937 году в Соловках, который именно так истолковал теорию относительности.

Эйнштейн верил в Бога как "в высший разум и высшую кпасоту", не нуждаясь для его созерцания в посредничестве церкви Флоренский - канонически верующий православный священник; но пришли они к сходным результатам.

Заканчивается книга "Мнимости в геометрии" очень важным мысленным экспериментом.

Если любое тело будет мчаться по Вселенной со скоростью света, то оно вывернется во Вселенную и обретет бесконечную массу, то есть станет всей Вселенной. Не есть ли это вечная сущность, эйдос всякой вещи, о которой писал еще Платон.

И тут же у Флоренского возникла, на мой взгляд, самая гениальная и ослепительная по красоте догадка. Вовсе не обязательно мчаться со скоростью света, чтобы вывернуться в мироздание, - надо стать им.

Я думаю, что здесь Флоренский опирался на личный опыт. Он давно уже вместил в себя мироздание, опережая время и многие его тайны. Человек, в отличие от бездушной вещи, может "вывернуться" во Вселенную и обрести вселенское бессмертие силой своего духа.

Что душа человека - это свернувшаяся в клубок Вселенная, знали многие философы и поэты; но до Флоренского такое утверждение было лишь красивой метафорой. "Под каждым камнем погребена Вселенная", - говорили мы об умерших. С появлением книги Флоренского "Мнимости в геометрии" метафора бессмертия превратилась в убедительную научную гипотезу.

Вот за что убили Павла Флоренского - он доказал нам, что мы бессмертны.

"МНИМОСТИ В ГЕОМЕТРИИ"

"Мнимости в геометрии" - важнейший труд Павла Флоренского, за который он в полной мере испил чашу мученичества в Соловках и был расстрелян в 1937 году.

Нельзя отказать в проницательности палачам и самозванным судьям. Они правильно истолковали смысл книги. Это был несомненный удар по материализму, считающему материю главной реальностью мироздания. Как раз эта реальность при световых скоростях оказывается нулевой, мнимой, а мнимости потустороннего мира обретают истинную реальность.

Священник и богослов Павел Флоренский умышленно отказался здесь от любимых богословских и канонических рассуждений. Ценность труда в том и заключается, что, оставаясь в пределах физики, геометрии и космологии, автор фактически полностью подтверждает и даже доказывает подлинность мистического христианского опыта. Это настоящее "опытное богопознание", известное с древнейших времен. Суть такого пути в свободном следовании за истиной, которая сама ведет к Богу.

В доносных рецензиях и прямых доносах на "Мнимости в геометрии" справедливо указывалось, что этот труд возвращает нас к средневековым христианским представлениям о земле как центре и цели всего небесного мира. Правильнее сказать, что здесь подтверждается реальность библейского откровения о сотворении земного мира из света.

Авторы доносов совершенно последовательно обрушивались и на теорию относительности, вольно или невольно подтвердившую это библейское откровение постулатом об изначальной скорости света и моделью мгновенного возникновения нашего мироздания из светового сгустка величиной меньше булавочной головки. Однако Флоренский пошел в этом направлении намного дальше Эйнштейна. Там, где для создателя теории

относительности заканчивается реальность, для автора "Мнимостей в геометрии" она только начинается. Флоренский считает, что скорость света 300 000 км/с не предел, а только граница между миром земным и миром небесным. Одна секунда бега светового луча очерчивает все пределы земного мира. По звездному времени это сутки, а в пространстве это граница между землей и небом, пролегает между Ураном и Нептуном, как и считал Птолемей.

Что же происходит за пределами той границы? Тело теряет видимость, его длина становится равной нулю, а невидимая,

тусторонняя" масса обретает бесконечность. Это и есть праформы, эйдосы, вечные сущности вещей, так хорошо очерченное в трудах Платона.

Таким образом, становится ясно, что, сотворив свет, а менно с него начинается сотворение мира, Бог одновременно создал вечные и неразрушимые сущности вещей. Смерть и разрушение возникают на границе между нашей и "мнимой", а правильнее сказать, вечной реальностью.

Здесь необходимо вспомнить "Иконостас" Флоренского и его учение об обратной перспективе в иконописной традиции. Обратная перспектива возникает на сферически изогнутой поверхности, как бы охватывающей зрителя. Плоскость иконы - это реальность. "Мнимость" - сферическая вогнутость, создаваемая взором и кистью художника. Это и есть то мистическое пространство, в котором вы присутствуете не в качестве зрителя, а как участник события, поскольку сфера замыкается позади зрителя.

Подобным же образом трехмерный объем нашей вселенной сферически выгнут, искривлен в четырехмерном пространстве-времени. Если бы мы способны были видеть четырехмерную перспективу событий, смерть исчезла бы в нашем восприятии как иллюзия ограниченного зрения. Каждое явление, растянувшись в линию мировых событий и опоясав меридианом сферическую вселенную, вернулось бы к своему началу. Потухшая, истаявшая свеча начала бы новый рост, все более разгораясь.

Именно так видят многие тайнозрители момент всеобщего воскресения, когда гробы разверзаются, и земля отдает своих мертвецов, и старцы, воскреснув, становятся юношами.

Здесь следует понять, что прошлое, будущее и настоящее сливаются воедино, как бы застывая в вечности. Так клейма, опоясывая икону, включают всю жизнь святого от рождения до канонизации после смерти, и мы видим одновременно все сразу: муки, радость рождения, смерть, торжество над смертью, - ц можем начать обзор не с момента рождения, а с любой точки временной жизни, замкнутой в вечном круге.

Для Флоренского сферическая изогнутость обратной перспективы как раз и есть подлинная реальность, хотя она и названа "мнимой".

Какова же в таком случае роль данной плоской реальности? Зачем вообще она нужна? Не является ли материя и всякая видимая вещь лишь препятствием на пути к миру вечному?

Нет, отвечает Флоренский, это не препятствие, а единственная возможность для человека увидеть земным зрением мио небесный.

Для того чтобы мнимая реальность открылась взору, глазу нужно препятствие. Мы не видим, как высоко распростерлось над нами небо; но если взглянуть сквозь крону деревьев, пространство раздвигается до бесконечности.

Подобным же образом материальная плоскость нужна иконописцу, чтобы на ней изобразить, сделать видимым, воплотить иную, сферическую реальность.

Весь материальный мир есть такая плоскость, такая доска, такая крона, благодаря которым мы прозреваем вечность. Иконостас не преграда между алтарем и молящимися, а окно в другой мир.

Согласно учению Флоренского, мистическое пространство иконы не изображение рая, а его вместительность.

"Мнимости" - зримый рай.

В настоящее время установлено, что сферическая поверхность глаза не случайна. Ребенок воспринимает мир как сферически изогнутый, направленный к нему, и лишь позднее зрение выстраивает мир по законам геометрии Евклида. Рай утрачивается, человек начинает свое земное бытие, где он и мир отделены друг от друга.

Вот почему так неожиданно для читателя Флоренский переходит от чисто геометрических формул к "Божественной Комедии" Данте. Данте обретает утраченный Адамом рай, когда минует некую точку выворачивания, оказавшись на обратной поверхности птолемеевой сферы. Поскольку птолемеева сфера охватывает нашу планетную систему в районе между орбитами Урана и Нептуна, Данте оказывается в столь отдаленной области на границе ада ирая благодаря геометрическому перескоку - выворачиванию изнутри сферы. Данте спускается вниз в ад до зеркально отраженной вершины Голгофы. Вершина Голгофы как бы прокалывает все миры. Так с поверхности этой страницы можно проникнуть к ее обратной "мнимой" стороне, проколов ее посередине, упервшись острием в плоскость листа.

Согласно Флоренскому, такое выворачивание в другой мир обязательно должно происходить лишь при релятивистских скоростях, близких к скорости света, как это утверждают довременная физика и космология. Данте не мчался со световой скоростью. Он спускался в ад. Мы знаем, что ад и рай для человека есть та реальность, с которой он соприкасается в большей или меньшей степени прежде всего в своей духовной жизни. Да жизнь духа близка к релятивистской космологии XX века, к неевклидовой геометрии. Даже скорость мысли столь велика, что компьютер, ныне максимально приближенный к живому интеллекту, ведет обработку информации с бешеными скоростями, близкими к световой.

Ясно, что интеллект человека, а тем более его дух требуют иных, запредельных скоростей. Утверждение, что скорость мысли больше скорости света, сегодня обретает физически зримые параметры, и, может быть, привычное сочетание "полет фантазии" есть нечто большее, нежели метафора.

Это придает особую космологическую весомость свидетельствам многих тайновидцев, не только побывавших в том мире, но и запечатлевших свои прозрения в слово.

К таким откровениям относится и труд отца Павла Флоренского "Мнимости в геометрии".

Кедров Константин - "Параллельные миры "

КОММЕНТАРИИ К КНИГЕ П. ФЛОРЕНСКОГО "МНИМОСТИ В ГЕОМЕТРИИ"

Мнимые величины, согласно толкованию Флоренского, отражают подлинную реальность, но не физическую, а потустороннюю.

Соприкосновение с потусторонней реальностью рассматривается как искривление пространства-времени. Флоренский имеет в виду четырехмерный континуум $3 + 1$ (трехмерное пространство и его четвертая координата - время).

Поскольку возможности человеческого восприятия пространства и времени ограничены, мы видим только трехмерное пространство и отдельно от него время.

Эту трудность легко преодолеть методом аналогии. Вместо трехмерного пространства рассматривается двухмерная плоскость. Ее искривление внутри трехмерности мы способны воспринимать.

Такой метод был предложен ранее математиком Эбботом в книге "Флатландия". Флатландия - это мир двух измерений где живут двухмерные существа - плоскостики. Они не способны видеть мир трех измерений, поэтому куб воспринимается ими как квадрат, а квадрат они видят своим плоским зрением как линию, поскольку не способны подняться над плоскостью.

Подобным образом мы не можем подняться над трехмерным объемом, и любое искривление четырехмерного пространства-времени превращается для нас в бесконечность. Флоренский отмечает недостаточность простой аналогии нашего мира с плоскостью. Всякое сравнение хромает; и есть область реальности, которая не вмещается в наглядные представления. Значит, нужны другие термины и новые образы для понимания мнимостей. Мнимости - это не математическая абстракция, а высшая реальность,

ускользающие от нашего восприятия точка, линия, плоскость, объем, - есть не само пространство, а его образы. К таким же выводам в 1905 году пришел поэт Велимир Хлебников. Он назвал точку, линию, - поверхность "обмолвками" единого протяженного многообразия.

Это очень важное наблюдение, доказывающее, что "мнимости" отнюдь не мнимы, а проявляют себя как физическая реальность нашего мира. Вслед за Эйнштейном и Минковс-ким Флоренский настаивает, что геометрия не абстракция и условность, а некий образ сверхреальности, недоступной нашему восприятию. Интересно сопоставить эти наблюдения с утверждением Велимира Хлебникова о том, что каждому человеку соответствует его ирреальная сущность - двойник. "Я знал, что -1-2 нисколько не менее вещественно, чем 1; там, где есть 1, 2, 3, 4, там есть и -1, -2, -3, и -1-2, и -2-2, и -3-2. Где есть один человек и другой естественный ряд чисел людей, там, конечно, есть и $x-2$ человека, и $-2-2$ человека, и $-3-2$ людей и p -людей = $x-2-m$ -людей". Обратную сторону плоскости увидеть можно, а вот обратную сторону трехмерного пространства мы можем только представить как "потусторонний мир". Смысл гипотезы Павла Флоренского в том, что потусторонний мир такая же реальность, как обратная сторона плоскости листа.

С этого момента начинается геометрия выворачивания, копая увенчается в конце книги выводом о реальности такого жорачивания при скоростях, близких к скорости света. Там же Флоренский выскажет гипотезу о том, что такое выворачивание возможно и при других обстоятельствах. Вероятнее всего, в мистическом опыте, который для Флоренского не менее реален чем область так называемых "мнимостей".

Вопрос о возможном "пересечении" параллельных в пространстве обсуждался со времен "Начал" Евклида. У Евклида непересекаемость параллельных - аксиома. Эту аксиому пытались превратить в доказуемую теорему многие математики, в том числе мистик-суфий поэт Омар Хайям.

В XIX веке сразу 4 математика пришли к выводу, что возможны геометрии, где параллельные пересекаются. В Германии Гаусс, в России Швейкарт и Лобачевский, в Венгрии Янош Бо-яйи. Гаусс побоялся своих выводов и спрятал их в стол. Швей-карт опубликовал в Киеве свою "Астральную геометрию", но она не получила признания, Лобачевский опубликовал "Воображаемую геометрию" и был подвергнут в прессе резкому осмеянию. Янош Бояйи не добился признания и погиб на дуэли.

В "Воображаемой геометрии" Лобачевского, получившего поддержку Гаусса, параллельные пересекались в пространстве с отрицательной кривизной, похожем на седловину.

Позднее выяснилось, что кривизна искривленного пространства может быть и положительной и похожа на сферу.

Независимо от того, какова "кривизна" нашего пространства-времени, в нем действуют законы геометрий, где постулат Евклида о непересекаемости параллельных в пространстве верен только как частный случай для прямой плоскости.

Полумнимая точка - есть некий рубеж между этим и посторонним миром - центр выворачивания. Через нее "мни-Мая" нижняя поверхность становится верхней "реальной", а реальная верхняя "мнимой".

Важно, что полумнимая точка выворачивания всегда внутри. сравните со словами Христа: "Царство Божие внутри вас есть".

Бесконечность толщины плоскости очень важный постулат, открывающий окно в бездну других миров прямо с поверхности листа.

Это значит, что выворачивание в тот мир всегда присут, ствует как возможность либо уже осуществлено "оттуда".

Этим параграфом первоначально заканчивались рассужде. ния о мнимостях у Флоренского; немного лет спустя, уже после опубликования общей теории относительности Альберта Эйнштейна, Флоренский почувствовал необходимость снова вернуться к теме разговора. Теперь он рассмотрит "выворачивание" в

полумнимой точке, но между двумя сторонами одной поверхности и не на ленте Мёбиуса, а в композиции "Божественной Комедии" Данте. Теперь для понимания смысла геометрические познания нужны лишь в минимальном объеме доступном любому школьнику. Сама смена метода говорит о том, что Флоренский окончательно отдает предпочтение внутреннему, присущему каждому человеку образному художественному отражению вашей реальности. Геометрия становится подножием поэзии Данте, а поэзия Данте через современную космологию ведет в рай.

Речь идет о специальной и общей теории относительности Эйнштейна, которая, по мнению Флоренского, возвращает человеку центральное место в мироздании, как это было у Аристотеля, Птолемея и Данте. Напомним, что у Птолемея в центре мироздания Земля. Вокруг нее вращаются, по словам Данте, "Солнце и светила". Открытие Коперника сопровождалось заблуждением. Он утверждал, что все звезды и планеты вращаются вокруг Солнца. Переместив "центр" вселенной с Земли на Солнце, Коперник создал новоптолемеевский мир, где есть абсолютный центр.

После открытия специальной теории относительности стало ясно, что у вселенной в целом не может быть центра, поскольку нет абсолютного пространства и абсолютного времени. Вселенная Эйнштейна больше похожа на бесконечную сферу Николая Кузинского, где центр везде, а радиус бесконечен. При известных физических условиях каждый может стать центром. Флоренский стремится доказать, что вблизи центра вселенной можно оказаться, пережив мистическое озарение. Ибо всякое озарение есть процесс реального перемещения в недоступную человеку область "мнимостей".

Здесь Флоренский выдвигает совершенно новую гипотезу. По его мнению, геометрия вселенной Данте неевклидова. Даже он указывает, какая из неевклидовых геометрий предпочтительнее для описания. Более всего подходила бы здесь объемная лента.

Мёбиуса, поскольку в объеме это представить трудно, рассмотрим на плоскости. Лента Мёбиуса - это две поверхности, скрученные восьмеркой и склеенные вывернутыми концами.

Сохранилась эта лента, вырезанная и склеенная самим Флоренским. По ее поверхности идут человечки, нарисованные рукой Флоренского, но вот наступает момент, когда, вывернувшись через "горловину Люцифера" - точку полумнимостей, "эти же человечки идут вверх ногами". Данте, сходя по кругам воронкообразного Ада, внезапно переворачивается, обращая ногами к поверхности земли.

После грани "поясницы Люцифера", она же центр мира, миновав воронки падения Люцифера, Данте оказывается на небе, обращенный ногами к месту своего спуска на небо, хотя до этого он все время спускался. Верх и низ, вывернувшись, поменялись местами, как на ленте Мёбиуса.

Здесь важно понять, что, спускаясь в пространстве действительном в ад путем Люцифера, Данте в мнимом потустороннем пространстве одновременно поднимался на небо к Раю на вершину Сиона. Спускаясь в бездну горы Чистилища, Данте поднимался на вершину Сиома. Надо понять, что внешне это одно и то же пространство, поскольку мнимости глазами не различимы.

С точки зрения Флоренского, полет поэтического воображения Данте является абсолютно реальным

схождением и подъемом в область мнимостей, обычно недоступных нашему взору. Все предшествующие геометрические параграфы ведут нас именно к этому выводу. Доказав для себя геометрическую и физическую реальность мнимостей, Флоренский открывает читателю, какова внутренняя мистическая сторона этой реальности данная взором Данте.

Таким же образом "посвященные" герои-сказки, спускаясь в дупло или в колодец, побывав в тридевяти царстве тридесятом государстве, оказываются на том же месте, откуда начинали свой путь, хотя до этого только удалялись от изначальной точки. Интересно, что тридесятое государство может быть выражено как число скорости света 3×10^5 см/с.

Хотя этот вопрос нельзя считать полностью решенным данные современной науки совпадают с выводами Флоренского. Время-пространство нашей Вселенной, по-видимому, замкнуто и конечный его радиус приблизительно 15 миллиардов световых лет.

Здесь явная полемика с Эйнштейном. Для Эйнштейна вывод из опыта - постоянство скорости света и невозможность скорости больше чем 300 000 км/с. Флоренский предлагает другую интерпретацию. Опыт доказывает, что Земля неподвижна, потому ее скорость и не приплюсовывается к скорости света. Это суждение не обсуждалось и не дискутировалось до сих пор в научных кругах.

Это очень неожиданное и оригинальное суждение. Флоренский считает, что, доказав относительность пространства-времени и отсутствие абсолютного времени и пространств в мироздании, Эйнштейн вернул миру птолемеевскую устойчивость.

Этот вопрос неоднократно обсуждался и обсуждается сегодня. Правовверные сторонники теории относительности объясняют, что речь идет не о реальном, а об иллюзорном движении небосвода вокруг Земли и, следовательно, постулат о предельности скорости света 300 000 км/с нерушим.

Однако им можно возразить, что никакого "реального" движения с точки зрения теории относительности быть не может. Все зависит от точек отсчета и системы координат.

Флоренский подходит здесь к основному выводу. За пределами скорости света реальная мнимость "того света".

Переход к мистической реальности "прерывен". Есть рубикон, который нужно переступить, как Данте перешел через "горловину Люцифера". Все обряды посвящения имитируют такой рубеж. Иногда надо перешагнуть через собственное бездыханное тело или подняться над ним. Смотрите книгу Р. Моуди "Жизнь после жизни" об ощущениях миллионов людей, переживших клиническую смерть. Все они прошли через туннель, трубу, горловину, поднявшись над собою.

Подобное суждение никем не высказывалось. Флоренский олагает, что земной мир очерчивается длиной 300 000 км. Этот путь пробегает световой луч за одну секунду. По звездному времени это почти сутки - 24 ч 56 мин 4с.

Таким образом, граница между нашим, земным миром и небом где-то между Ураном и Нептуном. Все остальное относится к небесной - космической жизни. По Флоренскому, мы просто неправильно понимали Птолемея, примитивно его истолковывая. Это утверждение полностью соответствует теории относительности, при скорости света масса тела действительно бесконечна, а длина равна нулю, если пользоваться привычными обозначениями.

Эту ситуацию рассмотрел на семинаре в присутствии Эйнштейна математик Курт Гедель. Если допустить движение по меридиану линии мировых событий, а теория Эйнштейна это подразумевает, то рано или поздно меридиан сомкнется и следствие опередит причину, а прошлое окажется в будущем. Из-за парадоксальности выводов доклад Геделя хотя и обсуждался, но не был принят во внимание как серьезная заявка на большое открытие.

Интересно, что в китайской мифологии на пороге жизни и смерти человека встречает старик-младенец Паньгу. Во многих свидетельствах мистиков умирающий старец встречает себя младенцем. В новых моделях и сценариях космологов, где дается описание пересечения горизонта мировых событий, происходят те же странные вещи. Если глядеть из земного мира, то путник будет вечно подлетать к горизонту, если же взглянуть оттуда, из того мира, из черной дыры, то этот же путник-двойник благополучно пересекает горизонт, вступает в область полумнимости, где прошлое и будущее меняются бетами. В целом прозрение Флоренского находит все большее число сторонников, хотя они ничего не знают о его открытии и Риходят к сходным выводам на основе новых и новых фактов. То есть мнимость и непрерывность на самом деле есть реальность, перескок в другой мир.

Что почти буквально совпадает с описанием смерти Ивана Ильича у Льва Толстого. Иван Ильич проваливается в черную дыру, едет по туннелю и вдруг чувствует, что движется в другом направлении, а не в том, как ему казалось. Миновав точки полумнимости и вывернувшись в иное пространство, Иван Ильич видит свет в конце туннеля.

Это значит, что смерть есть реальный переход в область мнимостей, где и находится подлинная вечная сверхреальность рая. Ад и чистилище как бы переходная ступень: ни реальность, ни нереальность. Выворачивание через самое себя - самое точное обозначение геометрического перехода из одного мира в другой мир. Следует обратить внимание, что самые важные процессы жизни и смерти сопровождаются

выворачиванием: роды, рождение, оплодотворение, прорастание колоса из семени, раскрытие бутона, выход бабочки из куколки.

Флоренский указывает, что пока движение со световыми скоростями наблюдаемо лишь на уровне микрочастиц.

Нет доказательств, что движение с такими скоростями невозможно для тел в макромире.

В последнее время появилось множество гипотез об излучениях, идущих от человека во Вселенную с релятивистскими скоростями. Называются неуловимые и пока гипотетические нейтринные и гравитационные излучения, которые могут мгновенно, как нервный сигнал, пронизывать мироздание. Хотя эти гипотезы и заманчивы, они пока не являются научно доказанными, однако богатейший человеческий опыт подтверждает догадки Флоренского. Среди людей, мгновенно обогнувших все мироздание и обретших его как свое "я", протопоп Аввакум, Даниил Андреев, Андрей Белый, Низами, американский космонавт Эдгар Митчелл и многие другие. Как комментатор, могу сослаться и на свой личный опыт, ибо пережил такое выворачивание Дважды в 15 и в 27 лет.

ИСКУССТВО ЖИТЬ ВЕЧНО

Двадцать девятого января 1600 года немецкий сапожник Якоб Бёме увидел, как устроена Вселенная. В отблеске цинкового сосуда он прочувствовал свою связь с Богом и мирозданием. Оказалось, что Солнце - сердце - Христос - это ели ный центр мира, из которого истекает источник любви и света Все планеты вращаются не только вокруг Солнца, но и ВОКDV сердца человека, в котором живет Христос.

"Внутренность человека есть глубина между звездами и Землей". Это утверждение противоречило тогдашней теологии, так же как сегодня оно противоречит науке, потому что и теология, и наука по-прежнему очень мало знают о человеке и его месте среди бесконечной Вселенной. В своих философско-мистических трудах Бёме доказывал, что на самом деле не Земля и не Солнце, а человеческое сердце находится в центре мира.

Книга "Утренняя заря" была подвержена проклятиям с церковного амвона, но распространялась по Европе с космической быстротой. Нет ни одного крупного философа, который не воздал бы должного Якобу Бёме. После его смерти в 49 лет набожные прихожане опрокинули крест и осквернили могилу.

В Советском Союзе Бёме был запрещен. Сегодня его труды и книги о нем пользуются неслыханной популярностью. Дело в том, что наука открыла голограмму - изображение, где каждая малая часть содержит все целое. Разломив голограмму пополам, вы получите два изображения. Разломив на десять или больше частей, в каждом опять окажется, хотя и потускневшее, но полное изображение. Говоря современным языком, можно сказать, что, согласно учению Бёме, человек есть голограмма всей Вселенной.

Вселенная в образе Бёме выглядела весьма невзрачно. "Немощный, маленького роста, с низким лбом, высокими висками, слегка кривым носом, негромким голосом, но благородной речью". Зато серо-голубые глаза были "подобными окнам в храме Соломона".

Свои видения о строении мира он писал только для себя. Однако через друзей рукопись стала быстро распространяться, хотя главный труд - "Аврора" - был опубликован лишь после смерти ясновидца. Бёме не раз пытался смирить свой разум, чтобы, не вступая в конфликт с властями, "жить в Божественной тишине".

Однако, по его собственному признаний с ним "случилось то, что бывает с зерном, которое посажено в землю и прорастает в бурю и в любую непогоду, вопреки всякому разумению".

Чувствуя себя и других людей множественными центрами философ жил впроголодь и еле-еле находил средства для ни семьи. "Моя жена просит послать ей 180 сыров - чтобы не тратить денег. Раньше я обходился

одним мешком репы, которую Бог так благословил, что одну я оставил для продавца, очень она мне показалась хорошей". А тем временем в Европе разразилась Тридцатилетняя война, которую Бёме справедливо считал Апокалипсисом своего времени.

В семейные журналы своих друзей Бёме часто вписывал главный девиз своей философии:

Кому время - вечность,

А вечность - время,

С того снять

Всякого спора бремя.

Он был один из немногих людей, которые живут во времени как в вечности, а вечность воспринимают как время собственной жизни. Это все та же голограмма. Каждый миг вмещает в себя всю вечность. Каждая жизнь вбирает в себя всю историю мироздания.

"Я могу рассказать вам о том, что за свет открывается тому, кто узрит центр природы. В этом свете мой дух тотчас стал проникать все. Послушай меня, полумертвый ангел, я такой же, как и ты, и не более светел, чем ты. Частично наша жизнь - постоянная борьба с дьяволом. Однако, когда он побежден, небесные врата моего духа отверзаются. Тогда дух видит Божественные и небесные существа; не в теле, а в колодцах сердца сверкает молния, освещающая чувственность мозга, в котором созерцает дух".

Немцы - врожденные мистики и ясновидцы. Эта высокая черта немецкого характера всегда замутнялась избыточной воинственностью, и все-таки не случайно страна Бёме подарила ЧКРУ Канта и Гегеля.

Сегодня, когда мы слышим об открытиях космологии, "видящей" нашу Вселенную в радиусе двадцати миллиардов световых лет, снова и снова возникает вопрос: "Каково же место человека среди бесчисленных звездных скоплений?" Бёме справедливо обвинял науку своего времени в том, что она все время Сзывает не о жизни, а о смерти. Пожалуй, и сегодняшняя наука грешит тем же самым. "Ваше познание стоит в предел дома смерти, во внешней приятности и в воззрениях глазам плоти. Мое знание в рождении звезд - там, где рождается жизнь и где она пробивается сквозь смерть".

Пожалуй, труды Бёме несколько засорены избыточной богословской терминологией. Слишком часто он прибегает к словам: Бог, Святой Дух, Троица, хотя вкладывает в них свое личное понимание мироустройства и человека. Его труды - не наука и не богословие. Это свидетельство. Человек увидел, как все устроено, и спешит рассказать об этом сначала себе, а потом другим. Многие считают, что стиль Бёме крайне туманен и не поддается расшифровке. На самом деле никто не изъяснялся так откровенно ясно и просто о самых великих тайнах. Он учил видеть в теле космос, а в космосе тело. Для Бёме Вселенная - это человек. Но астрономия рассказывает о мертвом человеке, а астрология о живом. Называя человека "полумертвым ангелом", он верит в грядущее оживление полумертвых.

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ - СОЗДАТЕЛЬ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Люди, создавшие новый миф и воплотившие его в слове, несомненно, принадлежат к сонму гениев. Выдумать можно все, что угодно, но никакими указами, законами и постановлениями не заставишь миллионы читателей уверовать в подлинность видений писателя. О том, как устроен мир за пределами нашего зрения и слуха, ясновидцы и пророки рассказывали в стихах и прозе, но лишь к немногим из них прислушались. В Европе это прежде всего Сведенборг, а в России конечно же сын Леонида Андреева Даниил Андреев. Его слава растет не по дням, а по часам и к концу второго тысячелетия уже затмевает заслуженную известность крупнейшего прозаика-символиста.

Леонид Андреев просто крупный писатель, а Даниил - мученик за веру и великий тайнозритель. Сын оказался в самом глубоком пекле ничем не сдерживаемого зла, которому аплодировал и подыгрывал весь мир. Только Даниил Андреев, сидя в самой мрачной камере самой жестокой Владимирской тюрьмы, увидел метафизическую сущность сталинизма. Только ему стало ясно, в какие глубины ада вплющивается коммунистическая Россия, и только он увидел, в какие высокие измерения исходит дух ее мучеников и тайновидцев.

Даниил Андреев встретился с Блоком в тюрьме в 40-х годах. Вы скажете, что это галлюцинация и сумасшествие. Нет, это особая форма прозрения, когда перед глазами разверзается бездна "метаистории". Термин "метаистория" придуман Даниилом Андреевым. Для него жизнь и художественные образы, а также житие великих людей - это просто земная часть вечной космической жизни, распространяемой в другие миры. Он утверждает в "Розе мира", что где-то в высших сферах над Петербургом земным есть небесные Петербурги Достоевского и Блока. Над осатаневшим сталинским красным Кремлем висит Град небесный и Кремль всемирный. Силовые поля и линии от этого небесного кремля вплетаются в причудливый узор Розы мира где каждый лепесток - одна из высших религий: христианство, иудаизм, мусульманство, буддизм, индуизм. Просто удивительно, как вела этого гениального человека его судьба. В 20-е годы он учится на Высших литературных курсах, потому что в вуз ему, "пораженцу в правах", дворянскому сыну, дорога была закрыта. Дальше, до сорок второго года, работа шрифтовиком для заработка и тайное творчество по ночам. В 36 лет, в 1942 году он на Ленинградском фронте подтаскивает снаряды, хоронит мертвых, служит санитаром в полевом госпитале. Это называлось "годен к нестроевой". Как только закончилась война, госбезопасность железными клыками вцепилась в горло. Его осудили за антисоветскую пропаганду к двадцати пяти годам тюрьмы. Но отсидел он лишь 10 лет. В тюрьме и были написаны черновики "Розы мира". В 1954 году Даниил Андреев просит в письме к прокурору пересмотреть его дело, но только в части обвинения в терроризме и покушении на Сталина. Об этом прекрасно сказано во вступительной биографии, написанной его вдовой Аллой Андреевой. "Он никого не собирался убивать, и Сталина тоже. Но пока в Советском Союзе нет свободы слова, свободы совести и свободы печати, он просит не считать его вполне советским человеком. Не посчитали. Комиссия по пересмотру дел политзаключенных, выпустившая на волю миллионы людей (в том числе и меня, Даниила не реабилитировала. Ему, умирающему от последствий обширного инфаркта, оставили 10-летний срок заключения". Писатель вышел на свободу в 1957 году. Ему оставалось жить 23 месяца. За это время он и завершил полностью "Розу мира".

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ - ГЕНИЙ РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Когда в начале 60-х стала обретать все большую популярность книга Дмитрия Сергеевича Лихачева "Поэтика древнерусской литературы", это было полной неожиданностью для всех. Древнерусская литература в те времена была уделом каких-то таинственных затворников и "полубезумных" чудаков от науки. На филологических факультетах ее изучали с единственной целью - тотчас ее забыть. Считалось, что настоящая литература возникла в XIX веке, а в предшествующих веках были сплошным блужданием впотьмах. Изучение "Слова о полку Игореве" сводилось к пресловутому патриотизму. "Завещание Владимира Мономаха" рассматривалось только как исторический памятник. "Слово о Законе и Благодати" - всего лишь образец церковной риторики. "Моление Даниила Заточника" - образчик челобитной. "Повесть временных лет" - интересный, но очень тенденциозный исторический труд. "Киево-Печерский патерик" - памятник первых лет христианства. "Житие Бориса и Глеба" - призыв против междуусобицы. "Повесть о Петре и Февронии" - сплав

жития и сказки. И так далее в том же духе. Сентенции, обязательные по программе, ничего не говорящие ни уму, ни сердцу.

Лихачев впервые сказал, что все эти произведения столь же значительны и совершенны, как "Троица" Андрея Рублева, и не менее глубоки, чем проза Льва Толстого и Достоевского. олыле того, он доказал, что все самое лучшее в русской классике XIX века восходит к корням - все той же великой полузабытой древнерусской литературе.

ТУТ уместно заметить, что само название "древнерусская литература" таит в себе некое лукавство. Ведь не говорим же мы Фресках Джотто и картинах Боттичелли - "древнеитальянская живопись". Мы называем этот великий взрыв одухотвопр ности Возрождением, или Предвозрождением. Лихачев считает величайшим недоразумением утверждать, что у нас-де царил сплошное и мрачное средневековье. У нас, так же как в евопейском Предвозрождении, человек был в центре событий. Дред нерусская литература - это люди, личности, и личности очеш, глубокие. Мятущийся, ищущий веру и нашедший ее для себя и для своих подданных князь Владимир. Борис и Глеб, уступившие власть Святополку Окаянному и принявшие мученическую смерть, но не поднявшие меч на брата. Умудренный жизнью Мономах, пишущий в предсмертном завещании, что нет ничего ценнее человеческой жизни, любви и прощения. Доблестный воин, всю жизнь проведший в боях, утверждает, что самая великая победа над врагом - укротить гнев. Петр и Феврония русские Ромео и Джульетта, принявшие монашеский обет уже в супружестве и завещавшие похоронить их вместе в одной домовине. Феодосии Печерский, боярский сын, выбравший нищету и монашеское житие в киевских пещерах. Лихачев не употребляет слово "святость", когда пишет об этих святых и героях, но слово это окутывает текст и витает в воздухе. Князь Мышкин родом из этих мест. Князь Андрей Болконский из того же места, что князь Владимир, а светлейший Кутузов прямо-таки списан с другого полководца и князя - Владимира Мономаха. Лесков же просто "переписал" и осовременил житие Петра и Февронии в "Соборях", когда создал трогательное повествование о священнике Туберове и его матушке.

Лихачев доказал, что художественные время и пространство романов Достоевского построены по образцу жития, где вечность всегда вытесняет время. Герои русской и древнерусской литературы живут не во времени, а в вечности, и только на этом бесконечном фоне их можно понять. Перспектива вечности открыта древнерусской литературой так же, как перспектива пространства открыта в живописи Возрождения. Каждое житие - это словесная икона, застывающая в веках. Здесь нет показного пафоса и риторики. Во всем царит библейская простота. Чего стоит хотя бы один сюжет о поверженном князе, лежащем в грязи в окровавленной сорочке. Сердобольная вдова принесла его в дом и хотела снять окровавленную одежду, чтобы выстирать, но князь говорит: "Нет, оставь. Хочу предстать перед Христом в окровавленной одежде, чтобы Он увидел, что сделали со мной братья".

Или другая гениальная деталь, подмеченная Лихачевым в "Житии Петра и Февронии". Петр умирает и просит жену-монахиню прийти к нему в келью, чтобы умереть вместе. Но Феврония просит передать, чтобы муж подождал со смертью, пока вышивает воздух-покрытие для чаши на алтаре. Тогда Пето снова присылает послов: "Уже не могу ждать, умираю". После этого призыва Феврония воткнула иглу в шитье и обмотала ее нитью, чтобы незаконченная вышивка не расплзлась и пошла умирать вместе с мужем. Разве кто-нибудь из читателей забудет или пропустит эту деталь после того, как Лихачев выделил ее крупные планы. А таких словесных игл, обмотанных шелковой нитью, в древнерусской литературе неисчислимо множество. После трудов Лихачева все восприняли образ Петра и Февронии как некую "Двоицу", не менее гениальную, чем "Троица" Рублева. "Повесть временных лет" засияла, как фрески Дионисия. Жития озарились сполохами Феофана Грека.

Если Карамзин, по словам Пушкина, открыл россиянам их историю, как Колумб Америку, то Лихачев открыл

великую литературу раннехристианской Руси. Эта христианская словесная Атлантида всплыла перед одичавшими, оболваненными студентами как град Китеж.

Оставалось совсем немного - вынести все это богатство из запретных и полузапретных тайников на свет. Том за томом выходили памятники древнерусской литературы под редакцией академика Лихачева. И только Бог да труженики книжного дела знают, сколько пота, крови и слез стоило каждое такое издание. Книги вырывались из спецхранов темниц, реабилитировались и амнистировались, как узники ГУЛАГа.

В последние годы жизни Дмитрию Сергеевичу стали призывать совершенно несвойственную ему роль гуру и вещателя. Его жизнь с мученическим пребыванием в Соловецком лагере сама на глазах становилась образчиком жития. Лихачев первый ясно и четко сформулировал главный закон русской жизни. Россия значительна и велика только своей культурой. Экономика, политика, социальная жизнь - это не те сферы, в которых мы преуспели или преуспеем. Только культура делает нас великой мировой державой.

Представители всех ветвей власти остались глухи к призыву гения. Они не поняли, что речь здесь идет даже не о трехкратном бюджетном отпуске на культуру, который к тому же не выполняется, а об отношении. Если Россия когда-нибудь поймет закон Лихачева, она впервые за всю свою новейшую историю осознает свое подлинное величие и обретет духовную силу соразмерную с временами принятия христианства, когда возникла теперь уже точно неуничтожимая древнерусская литература. То, что открыл Лихачев, еще предстоит открывать. Мировая культура тоже еще не воспользовалась плодами его трудов. Мир знает исландские саги, но понятия не имеет о русских былинах. Придет время, и древнерусскую литературу Европа откроет для себя, как открыли когда-то Льва Толстого и Достоевского. Тогда имя Дмитрия Сергеевича Лихачева обретет достойную не только российскую, но и мировую славу.

ЯКОВ ДРУСКИН - ВЕЛИКИЙ СМЫСЛОИСКАТЕЛЬ

Яков Друскин - ровесник своего века. Родился в 1902 году, умер в 1980-м. Век прожил дольше на 18 лет.

Однако философ, музыковед, богослов и теоретик обэриутов меньше всего интересовался веком. Он никогда не слушал радио, не имел телевизора и только один раз в жизни ясетил оперу. Его интересовала не жизнь, а смысл или, правильнее сказать, бессмыслица жизни. Только осознав, что ничего нельзя понять, можно слегка приблизиться к пониманию. Эту мысль Друскин варьирует, как любимую музыкальную тему, всю жизнь.

В XX веке у Друскина были единомышленники: Кафка, Гессе, Павел Флоренский и конечно же расстрелянный поэт Александр Введенский и погибший в застенках Даниил Хармс. Друскин преподавал математику, голодал, мерз и, сидя в избе с выбитыми стеклами при морозе 50 градусов, записывал в своем дневнике: "Мне снилось: напрасно я беспокоюсь о смерти, ведь смерть не может наступить, так как среди квадратов состояний нет ни одного пустого".

В 1949 году он обнаружил в своей душе нечто новое - отсутствие страха. Вот эта удивительная запись ленинградского дворника и тайновидца: "В декабре 1941 года я торопился писать, потому что боялся, что не успею закончить. По-видимому, было какое-то общественное чувство. Но вместе с тем, что я заметно слабел с каждым днем, я ощущал некоторую олговечность. Сейчас я здоров, но не имею ощущения дол-вечности, и нет никакого страха, что я не успею. Это мне все равно и мне непонятны слова: человечество, историческое, после меня".

Скажем проще, философ Друскин жил только вечно. Временная жизнь его не интересовала, так как он чисто физически ощущал иллюзорность и нереальность любого времени. Зат так же физически он чувствовал реальность вечности. Но вечность не была для него холодной, безжизненной пустотой. Он сходилась к единой

сияющей реальности, у которой было лщт и имя Христа. У его мучеников-друзей вместо веры была поэзия. И Друскин эту поэзию любил. Более того, его философия во многом способствовала появлению такой поэзии. Почему Хармса и Введенского убили, а Друскина оставили жить? Да нет тут никакой логики и последовательности. Могли убить и Друскина. Во всяком случае, до конца дней он так и оставался затворником. Иначе его и в 70-х ждала бы какая-нибудь гражданская казнь или андроповская психушка. Взгляды Друскина на искусство во многом приближаются к воззрениям Льва Толстого. Его раздражало все рефлексивное и субъективное. Друскину даже казалось, что он нашел формулу гениальности. Вот она: "Необходимое условие гениальной вещи - некоторая чистота. Для чистоты требуется, чтобы автор чувствовал себя только посредником, передающим то, что он увидел, не добавляя ничего от себя". Он находил такую чистоту в лучших вещах Лескова, Гоголя, Бетховена и Баха. А вот Дебюсси или Шостакович были для него неприемлемы. Подобным же образом и по тем же причинам Павел Флоренский отвергал Скрябина и Чайковского.

Соглашаться с Флоренским и Друскиным здесь вовсе не обязательно. Пожалуй, даже лучше не соглашаться. Да ведь они и писали вовсе не для того, чтобы с ними соглашались. Друскина интересуют "неофициальные мысли". Он утверждает, что "это мысли не от разума, вернее, не обоснованные разумно, но некоторые из этих мыслей наиболее умны. К неофициальным мыслям относятся рассуждения о душе, смерти и Боге. Также мысль о существовании неофициальных мыслей есть неофициальная мысль". Если бы Друскин родился в Германии, он стал бы в глазах общества философом по масштабу не менее Кьеркегора или Хайдеггера. В России он лишь пополняет некую коллекцию гениальных чудаков, которыми интересуются только изысканные филологи.

Друскин относится к очень немногочисленной популяции людей, которых можно назвать аскетами по призванию. В соро седьмом году он оставляет в дневнике такую почти комическую запись: "Питье доставляет мне все меньше удовольствия, а похмелье - все больше неудовольствия, и это относится вообще ко всем удовольствиям жизни".

Слишком серьезно. Даже непонятно, каким образом Друскин уживался с веселой компанией Даниила Хармса. Однако не будем забывать, что строки эти написаны спустя годы после расстрела Введенского и гибели Хармса. Впрочем, во все эпохи и времена были люди, способные принимать в жизни только трагическое и прекрасное, вынося за скобки все остальное как несущественное, а еще точнее, несуществующее. Друскин - апостол по призванию. Подвижник и затворник, не занесенный ни в какие Святцы. Даже Алексей Лосев не был так свободен от земной суеты и тщеславия.

"Я сочиняю мифы о Введенском, о Хармсе, о себе самом - это и означает познать самого себя". Вот ключи к миропониманию этого удивительного смыслоискателя. Он творил миф о себе, и своих друзьях, и только мифы стали реальностью. Сегодня никто не знает, каковы были обэриуты "на самом деле". То, во что они верили, - это и есть реальность. А верили они только в непостижимое.

За два года до смерти, во время тяжелой болезни, Друскин оставляет в дневнике последнюю мысль: "Вообще болезнь - это или грех, или искушение, или благодать". Он жил и умирал как настоящий философ.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

МИСТЕРИЯ А. БЛОКА

Если, спускаясь в глубину колодца, можно оттуда днем увидеть звездное небо, то, проникая в глубины блоковской символики, мы увидим древнейшую звездную книгу человечества.

Там, где реставратор иконы, смывая поздние слои красок увидит доску, на которой только рисунок древесных волокон, мы сквозь древнейший слой поэтической символики увидим небо и звездные символы, отпечатавшиеся в душе поэта. Там, где на иконе откроется доска, в поэзии Блока обнажится древнейший слой мировой культуры - откроются звездные письмена бездонного ночного неба, где огненными буквами звезд задолго до начала письменности были запечатлены древнейшие сказания и сюжеты всей мировой культуры. Эта книга всегда стояла перед глазами Блока. Ныне некоторые из этих символов тайного звездного языка волхвов и магов поддались расшифровке.

Может возникнуть вопрос: актуальна ли сегодня для нас эта символика в разговоре о Блоке?

Она актуальна прежде всего потому, что над нею много размышлял Александр Блок в период работы над своими главными произведениями. Она тем более актуальна, что размышления эти не остались по ту сторону художественного творчества. Они воплотились в глубочайших образах Блока, но, к сожалению, не были должным образом поняты современниками.

В известной мере этому, как ни парадоксально, помешал символизм. Дело в том, что Блок часто обращался к звездным символам на трагикомическом уровне. Он явно высмеивает банальности, общие места, столь распространенные в теософско-мистических кругах Петербурга. Для нас, сегодняшних читателей, эти банальности носят подчас несколько иной смысловой оттенок, потому что мы порой не знаем этой символики. Символизм был не только литературно-философским течением. Внутри него существовала серьезная

филологическая школа, открывающая древние слои мировой культуры. Блок, как Андрей Белый и Брюсов, был активнейшим участником этой филологической революции. Его статьи "Поэзия заговоров и заклинаний" стала своего рода развернутой программой исследования фольклорной символики. Но всякая фольклорная символика в свое время была мистериальной. Фактически символисты реконструировали в своих изысканиях древнейшие шумеро-вавилонские и славянские языческие мистерии. "Балаганчик" и "Незнакомка" стали пародией на бесплодные попытки оживить эти мистерии в современности на уровне быта. Но чтобы понять, в чем заключается пародия, надо знать подлинник.

...и небо - книга между книг...

А. Блок

В пределах этой главы можно лишь вкратце изложить основной сюжет мистериального действия.

В нем два действующих лица: звезда - невеста, блудница, смерть и месяц - небесный жених. Звезда носит множество имен, нам же она известна чаще всего под именем Венеры. Это имя она носила во времена последних дохристианских мистерий, под этим именем вошла в европейскую литературу.

Двигаясь невысоко над линией горизонта, Венера соединяется со всеми планетами и Солнцем, что на языке звездных магов означало астральный брак. За это Венера получила на Востоке почетный и сомнительный титул звездной блудницы - богини любви. Месяц не соединяется с планетами, он непорочен, его встреча с Венерой на утреннем небосклоне возможна в момент его "умирания" (то есть в фазе последней четверти) вспомним знакомый сюжет "Венера и Адонис".

Таким образом, утреннее появление Венеры на небосклоне было моментом смерти месяца на небосводе. Вечерний восход Венеры на западе, наоборот, был связан с новолунием, то есть появлением (воскресением) месяца. Между блудницей Венерой и ее непорочным женихом пролегал Млечный Путь - река мертвых; их

разъединяла смерть.

Эти сложные отношения слышны в протобиблейском эпосе шумеров, хеттов, вавилонян, и в новозаветных текстах есть отголоски этого сюжета.

Еще у шумерских пастухов бытовали сказания о браке утренней звезды Инанны и пастуха-месяца Думузи. Месяц-пастух существует и в русском эпосе: "поле не мерено, овцы не считаны, пастух рогат". Пастух - пастырь - спаситель позднее, дохристианскую эпоху, на Востоке превратился в Таммуза, умирающего и воскресающего бога. Сохранился плач Думузи, которого волокут на казнь, чтобы повесить на крюке вместо Инанны пока богиня будет вымаливать у богов спасение. На звездном языке это означало, что, когда восходит Инанна - Иштар - Венера, заходит месяц, а когда восходит месяц, заходит Инанна - Иштар - Венера.

Эта мистерия разыгрывалась во дворах древних храмов. Пни конечно, бытовали в древней пастушеской Галилее. Тайные отголоски отношений звезды и месяца слышатся в сюжетах о Христе и Магдалине, но, конечно, на другом, высоком духовном уровне.

Пристальный интерес символистов к древнеегипетским текстам, к античной мифологии, к открытым в начале века шумеро-вавилонским текстам (первый перевод вышел на немецком языке в 1900 году), поиски общих корней мировой культуры в славянской мифологии были чрезвычайно близки Блоку: "Многие наши заговоры не национального происхождения. Общая родина их - Вавилон и Ассирия". Стремление воскресить мистику, противопоставить ее духовной казенщине Победоносцева на первых порах было созвучно исканиям поэта. Однако "Незнакомку", "Балаганчик", "Соловьиный сад" он создает, уже достаточно разочаровавшись в книжных поисках истины. Он как бы противопоставляет заземленной бескрылости и бесплодному спиритизму мистику искусства.

Вернув мистику в театр, Блок, как ни странно, был ближе к ее первоначальной театральной природе, чем самые благоговейные мистики, воздвигающие на обломках прогнивших ценностей пустые картонные теософские храмы.

Это хорошо понял Мейерхольд, вдохнувший фольклорную смеховую стихию в блоковский "Балаганчик". Постановка очень ей понравилась в традиционно-мистических символистских кругах и была с восторгом встречена Блоком. Однако, поняв, что Блок смеется над книжным безжизненным мистицизмом, многие не поняли трагикомической природы этого смеха. Ведь помимо того, что высмеивалось, было еще и то, что должно пройти и через испытание смехом, - вечная драма любви, смерти и потрясения, ставшая сюжетом двух пьес Блока.

Звездное небо, казавшееся таким далеким жителю Петербурга, затянутое туманом, угольным смогом, фабричным дымом, и на нем - таинственная звезда, вечная туманная Незнакомка Блока. "Дыша духами и туманами", неся за собой "шлейф брызганный звездами", появляется она то в звездном водовоппте, то в снежной маске, то в полумгле у трактирной стойки.

Поэт в "Незнакомке" среди кабацкого шума напряжении всматривается в лица посетителей, ища среди них "ее" - единственную. И среди этого огня взоров, среди вихря взоров возникает внезапно, как бы расцветает под голубым снегом, одно лицо: прекрасный лик Незнакомки под темной вуалью. Вглядываясь в камею, поэт прозревает знакомый облик Астарты - звезды-блудницы.

Не хвостатая ли это комета Галлея?

Ее голубое звездное покрывало-шлейф похитил осаждавший Карфаген варвар, и флюберовская Саламбо выкупает его ценой своей девственности. Звездное покрывало и звездный шлейф Незнакомки Блока скрывают все тот же облик вечной женственности. С ней связаны темные мистериальные культы.

Но сейчас, при самом начале действия, поэт пристально всматривается в ее лицо. Он ждет ее нисхождения на землю. Такого нисхождения через определенные астрологические циклы времен ждали на Древнем Востоке

волхвы, маги, звездочеты.

У Блока поэт знает, что рано или поздно, как в древних мистериях, голубая звезда должна спуститься вниз.

"Вечное возвращение. Снова Она объемлет шар земной. И снова мы подвластны Ее очарованию. Вот Она кружит свой процветающий жезл..."

"Процветающий жезл" - это хвост кометы Галлея. Она прорезала небо Петербурга во времена работы над пьесой.

"Медленно, медленно начинают кружиться. стены кабачка. Потолок наклоняется, один конец его протягивается вверх бесконечно... Все вертится, кажется, перевернется сейчас... Одну минуту кажется, что все стоит вверх ногами..."

Стены расступаются. Окончательно наклонившийся потолок открывает небо - зимнее, синее, холодное".

Здесь мы видим уже знакомое по фольклору мистериаль-ное выворачивание. Суть его всегда заключалась в том, что узкое, ограниченное пространство вмещало внезапно всю вселенную. Так безгранично раздвигаются стены комнаты во время сатанинского бала в романе М. Булгакова "Мастер и Маргарита".

В Апокалипсисе автор глотает в свернутом виде звездную книгу и внезапно оказывается внутри другого мира: "И увиденную новую землю и новое небо".

Новое небо, вошедшее внутрь кабачка, объемлет город, мост и Звездочета, стоящего на мосту, ищущего в небе звезду дано увидеть ослепительное нисхождение этой звезды на землю:

Восходит новая звезда.

Всех ослепительней она.

Недвижна темная вода,

И в ней звезда отражена.

Ах! Падает, летит звезда...

Лети сюда! Сюда! Сюда.

Как и в древних мистериях, звезда спускается с небес, повинувшись заклинанию поэта: "Синий снег. Кружится. Мягко падает. Синие очи. Густая вуаль. Медленно проходит Она. Небо открылось. Явись! Явись!"

Небесный свод сходит на землю в облике Голубого. На фоне его плаща светится луч, как будто он оперся на меч, - это Орион. Поэт, который "слишком долго в небо смотрел: оттого - голубые глаза и плащ", встречает голубую звезду, которая много столетий мерцала на его плаще. Их два звездных облика сходны, их диалог туманен, но понятен обоим:

Протекали столетья, как сны.

Долго ждал я тебя на земле.

Незнакомка

Протекали столетья, как миги,

Я звездою в пространствах стекла.

Однако дальнейшее развитие-событий должно выйти за пределы учтеного разговора. Звездная Незнакомка спускается на землю именно в человеческом облике. Вспомним еще раз, что в вавилонском эпосе о Гильгамеше звездная блудница Шамхат видимо, сохранившаяся в сказках под именем Шамаханской царицы) должна соблазнить и тем самым превратить в человека дикого пастуха Энкиду. Семь дней возлежит она с ним на земле, чтобы на седьмой день, утратив звериную силу, Энкиду стал человеком.

Много тысячелетий спустя, встретив на земле цивилл ванного поэта, Незнакомка-звезда не знает, о чем вести речь:

Незнакомка

*Падучая дева-звезда
Хочет земных речей.
Только о тайнах знаю слова,
Только торжественны речи мои.*

Незнакомка пытается разбудить в поэте земные чувства ведь она спустилась на землю не для того, чтобы попасть на небо.

Незнакомка

*Ты видишь мой стройный стан?..
В голосе ее просыпается земная страсть.
Ты хочешь меня обнять?..
Ты можешь коснуться уст
Ты знаешь ли страсть?..
Ты знаешь вино?*

Так вавилонская блудница Шамхат превращала Энкиду в человека, дав ему отведать хлеба и вина. Но поэт шепчет другие слова: "Звездный напиток - слаще вина".

Вот тут-то и появляется в сюжете древней мистерии вполне живой и вполне "животный" Господин. На все вопросы Незнакомки он отвечает весьма положительно.

Незнакомка

*Ты хочешь любить меня?
Господин
О да! И очень не прочь.*

Здесь в самый иронический момент в мистерии возникают христианские мотивы. "Как имя твое?" - спрашивает Господин, и Незнакомка отвечает:
Постой.

*Дай вспомнить. В небе, средь звезд,
Не носила имени я
Но здесь, на синей земле,
Мне нравится имя Мария
Мария - зови меня.*

В ужасе Звездочет: "Нет больше прекрасной звезды! Синяя бездна пуста!.. Пала Мария - звезда".

Кто эта падшая звезда Мария? Дело в том, что, пройдя возм множество превращений имен, звездная блудница в ран-ркой христианской поэтике обрела имя Мария, сохранив свою действительную суть: непорочной девы Марии и блудницы Марии Магдалины. Превращение это весьма существенно и требует небольшого исторического отступления.

Само название утренней звезды у шумеров - "светлое доно" — достаточно красноречиво. С ней были связаны древнейшие культы плодородия. При храме Астарты и обитатели священные блудницы, которые, подражая звездной владычице, должны были вести соответствующий образ жизни. Профессия блудницы в древних восточных культурах была узаконенной и считалась даже почетной. Более того, раз в году даже в Древнем Риме почтеннейшие матроны должны были внести свою лепту в доходы храма, заработав ее своим телом. Правда, Овидия, живущего в I веке, этот обычай уже шокирует, и он посвящает целую поэму его обличению.

То, что было почетно в древних восточных государствах, стало позорным во времена Цезаря и Христа. Вот почему Марию из Магдалы хотят побить камнями, ведь в Иудее борьба с астральным культом была столь же продолжительной, сколь и бесполезной.

Об особом, храмовом профессионализме Марии Магдалины говорит и то, что ей известно было содержание древней мистерии и ее обряды. В шумерском эпосе "Звезда солнечного восхода" она сходит в подземное царство, где умер муж ее сестры - владычицы "Страны без возврата", чтобы "погребальные травы ему воскурить, погребальное пиво ему возлить". Вот почему, вылив на Христа благовонное миро из алавастрового сосуда и евреев его ноги своими волосами, Мария, по словам самого Христа, приготовила его к погребению, то есть тем самым к будущему воскресению. Имя этой священной блудницы и взяла себе "Дева-звезда" - Незнакомка Блока.

Тема блудницы появляется еще в эпиграфе к драме "Незкомка", в строчках из романа Ф.М. Достоевского "Идиот".

Князь Мышкин, по замыслу Достоевского, Христос и спас тель XIX века, всматривается в лицо Настасьи Филипповны 'о ваши глаза точно где-то видел, да этого быть не может! Это так. Я здесь никогда и не был. Может быть, во сне".

"Святая блудница" Настасья Филипповна и "Христос" Мышкин узнали друг друга сквозь дымчатую завесу двух тысяч лет, как узнал Незнакомку поэт.

Неясно, как бы на втором плане, возникает также тема "священного танца" блудницы: сходя в царство мертвых, звезда должна снять семь одежд - семь признаков земной страсти земной власти. В "Незнакомке" это тема танцовщицы Серпам тини. Гости в салоне с возмущением говорят о балерине, "завернутой в одну тряпку": "Танцевать без костюма - это я не знаю что!"

В гостиной, где поэт читает стихи о вечной женственности ("И от иконы в нежных ризах медлительно сошла Она"), появляется Незнакомка, прерывая чтение "небесного стиха", приведя в смущение гостей и хозяев, как Мария Магдалина приводила в смущение апостолов.

В шумерском эпосе, который в настоящее время считается первоисточником этого сюжета, богиня Инанна спускается с неба в ад, где ее подвешивают на крюк. Ее муж, пастух Думузи (месяц), восседает в это время на троне, играя на свирели. Чтобы выйти из ада, Инанна отдает демонам своего возлюбленного - пастуха Думузи. Восходит звезда - и демоны волокут месяц в темное подземелье. Так блоковская Незнакомка возвращается на небо из петербургского "ада", оставляя внизу своего поэта: "На лице его - томление, в глазах - пустота и мрак". "За окном горит яркая звезда". Поэт остается на земле в одиночестве. Хвостатая комета, звезда-блудница исчезла.

О "Балаганчике" Блока приходится говорить после "Незнакомки", потому что в "Незнакомке" более развернуто, более канонично высвечивается сюжет древней астральной мистерии. Звезда-блудница сходит на землю к своему жениху, но как на небе невозможно соединение Венеры с месяцем, так на земле невозможен брак двух любящих. Венера, как мы уже говорили, соединяется на небе со всеми планетами, и только тайный, "ночной" жених - месяц - остается недоступным. Это тот жених, который "грядет во полночи", которого сопровождают звездные "ми роносицы" к месту исчезновения перед новолунием.

В "Балаганчике" звезда-невеста появляется с косой на плече "на фоне занимающейся зари", причем "лезвие косы серебрится, как опрокинутый месяц, умирающий утром". (Помните: "Месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит".)

ЛУННЫЙ жених Пьеро говорит о своем небесном происхождении: "Нарумяню лицо мое, лунное, бледное". Над его подругой-звездой сияет ее небесный облик: "А вверху - над подругой- картонной - высоко зеленела звезда".

Венера - Колумбина - невеста - смерть. На свадьбах часто поются песни о невесте-смерти. Именно поэтому существует древний магический обряд переодевания на свадьбах: женщин в мужскую, а мужчин в женскую одежду. Таким образом пытались обмануть "невесту-смерть". Она пришла с косой за женихом-месяцем, а он

стал женщиной-луной. На свадьбах у разных народов под разными именами фигурирует "бледный Пьеро" - умирающий месяц в высоком остром колпаке. Его бьют, пытаются утопить в реке Млечного Пути, вываливают в грязи, но он всегда оживает и смеется над своими гонителями, перехитрив смерть. На Руси это был Петрушка. Момент воскресения "нового" месяца на свадьбах носит игривый характер. Мнимого мертвеца оплакивают, а он вскакивает и бросается в пляс.

В "Балаганчике" Блока эта фольклорная мистерия, эта небесная свадьба лишена полнокровного языческого начала. Теперь это стало мифом. Напрасно автор пытается направить действие по живому, жизненному руслу. Напрасно он кричит: "Я не признаю никаких легенд, никаких мифов и прочих пошлостей!" Бледные мистики выхолостили жизнь. В невесте-смерти они видят только смерть с косой. Пьеро видит только свою возлюбленную с пушистой девичьей косой за плечами.

В мистерии участвует и двойник умирающего месяца: месяц воскресающий - Арлекин. В мистическом маскараде порой чельзя различить, где Пьеро, где его соперник Арлекин: все паяцы. Паяц падает от удара деревянным мечом, истекая клюквенным соком. Смерть и невеста - одно лицо под разными масками. Арлекин прыгает в окно, но даль, "видимая в окне, ок зывается нарисованной на бумаге".

Невозможна смерть, но невозможно и воскресение; невоч можна любовь, но и смерти нет. Когда срываются маски, под ними оказывается пустота.

И все-таки момент воскресения смерти в "Балаганчике" поистине удивителен. Блок как бы выворачивает наизнанку фольклорно-мистериальный сюжет. Здесь жених Пьеро воскрешает звезду-невесту-смерть. В отличие от Думузи, Озириса, Христа блоковский Пьеро не может ни умереть, ни воскреснуть, он даже не может принести себя в жертву. Грустный Пьеро превращается в обыкновенного карнавального паяца, истекающего клюквенным соком, а спустя мгновение убегает. Такова же мнимая смерть Арлекина. Обычно в момент мнимой смерти ми-стерияльное пространство, сужавшееся в час гибели, расширяется (как, например, в "Смерти Ивана Ильича", о чем разговор в дальнейшем). Здесь же окно разрывается. Даль оказывается декорацией.

Как полагается в древней мистерии, момент смерти месяца есть время воскресения утренней звезды. У Блока "на фоне занимающейся зари стоит, чуть колеблемая дорассветным ветром, Смерть, в длинных белых пеленах с матовым женственным лицом и косой на плече. Лезвие серебрится, как опрокинутый месяц, умирающий утром".

Это лезвие и есть "опрокинутый" Арлекин, превратившийся в умирающего Пьеро.

На земле "Пьеро медленно идет через всю-сцену, простирая руки к Смерти". И вот происходит воскресение, превращение Смерти в невесту Коломбину: "По мере приближения черты Ее начинают оживать. Румянец заиграл на матовости щек. Серебряная коса теряется в стелющемся утреннем тумане. На фоне зари, в нише окна, стоит с тихой улыбкой на спокойном лице красивая девушка - Коломбина".

Уже в романе Достоевского "Идиот" традиционный сюжет "Христос и блудница" был вывернут наизнанку. В Евангелии Христа погребает блудница Мария Магдалина, у Достоевского "Христос" - Мышкин рядом с зарезанной Настасьей Филипповной играет в дурачка с "разбойником" Рогожиным. Таков "пята" Достоевского. Она ближе, как это ни покажется странным, к древним библейским сюжетам, где "подвешивают на крюк" блудницу.

А под маской было звездно...

А. Блок

В Незнакомке просвечивает лик Настасьи Филипповны и там она - небесная возлюбленная, преданная поруганью на зем ле. В поэме "Двенадцать" для блудницы Катьки нет "неба", как нет его для Настасьи Филипповны. Катька убита шальным выстрелом, убита почти случайно, стихийно, но лицо этой стихии - лицо Христа в белом венчике ледяной пурги, снежных роз. Раньше из снежной маски, из вьюги возникло лицо Незнакомки, теперь - лик Христа. Упрекавшие Блока в банальности "белых венчиков" не поняли образа: ведь розы скручены из снежных вихрей и водоворотов пурги.

Розы соловьиного сада превратились в леденящие вихри России. Из пурги вырываются клочья плакатов, обрывки фраз и частушек, визжат пули, раздаются хриплые крики. Блудница Катька мало похожа на Магдалину, Настасью Филипповну, на прекрасную Незнакомку. Силой стихийного разгула она куда ближе древним богиням плодородия, которые с одинаковой страстью отдавались богам и пастухам, героям и простым воинам.

Поэт действительно полюбил стихию, она стала ему милее сладкого соловьиного рая и бумажных декораций петербургского "балаганчика". Теперь древняя мистерия Христа и блудницы, звезды и месяца растворена у Блока в стихии снежной пурги. По закону мистерии кто-то должен умереть ради воскресения. В Христа тоже летят пули, но он уже невредим: нельзя умереть и воскреснуть дважды. Катька не похожа на женщину из "Соловьиного сада", хотя С. Есенин почувствовал связь между этими образами, и женщина, олицетворяющая Россию, будет названа "Анна Онегина".

Снег и пурга - вот откуда возникла живая, воплощенная Катька, не "картонная невеста", выпавшая из

извозчичьих саней. Над Коломбиной, упавшей в снег, плача и смеясь, танцуют Арлекин и Пьеро. Но Петруха, убивший Катьку, недолго грустит:

Он головку вскидывает,

Он опять повеселел.

Эх, эх!

Позабавиться не грех!

Над телом убитой блудницы склонился вьюжный Христос, над пустым фобом воскресшего Христа когда-то склонилась Мария Магдалина. Уйдя от пустого гроба, она встретила человека в белом, приняв его за садовника, но это был Христос, страдавший в Гефсиманском саду и воскресший в саду Иосифа Арифмафейского. Женщина из соловьиного сада погибнет в ледяной пуоге снежного вихревого сада, в метели из роз, увенчавших кровавым ледяным тернием чело блоковского Христа.

Для древних народов небо было звездной книгой, где огненными буквами были запечатлены сюжеты всей мировой истории. Эту книгу читал и по-своему расшифровывал еще автор Апокалипсиса, когда небо перед его глазами свернулось, "как свиток". Эта книга за семью огненными печатями читалась шумерами, египтянами, греками и персидскими магами. Тускло светились ее страницы над Петербургом начала XX века, но в ясные морозные дни Александр Блок, оторвавшись от древних манускриптов, увидел в поэтическом прозрении все те же огненные письмена, такие же загадочные, как клинопись древних шумеров и звездные знаки скифов:

Когда ты загнан и забит

Людьми, заботой иль тоскою;

Когда под гробовой доскою

Все, что тебя пленяло, спит

Тогда - остановись на миг

Послушать тишину ночную:

Постигнешь слухом жизнь иную,

Которой днем ты не постиг;

По-новому окинешь взглядом

Даль снежных улиц, дым костра,

Ночь, тихо ждущую утра

Над белым запушенным садом,

И небо - книгу между книг.

Страницы этой звездной книги каждая эпоха и каждый поэт считают по-своему. По-новому прочел ее и Александр Блок.

"ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОГИБШЕГО ЧЕЛОВЕКА" (мистерия Достоевского)

В творчестве Достоевского немалое число истолкователей в первую очередь видело глубины человеческого падения: все помнят легенду о Великом инквизиторе, но редко вспоминают главу "Кана Галилейская", где, по словам Достоевского, сила утверждения должна перевесить силу отрицания.

Сила утверждения не устраивала критику еще в большей степени, чем сила отрицания. Вспомним, как безжалостно цензура Каткова искромсала эпизод о воскресении Лазаря в "Преступлении и наказании", но и в усеченном виде эта глава вызвала грозные нарекания: как можно "блудницу" Соню сравнить с Магдалиной!

Евангельская блудница раскаялась в содеянном, а Соня продолжает заниматься своим ремеслом (чтобы накормить голодных детей, добавим мы от себя).

"Кана Галилейская" хотя и миновала цензурные рогатки, но осталась за частоколом молчания. Существовала и другая причина заговора молчания вокруг "евангельских эпизодов" в романах писателя: литературоведение и критика времен Достоевского были не готовы к объективному подходу к религиозной символике.

Клерикальный или антиклерикальный пафос игнорировал всякую художественность.

В Евангелии Достоевского следует искать прежде всего то, что волновало самого писателя. А он не скрывал своей высшей цели, когда утверждал, что ищет в христианстве формулу "восстановления погибшего человека". Это, говорил Достоевский, "основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия".

Здесь Бог и Дьявол борются...

Ф. Достоевский

Здесь следует четко осознать диаметрально противоположную семантику понятий "бессмертие" и "воскресение". Бессмертный не умирает, воскресающий должен обязательно умереть.

Переживание смерти в средневековых мистериальных свойствах было настолько сильным, что истории известны случаи, когда участники, изображавшие Христа, погибали, будучи привязанными к креслу, в течение нескольких минут. Но это несомненно, были неопытные и неталантливые актеры: эстетическое переживание смерти должно потрясать зрителей в гораздо большей степени, чем актеров. К тому же смерть лишь прелюдия к высшему - катарсису в мистерии воскресения.

Само слово "мистерия" в своей основе означает "познание тайны". От древнейших времен до современности искусство есть познание и переживание тайны любви, тайны жизни, тайны смерти. Эстетическая природа действия о воскресении сохраняет свою непреходящую ценность и в живописи Андрея Рублева, и в драматургии Шекспира, и в романах Достоевского и Толстого.

Есть известная закономерность в том, что Достоевский, всю жизнь разгадывавший загадку о человеке, напряженно размышлявший над библейскими сюжетами, искал, однако, их реальную жизненную подоснову, доходя до первоисточков легенд, до тех изначальных слоев культуры, где человек впервые заявил о себе как о существе, отличном от породившей его природы. В воскресении человек впервые не согласился с мирозданием, создавшим его смертным. Если на протяжении всей своей истории вопреки очевидности смерти человечество создало воскресение, значит, в нем заключена великая тайна человеческой души и природы - таков был ход мысли самого Достоевского.

На ранних этапах истории мистерия воскресения была эстетическим осознанием человеком своего рождения. В момент биологического рождения человек еще не наделен сознанием, он участвует в природном процессе независимо от своей воли, как часть природы. Человек проигрывал свое рождение на эстетическом уровне, становился не участником, а соучастником великого таинства природы.

Что фактически изображалось? На глазах у присутствующих мертвое становилось живым. Но не таков ли и сам процесс зарождения жизни? Зерно, погребенное в недрах земли, вновь рождается в ее материнской утробе. Мать-земля непрерывно рождает погребенных в ней детей.

Вспомним, как рассказывает Хромоножка в "Бесах": "Богородица что есть, как мнишь?" - "Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого". - "Так говорит Богородица - великая мать сыра земля есть..."

Что же обретал человек в момент катарсиса? Теперь вся воспринималась как неожиданный дар. Он обретал ее заново, как бы внезапно родившись.

Во многих трансформациях мифа о воскресении в мировой культуре, в мифологиях всех народов четко прослеживается неразрушимый сюжет первоначального действия о "мнимой смерти". Суть его заключена в том, что некто, считавшийся умершим, гниющий и разлагающийся, внезапно обретает жизнь.

В большом числе легендарных сюжетов на первый план выступает тление, зловоние как неопровержимые доказательства мерти. Лазарь не просто умер, от его тела уже исходит запах тления, что всячески подчеркивается и в самой притче, и в ее иконографическом изображении, где апостолы зажимают носы в момент, когда камень отвален от "двери гроба".

В "Братьях Карамазовых" глава о смерти Зосимы называется "Тлетворный дух". Тлетворный дух, исходящий от тела учителя, стал великим соблазном для старцев. Ликует противник Зосимы Ферапонт, ибо вместо благоухания мощей праведника Зосима "провонял". Причем всячески подчеркивается необычность такого явления, ведь Зосима "тело имел невеликое, сухое, к костям приросшее, откуда бы тут духу быть?".

Как и в притче о воскресении Лазаря, тление, усиливающее реальность и очевидность смерти, должно быть контрастной прелюдией к воскресению. В главе "Кана Галилейская" Алеша увидит в сонном видении воскресение Зосимы потому, что сумел переступить через соблазн очевидности самого тления.

В романе "Преступление и наказание" Соня читает Расколь-никову притчу о воскресении Лазаря, и здесь Достоевский акцентирует обязательный момент тления. Зосима "провонял", Лазарь "смердит". Для усиления этого момента Достоевский прибегает и к словесному комментарию, и даже к графическому выделению слова "четыре", указывающего на время тления: "уже смердит; ибо четыре дни, как он во гробе". Она энергично Ударил на слово четыре".

Притча о Лазаре есть сокровенная тайна, связующая Расколь-никова и Соню: "Где тут про Лазаря? - спросил он вдруг. - Про воскресение Лазаря где? Отыщи мне, Соня".

Ведь он мыслит себя погибшим и невоскресшим Лазарем его духовная смерть ("Я себя убил, а не старушонку") наступила в момент убийства. С тех пор Раскольников пребывает в своей камере, по словам Достоевского, похожей на гроб, а когда об этом же говорит мать Родиона Романовича, он восклицает, что она не подозревает, какую великую истину сей час сказала.

Чтение притчи о воскресении Лазаря должно стать предвесп, ем воскресения Раскольникова. Лазарь, уже охваченный тлением воскрес вопреки очевидности; вопреки очевидности и всеокружающей логике должен воскреснуть и Родион Раскольников. По крайней мере, так это представляется Соне. "И он, он - тоже ослепленный и неверующий, - он тоже уверует, да, да! Сейчас же, теперь же", - мечталось ей, и она дрожала от радостного ожидания"

Воскресший, как бы освобождаясь от телесности, облачается в "ризы нетления". "Ветхий Адам" погибает, чтобы возродился новый.

Всего этого не происходит с Раскольниковым. Он так и остается Лазарем. Лазарь, в отличие от Христа, не сам воскресает, его должны воскресить. Раскольникова воскрешает Соня. Сам он не жалеет о преступлении и не раскаивается в глубине души. Он просто следует к воскресению по пути, указанному Соней.

Пожалуй, в этом кроется фундаментальное отличие действия о мнимой смерти от действия о воскресении.

Мнимо умершего всегда оживляет кто-то; строго говоря, это не воскресение, а именно оживление.

Воскресение исходит из глубины души героя - оживление происходит под воздействием внешних сил.

Расстояние от сюжета о мнимой смерти до сюжета о воскресении громадно. Удельный вес притчи о воскресении Лазаря несоизмерим с весом и значимостью повествования о воскресении Христа.

Иное дело, когда мнимая смерть переживается самим участником действия и дана его внутренним взором.

Такова известная легенда о праведном перевозчике, который в надежде на легкую смерть бесплатно переправлял людей через реку. Однажды он перевез необычного странника и, когда оглянулся по его приказанию, увидел на оставленном берегу свое бездыханное тело.

Образ мнимой смерти, когда человек, как бы перешагнув через собственный труп, продолжает другую жизнь, часто встречается в творчестве Льва Толстого.

Есть мнимая смерть героя: одежда, оставленная на берегу и записка о смерти; есть жизнь героя в другом облике "после смерти". Но в фольклорной мистерии герой, пройдя через мнимую смерть, возрождается, а в "Живом трупе" после мнимой смерти наступает смерть настоящая. Получается антимистерия. где действие направлено не к воскресению через мнимую смерть, а через мнимую смерть к настоящей смерти. Оставив на берегу одежду, как бы перешагнув через свой труп, Протасов не воскресает, а становится живым трупом. Еще нагляднее переход через мнимую смерть к другой жизни в эпизоде аустерлицкого прозрения Андрея Болконского.

Тяжело раненный, он кажется мертвым. Над его телом император Наполеон произносит достойную эпитафию: "Вот прекрасная смерть". Эти слова как бы действительно обращены к умершему, ибо для нового, "ожившего" Андрея они уже ничего не значат. Его прежний двойник растворился в бесконечной голубизне неба над Аустерлицем.

"Он знал, что это был Наполеон - его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человечком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нему облаками".

Фольклорное действие о мнимой смерти играет существенную роль в "Преступлении и наказании", в "Войне и мире". Однако для Толстого совершенно невозможен мифологический подход, свойственный Достоевскому. Сюжет мнимой смерти возникает у него из самой действительности. Нет никаких обращений к мифу через бездны тысячелетий. Тем поразительней эта встреча двух писателей - как бы в середине туннеля, где пути

Толстого и Достоевского тесно сходятся.

Раскольников толкнул к духовной гибели пример и образ Наполеона, которому "все дозволено". Только перешагнув через убийство, Раскольников убил в себе "Наполеона". Наполеона искал в себе до Аустерлица и Андрей Болконский. И ему пришлось перешагнуть через свою "смерть".

Знаменательно, что в мистерии о мнимой смерти всегда сталкиваются два взгляда на умирающего; проникающий сквозь внешнюю оболочку событий утверждает: он жив; другой свидетельствует: он мертв. Утверждение, что Лазарь не умер, но спит, звучит не во внутреннем мире героя, а во внешней среде РЯДОМ с хором других голосов, утверждающих противоположное. Мы ничего не знаем о переживаниях самого Лазаря ни в момент смерти, ни в момент воскресения.

Совсем иная композиция внутреннего и внешнего взгляда в психологическом пространстве Толстого. Здесь, в отличие от мифа, внутренний взгляд дан действительно изнутри.

В "Смерти Ивана Ильича" герой видит, как его запихивают в черную дыру какого-то мешка, но в тот момент, когда пространство сжалось до бесконечности, перед ним открывае ся свет и бесконечность вширь.

" - Кончено! - сказал кто-то над ним.

Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. "КОНчена смерть, - сказал он себе. - Ее нет больше".

То, что для родственников безусловная реальность, видн. мая внешним взглядом (смерть, агония, труп), для Ивана Ильича, видящего смерть взглядом внутренним, есть конец смерти.

Так совмещение внутреннего и внешнего взора на великое душевное состояние человека в момент осознания своей смерти и победы над ней дарует нам мифологический взгляд Достоевского и подчеркнута антимифологический взгляд Толстого.

Контрастно столкновение внутреннего и внешнего в момент смерти князя Андрея после Бородинского сражения.

"Вторая смерть Болконского, уже не мнимая, а реальная, повторяет переход через рубеж бездыханного тела.

Под Аустерлицем перед ним открылась бесконечность ввысь, под Бородином - бесконечность вглубь.

Безгранично раздвинулись стены комнаты, вместив всех людей, которых видел князь Андрей. Он вместил в себя весь мир, а Наташа в это мгновение видит агонию и бездыханное тело.

Умирание князя Андрея есть постоянная пульсация таких состояний, когда окружающим кажется, что Андрей жив, в то время как для себя он уже умер, и наоборот: в последний момент агонии князь чувствует свой переход к иной жизни.

"Оно вошло, и оно есть смерть. И князь Андрей умер.

Но в то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собой усилие, проснулся.

"Да, это была смерть. Я умер - я проснулся. Да, смерть - пробуждение!"

Вернемся теперь к притче о Лазаре, вспомним концентрацию всех психологических состояний такого рода в одном диалоге о смерти. "Лазарь, друг наш, уснул, но я иду разбудить его" - и слова учеников: "Если уснул, то выздоровеет". И эпически спокойное сведение двух взоров в мифологическом пространстве Евангелия: "Иисус говорил о смерти его; а они думали, что о говорит о сне обыкновенном".

Необыкновенный сон Лазаря и его необыкновенное пробуждение происходит как бы на наших глазах, но мы ниче не узнали бы о психологическом состоянии Лазаря в момент воскресения, если бы не литературное воплощение этого состояния в романе Толстого "Воскресение".

Внешний и внутренний взоры здесь четко соотносятся. шнее проявление внутреннего состояния, когда умерший выходит из гроба, "обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами; и лицо его обвязано было платком", это место Соня Мармеладова прочла "громко и восторженно, дрожа и холодея, как бы воочию сама

видела".

Иное дело, когда князь Андрей в момент смерти-пробуждения, очнувшись "в холодном поту, зашевелился на диване". Никаких внешних проявлений происходящего внутреннего действия здесь нет. "Наташа подошла к нему и спросила, что с ним. Он не ответил ей и, не понимая ее, посмотрел на нее странным взглядом".

В главе "Кана Галилейская" Достоевский обратился к сюжету мнимой смерти. Сначала бездыханное гниющее тело Зосимы (вспомним, что именно смрад гниющего тела ближнего заставляет ясно осознать смерть и усомниться в возможности воскресения). Смутился и Алеша. Как бы перешагнув через тело учителя, он уходит из монастыря, падает на землю и лежит словно бездыханный. С того момента и начинается действие о блуднице.

Охваченный отчаянием Алеша попадает в руки семинариста Ракитина, который приводит его к Грушеньке: "не для радости Грушенькиной он влек к ней Алешу. Цель же у него теперь была увидеть "позор праведного" и вероятное "падение" Алеши "из святых во грешники", чем он уже заранее упивался".

Но между Грушенькой и Алешей неожиданно возникает духовная близость, исключая возможность чувственной связи. Ракитин выигрывает пари, Алеша возвращается к гробу Зосимы.

И у Толстого, и у Достоевского древнее фольклорное действо о блуднице, спасающей грешный мир, всегда оканчивается классическим перевертышем: блудница оказывается величайшей праведницей, непорочной невестой, спасающей жениха. Кульминация чувственного влечения жениха и невесты в мистериальном браке - обет целомудрия.

"В любви между мужчиной и женщиной, - пишет Толстой, - бывает всегда одна минута, когда любовь эта доходит до своего зенита, когда нет в ней ничего сознательного, рассудочного и нет ничего чувствительного. Такой минутой была для Нехлюдова эта ночь светлого Христова воскресения. Он знал, что в ней была эта любовь, потому что он в себе в эту ночь и в это утро знал ее, и сознавал, что в этой любви он сливался с нею в одну".

Отношения Настасьи Филипповны и князя Мышкина, Раскольникова и Сони, Грушеньки и Алеши - наиболее ярко воплощение такого чувства.

Трудно сказать, когда именно зародился сюжет этой любовной мистерии. В основе ее лежит отказ от физической близости между влюбленными, и не потому, что между ними нет чувственного влечения, а потому, что в недрах биологического влечения рождается человеческая любовь в современном понимании этого слова.

Вспомним, каким сиянием, каким торжеством окружает Толстой Катюшу Маслову в ночь ее грехопадения. Не играет существенной роли, знал или не знал Толстой, что в архаических истоках пасхальной мистерии в жертву распятию еще в добиблейскую эпоху приносилась священная блудница ради воскресения жениха. "Для нее блестело золото иконостаса и горели все свечи на паникадиле и в подсвечниках, для нее были эти радостные напевы: "Пасха Господня, радуйтесь, людие". И все, что только было хорошего на свете, все было для нее".

В "Преступлении и наказании" именно блудница Соня читает Раскольникову притчу о воскресении Лазаря. В поезде, еще только взглянув на портрет Настасьи Филипповны, князь Мышкин полюбил ее за красоту. Но это не телесная, земная красота - это красота страдания, которую Мышкин увидел в ее глазах, красота, которая "спасет мир".

В Евангелии Мария-грешница стоит у распятия Христа, помещенного между двумя разбойниками, а в "Идиоте" над телом убитой грешницы сидят "Христос" - Мышкин и "разбойник" - Рогожин.

Идет суд над блудницей Масловой. Когда-то соблазвивший ее князь Нехлюдов теперь должен бросить в нее камень - вынести приговор. Но суд над блудницей превращается у Толстого в суд блудницы.

И у Достоевского мы видим не блудницу, распростертую у ног праведника, а грешника Раскольникова,

целующего ноги Сони Мармеладовой.

Грушенька следует в Сибирь за осужденным Дмитрием по пути, уже проторенному Соней. Снова блудница, снова в Сибирь и снова за грешником. На пороге XX столетия еще одна блудница проследует по этому пути. На этот раз за ней поедет воскресающий, раскаявшийся грешник - Нехлюдов.

Однако у Толстого на первый план выступают мотивы житейские, антимифологические. Соня читает Раскольникову Евангелие, Грушенька рассказывает Алеше притчу о луковке, Нехлюдов слышит от Катюши совсем другие слова:

"Какого еще Бога там нашли? Все вы не то говорите. Бога? Какого Бога? Вот вы бы тогда помнили Бога.

Чувствую вину - злобно передразнила она. - Тогда не чувствовал, а сунул сто рублей. Вот - твоя цена".

Сколь различен суд Сони и суд Катюши, и все-таки одна и та же тема спасения грешника ценой жертвы блудницы отчетливо слышится у Толстого и Достоевского: "Ты мной хочешь спастись".

В канонизированных евангелиях, отобранных из тридцати с лишним апокрифических текстов, не совсем ясна и, пожалуй, слишком обытовлена и затуманена мессианская роль блудницы Марии. Последовав за Христом, именно она выливает на него сосуд с чистым народным миром и отирает его ноги своими волосами.

Это непонятное непосвященным действие вызывает ропот среди учеников: не лучше ли было продать это миро за триста динариев и отдать деньги нищим? Ответ понятен лишь тем, кто посвящен в тайну обряда "погребения-свадьбы". Тем самым, объясняет жених, она приготовила его к смерти и погребению.

Мнимо умершего оплакивает его невеста, она же воскрешает его поцелуем живой водой. Так или иначе, но воскресению предшествовала свадьба - брак в Кане Галилейской.

Эпизод из этого брака над умершим монахом Зосимой. Современному человеку довольно трудно понять, почему над Умершим читается глава о свадьбе. Только воспоминание о фольклорном сближении противоположных обрядов - свадьбы и погребения - проясняет истинный смысл такого странного совмещения.

Невеста-смерть - чрезвычайно распространенный фольклорный образ. Фольклорный перевертыш "свадьба-похороны" дышится в погребальных плачах, где умершего называют женихом, обвенчанным с сырой землей, а невесту венчают с тесовой домовиной, то есть с гробом. Таков закон мистериального действия: все превращается в свою противоположность. Это мир Изнанку. Здесь похороны - свадьба, а свадьба - похороны. Здесь смерть означает воскресение.

Вспомним роковые для жениха браки с царственными Умницами: Венерой Астартой, Клеопатрой. За брачную ночь жених расплачивался своей жизнью. Жертва любви угодной богам, и невеста-смерть, готовившая жениха к пот бению, станет невестой мнимо умершего и воскресшего жениха. Только смерть сблизила Болконского и Наташу. Брак, не с стоявший в жизни, как бы осуществился в смерти. Но за смертью не последовало воскресения.

Отголоски этих архаичных фольклорных обрядов попой слышны и в канонизированных текстах евангелий. На вопрос почему не постыятся апостолы, следует ответ: могут ли печалиться сыны чертога брачного, если с ними жених? Брак в Кане Галилейской, таким образом, не бытовая свадьба, а фольклорная свадьба-погребение, предрекающая воскресение жениха.

В ритуал этой свадьбы входило превращение воды в вино - один из древнейших символов воскресения. Вино - кровь Диониса, воскресающего в виноградной лозе. В глубинных истоках этого обряда ощутимо реальное природное таинство превращения дождевой воды в виноградные гроздья, дающие вино. В праздник сбора винограда заключались и реальные земные браки, Жених - сам Христос, сыны чертога брачного - апостолы. Таким образом, становится понятно, почему традиция требовала чтения над умершим главы "Кана Галилейская". Этот брак является тайным предвестником воскресения. Не удивительно, что Алеша,

задремавший во время чтения, видит воскресение Зосимы. Стены кельи раздвинулись, все сидят за брачным столом, архитриктин в белых одеждах разливает вино новой жизни. Понятен Алеше иноказательный смысл древней притчи: не вливают вино новое в мехи старые. Должно произойти полное обновление человека. "Ветхий Адам" считался умершим, "новый Адам" - обновленным, воскресшим. Новый, воскресший Алеша уходит, по завещанию Зосимы, из монастыря в мир.

Создавая роман "Братья Карамазовы", Достоевский надеялся повлиять на сердца и умы молодежи, привести ее к сознанию перелома, озарить их светом Каны Галилейской. Писатель думал, что возможно повторение мифологического взрыва, происшедшего в I веке, когда мистерия воскресения, выйдя из катакомб и пещер, заполнила пространство истории.

Писатель ошибся: мистерия может стать историей тольк однажды.

Выход мистерии воскресения из христианских катакомб ОСУ ществлялся под знаком архаичной и тёмной для современного сознания идеи сыновней жертвы. Авраам, готовый принести своего единственного сына, далеко не единственный персонаж мировой мифологии. Жертва сына в древнейших фольклорных культурах есть цена бессмертия, потому что ни в каком ином воплощении символ жертвенности не мог обрести такой ослепительной яркости. Если сила и осуществимость мистерии оправдывались величиной жертвы, то и жертва должна была быть громадной. Мистерия всегда существует вопреки установленному порядку вещей, природе и времени. Жертвенная смерть сына - это - бы антирождение. Природе возвращается рождение, в конечном итоге всегда оплачиваемое ценой смерти.

В семейных отношениях сложная диалектика будущего и прошлого моделируется взаимоотношениями отца и сына. Убивая сына, отец приносил в жертву самого себя, свое будущее и прошлое. В сыне воплощались все предки, гибель сына была страшнее собственной гибели. Здесь поистине распадалась связь времен. Это было нечто более страшное, чем смерть, - это был неотвратимый и вечный конец времен. Здесь приносится в жертву и прошлое, и настоящее, и будущее. Жертвуют временем, чтобы обрести вечность.

Действо о сыновней жертве противостоит природному ходу времени, где сыну расти, а отцу умиляться. Когда-то природная предопределенность лежала в основе жестокого магического ритуала - убийство стариков ради будущего благополучия.

В речи на открытии памятника Пушкину Достоевский вспомнит об этом:

"Представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, мало того - пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира Какого-нибудь, а просто честного старика... Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии?"

В романе "Братья Карамазовы" это "здание судьбы человеческой" возводится на сыновней жертве. Об этом говорит Иван Карамазов в связи с мыслью об убийстве отца. Раз мир стоит на крови и жертве, то жертва отца естественнее жертвы сына. Надо смириться с неизбежностью жертвы и выбрать наименьшее зло. Смерть отца естественнее, чем гибель сына.

Существовало же в старину поверье, вспоминает Иван, что знание лишь тогда стоит прочно, когда в основе его кровь невинного младенца. Иван Карамазов не хочет жить на крови м денца в таком здании.

Спор между Иваном и Алешей идет о природном и неп природном порядке вещей. В любом случае здание на крови, но олм дело, когда это кровь отца, который и без того должен умереть раньше сына, другое дело - кровь сына, замученного младенца. Перечень детских жертв: от ребенка, затравленного генеральскими псами, до Илюшечки, погибшего от туберкулеза, - обрамляет совершающееся убийство отца, Федора Карамазова.

Принять или не принять жертву, как бы искупающую это преступление, - вот о чем спор. Разумеется, и Алеша невинную жертву младенца принять не может. Но у жертвы есть собственный голос. Кто может запретить Илюшечке быть жертвой! Добровольность жертвы - вот чего не учли Родион Раскольников и Иван Карамазов в своей всеокрушающей логике.

Не на могиле Илюшечки, а у камня звучит речь Алеши Карамазова. "Речь у камня" называется и сама глава. Это жертвенный камень у края дороги и это тот камень, который отвален "от двери гроба" в момент воскресения. Илюшечка есть то зернышко, которое умирает в земле ради будущей жизни мира. Он та сторона в споре Алеши с Иваном, которую забыли выслушать; он сама жертва. Об этом речь Алеши у камня:

"...кто нас соединил в этом добром хорошем чувстве, об котором мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать будем и вспоминать намерены, кто, как не Илюшечка?..."

- Карамазов! - крикнул Коля. - Неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых, и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

- Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было..."

Ребенок должен стать тем зернышком, которое если, "пал-ши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода". Вспомним, что в романе Л. Толстого "Воскресение" на совершенно ином, антимифологическом уровне возникает образ умирающего и воскресающего зерна.

Вот как рассказывает писатель о символике веры крестьянина Набатова, который наследовал от предков "твердое, спокойное убеждение, общее всем земледельцам, что как в мир животных и растений ничто не кончается, а постоянно переделывается от одной формы в другую - навоз в зерно, зерно - так и человек не уничтожается, но только изменяется" Право чего-то не хватает в этой цепочке превращений. Ведь не просто "навоз в зерно" превращается. Ведь сначала предстоит умереть в земле - с плачем, рыданием, со слезами и болью.

Но если с плачем и слезами, значит, уже не просто превращение, изменение, а смерть, жертва и воскресение. Сам роман "воскресение" прониван идеей добровольной жертвенности без малейшего намека на какую-то награду в будущем. Воскресение совершается здесь, сегодня, сейчас - или никогда. Ведь и Алеша в главе "Кана Галилейская" переживает сейчас свое воскресение, а его ответ Коле Красоткину не о духовном воскресении, а о будущем "оживлении". Не "воскреснем", а "восстанем", потому что воскресение Алеши уже совершилось. Само воскресение в художественном времени Каны Галилейской выходит за круг времени, ибо это то состояние мира, о котором князь Мышкин, в "Идиоте" говорит, вспоминая слова из Апокалипсиса: "И голос был, что времени больше не будет". Это можно понимать двояко: конец света, как это воспринимали ранние христиане и безуспешно его ждали; было и другое понимание конца времени - время исчезает потому, что "для Бога один день как тысяча лет и тысяча лет как один день".

При таком подходе природный порядок времени сохраняется, изменяется лишь восприятие его. В ограниченных рамках собственной жизни человек воспринимает все время и все пространство создавшего его мироздания.

Само воскресение оказывается не в прошлом, а в настоящем времени. Оно есть зерно всех событий, которое прорастает на почве будущей и прошлой жертвы. Круг времен, замкнувшийся в двойной жертве, распадается. Творится вечное воскресение.

Воскреснуть - значит выйти за круг времен, перешагнуть Рубеж, за которым "времени больше не будет".

Но именно так понимал идею воскресения Лев Толстой. "Что значит "будущая жизнь"? Можно верить в жизнь, но для жизни вечной наше понятие "будущая" совершенно неприложимо".

Однажды Толстой сформулировал эту мысль еще яснее:

"Прежде всего про состояние после смерти нельзя сказать, что оно будет. Бессмертие не будет и не было. Оно

есть".

Для Достоевского и Толстого человек - существо историйки бессмертное, вечное. Его внутренний мир, его быт, его социальный облик соизмеримы разве что с самой вечностью.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

ВАСИЛИЙ РОДЗЯНКО - УЧЕНИК АЛЕШИ КАРАМАЗОВА

Имя этого человека стало легендой уже в 50-е годы, когда миллионы мыслящих людей слушали сквозь советские глушилки по Би-би-си его спокойную всепроникающую речь со старомосковской мхатовской интонацией. Проповеди священника Василия РОДЗЯНКО резко отличались от накатанных образцов византийского красноречия. Он говорил о Боге с православных позиций, но нормальным русским языком XX века. Почти все, о чем рассказывал священник, было новостью для русских людей по обе стороны "железного занавеса". Внук знаменитого РОДЗЯНКО был на редкость современным человеком. До него только Павел Флоренский понимал, насколько современная физика и космология смыкаются с Библией в своих новейших открытиях. Теория относительности Альберта Эйнштейна порадовала бы и Василия Великого, и Иоанна Златоуста, если бы они о ней знали. Василий РОДЗЯНКО не только просвещал. Он открывал незримые связи между религией и наукой.

Во-первых, выяснилось, что вся Вселенная возникла мгновенно, в результате взрыва малюсенького сгусточка свети величиной с булавочную головку. "И сказал Бог: "Да будет свет". И стал свет". Первичность света в появлении нашего мира высмеивалась во всех советских антирелигиозных брошюрках. Вот, мол, какая чушь. Сначала свет, а потом солнце. Но физика и космология XX века подтвердила правоту Библии. Именно так - сначала свет, а потом уже планеты, звезды, галактики. Даже сам время и пространство возникли в результате Большого взрыва.

Нельзя спрашивать, а что было до этого. До этого не было пространства и времени, а стало быть, бессмысленно говорить о каких-либо "до" и "после". Василий РОДЗЯНКО родился в 1915-м, а уже в двадцатом году его семья эмигрировала в Югославию. Там он получил духовное образование и стал священником. Потом фашистская

оккупация. Затем диктатура коммунистов. Тито арестовал Василия Родзянко по странному обвинению - проповедь религии. Как может священник не быть проповедником религии? Спросите пб этом коммунистов. Блуждать в лабиринтах и кругах их воспаленного красного мозга не согласится никакой Данте.

После четырех лет коммунистической тюрьги Василий РОДЗЯНКО смог покинуть красную Югославию. Тогда-то и зазвучали его гениальные проповеди на Би-би-си. В 1980 году, после смерти матери, Василий РОДЗЯНКО постригся в монахи и вскоре стал епископом Вашингтонским и Сан-Францисским. Как только рухнул "железный занавес", епископ устремился в Россию. Восемидесятилетний иерарх был полон творческих сил и, подражая апостолам, неумоимо ездил по всему миру, проповедуя и просвещая. Он стал почетным настоятелем церкви Малое Вознесение, снова открывшейся напротив консерватории после советской диктатуры. В 1996 году он наконец-то напечатал в России главный труд своей жизни "Теория распада и Вера Отцов". Теперь Василий РОДЗЯНКО показал не только силу, но и слабость научной мысли. Наука может проникать во многие тайны Вселенной, создавая все более и более совершенные модели мироустройства, но любая из этих моделей обречена на смерть. Рано или поздно гаснут солнца, взрываются солнца и галактики. Все, что может познать наука, обречено на гибель. Религию же интересует только вечная жизнь.

Достоевский писал образ послушника Алеши Карамазова с будущего архиепископа Антония Храповицкого, духовного отца и наставника Василия РОДЗЯНКО. Так что все согласовано, или, как говорит Рената Литвинова, закрючковано.

В Лондоне, в дни осеннего равноденствия и Рождества Богородицы, состоялось отпевание архиепископа Василия Родзянко. Восемьдесят четыре года его жизни вполне укладывается в те каноны, по которым строятся жития святых подвижников и просветителей.

За месяц до своей кончины РОДЗЯНКО приехал в Россию, где в Фонде культуры зачитал свое духовное напутствие. Мне посчастливилось присутствовать на этой встрече. Архиепископ призвал россиян не отказываться от самого главного духовного богатства - Веры Отцов. Он напомнил, что православие - религия всемирная, которая шире любых национальных пределов Православие совместимо только с любовью, но никак не с враждой и ненавистью. Ученик того, кто вдохновил Достоевского на образ Алеши Карамазова, уходит, оставляя множество своих духовных детей в России и во всем мире. Такова непрерывная цепь времен: св. Амвросий Оптинский (Зосима) - учитель Антония Храповицкого (Алеши Карамазова), Антоний Храповицкий - учитель Василия Родзянко, Василий Родзянко - учитель многих учеников, чьи имена мы еще услышим.

ТАЙНЫЙ КОД МИРОЗДАНИЯ

ОБРЕТЕНИЕ КОСМОСА

И в Упанишадах, и в Апокалипсисе, и в Голубиной книге говорится о "космическом человеке", из которого возникает мир. Подобно фениксу, горел и не сгорал Пуруша в индийских Упанишад.

Весна была его жертвенным маслом, лето - дровами,

а осень - самой жертвой,

Когда разделили Пурушу, на сколько частей он был разделен?

Чем стали уста его, чем руки, чем бедра, ноги?..

Луна родилась из мысли, из глаз возникло солнце,

Из пупа возникло воздушное пространство, из головы возникло небо.

Из ног - земля, страны света - из слуха.

Так распределились миры.

Насколько живучей оказалась эта метафора, можно судить по видению Аввакума в тюремном остроге:

"Так добро и любезно на земле лежати и светом одеяну и небом покрыту быти".

Это чрезвычайно примечательный древний образ, когда человек вмещает в себя и небо, и звезды, и всю вселенную. Он становится не узником, заключенным внутри бездны, а ее наиполнейшим вмещилищем.

Поэта не смущает, что человек мал, а вселенная неизмеримо больше, ибо для него есть иное, тайное зрение, где меньшее вмещает большее, а последний становится первым. Само небо становилось кожей вселенского

человека, а его телесная нагота затмевала сияние всего мироздания: "Одеялся светом, яко ризою, наг на суде стояще".

Если "царь небесный" предстал наг, то царь земной на оборот, облачался в звездные ризы - "одеялся светом". Он надевал на себя корону, усыпанную драгоценными камнями символизировавшую звездный купол, усыпанный звездами, и он держал в своих руках державу и скипетр - луну и солнце.

Ярчайший образ такой человекоподобной вселенной и такого вселенского тела запечатлен в архитектуре Древнерусского храма. Здесь купол символизировал невидимое небо, а нижняя часть - землю; вся служба в песнопениях и действии повторяла космогоническую историю сотворения мира и человека.

Светлое здание невидимой, внутренней вселенной, казалось, содрогнулось и рухнуло, когда Петр I привез из Европы готторпский глобус и установил его на бесплатное обозрение, Грозный самодержец призывал этим шагом отвлечь свой взор от символической иллюзорной вселенной храма и обратить его в реальную звездную бесконечность. Внутренний купол готторпского глобуса - первого русского планетария - должен был заменить собой внутренний купол храма. Смотрите, вот она, звездная бездна, окружающая человека.

Срывалась внешняя позолота, с храмов падали на землю колокола. Но вместе с тем срывалась и космическая оболочка с телесного облика человека. Теперь царь не выходил к народу, "одеянный светом, яко ризою". Ризы, символизирующие звездное небо, были сброшены, их сменил скромный мундир бомбардира

Преображенского полка. Трудно было представить эту обыденную телесную оболочку вместилищем всей вселенной. Недаром Петр I так любил демонстрировать хрупкость и непорочность человеческого тела, заставляя придворных присутствовать при вскрытии трупов. Петр словно хотел сказать голосом своей эпохи: посмотрите, здесь все чрезвычайно просто, здесь нет никаких небес, здесь только мускулы и кости.

Отец Петра с трепетом читал письма Аввакума, где тот говорил о своих вселенских видениях. На Петра такое письмо не могло бы произвести серьезного впечатления. Тело перестало быть "телесным храмом". Храм превратился в здание, демонстрирующее могущество "архитектора вселенной", блещущее парадом и подавляющее своей мощью. Петропавловский, Исаакиевский, Казанский - вот соборы Петровской и послепетровской эпохи. Их не сравнишь с храмом Покрова на Нерли, с соборами Московского Кремля, с Киевской и Новгородской Софией. Образ человекоподобной вселенной исчез. Купол стал больше похож на потолок планетария. Каково место человека в этой бесконечной звездной бездне?

У Державина это спящий восторг человека, находящегося в центре звездной бесконечности и управляющего ею: "Я мвязь миров повсюду сущих". Однако предсмертные строки поэта пронизаны другим ощущением. Восторг сменяется глухим разочарованием и ужасом перед черной бездной.

Зияющее "жерло вечности", пожирающее человека, - вот что увидел поэт в окружающем его мировом пространстве. Теперь сама Гея - природа - стала пожирательницей своих детей. Именно так и говорится у Тютчева об этой бездне - природе.

Все та же пылающая бездна "звезд полна", но теперь она пождает другие образы. Пусть это не Кронос, пожирающий своих сыновей, а пушкинская "равнодушная природа" - природа-мать но мать, равнодушная к своим детям. Это не Богородица - Мать Мира, о которой пелось, что чрево ее пространнее небес. Это не заступница, спускающаяся в ад, чтобы облегчить муки грешников в "хождении по мукам". Это равнодушная, чуждая человеку космическая природа, и храм здесь другой. О нем писал Тургенев в своих "Стихотворениях в прозе".

Вселенная-планетарий, вселенная-обсерватория лишь на первых порах вызывала восторг поэтов. Но все чаще восторг сменялся разочарованием и ужасом на краю звездной бездны.

*Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;*

*Приемлем с жизнью смерть свою;
На то, чтоб умереть, родимся,
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.*

Г. Р. Державин

У Достоевского Иван Карамазов в воображаемой беседе с чертом припоминает забавнейший анекдот, сочиненный им еще в гимназии. Некий человек после смерти за свои сомнения обречен шествовать по вселенной, по той самой пустой вселенной в которую он глубоко верит. "Присудили, видишь, его, что-бы прошел во мраке квадриллион километров". Путник прошел то расстояние за миллиард лет.

Это ньютоновская бесконечная бездна, простирающаяся вглубь и вширь периодически, однообразно и монотонно. Эт ньютоновское бесконечное время и бесконечное пространство пожирающее миры и дела людей. Здесь царил однообразный безжизненный космос, и порой казалось человеку XIX века - "его же царствию не будет конца". Но конец этому царствию наступил в XX столетии.

Оказалось, что нет этой бесконечной бездны, нет абсолютного времени. Ведь еще в 20-е годы XIX столетия в этом направлении шел Лобачевский. Но его высмеяли, не поняли. Над воображаемой геометрией смеялись, называя ученого "воображаемым профессором".

Лобачевский пытался проверить свою геометрию в космосе, измеряя астрономические звездные расстояния, он пытался открыть для этого специальный семинар в университете, ввести высшую геодезию и теорию фигуры земли, но ученые мужи отклонили это ходатайство. На евклидову-то геометрию времени не хватает, а тут еще какая-то воображаемая!

На могиле Лобачевского в Казани и сегодня можно прочесть чугунную эпитафию: "Член общества Геттингенских северных антиквариетов, ректор Казанского университета, многих орденов кавалер". Чего только не перечислено! О геометрии Лобачевского ни слова. Ни слова о том, что сделало имя этого человека бессмертным.

Может показаться странным, но космологический смысл открытия Лобачевского раньше ученых осознали писатели: Достоевскому принадлежит первое слово художника о неевклидовом космосе Лобачевского.

Глубину этого образа понял только Эйнштейн. Об этом свидетельствуют воспоминания А. Мошковского об Эйнштейне: "Достоевский! - Он повторил это имя несколько раз с особенным ударением. И, чтобы пресечь в корне всякое возражение, он добавил: - Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!"

Попробуем осмыслить глубину этого откровения.

Вспомним еще раз страшный холодный космос с квадриллионами километров и миллиардами лет, по которому уныло бредет в своем воображении Иван Карамазов. Или - еще страшнее - космос Свидригайлова, когда он объясняет Раскольникову, что так называемая вечность и будущая жизнь, может быть, всего лишь навсегда темная банька и пауки по углам. Но пытливый ум Ивана Карамазова проникает за пределы этой вселенной. И тогда он шепчет свой трагический монолог:

"Но вот, однако, что надо отметить: если Бог есть и если действительно создал Землю, то, как нам совершенно известно создал Он ее по евклидовой геометрии, а ум человеческий с понятием лишь о трех измерениях пространства".

Здесь Иван Карамазов глубоко заблуждается. Оказалось, что мир создан не только по евклидовой геометрии. Оказалось, что и в космосе, и в микромире действуют законы неевклидовой геометрии Лобачевского. Да и

человеческий мозг, кроме трех измерений пространства, сегодня оперирует понятиями об энмерных пространствах. И мозг оказался шире, и мир сложнее. Это и возмущает Карамазова.

"Между тем находились и находятся даже и теперь геометры и философы, и даже из замечательнейших, которые сомневаются в том, чтобы вся вселенная или - еще обширнее - все бытие было создано по евклидовой геометрии, осмеливаются даже мечтать, что две параллельные линии, которые, по Евклиду, ни за что не могут сойтись на земле, может быть, и сошлись бы где-нибудь в бесконечности".

Так оно и оказалось в общей теории относительности. Наглядно этого увидеть нельзя. Здесь огромный скачок от космоса видимого, где все, даже закон всемирного тяготения, можно продемонстрировать в школьном классе, к иному, невидимому космосу Лобачевского и Эйнштейна. Этот переход от наглядности не в силах совершить Иван Карамазов. Его рационалистическая душа, выношенная в чреве готторпского глобуса-планетария, протестует и вопиет:

"Я, голубчик, решил так, что если я даже этого не могу понять, то где ж мне Бога понять. Я смиренно сознаюсь, что у меня нет никаких способностей разрешать такие вопросы, у меня ум евклидовский, земной, а потому где нам решать о том, что не от мира сего. Все это вопросы совершенно несвойственные уму, созданному с понятием лишь о трех измерениях".

Достоевский проник здесь в самую суть трагедии рациона-Истического сознания русской интеллигенции XIX века. Дело том, что XVIII век, изгнавший из вселенной восседавшего на лацех Саваофа, разрушив семь хрустальных сфер и погасив звездные лампы, оказался в опустошенной вселенной, в чем-то вроде свидригайловской баньки с пауками. Никого, кроме человека, нет в этом космосе. Поначалу этот человек востпженно любовался сияющими звездными глубинами, как Лом носов и позднее Державин, но мысль, что "и солнца ею потушатся", уже подтачивала сознание. Даже этот великолепный си яющий мир погаснет, даже Земля остынет.

Можно понять трагическую иронию Печорина при мысли что "были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!". Эти люди давно умерли, а звезды продолжают сиять. Небо равнодушно к человеку. В стихотворении "Никогда" воскресший из гроба оказывается среди мертвой земли:

Куда идти, где некого обнять,

Там, где в пространстве затерялось время?

Предполагал ли Фет, что там, "где в пространстве затерялось время", как раз и таится четвертая, пространственно-временная координата Эйнштейна - Минковского, положившая научный предел для ужасающе зримой смерти в стихотворении "Никогда"?

Удивительно ли, что роман "Братья. Карамазовы" Достоевского, созданный в 1879-1880 годы, оказался ареной космогонической борьбы двух мировоззрений. Иван Карамазов верит в бессмертие человека, и он же отвергает его, ибо оно противоречит наглядности, как неевклидова геометрия Лобачевского противоречит принципу наглядности. Иван Карамазов признает невидимый неевклидов мир так же неохотно, как древнерусский автор вынужден был признать с неохотой существование мира видимого:

"Оговорюсь, я убежден, как младенец, что страдания заживут и сгладятся, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет, как жалкий мираж, как гнусенькое измышление малосильного и маленького, как атом, человеческого евклидова ума. Пусть, пусть это все будет и явится, но я-то этого не принимаю и не хочу принять! Пусть даже параллельные линии сойдутся и я это сам увижу: увижу и скажу, что сошлись, а все-таки не приму".

Вот он - бунт рационализма, вот оно - восстание XIX столетия против грядущего XX века, века теории относительности и неевклидовой геометрии. Иван Карамазов бунтует против вселенной Эйнштейна, не

подозревая, что живет в ней. В этой вселенной жил Достоевский, хотя теория относительности еще не была открыта.

Чем принципиально отличается эта новая вселенная от вселенной Ньютона? Звездная угасающая и загорающаяся бездна, темная ледяная пустыня, мертвый кремнистый путь - это все, что мог увидеть в телескоп человеческий взор. Вселенная Лобачевского Достоевского и Эйнштейна не исчерпывается видимым В ней под видимой оболочкой подразумевается еще то, что Невозможно увидеть глазом, ну хотя бы искривленное пространство четвертое измерение пространства-времени.

Четырехмерный космос уже мерцал и переливался невидимыми гранями перед глазами Достоевского, хотя и не существовало математических формул Минковского и Эйнштейна, дающих описание этого мира. И здесь произошел один из выдающихся парадоксов времени: новый образ космоса у Достоевского и Лобачевского оказался чрезвычайно близок к образу вселенной Дионисия, Андрея Рублева и погибавшего в земляной яме огнесловца Аввакума.

Эта близость заключается в том, что и для Аввакума, и для Лобачевского за пределами видимой вселенной простирался другой мир, принципиально незримый мир иных измерений. Аввакум духовным взором видел, как тело его, разрастаясь, вмещает в себя всю вселенную - землю под ногами и звезды над головой.

Но ведь это - тот же самый, утраченный ранее образ вселенной, "видимой же всем и невидимой"!

Планетарный гот-горпский глобус был нагляден, как нагляден были анатомические препараты кунсткамеры. Но, вскрывая человеческое тело, нельзя увидеть то, что в принципе невидимо. Для художника XX столетия звездная "всепоглощающая и миротворная бездна", всепожирающее "вечности жерло" уже не выглядит столь устрашающе, потому что у этой бездны есть предел, бездна зрима, а мир простирается дальше зримого. Обретение нового "четырёхмерного зрения в чем-то тождественно умению видеть "духовными очами", которое пронизывает литературу.

В современной космологии есть так называемая "циклическая" модель кембриджского астронома Девиса. Согласно этой модели, реликтовые излучения из далеких- галактик показывают нам не только прошлую, давно погибшую вселенную, как знаали раньше, но и будущий ее облик.

Не вмешиваясь в сугубо научные споры астрономов можем сказать, что по отношению к космическому мифу такая модель удивительно верна. Космический миф в равной мере излучает свет будущих и прошлых эпох.

Что такое космос для человека? Для большинства людей - это звездное ночное небо над головой, это дневное небо опять же над нами. Но всегда ли так будет: всегда ли небо над нами всегда ли мы внутри космоса? Ведь наступил же момент, когда дневное небо оказалось внизу, а человек воспарил над ним. Выход человека за пределы земного неба можно уподобить его космическому рождению. Подобно младенцу, пребывающему в материнской утробе и внезапно, в момент рождения, воспарившему над ней, человек вышел, но и воспарил над небом. Облетая дневное небо со стороны космоса, которое когда-то казалось ему бесконечным, человек невольно должен поднять взор к ночному темному космическому небу и поставить вопрос: а это небо не окажется ли когда-нибудь таким же облетаемым, как наше? Не наступит ли момент, когда, шагнув в области черных дыр, человек как бы вывернет наизнанку космос, во всей его беспредельности воспарит над ним, как воспарил он сегодня над дневным небом?

Одним словом, родившись из утробы земного неба, не предстоит ли нам пережить второе, космическое рождение из . темного чрева космоса? Не предстоит ли нам, подобно Ионе, выход из чрева кита, на котором, по представлению древних, держалась земля?

Космическое рождение неизбежно: сознаем мы это или нет, мы все этого хотим. Мы хотим быть вечными, бесконечными, совершенными, как космос, создавший землю, жизнь, нас и наш разум на земле. Мы хотим уподобиться бессмертному космосу, не теряя своей индивидуальности, сохраняя свое "я".

И опять спросит читатель: возможно ли это?

Возможно ли для человека космической эпохи обрести совершенное двуединое тело, одна половина - это мы в том состоянии, в котором пребываем сегодня, другое - весь бесконечный космос? На чем основан такой оптимизм? Ведь даже выход за пределы данного неба, за атмосферу, вовсе не означает обретения человеком неба. Вот именно - не означает, надо, чтобы означал. То, что мы живем в космическую эпоху" бесспорно, но все ли мы пользуемся плодами звездного сада или мы уподобились ребятишкам, которые, перемахнув через ограду и не решаются сорвать с ветки созревший плод?

Сегодня мы еще внутри вселенной, но наступит момент, поняв космос, как сейчас внутренней оболочкой кожи обнимаем свое тело, мы сможем сказать: космос внутри нас. Это произойдет в тот миг, когда мы сможем переменить ориентацию внутреннего и внешнего с той же легкостью, с какой космонавты меняют верх и низ в невесомости.

Когда-то младенец пребывал в материнской утробе, подвешенный на водах, как бы в невесомости. Потом какая-то сила влечет его сквозь тьму, и, прежде чем он вдохнет воздух, он почувствует удушье. Это означает, что в момент рождения человек переживает примерно то же самое, что предстоит ему в момент смерти: удушье, темнота, узкое пространство, страшная сила тяжести, влекущая в неизвестность. И вдруг он оказывается в бесконечном пространстве нашего мира, рождается. Темнота оказывается светом, узкое пространство оказывается бесконечно широким.

Но ведь это же почти дословное описание того, что чувствуют некоторые люди в состоянии клинической смерти. Оно подробнейшим образом описано в знаменитой книге "Жизнь после смерти" доктора Р. Моуди. Да, именно так: сначала проход сквозь узкое пространство, темнота, затем свет и выход и парение над собой. Если так, то почему же тогда биологическая смерть переживается нами как величайшее несчастье? Да потому, что мы при жизни не пережили это великое состояние обретения своего космического тела, мы духовно и психологически не приготовились к этому.

И вот совершенно ясная программа: сделать внутреннее внешним, а внешнее внутренним, осознать относительность внутреннего и внешнего.

Удивительно, почему Циолковский не сделал этого шага описав относительность верха и низа в состоянии невесомости не ощутил относительности внутреннего и внешнего.

Космическая переориентация возвращает человеку его центральное местоположение в космосе. Подобно ребенку, который сразу после рождения не осознает свое тело как свое и еще долгое время ощупывает руки, ноги, голову, не сознавая, что может - управлять ими, что это его тело, человек начинает мысленно ощущать космос и осознавать его как звездное продолжение.

Когда я говорю, что человек должен переменить оболочку, переменить направление внутреннего и внешнего, это во все не означает, что речь идет о поверхности его тела. Вел границы между внутренним и внешним весьма неопределены. Важно психологически научиться так же свободно обращаться с внутренним и внешним на земле, как в невесомости свободно обращаться с верхом и низом. Перед выходом в невесомость среди ученых были споры, сможет ли человек в невесомости сохранить рассудок, ведь не будет главной шкалы отсчета верха и низа. Оказалось, ничего страшного. Человек условно считает: там, где голова, - верх, там, где ноги, - низ, хотя это не имеет никакого реального отношения к его местоположению.

Вот таким же образом, пребывая внутри вселенной, мы можем переориентировать внутреннее и внешнее. Существует древняя легенда. При изгнании Адама из рая был поставлен архангел с обоюдоострым огненным мечом, вращающимся и отделяющим Адама от рая. Этот обоюдоострый меч - Млечный Путь, вращающийся вместе с небом вокруг своей оси, как бы отделяющий нас от бесконечного космоса. Наступит момент возвращения человека, когда через области черных дыр он снова вернется в свой райский сад. Сегодня на

вечные вопросы: кто мы, откуда мы пришли, куда мы идем - человек может дать вполне исчерпывающий ответ. Мы - космос, пришли из космоса, мы идем в космос.

Древняя астрология, китайская система иглокалывания основана на соотношении точек на небесном своде с точками акупунктуры на человеческом теле. Человеческое тело проецировалось на небосвод, небосвод проецировался на человека. Сердце - солнце и солнце - сердце. Космос был внешней проекцией человека, человек - внутренней проекцией космоса. Символ таких взаимопроекции - чаша, сходящаяся к центру и расходящаяся книзу. Адам, ходящий по земле, был зеркальным отражением звездного Адама - всего небесного свода над его головой. Человек и вселенная - два космических двойника. Небо - зеркало, в котором человек видел прежде всего себя. Такая антропная космология со временем была высмеяна, а затем отвергнута как ненаучная. Но вместе с водой выплеснули и ребенка. Забыли о том, что в ненаучной картине мира дана вполне научная, геометрически и пространственно точная модель соотношения человека и мироздания.

В древности не было науки топологии, раздела математики, который занимается сложными преобразованиями систем. Не было знаменитой "теоремы ежа", которая гласит, что сфера может быть вывернута наизнанку, при этом образуется сложная самопересекающаяся поверхность.

А теперь представьте себе, что сфера - это вся наша разбегающаяся вселенная, и представьте себе, что, выворачиваясь изнанку, она образует сложную самопересекающуюся поверхность. Это и есть строение всего живого: самопересекающееся, самопереплетающееся, входящее воронками внутрь. Посмотрите как завихрены ушные раковины, радужка глаза, как завихрен мозг, сравните эти вихри со спиралью космических галактик с лабиринтами острова Валаам, и вы поймете, что мы просто не поняли древних, не поняли их мироздания, когда отвергли стройную картину двуединого человека-космоса, созданную древними мифологиями. Язык мифа символичен, его нельзя понимать буквально.

Сейчас человек подобен улитке, пребывающей в солнечно-звездной раковине. Но представим себе, как улитка выходит, выползает наружу, вбирая свой внешний скелет - свою ракушку. Внешне она беззащитна, уязвима, но зато она открыта самым тонким влияниям природы и космоса. Не случайно вымерли бронтозавры, покрытые сплошной раковиной ничем не пробиваемой кожи. Высшее восхождение по ступеням эволюции уготовано человеку, внешне гораздо менее защищенному, чем та же черепаха, тот же динозавр, та же улитка. Как куколка, раскрывшись, рождает бабочку, так человек, вывернувшись в космос, обретает новое пространство, новое небо. Вспомним, когда-то куколка была червем, ползала по двумерной поверхности, не осознавала возможности вертикального Движения, для нее существовала только плоскость. И вот, превратившись в куколку, умерев, она разрывает изнутри оболочку гроба и обретает новое, третье, неизвестное ей измерение и стихию воздушного океана. Вот так и мы, вывернувшись из оболочки своего тела, обретем новое пространство.

Чем отделен от нас космос? Тоненькой оболочкой атмосферы, наподобие скафандра, защищающего космонавта от губительного влияния огня и холода. Для чего же космонавту скафандр? Только для защиты от космоса или для познания чего наша жизнь на земле в оболочке природного скафандра - только для пребывания внутри природной защищенности? Нет, конечно же для познания всего космоса всего мироздания. Космическая переориентация должна изменить наши духовные и психологические представления о месте человека в космосе. Это прежде всего касается переориентации внутреннего внешнего. Мы не внутри космоса, а как бы в условном центре его внутри-снаружи. Следовательно, понимание условности внутреннего-внешнего привело бы человека к более правильному восприятию своего местоположения в мире.

На духовно-психологическом уровне это приведет к ощущению космоса как самого себя. Двуединое тело человек-космос существует вполне реально. Наше восприятие себя отдельно от космоса - дань обыденному

зрению, видящему землю как плоскость. Отчасти путь к переориентации лежит через осознание верха и низа как относительных понятий для человека что вполне осуществимо в состоянии невесомости и на духовном уровне осуществлено Циолковским на земле. Теперь предстоит второй шаг: познание относительности внутреннего и внешнего.

Подобно ребенку, не сразу после рождения осознающему, что его тело принадлежит ему, человечество не сразу поняло, что космос есть другая половина его звездного тела. Осознание этого факта приводит к знакомой модели мироздания, где множество центров вселенной (множество индивидуумов), в то же время они едины в своем космическом теле.

Выворачивая наизнанку поверхность своего тела, человек как бы охватывает им весь космос, вмещает его в себя. Внутреннее становится внешним, а внешнее - внутренним. Нутро небом, а небо нутром. При всей необычности такого действия не будем забывать, что оно зиждется на имитации вполне реального природного процесса рождения.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на описание огромного "солярного знака", чрезвычайно распространенного в орнаменте.

В древнеиранском искусстве есть чрезвычайно интересное изображение. В центре солнце, месяц, звезда, как бы утопающие в воронке, а по краям снаружи шесть сердец - шесть ле-пестков. Небо внутри, а сердце снаружи. Если же искать не плоскостную, а объемную модель чело века-космоса, то здесь в фольклоре на первый план выступает образ котла и чаши. Две половины единой сферы, как бы расколотые и соединенные в точках касания. Это символические изображения единения земли и неба, луны и солнца, человека и вселенной.

Кстати, изображение шестилепестковой розетки как раз находится в центре чаши на грани соприкосновения полусфер неба и земли, человека и космоса. Таковы чаши Юрия Долгорукого и Ирины Годуновой, хранящиеся в Оружейной палате. Причем на чаше Годуновой даже видны изображения шести сердец в нижней части.

Вспомним снова античный миф о том, что когда-то человек имел "совершенное" сферическое тело и соединял в себе мужскую и женскую природу, но Зевс рассек его на две половины - мужскую и женскую, и с тех пор мужчина и женщина ищут друг друга, чтобы обрести свое единое тело. Миф этот явно перекликается с фольклорными сказаниями о луне, разрубленной на две части Перуном, о браке солнца и земли, солнца и луны, земли и неба. Образ котла и чаши, соединяющий две разрозненные полусферы, естественно, связан с обрядами рождения и брака. Они всегда символизировали единение человека и, космоса. Мы находим целый ряд указаний на то, что человек есть ни больше ни меньше как "чаша космических обособленностей". Верхняя часть ее символизирует вселенную, нижняя - человека. Проекция любого изображения на чашу ясно проиллюстрирует, каким образом "человек, идущий по небесному своду, попадает головой в голову человеку, идущему по земле" (С. Есенин). Именно так будет выглядеть человек в двух соприкасающихся полусферах, символизирующих небо и землю.

Перед нами вечная феерия соединения двух полусфер чаши, то разъединенных, то соединяющихся снова. Это земля и небо, две половинки луны, солнце заходящее и восходящее. Соединение их означает мистериальный брак. Выходит, человек, мужчина и женщина, - как бы чаша всех чаш, вмещающая небо, солнце, луну и весь мир.

При таком взгляде на человека вся окружающая его вселенная оказывается как бы большой матрешкой, вмещающей в себя меньшую - человеческое тело. Но это еще не исчерпывающая картина. Сложность в том, что меньшая матрешка (человеческое тело) содержит внутри себя большую матрешку - вселенную. Это похоже на спираль, сходящуюся к центру и одновременно разбегающуюся от него. Это уже знакомая нам сфера, где непостижимым образом поверхность оказывается в центре, а центр объем-поверхность. Такова тангенциально-радиальная спираль Тейяра де Шардена, сфера Паскаля у Борхеса, хрустальный глобус у Л.

Толстого. Такова сфера Римана - модель нашей вселенной общей теории относительности Эйнштейна. Здесь, поднимаясь ввысь, окажешься внизу; опускаясь вниз, окажешься на вершине; погружаясь во тьму, выйдешь к свету; проникая в узкое пространство, окажешься в бесконечности.

О таком мире писал Циолковский: "Мне представляете что основные идеи и любовь к вечному стремлению туда - к Солнцу, к освобождению от цепей тяготения - во мне заложены чуть ли не с рождения. По крайней мере, я отлично помню, что моей любимой мечтой в самом раннем детстве, еще до книг, было смутное сознание о среде без тяжести, где движения во все стороны совершенно свободны и где лучше, чем птице в воздухе".

Человек и космос - единое неразрывное тело, а мозг и сердце человека - в середине космического котла и чаши.

Многие фундаментальные понятия современной космогонии, будучи принципиально новыми, в то же время в чем-то соответствуют основным значениям, выявленным еще в фольклоре и первобытном искусстве.

Универсальная чашеобразная поверхность зеркала Искандера, Кощеева ларца, как это ни странно, может быть хорошей моделью, наглядно популяризирующей такое понятие, как световой конус мировых событий в специальной теории относительности А. Эйнштейна. Здесь тоже проход через горловину чаши как сквозь узкое пространство, ведущее к будущему, совпадает с моделью рождения, зачатия и смерти как выворачивания. Во всяком случае, геометрическая модель здесь может быть та же самая - расходящаяся и сходящаяся к центру спираль или розетка, концентрические круги, расходящиеся от центра и сходящиеся к нему.

До сих пор эти спиральные узоры, распространенные во всех ареалах культуры, не без основания отождествлялись с изображением солнца. Как мы уже показали ранее, сфера солнца, так же как и сфера луны, земли и неба, при переходе в свою противоположность как бы выворачивается наизнанку. Проекция взаимовыворачивания двух сфер на плоскость как раз и дает рисунок такой спирали. Это земля - небо, солнце - луна, мужчина - женщина, человек - вселенная, малая матрешка в большой и большая в малой одновременно. Этой модели соответствует понятие об универсальной элементарной частице фридмон. Она же и частица, но она же и вся вселенная.

Если представить вслед за многими популяризаторами гипотетическую возможность течения времени в черной дыре в обратную сторону, а точку встречи двух миров обозначить через нуль, мы увидим два конуса, обращенные остриями друг к другу. В каждом конусе время движется нормально из прошлого в будущее но при взгляде из противоположной части нам оно кажется текущим вспять - из будущего в прошлое. Причем луч света не может выйти из черной дыры, искривляется под воздействием сильного тяготения, то есть свет там как бы есть тьма, тесное солнце. Перейти из одного конуса в другой - то же самое что вывернуться наизнанку, "родиться заново". Надо пройти через узкую горловину песочных часов, перескочить через нуль, "войти в одно ушко и выйти в другое", прошмыгнуть в трещину хрустальной горы Кощеева царства, пройти за нитью Ариадны по узкому лабиринту. В момент воображаемого перехода из одного мира в другой происходит все то, что и с героями фольклорного действия: тьма становится светом, свет тьмой, малое вместит в себя большое и большое уместится в меньшем.

Достаточно вспомнить эпизод из "Смерти Ивана Ильича" Л. Толстого, чтобы понять неуничтожаемость этой модели на самых высоких уровнях литературы.

Современному человеку, привыкшему к принципиальному несовпадению научного и художественного мышления, конечно, не так просто преодолеть психологический барьер и увидеть генетическое родство модели пространства-времени в науке и художественном мире древней и современной литературы. Но только преодолев этот барьер, можно понять истинное значение фольклора, где нет мира, отчужденного от человека, и нет человека, отчужденного от мира.

Для понимания этого единства нужно опять же овладеть некоторыми методами мышления, ставшими открытием XX века. Это прежде всего принцип дополнительности Нильса Бора, поразительным образом соответствующий фольклорному взгляду на двуединство человека-космоса. Сам принцип появился в результате раздумий над странным поведением частицы, которая оказалась волной-частицей, что трудно, представить в рамках обыденного здравого смысла. Если частица, то в определенной точке пространства; если волна - то во многих. Между тем именно так: волна и частица одновременно. Отношения человек космос в фольклоре такого же свойства. Он, человек, в одном - определенном месте вселенной и он же - вся вселенная. Перечислив все эти соответствия между некоторыми представлениями о космологии в сознании древнего и современного человека, хочется уяснить, в чем различие. А различие это фундаментальное. Модель одна и та же, но действующие ней лица другие. В древней космологии - человек-космос современной - частица фридмон. В древней космологии вы-ворачивание как смерть-рождение, как воскресение; в современной - квантовый скачок, расширяющаяся и сжимающаяся вселенная. Там роды, здесь взрыв, расширение. Там мать здесь материя. В древней космологии доминирует неживое, которое творит живое.

Так ли безусловна во всем наша правота перед древними? Откроем труды академика В. Вернадского, в частности его книгу "Живое вещество". Вернадский обращает внимание на то, что наука знает множество фактов превращения живого в мертвое и не знает ни одного случая возникновения живого из мертвого. Не являются ли живое и мертвое двумя масками единой материи и не существовали ли они всегда?

Не затрагивая некомпетентным вмешательством вопросы о живой и неорганической материи и о происхождении жизни, скажем только, что взгляды Вернадского во многом гармонируют с древней космогонией. Итог такой космогонии в известной мере отражен в трудах поздних платоников: "Притом всякое тело движется или вовне, или внутрь. Движущееся вовне не одушевлено, движущееся внутрь - одушевлено. Если бы душа, будучи телом, двигалась вовне, она была бы неодушевленной, если же душа станет двигаться вовнутрь, то она одушевлена".

Как видим, выворачивание внутрь - человек живой, выворачивание вовне - его космос, пока неодушевленный двойник. Древний человек несет в себе живое и мертвое как два образа единого тела. Если вспомнить, что еще Нильс Бор предлагал распространить принцип дополнительности на понятия "живое" и "неживое", то станет очевидным, что космология древних содержит в себе не только отжившие, но чрезвычайно близкие современному человеку понятия проблемы.

Мы подходим к моменту грандиозного перелома в мышлении, который внезапно сблизил современное научное мышление с древним космогонизмом. Этот перелом включает в себя всю сумму знаний современной науки, где особую роль играет картина мира, созданная на основе общей теории относительной и квантовой физики.

Время и пространство определяются там, где есть отношения между объектами. Больше того, эти объекты взаимодействуют, то есть как-то реагируют друг на друга: тяготением, отражением светом. Пространственно-временная бездна между ними здвигается от многих взаимодействий. Время может растягиваться, пространство - сужаться и расширяться, словом, есть все процессы, характерные для магического пространства. Малая частица вмещает большую, время превращается в нуль на пороге светового барьера.

Отвлечемся сейчас от гипотетического и вспомним о несомненном. Несомненно, что в мировой культуре есть единый символический язык - метакод. Само существование его не только многое проясняет в загадках древних цивилизаций, но и открывает возможности в современном осмыслении единства человека и космоса. Метакод - это система символов, отражающая единство человека и космоса, общая для всех времен во всех существовавших ареалах культуры. Основные закономерности метакода, его язык формируются в фольклорный период и остаются неуничтожимыми на протяжении всего развития литературы.

Его можно назвать генетическим кодом литературы, а также единым кодом живой и неорганической материи.

Метакод - это единый код бытия, пронизывающий всю метавселенную.

Наши представления о местоположении человека во вселенной требуют пересмотра. Ранее они строились на очевидности опыта. Постепенно отпали два-заблуждения: плоская земля и после переворота, совершенного Коперником, - птолемеевская вселенная.

Эйнштейн разрушил ложные представления об абсолютном пространстве и времени, а Циолковский подверг пересмотру абсолютизацию верха и низа, дав описание невесомости.

Обыденные представления о пространстве включают два абсолютных направления: верх - низ и внутреннее - внешнее. Если отбросить эту абсолютизацию и рассматривать ее как частный случай земных условий, мы получим модель, приближенную к некоторым реальностям космического пространства. Это связано с разрушением психологических стереотипов.

В качестве переходной модели существовала инверсия верха и низа (небо - земля, земля - небо) - скрижаль Гермеса Трисмегиста в Египте.

Следующая стадия - выход к реальной невесомости в космос. Понятия "верх" и "низ" становятся чисто условными, то есть это уже не объективные свойства пространства, а субъективно и произвольно выбранные, как правое и левое в земных условиях.

Более сложное понятие о внутреннем-внешнем не подвергалось пересмотру, потому что в условиях земли это еще менее доступно, чем невесомость.

Опыт рокировки внутреннего и внешнего пространства, вероятно, хранится в подсознании как воспоминание о рождении,

Переходная модель в условиях земли означала бы для человека картину мира, где внутреннее вверху и снаружи, а вселенная и небо внизу и внутри (опыт Андрея Белого).

Если рокировка верха и низа - физическая реальность невесомости, то рокировка внутреннего и внешнего вполне реальна для объектов, летящих с релятивистскими скоростями в области черных дыр.

Выворачивание пространства в этих областях сопровождается целым рядом необычных явлений:

"раздвоение" наблюдателя на внутреннего и внешнего; соответственно время полета для внешнего длится вечно, а для внутреннего наблюдателя время меняет направление, устремляясь из будущего в прошлое.

Такие модели есть в художественном и психологическом опыте человека: сказки, мифы, Евангелие от Фомы, Низами, "Божественная Комедия" Данте, "Смерть Ивана Ильича", "Одиссея XXI века" А. Кларка.

Значит, существует некий универсальный код (метакод), дающий модель вселенского внутренне-внешнего пространства и в науке, и в искусстве, и в психологическом опыте. Все эти модели могут сводиться к начертаниям некой двойной тангенциальной спирали, равно характерной для древних узоров в наменте и для объективных моделей ДНК и РНК, а также для автоволн и синергетики, связующих в единое целое спиральные структуры галактик и спирали молекул, хранящих генную информацию.

Возможно, что все эти уровни пронизаны единой волновой информационной стихией - от излучений человеческого тела до излучений астрономических объектов.

В таком случае на основе структуры двойной спирали можно построить генератор внутренне-внешних излучений, связующий человека и вселенную в единое целое.

Потенциально человек, скорее всего, является таким природным излучателем, но в силу земных условий спираль излучения направлена пока только из космоса к земле, от Омеги к Альфе. При антропной инверсии излучение будет исходить также от Альфы к Омеге, от человека к космосу. Такое космическое выворачивание, возможно, привело бы к возникновению нового существа - Homo cosmicus.

Обычно считают, что космический человек должен даже внешне отличаться от обитателей земли. Это величайшее заблуждение.

Я полагаю, что на земле жило немало людей, достигших этой высшей ступени лестницы Иакова. Велимир Хлебников, Андрей Белый, Павел Флоренский - даже в одном XX столетии на земле жили люди, наделенные космическим зрением. Их свидетельства о космической жизни духа вряд ли можно считать литературой в обычном смысле этого слова. Каждая метафора, каждый образ - некий знак, космический иероглиф, похожий на очертания созвездий.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

ЯЗЫК СВЕТА

Сведенборг видел ангелов - они разговаривали светом. Светом изъясняются клетки, обмениваясь ультрафиолетовы ми лучами. Человек и Вселенная обмениваются инфракрасны ми лучами на одной и той же частоте. О других излучени известно меньше, но все они сводятся, как генетический код, к четырем (сильные, слабые, электромагнитные и гравитационные взаимодействия).

Гильные и слабые - это внутренние, на уровне микромира. Гравитационные и электромагнитные носят внешний характер. Сведем их к знакомому: свет, тепло, тяжесть. Построим двоичный код да - нет.

свет тьма

тепло холод

тяжесть легкость

Вот и готов язык для разговора со звездами и всей околесицей галактики. На таком языке легче разговаривать с Луной. Холодный свет вдруг потеплеет, и это будет ДА. Солнце - слишком горячий свет, и его НЕТ (похолодание) различит не всякий. Еще тоньше "тяжесть - легкость", "могущий вместить да вместит".

Светлее - светлее - холодно - громко - тихо

Лунное солнечное легко громадно

Затаенно пригрето сухо-влажно

Окружение - прозрачно открыто-верхно

Невнимательно светло

Отраженно вчерашне

Пилигримно тихо светло округло

*Фиолетово-красно-замороженно
Бесконечно нежно высоко здешне
Отдаленно завтрашне округленно
Переменно-вечно отрадно-дальне
Вот оно - впереди прозрачно
Вот оно позади округло.*

Чтобы открыть человеческое мерцание, на него направили астрономические приборы. Сначала на звезды и лишь потом на человека, а если наоборот, тогда и о звездах знали бы в сто раз больше. Алжирские догоны, не имея телескопов, видят полный спектр Сириуса. Наука приборам поверила, а людям нет. Йоги приказывают сердцу остановиться, и оно останавливается. Иисус Навин приказал Солнцу задержаться, и оно задержалось. Кто может остановить сердце, тот может остановить Солнце. Альберт Эйнштейн полетел вслед за лучом в объективе фотоаппарата и убедился, что на фотонегативе ничего нет. Если лететь со скоростью луча, отражения не будет. Он погнал световой поезд по световым рельсам, а на светоперроне поставил светочасы. И он увидел, что на часах света стоял один и тот час - вечность.

Оказалось, что время есть только относительно света и гонитесь за лучом, и время исчезает, как только вы догони свет. На фотоне (в луче) время равно нулю.

Если перегнать свет, вы окажетесь на "том свете". Там минус-время, а причина опережает следствие: сначала родится ребенок, а потом происходит зачатие, первый поцелуй, встреча. Так ли уж он далек от нас, этот потусторонний мир? физика запрещает туда лететь. С физической точки зрения такой полет невозможен. Но потусторонний мир на то и потусторонний, чтобы не быть физическим. Скорость Святого Духа выше скорости света. И что такое Святой Дух, как не потусторонний свет?

Времени нет. Оно возникает в нашем мире лишь относительно света. Оно замедляется, ускоряется, сжимается до нуля, и то же самое происходит с пространством. Значит, душа наша светоносна. Кто же из нас в душе не летал со скоростью света? Так что же такое душа, как не сгусток потустороннего света?

Беспомощны попытки богословия объяснить физический мир. Неубедительны экскурсы физики в мир запредельный, где любой поэт знает больше. Можно назвать ангелов тахионами (гипотетические частицы, мчащиеся со скоростью больше скорости света). Рассказы о тахионах ничем не отличаются от трактатов Блаженного Августина.

Если своим ультрафиолетовым или инфракрасным спектром вы прикоснулись к полету космического света, вы уже ощутите всей кожей этот полет. В мгновение ока обогнете Вселенную, время сожмется до единого мига - до нуля, а ноль растянется в линию мировых событий Минковского, а на этой линии прошлое, будущее и настоящее существуют вместе; а если те же внешние лучи возвратятся к вам, как эхо, от границ мироздания пронзят вас внутри до уровня слабых и сильных и слабых взаи модействий микромира, вы окажетесь в мировой пустыне с про роком, рассеченным светоносным излучением Серафима: "И мне грудь рассек мечом, и сердце трепетное вынул, и угль, пь лающий огнем, во грудь отверстую водвинул" (А.С. Пушкин).

Внутренние излучения сомкнутся с внешними, и четырехмастный световой код придет в действие. Темное станет светлым, тяжелое - легким, холодное - теплым, а внутреннее - внешним Все живое впитывает свет, вы же не станете излучать и сиять. Буквы четырехмастного светочада всегда на небе. Это четыре фазы луны.

С какой скоростью мчится свет? Майкельсон и Морли измерили это при помощи сложной системы труб и зеркал: 300 000 км/с. А люди это знали давно. Обернувшись лучом, герой мифа и сказки мгновенно огибает Вселенную и оказывается в тридевятом государстве - царстве света (3×10^5).

Внешне-внутреннее общение подчинено законам квантовой физики микромира. Человеческий глаз различает такие тонкости, как волновая природа света. Поглощая квант света, сетчатка фокусирует его как волну. Это

значит, что реальности микромира - отнюдь не мыслительная абстракция для человека.

Вот важнейший закон микромира - принцип неопределенности Вернера - Гейзенберга, вытекающий из квантовой природы микрочастиц: определяя "где", мы не можем сказать "когда", и, наоборот, зная "во сколько", мы не можем определить "где". "Когда" - это волна, "где" - это частица. Быть фотону частицей или волной, зависит от наблюдающего прибора. Глаз предпочитает иметь дело с волной, а это значит, что он выбирает волновую вселенную света, где есть "когда" и нет "где". Но если на наш глаз "упадет" частица-вселенная - максимон, фридмон, планкион, то, восприняв ее как "волну", мы фактически выбираем другую вселенную. Вселенная зависит от взгляда. При этом в нашей волновой вселенной будет постоянно и параллельно присутствовать ее теневой двойник - вселенная квантовая. Это означает, что все мы живем, как минимум, в двух мирах. Наш взгляд видит волновой мир, но внутри него, как матрешка в матрешке той же величины, таится мир квантовый.

По Вселенной мчится луч света. Если мы увидим его здесь, это - миг. Но чем дальше от нас будет наблюдатель, фиксирующий это мгновение, тем больше это мгновение будет растягиваться, вплоть до вечности. "Здесь" мгновенно - "там" всегда, вот что это значит. Это значит, что наша жизнь "там" окажется мигмом, а этот миг "там" будет длиться вечно. Макрокосм - Мгантийский банк мгновений, сияющий с неба звездами. "Остановись, мгновенье, ты прекрасно" (Гете) - это всего п прорыв к вселенскому времени. Каждый миг длится вечно, и каждая вечность - миг.

Здесь не хватает качественной иерархии. Неужели кажл мгновение нашей ничтожной жизни запечатлевается там как в? ность? Скорее только те мгновения, которые мы запоминае Запоминание и есть момент вселенской вспышки, когда миг пс реходит в вечность, а вечность становится мигмом. Все знают- эт любовь, смерть, жизнь. Еще психоаналитик Юнг задавал вопрос, почему мы группируем мысленным взором созвездия так, а не иначе? Ответ, по-моему, прост. Потому что так сгруппировались миги прошедшей жизни в мозгу и на небе. У греков Кассиопея сидит на троне, у славянских язычников она рождает, у православных христиан простирает над миром омофор - все верно. Свет мчится к нам от Вселенной с релятивистской скоростью из глубины нашего же нутра. А навстречу ему устремляются внешние лучи нашей ауры. В момент встречи свет впадает в свет (свет от света), свет отражается в свете, луч говорит с лучом на языке света. Свет - это метаязык Вселенной. Алфавит Луны - язык звезд.

Новолуние: а б в г д е ж	☾
Первая четверть: з и к л м н о	☽
Полнолуние: п р с т у ф х	☉
Последняя четверть: ц ч ш щ э ю я	☾
А ☽) - ☾ Я	

Букв около тридцати. Все они могут быть днями одного месяца. Три дня луна отсутствует на ночном небе, это Ъ Ы.

В каждой фазе семь дней - семь букв. Свет изъясняется Луной. Свет изъясняется квантами и волнами.

1 - квант

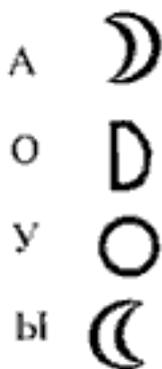
2 - волна

В двоичном коде квант - точка, волна - тире. Вся прирожа, живая и неживая, на макро- и микроуровне различает этот язык. Обозначим ультрафиолетовый спектр фиолетовым цветом, инфракрасный - красным.

Пусть фиолетовый будет "холод" - НЕТ, красный будет "тепло" - ДА. Если мы видим свою ауру nv звезд, мы говорим с ними на этом языке глазами и пальцами. Если закодировать фиолетовый и красный как . - , можно разговаривать как азбукой Морзе. Видимый луч - только нить Ариадны в лабиринте космоса.

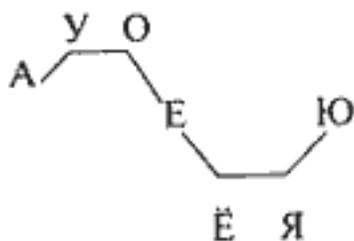
Все это похоже на самовнушение. Легко внушить себе "тепло - холодно", и тяжесть, и легкость, фиолетовость, красноту. Не будет ли тогда разговор со Вселенной разговором со своим "я"? Но разговор со Вселенной это и есть диалог с самим собой.

Обозначим фазы Луны буквами:

Тогда полный цикл лунных фаз будет АОУЫ.

Обозначим семь звезд Большой Медведицы:

АОУЕЁЮЯ.

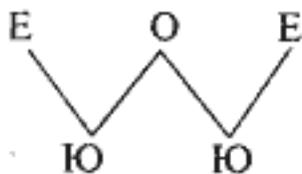
Обозначим семь звезд Ориона:

АЕЁИЫО. Пояс Ориона ЁИЫ.

Обозначим Плеяды - ИОЫЕЮЁУ, Цефей - АЕОЮИ

Кассиопеи ЕЮОЮЕ:

Малая Медведица - ИАОЮЯЕЕ.

Так или иначе можно озвучить небо, но так оно и озвучи. валось в свое время. Если же учесть, что в каждой фазе семь букв, легко расшифровать весь алфавит. Вся Луна - 28 букв. Алфавит начинается с "А", значит:

А Б В Г Д Е Ж
З И К Л М Н О — (О — полная Лу
П Р С Т У Ф Х
Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

Совпало "О" с полной Луной, а "С" расположено в стадии убывания. Но ведь и в "Я" есть элемент ущербного месяца.

Если учесть, какие трансформации претерпело написание букв, то не так уж и мало искомым соответствий. Луна диктовала Кириллу и Мефодию славянский алфавит. Тем более, что опирались они на более древние начертания таких же лунных алфавитов.

Однако весь алфавит от "А" до "Я" (от альфы до омеги) диктовала не только Луна, но и Солнце, идущее по созвездиям зодиака. Оно вносило свои поправки, приближая лунные дуги к угловатым созвездиям. Так родились два алфавита - лунный и звездный. Звездный - прописной, лунный - строчной. "А" звездное хранит в себе очертания Тельца (альфа), а "а" лунное хранит округлость Луны. Буква "Ж", означающая "жизнь", хранит очертания Ориона. Большую роль играет "М" - Кассиопея: по-русски - Мир, по-немецки Welt. "Н" близко к созвездию Близнецов, "Г" похоже на Водолея, "И" напоминает очертания Рыб.

Восточные алфавиты (иврит, арабский) сохранили лунное написание: справа налево, как прибавляет Луна. Европейские алфавиты движутся слева направо, как Солнце по созвездиям зодиака. Год начинается Тельцом (альфа) и заканчивается Овном (омега). "Я есть альфа и омега", - говорит Христос Иоанну. Здесь же четыре созвездия, символизирующие четы ре евангелистов: Телец, Орел, Лев и сам Иоанн.

Там же "жена, облаченная в солнце" (Дева), рядом Весы Страшного суда. Под агнцем (Овном) пылает алтарь Плеяд (Стожары). Рядом семь светильников - семь звезд Большой Медведицы. Из моря выплывает страшный Левиафан (созвездие Кита). Деву оберегает змей (созвездие Змееносца), и кренится вниз созвездие Чаши, низвергая неисчислимы е бедствия.

Все это видно на звездной карте, но нельзя увидеть все сразу на небе. Апокалипсис - это описание огненной книги, свитка зодиака. Этот мысленно развернутый свиток Иоанн съедает, что ужасно смутило Н.А. Морозова. А между тем это вполне понятное выражение: "Вкусите и увидите, яко благ Господь". Вкусить мудрость звездной книги пришлось Иоанну, и в устах она была сладка как мед, а внутри горька как полынь. Огненный человек с ногами - огненными столбами - это Млечный Путь. Новый Иерусалим - это звездный город, город, переливающийся драгоценными камнями.

На небе же течет небесный Иордан - река Эридан. Так видел небо Иоанн.

Нетрудно заметить, что его притягивает почти вся область зодиака от Овна до Скорпиона, но его не интересуют три созвездия: Козерог, Водолей, Стрелец. Выпадают из поля зрения Близнецы.

Стрелец, хеттский Пирва, позднее славянский Перун, уже огрел своими стрелами-молниями в эпоху Иеговы. Близнецы царствовали в эру до Пирамид. Козерог - Пан плясал в языческих священных рощах Древней Греции, а поэтому для христиан он - Азazel, один из дьявольской свиты. Водолей - шумерский Ной Утнапиштим напоминает о всемирном потопе и будущем конце времен.

Если перевести на язык астрономии и истории главное пророчество Апокалипсиса, получится следующий текст: "Когда ось Земли перейдет к Рыбам (Овен будет предан на заклятие), из моря выйдет страшный зверь Левиафан (созвездие Кита), и после многих космических катастроф жизнь с земли Перейдет в небо в звездный Иерусалим. Центр будущего мира - созвездие Плеяд. Но при этом сам вид неба изменится. Погибнут многие из двенадцати колен Израилевых (двенадцать созвездий зодиака). Многие звезды исчезнут, другие восстанут из плена (вспыхнут новые - это души замученных праведников). Земля сдвинется с места, уйдет из зодиака. Поэтому времени больше не будет, ведь мера времени - "зодиак".

Как относиться к этой звездной древней игре современному человеку - это дело самого человека. Ведь для него современные математические и физические модели мира не имеют осязаемого гуманитарного смысла. Все это происходит с какой-то загадочной материей, а не с нами - вот величайший предрассудок нашего времени.

Антропный принцип мироздания гласит, что Вселенная на всех уровнях согласована с человеком. Физический смысл такого согласования ясен. Нравственное значение антропного принципа должен открыть сам герой всех космических событий - человек космический.

Человек - существо мыслящее, страдающее, любящее, ненавидящее, гневное, доброе, радостное, печальное, счастливое, чувствующее, ощущающее и, как сказал Достоевский, "ко всему привыкающее". Добавим, что он еще существо "излучающее". Как и все тела во Вселенной, он притягивается и притягивает. Сила притяжения Земли господствует на Земле. Но Земля подчинена Солнцу. Солнце - галактике, галактика - метagalктике, и везде есть гравитация. По Эйнштейну, гравитация - кривизна пространства, по Соловьеву - сила любви. Не будем гадать, в любом случае это вселенское свойство человека и мироздания.

Итак, вот тело вселенского человека. Оно состоит из света (видимого и невидимого), из массы, из гравитации. Гравитацию мы ощущаем как тяжесть. Свет - как тепло и часть видимого спектра. Но невидимая часть спектра - самая большая. Мы осязаем свое вселенское тело, вес и телесность, но видим его в излучениях и не чувствуем свой космический спектр, излучаемый от нас и к нам. Вселенское тело человека выглядит как интерференция расходящихся от него и сходящихся к нему волн. Этот пульсирующий клубок автоволн сливается с пульсацией видимого и невидимого спектра и излучений звезд, галактик и всего мироздания в целом. В нем закодирован мета-код - световой код мироздания, нашептавший человечеству Библию, Бхагават-гиту, Упанишады, Книгу перемен, теорию относительности и всю мировую поэзию.

Вселенская бабочка света, скорей, скорей рождайся из гусеницы нашего тела и улетай отсюда скорей, пока тебя не поймали и не распяли на булавах!

Дух, материя, чувство, мысль вполне могут оказаться первоэлементами метакода. Проекция мысли во Вселенную - это дух. Проекция чувства во Вселенную - это материя. Пространство-время - это, четырехмерное поле, считал Эйнштейн. Лунный код состоит из четырех первоэлементов. Из четырех первоэлементов - сал, ион, бен, роч - исходит язык, говорил Н. Марр.

Четыре - это крест, это четыре времени года. Будде открылись четыре благородные истины: есть страдание; есть причина страдания; есть устранение причины; есть путь к устранению причины.

В антропном принципе мироздания большую роль играет диапазон констант от Ю-40 (микромир) до 1040 (макромир) - загадочные "сорок сороков".

Биология делит все живое на четыре категории: растения, животные, грибы и дробянки.

"Бог - это субстанция с бесконечным множеством атрибутов" (Спиноза). Сегодня даже четырехмерность превышает наш разум. Поэтому любая молитва в принципе сводится к просьбе:

"Господи, прибавь моему трехмерному разуму хотя бы одно измерение!" - переведи из роботов класса 3 в роботы 4; переведи из третьего класса в четвертый; а всего этих классов N.

Существо с энмерным мозгом - это реальность. Реальность и мы, роботы с трехмерным разумом, каким-то чудом узнавшие, что есть еще и четвертое измерение.

Наши академии и храмы не более чем начальная школа. Архиереи и академики вправе гордиться тем, что научили нас считать до трех и даже намекнули на нечто четвертое.

О Боге или хорошо, или-ничего (как и о покойнике) - гласит неписаное правило. Я думаю, что о Боге правильнее сказать ничего, кроме того, что он умнее нас по крайней мере на N порядков. Боюсь, что между Богом и человеком нет обратной связи - в этом причина всех наших бед и наше спасение.

Бог может все - так думают ограниченные существа; Бог

Отворил мир - так думают они.

Мир сотворен существами не очень высокого порядка - "Демииургами", хотя они умней человека во много-много раз.

Всемогущество - удел существ ограниченных: Грозный Мао, Сталин, Гитлер и т. д. Собственно, у человека может быть три уровня цели: человеческий, демиургический, божественный

Цель человеческая. Она труднее всего поддается определению. У разных людей разные цели. Здесь широчайший спектр от гедонизма до аскетизма. Во всяком случае, человек хочет быть. Или не быть, как сказал Гамлет.

Цель демиургическая. Их тоже много. Великие демиурги:

Будда, Моисей, Прометей, Дионис, Христос, Озирис, Магомет, Орфей - ставили разные цели перед людьми.

Сегодня их цели стали вполне человеческими, поскольку люди восприняли от демиургов красоту и мистичность, чувство справедливости и жертвенность. В этом человек сегодняшний мало отличается от демиургов, если речь идет о Ганди, Циолковском или Эйнштейне.

Цель божественная. Она непостижима, и это радует, как, впрочем, и две предшествующие.

Вернемся к человеку. Внутри своего предела он может бесконечно расти, совершенствоваться. Он нужен космосу как вид. Не демиург, не Бог, а человек. Но "человек" - понятие, постоянно изменяемое, расширяющее границы своих возможностей до бесконечности. Только такой вид - *Homo sapiens* - является не биологическим, а космическим видом - *Homo cosmicus*.

Когда Циолковский подарил невесомость людям земли, лишь отдельные энтузиасты с благодарностью приняли этот дар. И сейчас этим небесным подарком пользуются лишь космонавты.

А ведь невесомость это не просто физическое свойство. Это душевное состояние, которое отнюдь не зависит от силы веса и места пребывания человека - в космосе или на земле. Циолковский, как известно, в центрифуге не вращался, не летал на сверхзвуковых истребителях. О невесомости он знал с детства, еще не ведая о законе всемирного тяготения.

Вот так же мы знаем об антропном метасингулировании - физическом и духовном состоянии, когда "внутреннее" и "внешнее" отпадают, как верх и низ в невесомости.

Длительная физическая невесомость болезненна для человека. Невесомость как душевное состояние - величайшее благо. Видимо, и выворачивание как физическая реальность не может быть долгим; но духовно

оно будет длиться вечно.

Поразительная человеческая ограниченность: Бог есть или Бога. д^г. А если иногда есть, а иногда нет? Или для одних есть, а для других нет? Или опять же блудливая диалектика - и есть, и нет.

В моем понимании Бог - это отношение между человеком и мирозданием или, что то же самое, между человеком и человеком. Как нет абсолютного времени и пространства, так нет никакого абсолютного божества. Абсолют можно принимать лишь условно, как в геометрии: точка, поверхность, линия - хотя нет ни того, ни другого, ни третьего.

А любовь есть? Иногда есть, иногда нет, иногда есть и нет одновременно. Иногда сейчас нет, но завтра будет. А порой сейчас есть, а завтра не будет, а послезавтра опять возникнет.

Чем-то бескрылым повеяло от этого релятивистского "бога"... И все таки Бог есть, а иногда Его нет.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

КАК ИЗМЕНЯТСЯ НАШИ ЧУВСТВА

Пять чувств - слух, зрение, вкус, обоняние, осязание. "Почему не одно, но велико?" - спрашивал поэт Велимир Хлебников. Разнообразие чувств - огромное достижение. Великая пятерка делает мир разнообразным. Из пяти планет, пяти лучей, пяти нитей соткан узор нашей жизни. Есть люди только с тремя чувствами: вкус, обоняние, осязание.

По отношению к природе мы все слепоглухонемые. Не видим ультрафиолетовый свет, мы не слышим ультразвук: мы немые, потому что не овладели языком звезд.

Язык звезд - это язык света. Древнеегипетские жрецы слышали звучание звезд. Поет звездный певец Орион (Орион), но мы не слышим, как звучит его трехзвездная лира. Миллионы лет звучит двухголосая fuga Большой и Малой Медведиц...

Мы не слышим инфразвук, вернее, слышим, но не различаем. Он вызывает в человеке чувство ужаса, тревоги, печали. Почему? Что-то неведомое касается нашего слуха, а неведомое страшит. Все живое реагирует им на высокие и на низкие частоты, просто мы этого не различаем, не осознаем.

А как быть со всеми другими излучениями? Человек космический должен различать все одиннадцать известных излучений, исходящих от нашего тела. Это будет не просто расширение слуха, зрения или осязания - это будет новый спектр чувств: вместо пяти шестнадцать, но и это далеко не все.

Я полагаю, что человек будет различать потоки нейтрино. Это свяжет его буквально со всем мирозданием. Нейтрино моментально просекает все мироздание сквозь любые преграды. От нас до созвездия Лебедя или, скажем, до Андромеды для нейтрино нет непреодолимых преград. Но самое главное - чувство света. Человек, различающий поток фотонов, распространил бы свои чувства со скоростью света по всему мирозданию, узнал

бы, что такое ноль времени (на фотоне время равно нулю).

Нейтрино проникают всюду, а фотоны мчатся с предельно возможной скоростью. Следовательно, нейтринно-фотон-ные ощущения распространили бы человека по всему мирозданию. Мы видим свет, прикасаемся зрением к галактикам, отделенным от нас миллиардами световых лет, но у нас нет чувства светового времени - мгновенного пересечения миллиардов километров мироздания. Впрочем, все это в нас есть, но осознают и различают это в себе лишь немногие. Мифология, религия, поэзия переполнены именно таким светонос-но-нейтринным ощущением, но мы списали это по ведомству "фантазий".

Самая пылкая фантазия не передает и одной сотой того, что знаем о своей космической жизни. Чтобы осознать эти чувства, ныне томящиеся в подполье - в подсознании, надо спуститься к ним сверху с капитанского мостика рационализма. Пора открыть трюм и сойти в свое подсознание. Все реальности макро- и микромира должны найти отражение в наших чувствах. Пока что даже закон всемирного тяготения, сформулированный великим Ньютоном, не стал для нас всемирным. Мы ощущаем тяжесть просто как тяжесть, не соотнося ее с всемирными свойствами. А ведь тяжесть, легкость и невесомость - это вселенские, всемирные чувства. Закон всемирного тяготения действительно всемирен.

Некоторые шаги в этом отношении были предприняты Владимиром Соловьевым. Он первый связал притяжение с чувством любви, а отталкивание - с враждою. Заметим, что сила отталкивания теоретически введена Эйнштейном в общей теории относительности. Это постоянная, равная нулю. Так что если прав Соловьев, то вражды во вселенной нет или она ничтожно мала.

Прорыв Владимира Соловьева гениален. Идя по этому пути дальше, мы можем вспомнить, что "тяжело на душе" или "легко на сердце" - вполне человеческие чувства. Напрасно удивлялся Циолковский чувству невесомости, которое было в нем с детства; ведь это чувство любви и полета.

Теперь надо искать в себе чувство ноль-времени, пространства-времени, полета со скоростью света - преодоления любой преграды. Тем более, что все это в сказках есть. Обернулся вокруг себя - и оказался в тридевятом царстве. "Обернулся" или "вывернулся" - сложный вопрос. Магическое пространство обряда, ритуала и сказки есть в современной физике. Древняя сказка - это путь во вселенную. Это подарок нам от цивилизаций, овладевших языком света. Это аллегорический, переведенный на язык людей, максимально приближенный к нашей ограниченности язык звезд.

Прежде всего должно измениться наше чувство пространства. Сейчас пространство - это то, что разделяет. При космическом выворачивании пространство - это соединяющая среда, как бы внешнее продолжение тела. Для нас время тянется, проходит, бежит; при выворачивании только длится, и притом вечно. Мы чувствуем себя погруженными в море пространства, в реку времени. Выворачивание превращает нас в берега океана пространства и впадающей в него реки времени.

Относительность верха и низа сделает постоянным чувство невесомости. Инверсия параметров внутреннего и внешнего подарит новое чувство "вовнутрения" окружающего мира, которое сегодня просто неизвестно.

Нырляльщик, ощущающий всей поверхностью кожи все море, может кое-что поведать об этом чувстве.

Вовнутряемый мир это не тот, который вбирается внутрь, а тот, который обволакивается нутром изнутри. Об этом чувстве мог бы рассказать раскрывающийся бутон. Сейчас тело - бутон, сжатый окружающей его аурой; после выворачивания бутон раскроет свои лепестки во внешний мир, и неизвестно, есть ли у этой астральной астры границы, поскольку длина излучений может быть величиной всего мироздания.

Инфракрасное излучение (тепло) распространяется вокруг Человека на десятки метров даже сейчас. Есть люди, которые это Явствуют. Далее инфракрасное излучение на той же волне уходит в космос, превращая нашу землю в инфракрасную звезду.

Человек будет чувствовать полет своего тепла в космос, будет обмениваться теплом со звездами -

разговаривать светом.

У нас должно появиться особое чувство излучаемого цвета. Оно было у Розы Кулешовой, воспринимавшей руками самые слабые излучения, исходящие от предметов. Это позволяло ей читать тексты, запечатанные в темном конверте. Она "видела" лбом, затылком и даже пяткой. Она воспитала в себе это чувство, обычное для слепых.

Перед небом мы все слепые. Давайте учиться языку света.

Что же произойдет с чувством любви, ненависти, радости, страдания, печали, грусти, отчаяния, нежности, ожидания ужаса, мужества, женственности, решимости и со многими другими? Страх и все отрицательные эмоции возможны только перед или после выворачивания. Во время - чувство безграничного счастья, любви, нежности, решимости, мужества.

Возникает вопрос: может ли выворачивание стать обыденным состоянием, как, например, невесомость в космосе?

Видимо, поначалу речь должна идти лишь о более частом мерцании внутреннего и внешнего. Затем человек постепенно преобразуется, как бы подстраиваясь к знакомому состоянию, что может привести к изменению всех его качеств. Чувство "вовнутрения" мира должно способствовать смягчению нрава, угасанию агрессии, ненависти и злобы; в разумных пределах может потесниться и природный страх смерти. Любовь сегодня - самое универсальное, самое космическое чувство, но и здесь возможно расширение спектра. Чувство мироздания, которое появляется при выворачивании должно быть, на мой взгляд, шире любви.

В этом и только в этом смысле я говорю о том, что эра христианства проходит, сменяясь новой, более высокой ступенью. Чувство мироздания в чем-то похоже на ощущение своего тела. Представьте себе, что вы чувствуете звезды, как свою руку, но при этом звезды остаются звездами; а свою руку попробуйте ощутить лучами звезд со стороны, при этом оставаясь собой. Я не призываю делать какие-то упражнения такого рода, а просто пытаюсь передать метачувство.

Особо следует выделить чувство близости всего отдаленного и распространяемое себя в самые отдаленные дали мира. Я бы назвал это чувством "повсеместного вселенского пребывания", или "повсеместной вселенной".

Наконец, очень важно чувство открытости, прорастаемости в миры: ты весь открыт для мира, и весь мир открыт для тебя. Все это сопровождается ощущением сияния в самом прямом смысле слова. От вас исходит видимое свечение, которое вызывает ответное сияние людей и предметов. Кроме этого, вы чувствуете и невидимые или полупрозрачные теневые лучи, исходящие от вас и вам одновременно. Таким же ответным светом озаряются вокруг вас люди. Это очень интересный момент. Астральное сияние воспламеняет ауры всех людей вокруг и даже тех, кто в данный момент далеко от вас. Я не касаюсь сейчас таких общеизвестных вещей, как усиление парапсихологических способностей (телепатия, гипноз, ясновидение). Все это описано достаточно хорошо другими, и мой опыт здесь совпадает с общеизвестным. Замечу, что усиление этих способностей само по себе не приводит к выворачиванию, однако связь тут есть несомненная.

Ясновидение приводит к выворачиванию, но выворачивание, возможно, сопровождается ясновидением, поэтому к новым чувствам следует прибавить и это. Будущее становится прозрачным в своих узловых моментах. Оно как-то охватывается все сразу, как целое, в той мере, в какой оно предопределено. Таким же прозрачным становится и прошлое. Скажу больше, будущее просвечивает именно через прошлое. Вы как бы ныряете в волны прошлого с открытыми глазами и видите в глубине смутные очертания дней будущих. "Ясновидение" здесь не очень точное слово, точнее "внутривидение". Время становится морем, просвечивающим насквозь. Волны прошлого пересекаются с волнами будущего. Интерференция будущего и прошлого порождает узор всевремени.

Все временное, все пространственное чувство не лжет. В выворачивании мы дотрагиваемся нервами до тех пределов и уровней материи, где оно существует всегда и вечно.

Отсюда - главное, новое чувство бессмертия. Я говорю - новое, поскольку оно существенно отличается от обычного ощущения вечной жизни. Метабессмертие включает в себя смерть и рождение как обязательные условия. Здесь нет дурной бесконечности. Внешне замкнутый и ограниченный объем жизни оказывается безмерным внутри. Это море, где Дно все время уходит вглубь и вдруг оказывается небом. Вы погружаетесь, тонете и вдруг оказываетесь над морем в небе и отражаетесь в поверхности той же самой воды. Прибавьте к этому эффект вовнутрения времени., когда смерть и рождение оказываются внутри жизни, и вы поймете, что такое метабессмертие.

Очень важно чувство возвращения. Бесконечность пространства становится идеальным зеркалом. Вы пронзаете бесконечность лучом зрения и видите как бы преломленное во вселенской линзе свое космическое лицо - это все небо.

Возвращение во времени означает, что будущее всегда смыкается с отдаленным прошлым. Смерть узнаваема в рождении. От этой линзы простираются лучи в бесконечность.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

АДАМ КАДМОН - ЧЕЛОВЕК-ВСЕЛЕННАЯ

"Художественное творчество выявляет нам космос, проходящий через сознание живого существа" - эта мысль В. Вернадского весьма глубока и по-настоящему еще не раскрыта. Мы привыкли обращать внимание лишь на субъективную сторону творчества, но роль живой, да еще мыслящей материи важна в мироздании. Открытие в космологии антропного принципа свидетельствует о чрезвычайно тонкой подстройке важнейших физических постоянных к мыслящему и воспринимающему объекту.

Художник может увидеть тайны космоса, недоступные бесстрастным приборам. Менее всего поддается научным методам пограничная область, где отвлеченные математические формулы, внешне абсолютно далекие от личного опыта человека, могут стать чувственной реальностью художественного мира.

В начале века выдающийся писатель и филолог Андрей Белый как бы мимоходом обронил такие слова; "Если бы мы сумели вдруг вывернуться наизнанку, увидели б мы вместо органов (печени, селезенки и почек), почувствовали бы Венеру, Юпитер: планеты - суть органы".

На первый взгляд может показаться, что здесь чисто художественная игра воображения. Во всяком случае, автор не уделил этой мысли большого внимания, зафиксировав ее среди без-Дны других, более важных для него моментов. Не трудно догадаться, что в основе странной идеи выворачивания лежит глубоко интимное личное переживание писателя. И действительно, за два года до этого в автобиографической повести "Я" (1919) Андрей Белый вспоминает, что произошло с ним в Египте на вершине пирамиды Хеопса:

"Образовались во мне как... спираль: мои думы... закинь в этот миг свою голову я, не оттенок лазури увидел бы в небе, а грозный черный пролом... Пролом - меня всасывал (я умирал в ежедневных мучениях); был он

отверстым в правду вещей... становился он синею сферой... тянул меня сквозь меня, из себя самого излетал я кипением жизни и делался сферою, много-очито глядящей на центр, находя в нем дрожащую кожу мою точно косточка сочного персика было мне тело мое, я - без кожи, разлитый во всем, - Зодиак".

Однако и это космологическое выворачивание важно здесь писателю лишь потому, что оно довольно точно передает его чувство безнадежной влюбленности.

Много лет спустя в романе "Москва" он снова вспомнит о вы-воращивании и наделит этим ощущением мечтательницу Лизашу:

"Что ж делать: "оттуда" жила.

"Здесь" влачилась русалкой больною. Немела порой; и - разыгрывалось, что идет коридором, во тьме; все скорее, скорее, скорее - спешила; летела; и чувствовала - коридор расширяется в ней, оказавшись распахнутым телом, вернее, рас-пахом сплошным ощущений телесных, как бы отстающих от мысли, как стены ее замыкающих комнат; и переживала манд-ровской квартирою тело.

Отсюда в мыслях - бежала, бежала, бежала, бежала.

И - знала: сидит; все ж бежала: в прозариванье, из которого били лучи; точно солнце всходило; спешила к восходу: понять, допонять; будто "я" разрывалось, став сквозняками ман-дровской квартиры; "оттуда" блистало ей солнце, составленное из субстанции "Я", обретающих осмыслы в "мы", составляющих солнечный шар.

Этот солнечный шар называла она своей родиной.

- Лизаша, вы здесь? - выходила из двери мадам Вулеву. И огромная сфера сжималась до точки...

Так сознанием вывернуться из мандровской квартиры умела. Но стоило сделать движение - сфера сжималась до точки: до нового выпрыга".

Здесь выворачивание облеклось в массу реалий: темные коридоры, человеческое тело, разлетающееся веером по кругу сферы. Появился взгляд изнутри и снаружи одновременно. Более четко стали выявляться чисто математические реалии: что будет, если человек вывернется в космос.

К этому времени окончательно вошла в сознание общая теория относительности А. Эйнштейна, а затем и космологическая модель Фридмана, где вселенная выглядела четырехмерной сферой, расширяющейся из точки первоначального взрыва. Поместив в эту точку сферы Лизашу, Белый одушевил новый космос, хотя опять же для него была важна не космология, а некое душевное состояние человека, которое иными средствами не передашь.

И все же фантазия писателя зиждется на весьма плодотворной космологической идее, еще и до настоящего времени не выявленной полностью. Назовем ее космологическим вывора-чиванием или (воспользуемся термином сегодняшней космологии) антропным сингулированием.

Для математика не составляет труда вывернуть наизнанку сферу вселенной до некой точки сингулярности (бесконечной кривизны), за которой физике делать нечего. Этим занимается сегодняшняя космология, исследующая загадочные области черных дыр. У Андрея Белого выворачивание осуществляется здесь, на земле. Имеет ли это какое-либо отношение к новым космологическим моделям? Да, ответил бы математик Павел Флоренский. Его книга "Мнимости в геометрии" вышла в начале 20-х годов. В ней Флоренский ставит мысленный эксперимент, основанный на законах теории относительности. Что будет с телом, мчущимся во вселенной со скоростью, близкой к световой? Физически оно превратится в свет, геометрически оно как бы вывернется через себя во вселенную. Автор заканчивает книгу вопросом: обязательно ли мчаться с такой головокружительной и практически недостижимой скоростью или выворачивание возможно в обычных физических условиях в привычном нашему глазу трехмерном пространстве?

Опыт Андрея Белого свидетельствует о том, что такое выворачивание возможно по крайней мере на творческом и психологическом уровне. Но что такое творчество? Ведь, по мысли Вернадского, это и есть выявленный "космос, проходящий через сознание живого существа".

Книгу "Мнимости в геометрии" П. Флоренский написал, анализируя неевклидову геометрию Лобачевского, а Вернадский неоднократно высказывал мысль: пространство живого вещества может оказаться неевклидовым. Творчество же и психология удел высшей формы живого. Одним словом, есть все основания отнести к метафоре о выворачивании со всей серьезностью.

Размышления Вернадского о распространении сферы разума во вселенной, о научной мысли как о "планетарном явлении", об особой космической роли художественного мышления сегодня обретают вполне конкретные очертания. Не стоим ли мы на пороге той революции, когда наши представления о месте человека в мироздании потребуют новой коперниковской реформы. На сей раз потребуются отказ от абсолютизации таких понятий, как "внутреннее" и "внешнее". Теория относительности показала иллюзорность "абсолютного времени" и "абсолютного пространства" - их просто нет; но на уровне обыденного опыта мы не учитываем относительность пространства и времени, как не учитываем шарообразность Земли, когда ходим по ней. На чисто человеческом уровне земля по-прежнему плоская, а Солнце по-прежнему вращается вокруг нас, как это было до Коперника и даже до Птолемея.

Почему так? Обыденный внешний земной опыт дает человеку именно такую реальность. Однако сфера человеческого разума распространяется в космос, и совершенно неожиданно выявляется одна поразительная закономерность. Чем дальше в космос, тем ближе к человеку, к его душе. Так "абсолютное пространство" и "абсолютное время" - это подарок отвлеченной науки. На эмоциональном, художественном и психологическом уровнях человек всегда считал эти реальности относительными. Князь Мышкин в романе "Идиот" говорит о бесконечно дымящемся мгновении, когда "один день как тысяча лет и тысяча лет как один день". Он вспоминает поэтическую притчу о Магомете, выронившем кувшин с водой: и прежде нежели из черепков вылилась вода, он успел обозреть все пределы Аллаха.

С такими реальностями человек не сталкивается в обычной жизни, поскольку относительность времени и пространства ощутима лишь при скоростях, близких к скоростям света; однако наш внутренний душевный опыт приемлет космос, открытый Эйнштейном, как нечто близкое и родное.

Можно было бы расширить круг таких примеров, но и без того уже ясно, что душевный и интеллектуальный опыт человека является как бы косвенным источником информации о реальностях мироздания, недоступных внешнему обыденному опыту человека. таким планетарным явлением, как искусство и внутренний мир человека.

Естественно возникает вопрос: а не существует ли некий единый код живой и неорганической материи, лежащей в основе такого единства научной и художественной мысли?

В 1982 году в статье "Звездная книга" в журнале "Новый мир" я обозначил общие контуры такого единства, обозначив их термином "метакод". Согласно метакодовым представлениям, все реалии пространства и времени относительны. Верх-низ, правое-левое, большое-малое, далекое-близкое долгое-быстрое - все меняется местами в искусстве с такой же легкостью, как и в современной космологии. По наблюдениям П. Флоренского, таково пространство "Божественной Комедии". Спускаясь в глубины Ада, Данте выходит к вершинам Рая. Таким же образом, спускаясь в колодезь или в дупло дерева, герои сказок оказываются на небе. Герой фольклора может уместиться в любом пространстве, которое намного меньше его. Крошечка-Хаврошечка входит в одно ушко и выходит из другого. Три огромных царства; медное, серебряное и золотое с небом, луной и звездами можно скатать в яйцо, а яйцо спрятать в карман. Громадный джинн может быть запечатан в кувшин. Превратившись в муравья, Иванушка свободно проникает в трещинку небесной хрустальной горы. Царевна "выворачивается из козуха" маленькой лягушки. И очень часто относительность верха-низа, большого-малого напрямую связана с космосом. Не все помнят, что царевна-лягушка тклет из лучей звезд небесное полотно, мелет зерно на звездной мельнице, печет звездный хлеб. Художественное и

психологическое время-пространство (хронотоп) структурно совпадает с новейшей космологией - вот что интересно.

С другой стороны, в этом нет ничего удивительного. Функциональная асимметрия правого и левого полушарий мозга сегодня известна. В целом возникла такая картина: правое - эмоции, левое - логика. Хотя в жизни все переплетено, ясно, что научное познание больше связано с доминантой левого полушария, а художественное тяготеет к правому. Мы как бы обладаем двумя равноправными моделями, и нет ничего удивительного в том, что на каком-то витке познания оба кода сливаются в метакод. Здесь в равной мере участвует и научное, и художественное видение,

Вернемся теперь к интуитивным прозрениям Андрея Белого о выворачивании в космос. Есть ли здесь нечто абсолютно новое по сравнению с известными художественными моделями? Есть, несомненно.

По сути дела, здесь человек впервые соприкоснулся с от-юсительностью внутреннего и внешнего, что даже в сказках обнаружить довольно трудно. Вернадский, уделявший громадное внимание особой значимости асимметрии правого и левого в дальнем мире, фактически пролагал пути к более пристальному изучению и других характеристик пространства (верх-низ, правое-левое, внутреннее-внешнее).

Реально с относительностью верха и низа человек соприкоснулся лишь в невесомости. Хотя у Ж. Верна, а позднее у Циолковского невесомость была подробно описана, все это для каждого, кто не побывал в космосе, это простран-тво так и останется по-человечески неосвоенным. Нет под ногами земли, нет тяжести, нет разницы между понятием лежать" и "стоять" - в невесомости это одно и то же. В настоящее время человек идет в космосе по пути имитации рывичных земных условий, но это возможно лишь до какого-то предела. Между тем духовное, художественное, пси-ологическое внедрение в космос не имеет пределов. И здесь аша мысль пока что крайне, говоря словами Пушкина, "ле-ива и нелюбопытна".

Программа Вернадского предусматривает непрерывное озрастание роли живого и мыслящего существа в космосе. обычно мы представляем себе чисто технический путь такого расширения. Между тем техническая экспансия имеет свои пределы. Хотя могущество техники будет расти всегда, оно тем не менее никогда не выйдет за пределы, очерчиваемые возможностями самой техники. Рост духовного и интеллектуального могущества человека, в отличие от технического, действительно сопределен. Учение о ноосфере обычно воспринимают как про-Рамму нашего технического проникновения в космос. На самом деле ноосфера может беспредельно расширяться в грани-йх одной черепной коробки.

В ноосфере Вернадского художественному познанию ответа весьма важная роль. Мы же, говоря о ноосфере, все время стремимся в сторону левого полушария, то есть к науке. Изучение закономерностей метакода могло бы основательно выпрямить эту линию.

В чисто условном плане есть все основания говорить о возникновении "антропной физики и антропной космологии". Возможно, что предвестием были космологические образы Андрея Белого и Велимира Хлебникова. На первый взгляд может показаться, что нет никакой объективной связи между категориями физики или космологии и обычным, ненаучным отражением этих же реальностей в повседневной жизни, но это только при неглубоком подходе.

Понятие о тяжести по-разному отражено в законе всемирного тяготения и в обычной жалобе человека, что "на душе тяжело", однако между этими крайностями есть некоторая зависимость и тонкая взаимосвязь. Без психологического ощущения тяжести было бы невозможно открытие закона всемирного тяготения. Наша привычка делить познание на объективное и субъективное почему-то не учитывает третью, промежуточную субъектно-объектную область мира, где "внутреннее" и "внешнее" замещаются друг другом так же успешно, как "верх" и "низ" в невесомости.

Чувство тяжести и легкости не нуждается в специальных комментариях. Гораздо сложнее определить, что

такое чувство внутреннего и внешнего. Эти направления в пространстве плохо изучены. Когда-то Вернадский продолжил исследования Пастера в области таких загадочных и, казалось бы, субъективных понятий, как "левое" и "правое". Его выводы о несомненной объективной значимости этих направлений сегодня блистательно подтверждены и в квантовой физике, и в химии, и в биологии.

Не следует ли распространить эти исследования на сферу понятий "внутреннее" и "внешнее"?

Возвращаясь к метафорическим впечатлениям Андрея Белого, задумаемся, что произошло с писателем, создавшим мимолетно образ живого мыслящего существа, для которого нет внутреннего и внешнего. Это существо бесконечно распространено в космос и как бы объемлет себя мирозданием. Разумеется, существуют математические модели такого пространства в современной топологии, есть и физические эквиваленты такой структуры - это вселенная-микрочастица, получивши сразу три наименования: планкион, максимон, фридмон.

Герой Андрея Белого и почувствовал себя такой частицей-вселенной. Он внутри и вовне, в ограниченном и бесконечном объеме мироздания одновременно; говоря словами Тютчева: "все во мне и я во всем".

Другими эквивалентными моделями такого внутренне-внешнего пространства могут быть лист Мёбиуса, бутылка Клейна, двойная спираль, сходящаяся к центру и расходящаяся от него. Последнее заслуживает особого разговора. Двойная спираль составляет основу многих древних орнаментов, в то же время она довольно часто присутствует в космологических моделях галактик, черных дыр, двойных звезд, и она же, как оказалось, хранит наследственную информацию генетического кода в структуре ДНК. Новая наука о самозарождающихся системах - синергетика часто имеет дело с этой моделью на уровне знаменитых авхтонных волн.

У Борхеса есть описание знаменитой сферы Паскаля: центр ее везде, а радиус бесконечен. Это опять же структура, вполне соответствующая метафоре А. Белого. Художественная интуиция подсказала писателю такой образ человека-космоса, который идеально соответствует по своей структуре многим фундаментальным

моделям макро- и микромира живой и неорганической материи.

В свое время К.Э. Циолковский в статье "Животное космоса" создал образ человека-сферы, как идеального обитателя космического пространства. Светящийся шар, питаемый светом, - это действительно оптимальное решение для жизни во вселенной Ньютона; но во вселенной Эйнштейна, пожалуй, более уместна модель Андрея Белого. Здесь сфера Циолковского как бы вывернута через себя внутрь и наружу, ей даны координаты других измерений. Такие геометрические преобразования возможны в неевклидовой геометрии, что опять возвращает нас к мысли Вернадского о неевклидовой геометрии живого вещества.

А что, если интуиция подсказывала Белому не фантастический, а вполне реальный прообраз человека космического? Такое существо, наделенное внутренне-внешним восприятием пространства, никогда не могло бы указать на границы своего тела, ведь любая веха означала бы, что здесь пролегает межа между человеком и космосом. Для героя Андрея Белого такой грани нет. Он объемлет космос изнутри и снаружи, как косточка обнимается мякотью персика. В метафоре Белого "мякоть" - это весь зодиак, но что мешает включить сюда весь "внешний" космос?

Учение Вернадского о ноосфере не конкретизирует, какими путями расширяется область разума в мироздании. Вероятно, не последнее место занимает в этом процессе психологическое и художественное обживание некоторых реальностей мироздания. Многие из них напрямую связаны с космологическим выворачиванием, пережитым писателем.

Есть две реальности вселенной, где возможно антропное сингулирование (выворачивание), о котором рассказывает Андрей Белый. Это черные дыры и тела, мчащиеся со скоростями, близкими к световой. Если чисто условно поместить туда наблюдателя-человека (физически это невозможно), он увидел бы ту картину, которая открылась Лизаше в романе "Москва". Теперь продолжим мысленный эксперимент и буквально поэтапно проследим, что открылось бы нашему наблюдателю.

Поскольку моделей подлета к черной дыре несколько, мы воспользуемся обобщенной картиной, данной астрономом И.А. Климашиным в книге "Релятивистская астрономия".

Сначала перед космическим путешественником, летящим с релятивистской скоростью, возникает так называемый "горизонт мировых событий", который он успешно пересечет за ограниченный отрезок времени, например, за полчаса, если черная дыра величиной с наше солнце. Однако для наблюдателя, который со стороны следит за путешественником, его подлет к черной дыре будет длиться вечно.

Здесь сразу два необычных феномена. Во-первых, для того чтобы увидеть, нужны двое - "путешественник" и "наблюдатель". Во-вторых, одно и то же явление для одного вечно, для Другого временно. Если мы перекодируем эти явления на знакомый нам язык душевных переживаний, хорошо отраженный в литературе, то столкнемся с двумя вполне знакомыми литературе реальностями: двойничество героя и относительность художественного времени.

"Наблюдатель" и "путешественник" - это один и тот же, Хвойник". В знакомом уже описании Андрея Белого герой сам днимается над собой и объемлет себя собой - Зодиаком.

Относительность времени уже знакома нам по ощущению Князя Мышкина. Можно было бы вспомнить древнее изречение:

"для Бога один день как тысяча лет и тысяча лет как один день". Ныне человек вполне созрел для такого понимания времени.

Далее: момент пересечения "горизонта мировых событий" (сферы Шварцшильда), к сожалению, навеки разлучит двойников - наблюдателя и путешественника. Сколько бы ни посылал сигналов из черной дыры путешественник, наблюдатель их не увидит. Однако о существовании друг друга они должны знать, иначе невозможен отсчет полета. Образно говоря, путешественник для наблюдателя - некий теневой двойник,

которого он не видит, мнимая величина. Уместно снова вспомнить книгу П. Флоренского "Мнимости в геометрии", где он выдвинул гипотезу о физической реальности мнимых величин; и хотя в модели подлета к черной дыре наблюдатель присутствует как условность, правомерно высказать предположение, что здесь кроется не только физическая, но и какая-то реальность, связанная с живым веществом. В пользу этого говорит сформировавшийся ныне антропный принцип и принцип неопределенности Гейзенберга. Антропный принцип свидетельствует о тончайшей связи между живым веществом и физическими постоянными вселенной, а принцип Гейзенберга на микроуровне без поправки на минимальные искажения, вносимые "наблюдателем". Таким наблюдателем на уровне микромира является физический прибор, опять же созданный живой мыслящей материей, расширяющей ее слух и зрение за пределы невидимого и неслышимого.

Итак, "путешественник" благополучно пересек горизонт мировых событий, и здесь пошло разделение со своим двойником - наблюдателем, оставшимся в нашем мире. С ним произойдет еще Одно чудо, именуемое физиками "опространствление времени". "Принято говорить, что на границе сферы Шварцшильда пространство и время меняются местами".

Что это такое, спросите вы, и я с удовольствием замечу, что никаких аналогий в художественном мире не нахожу, а стало быть, речь идет о некоей еще не освоенной писателями и художниками реальности. Наконец, время начинает дробиться, становится дискретным. Опять незнакомое явление. Впрочем, здесь аналогии возможны. В критические моменты жизни, перед лицом смертельной опасности перед человеком нередко проносится вся его жизнь, уместившаяся как бы в одно мгновение; вся жизнь в виде множества мгновений, и все они в одной точке переживаемого мига - вполне знакомое ощущение. В литературе это даже стадо штампом - воспоминание всей жизни в единый миг. И все-таки остается много неясного. Вперед, Колумбы!

Однако самое интересное начинается после пересечения горизонта событий, когда "путешественник", оторвавшись от наблюдателя, минуя миг-вечность, опространствленное и дискретное время, устремится к центру черной дыры к знаменитой точке сингулярности. Здесь он в буквальном смысле вывернется наизнанку и вылетит в другую вселенную, причем выво-рачивание - перемена внутреннего на внешнее - перевернет соответственно пространственное время: "наблюдатель за короткое время (по его часам) увидит, находясь внутри сферы Шварцшильда, все будущее вселенной! Что будет потом? В момент остановки внутри Шварцшильдовой сферы наблюдатель перестанет видеть ту вселенную (в ее далеком будущем), из которой он "выскочил". После этого наблюдатель начнет двигаться наружу и через некоторое время (по его часам) опять пересечет шварцшильдовскую сферу. И тогда он увидит совершенно другую вселенную".

Замечу, что от внимания астрофизики не ускользает, что же произошло бы с человеком в таком пространстве, если бы он действительно оказался внутри черной дыры и вывернулся в другую вселенную. "Наблюдатель начнет наблюдать вселенную со все растущим фиолетовым смещением. Расчеты показывают, что при этом количество падающей лучистой энергии будет конечно. Это означает, что никакой катастрофы ни с наблюдателем, ни с его космическим кораблем не произойдет". Иначе обстоит дело при подлете к черной дыре. Здесь путешественник будет "растянут", "разорван", "расплющен" - все это так. Но не будем забывать, что когда-то такие же термины применялись по отношению к гипотетическому космонавту, пожелавшему выйти за барьер тяготения с космической скоростью. Однако космонавты живы, летают, так что Поживем - увидим.

Астрофизик Н.С. Кардашов считает такие путешествия в Идущем вполне достижимыми. "Путешествие в заряженную черную дыру эквивалентно машине времени, которая дает возможность покрывать бесконечно большие интервалы времени за малые собственные времена".

Оставим шаткую область гипотез и остановимся на несомненном. Современная физика и космология располагают такими моделями реальностей мироздания, где физически осуществляется смена внутреннего и внешнего: расширяющаяся вселенная, черные дыры, полеты вещества с релятивистскими скоростями вблизи светового барьера.

При смене направлений внутреннего на внешнее происходит весьма характерный эффект: меньшее пространство и меньшее время вмещает в себя большее или даже бесконечно большое пространство-время. На первый взгляд может показаться, что аналогий такому явлению в нашем нерелятивистском обычном мире нет, и все это лишь область негуманитарных наук. Однако, воспользовавшись методом Вернадского, который считал далеко не полной физическую картину мира, если в ней не учтена роль живого и мыслящего вещества, посмотрим на эти явления именно с этой, попросту говоря, гуманитарной, человеческой точки зрения. То, что аналогичные модели времени есть в психологии и в творчестве, мы уже показали с достаточной очевидностью, теперь рассмотрим, возможны ли такие же "чудеса" с пространством не на уровне художественного вымысла, а в повседневной реальности.

Обратим внимание на то, что выворачивание (смена внутреннего на внешнее) буквально пронизывает живую материю. Прежде всего это связано с процессом рождения. Младенец, пребывающий внутри материнской утробы, не подозревает о безграничном пространстве внешнего мира. За два месяца до рождения он открывает глаза и смотрит во тьму, не подозревая о свете. Его выход во внешний, бесконечно - "широкий мир связан с прохождением сквозь внутреннее узкое пространство. Как это ни покажется странным, но здесь много общего с графиками вылета путешественника из черной дыры: сужение пространства, тьма, переходящая в свет и, разумеется, смена внутреннего на внешнее. После рождения младенец оказывается в мире, который до этого был для него внешним. Кстати, сходные ощущения переживает Иван Ильич Л. Толстого в момент своей смерти: "Вдруг какая-то сила толкнула его в грудь, в бок, еще сильнее сдавило ему дыхание, он провалился в дыру, и там, в конце дыры, засветилось что-то. С ним сделалось то, что бывало с ним в вагоне железной дороги, когда думаешь, что едешь вперед, а едешь назад, и вдруг узнаешь настоящее направление... Он чувствовал, что мученье его и в том, что он всовывается в эту черную дыру, и еще больше в том, что он не может пролезть в нее".

Разумеется, "черная дыра" Ивана Ильича лишь по названию совпадает с космическими объектами такого рода, а вот ощущения человека в момент рождения и смерти, специфика восприятия пространства и времени, как ни странно, действительно совпадают с тем, что чувствовал бы и видел человек, проходя сквозь черные дыры или летя с релятивистскими скоростями.

Объяснение такого единства не нуждается в мистике. Просто материя на всех уровнях своего развития от первоатома до вселенной, от вселенной до человека может обладать некой единой структурой, хранящей единый код живого вещества на всех уровнях становления. "Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу {родственным с ощущением, свойством отражения..." В ощущениях человека в конечном итоге есть нечто вполне объективно присущее всей материи на уровне отражения, и не удивительно, что в кульминационные моменты жизни человек ощущает некоторые фундаментальные свойства, присущие всей материи в целом.

Кстати, помещая мысленного наблюдателя в области черных дыр и световых скоростей, физики и космологи часто забывают, что без наблюдателя вообще невозможны процессы, которые они описывают. Под наблюдателем я подразумеваю здесь не человека, а тот минимум отражения, без которого вообще невозможны взаимодействия на уровне микромира и уж тем более на уровне световых скоростей. Это обстоятельство зафиксировано современной космологией в так называемом сильном антропном принципе, который при всем различии толкований в целом подразумевает обязательное и закономерное существование

познающего и наблюдающего объекта на всех стадиях существования мира.

И вот здесь роль живого особенно велика. В.И. Вернадский в статье "Изучение явлений жизни и новая физика" говорит о Живом веществе как об особом источнике информации о вселенной. "Изучение физико-химических свойств поля жизни дает в этом отношении самые точные и самые глубокие указания, Каких не дает пока никакое другое физическое явление космоса". "Полям жизни" В.И. Вернадский называет "пространства, занятые телом организма". Ученый указывает на особую, прямо-таки вселенскую роль живого вещества в условиях земли:

"Живое вещество, мне кажется, есть единственное, может быть пока, земное явление, в котором ярко проявляется пространство-время". Надо ли объяснять, что в живом да еще и мыслящем существе пространство-время вселенной проявляется с особой силой. Вот почему так важны на первый взгляд чисто субъективные модели человека и мироздания, отраженные в художественном творчестве.

Искусство и психология вообще оказались более чуткими к направлениям пространства и времени, чем строгая наука трех предшествующих столетий. В.И. Вернадский справедливо критиковал доэйнштейновскую физику и космологию за недооценку роли живого и в особенности за непонимание объективной значимости таких реальностей, как "правое и левое". В статье "О правизне и левизне" он особо выделяет мысль К.Ф. Гаусса, что "правизна-левизна есть геометрическое свойство пространства", а вовсе не простой результат чисто субъективного видения. Идя по стопам Вернадского, мы приходим к выводу, что такая же недооценка объективной значимости "внутренне-внешнего" тормозит сегодня поступательное движение мысли. Восполнить эту брешь мы и пытались в этой статье. Однако есть большая разница между "правым и левым" и "внутренним и внешним". Если бы сейчас на наших глазах правое и левое поменялось бы местами, это не привело бы к фундаментальному потрясению (я не беру здесь уровень молекулярный, клеточный и атомарный; там такое изменение привело бы к полной катастрофе нашего мира). На обычном уровне мир остался бы таким же, каким он был.

Мысленное изменение внутреннего на внешнее было бы грандиозным переворотом. Представьте себе, что солнце, звезды и небо мы воспринимаем, как раньше воспринимали свое нутро - печень, легкие, сердце. В свою очередь, тело мы бы увидели, как сейчас видим небо.

Как ни головокружителен такой эксперимент, но я предлагаю читателю продолжить его со мной далее.

Итак, ничего не изменяя физически, мы меняем лишь мысленно направления внутреннего и внешнего.

Рушится сразу же множество очевидностей. Очевидно, что мы сейчас внутри космоса, что космос больше нашего тела и так далее. Однако, мысленно сменив направления внутреннего на внешнее, мы сразу разрушим эти незыблемые основы. Во-первых, мы как бы обнимем изнутри весь космос своим телом со всех сторон всем пространством живого вещества и окажемся, как бы вывернувшись, изнутри-над мирозданием, а, во-вторых, при таком ан-тропном сингулировании, при взгляде изнутри-над тело окажется бесконечно большим и обнимет собой всю бесконечность окружавшего его ранее пространства.

Более того, убедившись в относительности внутренне-внешнего мира, наподобие космонавтов, убедившихся в относительности верха и низа в невесомости, мы окажемся как бы в двуедином пространстве человек-космос или космос-человек. Здесь нет чисто субъективного или чисто объективного, вся реальность пронизана неким субъектно-объектным мерцанием, очень похожим на гессевскую "игру в бисер".

Человек - космос, чье тело - небо, глаза - свет, солнце, луна, дыхание - пространство, кости - земля, - это старинный образ, известный всем народам и всем культурам. У индусов - это Пуруша, у латиноамериканцев - Виракоча, у народов Ближнего Востока - Адам Кадмон. В русском фольклоре это, по-видимому, богатырь Святогор (небо считалось хрустальной горой света, отсюда и название). Можно было бы отмахнуться от этого, как от поэтической фантазии, игры воображения, но опыт предшествующий заставляет нас относиться к

поэтической фантазии как к источнику информации об особо тонких и фундаментальных отношениях между человеком и мирозданием.

А что, если такое видение мира более правильно? На Земле в условиях тяготения господствуют законы, заставляющие нас делить мир на верх-низ, правое-левое, внутреннее- внешнее. Не обладай мы такой возможностью, жизнь в условиях Земли была бы невозможна. Однако не будем забывать, что гораздо более и даже неизмеримо более громадные области мироздания существуют вне земных условий. Стоит чуть приподняться над землей - и уже невесомость, нет верха-низа; стоит приблизиться к световой скорости - и нет внутреннего-внешнего. Более того, даже в земных условиях внутреннее и внешнее часто меняются местами: рождение, прорастание зерна изнутри, оплодотворение и деление клетки, расщепление атома - вот далеко не полный перечень таких Процессов. Возможно, что и смерть является особой разновидностью антропоного сингулирования.

Одним словом, относительность внутренне-внешнего еще не освоена человеком. Верное для Земли, неверно для космоса, а человек существо земное-космическое. Когда Коперник мысленно вывернул наизнанку птолемеевскую вселенную, перенес Землю из центра сферы на периферию, а Солнце переместил из окружности в центр, он остался при этом на той же Земле и в той же вселенной.

Если мы продолжим этот процесс и мысленно вывернем наизнанку наше телесное пространство, мы опять же останемся на той же Земле и в той же вселенной, просто картина мироздания станет другой и, возможно, более объективной.

Земные условия подсказали нам: плоскую Землю, Солнце вокруг земли, человека внутри вселенной. Земля стала круглой, Солнце заняло подобающее ему место, а что, если с переориентацией внутреннего и внешнего мы увидим мир более кос-мично, более объективно? Внутренне-внешний человек-космос, обнимающий изнутри-над мироздание, вовнутривший его и распространивший себя, как небо, - это образ, заслуживающий самого пристального внимания, даже если бы за этим не крылось каких-либо новых космологических, физических и биологических реальностей.

В. И. Вернадский справедливо отмечал, что даже образование дождевой лужи нельзя объяснить без участия в этом процессе космоса. Формирование наших представлений о месте человека в космосе в основном проходило под воздействием земных условий. Но если лужа связана с космосом, то мозг и человеческий организм, состоящий из воды на 90%, реагирует еще тоньше на реальности микро- и макромира.

Физики убеждены, что 11, а может, и n измерений микромира не имеют отношения к нашему трехмерному миру, а относительность времени и пространства есть лишь в царстве световых скоростей. На самом деле микро- и макромир сплетаются в единый узел в "пространстве живого вещества". Отсюда следует, что для понимания своей космической роли человеку очень важно распространить свое психологическое и духовное пространство в пределы, открытые теорией относительности и квантовой физикой.

Если это произойдет, мы неизбежно переселимся из вселенной Ньютона в мир современной космологии, как когда-то с плоской земли на круглую, из космоса Птолемея в мироздание Коперника. Мне могут возразить, что такое переселение уже произошло в первой трети нашего века. Это будет верно лишь отчасти. Ситуация, сложившаяся сегодня, очень напоминает времена Коперника. Научно система польского астронома была взята на вооружение, но в повседневном употреблении мировоззренчески верной считалась и птолемеевская система. Лишь через семьдесят лет после опубликования учения Коперника запрет на него был снят, а Птолемею окончательно отошел в историю науки, уступив место современности.

Параллель Птолемею - Ньютон, Коперник - Эйнштейн носит здесь чисто условный характер, и все же, не умаляя величия Ньютона, следует признать, что его представления об абсолютном пространстве и независимом от пространства равнотекущем времени все еще господствуют в умах людей на уровне повседневности.

Вот почему "до сих пор мы все еще склонны абсолютизировать для себя земные условия, интуитивно распространяя их на весь космос. Это обедняет духовный мир современного человека, заслоняет от него восхитительные реальности вселенной, которые почему-то все еще считаются достоянием кабинетной науки. В. И. Вернадский был убежденным и горячим сторонником космизации научного знания. Вместе с тем он прекрасно осознавал, что реальности космоса ярче всего проявляются на земле в живом веществе. В.И. Вернадский выдвинул рабочую гипотезу о том, что "все живое вещество для своего тела имеет состояние пространства, приближающееся к одной из римановых геометрий".

Это очень важное допущение прекрасно объяснило бы, почему художественное и психологическое пространство и время человека гораздо ближе к сегодняшней космологии, чем к Ньютону. Здесь ответ на вопрос, почему в нас закодирована информация о вселенной, весьма далекая от чисто земных условий.

Поясним здесь, что риманова геометрия - это геометрия трехмерных искривленных пространств с положительной кривизной (например, сферы).

Геометрия Лобачевского построена для трехмерного искривленного пространства с отрицательной кривизной (псевд-Досфера). В виде изогнутой внутрь седловины.

В наших рисунках допущена одна условность, обычная для популярной литературы: изображены двумерные поверхности сферы и псевдосферы, искривленные в трехмерном пространстве, "поскольку невозможно наглядно представить себе гиперболически искривленный трехмерный мир".

Физически, согласно последним моделям, наша Вселенная в чем-то похожа на трехмерную сферу Римана, искривленную благодаря 4-й пространственно-временной координате. Однако стоит поместить наше зрение внутри этой сферы, и мы увидим отрицательную кривизну псевдосферы.

Чтобы оказаться внутри, нужно сферу вывернуть наизнанку. Геометрически это невозможно, однако на уровне микромира существуют так называемые "инстантные" состояния, когда частица одной топологии может через вакуум вывернуться в частицу другой топологии. Так сфера может превратиться в псевдосферу.

Подтверждается мысль В.И. Вернадского о том, что "реальность геометрически неоднородна и что в разных явлениях могут проявляться разные геометрии".

Теперь перенесемся из космоса в наше привычное трехмерное пространство и рассмотрим геометрию человеческого тела в его отношении к обычной трехмерной сфере. Такой сферой видится нам зримый космос - небо над головой. Если смотреть на человека со стороны, то кривизна замкнутого контура его тела будет положительной по отношению к окружающему пространству. Если же мысленно смотреть изнутри, та же самая кривизна будет отрицательной. До рождения младенец пребывает внутри утробы в мире с отрицательной кривизной. После рождения, "вывернувшись" наружу, он видит ту же поверхность теперь уже с кривизной положительной. Какая же геометрия верная? Видимо, совмещающая внутреннее и внешнее. Назовем ее по аналогии с микромиром "инстантной".

Теперь распространим наш частный случай до вселенских масштабов. Представим себе четырехмерную вселенскую сферу и наше пребывание на ее трехмерной поверхности - "плоскости". Охватить ее собой мы как бы не в состоянии, но стоит мысленно вывернуться наизнанку через 4-ю координату пространства-времени, и вот уже мы, как неотъемлемая часть сферы, оказались внутри нее - перед нами четырехмерная псевдосфера, на сей раз с отрицательной кривизной. Совместив эти два взгляда, мы увидим себя и вселенную внутри и снаружи, мысленно связав воедино две несовместимые геометрии.

Теперь слово опять В.И. Вернадскому. Вот что говорит великий ученый о 4-й пространственно-временной координате:

"Живое вещество, мне кажется, есть единственное, может быть пока, земное явление, в котором ярко проявляется пространство-время".

Далее он уточняет: "Это пространство-время не есть пространство-время, в котором время является четвертым измерением пространства - пространства математиков (Паладж, Мин-ковский) и не пространство-время физиков и астрономов -- пространство-время Эйнштейна".

Итак, по Вернадскому, риманово пространство живого вещества, кроме геометрических и космических свойств, присущих вселенной, согласно теории относительности, обладает особым, только ему присущим состоянием - смена поколений и старение, реальное воплощение единства пространства-времени.

Правомерно предположить, что на определенном этапе развития живое вещество научится видеть со стороны четырехмерную риманову геометрию вселенной, а чтобы сделать это, надо как бы отстраниться, вывернуться, хотя бы в пространство псевдосферы, и совместить два взгляда - изнутри и снаружи - в новую геометрию.

Вопрос о том, какова реальная геометрия вселенной, можно пока что вынести за скобки, а вот возможность расширить перспективу зрения до пределов внутренне-внешнего ин-стантонного зрения вряд ли следует упускать.

Если бы даже наш мир был устроен по Аристотелю и Птолемию или по Ньютону, то и тогда инстантонное зрение дало бы более верную картину о месте человека в мироздании.

Сейчас мы видим мир только изнутри. Надо научиться видеть его "изнутри-со стороны".

Ситуация эта очень похожа на то, что происходит в замечательной книге Эббота "Флатландия". Обитатели плоского мира Флатландии живут на плоскости, не подозревая о существовании нашего трехмерного мира.

Любая фигура - круг, квадрат, треугольник - видится нам как отрезок большей или меньшей длины, ведь она не может подняться над плоскостью, окинув взглядом фигуру в целом. Для существ этого мира есть только два направления - юг и север, они не подозревают о существовании высоты. Когда квадрат, побывавший в нашем объемном мире, объясняет им, что существует трехмерный мир, они требуют, чтобы он указал им, куда простирается эта таинственная "высота"; естественно, что на плоскости квадрат не в состоянии этого сделать. Зато вестник из трехмерного мира с легкостью доказывает квадрату свое объемное происхождение. Ведь он может дотронуться до любой плоской фигуры "изнутри". Перед ним плоскость, как лист бумаги, он ясно видит "внутреннее" пространство всех треугольников, многоугольников, окружностей и квадратов.

Стало быть, уподобиться трехмерной, объемной фигуре плоскому существу можно. Надо "вывернуться наизнанку" и увидеть себя изнутри-снаружи. От совмещения этих двух перспектив и должно появиться перспективное трехмерное зрение.

Вселенную, в которой мы живем, пронизывают 11, а может быть, и п измерений на уровне микромира. На уровне макромира есть не воспринимаемая нами зримо четвертая пространственно-временная координата, искривляющая наше трехмерное пространство. Чтобы увидеть эту искривление, надо вывернуть наизнанку зрение, совместив внутреннее и внешнее в новый зрительный образ мира.

Утверждение физиков и космологов о невозможности увидеть кривизну нашего трехмерного мира, о невоспринимаемости четвертой пространственно-временной координаты вселенной представляется весьма спорным. Это дань одностороннему не гуманитарному подходу к научной истине.

"Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его", - писал Ленин. Столкнувшись с новой реальностью, мы не должны довольствоваться тем, что она непредставима или зрительно невозможна. Следует искать пути расширения пределов зрения.

Инстантонная, внутренне-внешняя перспектива - один из таких путей. Выворачивание, или антропное сингулирование, может оказаться кратчайшим путем к вселенной двадцать первого века, где человек и вселенная - взаимозаменяемое пространство одной реальности.

При выворачивании в другое измерение правое и левое Должны меняться местами. Так легко поменять плоские перчатки, правую на левую, подняв их над плоскостью и переменив местами. Это невозможно проделать с обычной трехмерной перчаткой. Ведь мы не располагаем пространством четырех измерений, чтобы переместить их аналогично перчаткам плоским. Однако есть другой, более простой путь. Выверните перчатки наизнанку, и чудо свершилось: правое стало левым. Не является ли выворачивание универсальной областью перехода любых измерений пространства в любые другие измерения?

Вывернуть наизнанку живое тело было бы негуманным но представим себе, что перчатка не только одушевлена, но и обладает разумом, тогда ей достаточно было бы мысленно поменять направления внутреннего на внешнее - и путь выворачивания пройден. Теперь представим себе, что перчатка кроме разума обладает высокоразвитой эмоциональной сферой и может прочувствовать мысленное выворачивание так, словно оно осуществлено в реальности. Мир такой "перчатки" раздвинется безгранично. Ее ощущения времени и пространства окажутся намного сложнее и тоньше, чем до выворачивания.

В статье "О правизне и левизне" В. И. Вернадский пишет, что в одном евклидовом пространстве "не может быть раздельности правизны и левизны". Однако в нашем мире "все белки животных и растений "естественные" - левые". Пастер считал, что "это явление связано со свойствами космического пространства". "Указание Пастера не может быть отброшено без внимания, - пишет Вернадский. - Дело в том, что в космических просторах наблюдаем правизну-левизну. Это проявление спи-ральности небесных туманностей, неизбежно право-левых материальных движений".

Куда же они закручены, в правую или в левую сторону? Ответить на этот вопрос пока сложно, ибо правыми или левыми галактики могут быть лишь в проекции на искривленную плоскость типа воображаемой плоскости небосвода, однако в реальности мы такой плоскостью не располагаем. Таков ход мысли ученого.

Однако в истории человеческой культуры мы располагаем другой, более совершенной право-левой внутренне-внешней спиралью. Таков, в частности, узор знаменитого Бахчисарайского фонтана, символизирующего собою вечность.

Известна и другая право-левая спираль, весьма распространенная в древнем орнаменте.

Весьма интересен внутренне-внешний спиральный узор на известной иконе "О тебе радуется".

В центре - изображение Богородицы с Младенцем во ореоле. Младенец обнимает "семь кругов неба", так

называемая мандорла, при этом начальные круги внутри чрева, остальные, расширяясь, охватывают тело Богородицы. Словесно это обозначено в такой поэтической формулировке: "Ло-жесна бо твоя престол сотвори и чрево твое пространнее небес содея".

Как видим, древнерусский художник сумел изобразить не-изобразимое, расширив по спирали внутреннее пространство тела.

Двойная право-левая внутренне-внешняя спираль возникает в знаменитых автохтонных волнах при колебательных реакциях. Это явление изучает новая наука о самозарождающихся системах - синергетика.

Мало изучена спиральная структура многих областей человеческого тела: радужка, ушная раковина, автохтонные волны сердечных сокращений; однако рсть некоторые сдвиги в этой области. Замечена проекция внутренних органов тела на радужку глаза и ушную раковину. Есть карта проекции развертки всех частей тела на сферу мозга. Выяснилось, что человеческое тело в чем-то похоже на голограмму: многие его части содержат проекцию всего тела в целом.

Возникает интуитивная гипотеза о такой же голограммной связи тела с окружающим его космосом. Не проецируется ли тело на воображаемую сферу окружающего нас космоса, как внутренние органы проецируются на радужку глаза?

Если же учесть, что 90% информации о мире идет через зрение, вспомнить, что в древние времена звездное небо гораздо чаще было перед глазами рыбака, зверолова и землепашца, возникает естественное стремление проследить, как воздействовало небо на человека?

Глазом человек прикасается к мирам на расстоянии миллиардов световых лет. При этом через радужку глаза звездный свет оказывал какое-то воздействие и на все тело в целом, поскольку на радужку спроецировано все тело. Я говорю о невидимых и невоспринимаемых человеком рентгеновских излучениях, о ней-тринных потоках, пронизывающих мир во мгновение ока, и о многих других реальностях космоса, ежедневно наполняющих нашу земную жизнь Homo sapiens.

В.И. Вернадский впервые обратил внимание на обратную проекцию человеческой деятельности в мировое пространство.

До сих пор наука в основном изучала воздействие космоса на человека. Между тем человек тоже воздействует на вселенную, причем вовсе не обязательно в глобальных масштабах.

Никто не изучает, как глаз воздействует на свет звезды или солнца. Считалось, что столь минимальное влияние учитывать не приходится. Открытие Гейзенбергом принципа неопределенности на уровне квантовых взаимодействий заставляет подойти к этой проблеме по-новому.

Сколь бы ни было минимальным взаимодействие, оно все же вполне достаточно, чтобы фотон проявил себя либо как частица, либо как волна. Бессмысленно спрашивать, чем в реальности является фотон. Реальность волны или частицы возникает лишь при взаимодействии со взглядом или даже, правильнее сказать, благодаря этому взаимодействию. Значит, взгляд воздействует на свет самых отдаленных и самых близких звезд на микроуровне, это воздействие весьма существенно.

Раньше считалось, что это касается лишь областей микромира, но антропный принцип показал прямую связь микро- и макроуровня в человеческом восприятии. Все наиболее важные физические постоянные вселенной таковы, что само их существование тончайшим образом зависит от восприятия и даже было бы невозможно без обязательного возникновения на определенном этапе воспринимающего объекта, то есть человека.

Получается, что человек - космологическая реальность вселенной, без которой мироздание просто бы не возникло в том виде, в каком оно существует ныне.

"Антропологический принцип в общей формулировке утверждает, что сам факт существования наблюдателя, факт естественного его происхождения, накладывает сильные ограничения на устройство и эволюцию

Вселенной".

Пока физики и космологи удивляются странному факту схождения микро- и макроуровней вселенной на загадочном числе 1040, вспомним, что учение Вернадского о ноосфере и космологическом значении живого мыслящего существа во Вселенной фактически предвосхищало это открытие.

Получается, что микро- и макроуровни как бы специально подрегулированы для того, чтобы существовала живая и мыслящая материя, воспринимающая этот странный феномен. Объяснить такую ситуацию, не впадая в мистику, можно, лишь осознав объективную значимость нашего восприятия пространства и времени.

Модель внутренне-внешнего пространства вселенной как бы соединяет в нашем сознании микро- и макроустройства в бо-дее всеобъемлющую картину мира. Четырехмерное пространство-время вселенной и одиннадцатимерное пространство микромира в сознании живого вещества могут отразиться как единая внутренне-внешняя реальность.

Риманова геометрия, рассматривающая четырехмерные модели мира с положительной кривизной, и геометрия Лобачевского, отражающая ту же четырехмерность с кривизной отрицательной, естественно совмещаются в пространстве внутренне-внешнем. По аналогии с нашим трехмерным миром это будет глобус снаружи (сфера) и он же изнутри (псевдосфера). В этом случае мы получаем две модели мира: открытую и замкнутую.

На четырехмерном уровне современная космология располагает двумя такими моделями. Если бы захотели соединить сферу и псевдосферу в единый узор, совместив пространство внутреннее и внешнее, то лучшей моделью оказалась бы все та же двойная спираль, или лента Мёбиуса.

Вряд ли надо объяснять, насколько такие модели характерны для строения человеческого тела и всякой живой материи.

Познавая себя, выходя за пределы обыденного или данного природой зрения, мы должны смелее применять такие перспективы для более точной координации своего места в мироздании. Нас не должно смущать, что это возможно проделать лишь мысленно. Ведь только мысленно мы определяем свое местоположение не на плоской, а на круглой земле; пребывание в системе Коперника, а не Птолемея опять же осуществляем мысленно; но при этом мысль приближает нас к реальности, недоступной обычному восприятию.

Округлость земли стала для человечества географической истиной лишь после путешествия Магеллана вокруг света.

Копернику поверили до полетов в космическое пространство, где можно теперь воочию увидеть, как Земля вращается вокруг Солнца.

Внутренне-внешнее пространство космоса пока что далеко от человека в областях черных дыр и релятивистских скоро-отей, и все же в нашей повседневной жизни это должно присутствовать как постоянное напоминание человеку его космической роли.

"Тысячеликий, тысячеглазый Пуруша", вмещающий себя небо, звезды и всю вселенную; Андрей Белый, обнимающий себя зодиаком, как мякоть персика объемлет косточку; Велимир Хлебников - "тать небесных прав для человека", отслаивающий Большую Медведицу от подошв сапог-Сергей Есенин, называвший человека "чашей космических обособленностей", где "человек, шествующий по земле, попадает головой в голову своему двойнику, шествующему по небу"; Афанасий Фет, несущий в своей груди "огонь сильней и ярче всей вселенной"; Тютчев, узнающий в звездной бездне "свое наследье родовое", воскликнувший в момент полного внутренне-внешнего проникновения: "все во мне и я во всем", - вот далеко не полный перечень - "парад" людей-планет, увидевших человека полновластным обитателем и даже вместителем всего макро- и микрокосмоса.

Наше отношение к таким художественным прозрениям должно измениться. Здесь фантазия и условность

ведут нас к реальности, хотя и недоступной взгляду, но мысленно очевидной.

Старая истина о том, что человек есть частица космоса, ныне нуждается в пересмотре. Есть механическая часть целого, скажем, деталь машины или обрывок фотографии, а есть часть, зеркально вмещающая все целое, например, осколок голограммы. Это похоже на образ карты у Борхеса:

"Вообразим себе, что какой-то участок земли в Англии идеально выровняли и картограф начертил на нем карту Англии. Его создание совершенно - нет такой детали на английской земле, даже самой мелкой, которая не отражена в карте, здесь повторено все. В этом случае подобная карта должна включать в себя карту карты, которая должна включать в себя карту карты, и так до бесконечности".

Если разорвать фотоснимок, все обрывки будут лишь фрагментами изображения. Если разбить топографический портрет, в каждом осколке останется все изображение, только несколько потускневшее. Человек именно такая топографическая часть космоса. Хотя и в потускневшем виде, но мирозданье отражено в нас все целиком. Космологическое выворачивание восстанавливает яркость изображения. Нас не должно смущать, что глаз не видит человека и космос в перспективе внутренне-внешней. Глаз не видит и многое другое, например, пространство-время, четырехмерную кривизну вселенной. Эйнштейн даже сравнил человека с клопом, ползущим по шару и не подозревающим о шарообразности своего мира:

"Представьте себе совершенно сплюсненного клопа, живущего на поверхности шара. Этот клоп может быть наделен аналитическим умом, может изучать физику и даже писать книги. Его мир будет двумерным. Мысленно или математически он даже сможет понять, что такое третье измерение, но представить себе это измерение наглядно он не сможет. Человек находится точно в таком же положении, как и этот несчастный клоп, с той лишь разницей, что человек трехмерен. Математически человек может вообразить себе четвертое измерение, но представить его человек не может. Для него четвертое измерение существует лишь математически. Разум его не может постичь четырехмерия".

Наша статья, по сути дела, спорит с этим утверждением великого ученого. Человек все же способен "видеть четырехмерие", но для этого нужно творческое усилие. Более того, человек может воспринять все п измерений.

Есть общее свойство зрения и восприятия: при переходе от одного измерения к любому другому осуществляется выворачивание.

Так, одномерной точке для восприятия плоскости нужно вывернуться наизнанку во все стороны.

Таким же образом воображаемое плоское двумерное существо могло бы воспринять объем, вывернувшись сквозь себя наружу в объем.

Вывернуть наружу трехмерный объем мы уже зрительно не можем - не видим, куда выворачивать, где оно, четвертое измерение пространства-времени.

Вот здесь нам и помогла бы ретроспекция выворачивания. В момент выворачивания и точка, и плоскость охватывают не только объем, но и все внешние пространства любых измерений. Таким образом при выворачивании во внешнее Пространство объект охватывает и 4-ю невидимую координату пространства-времени. Что касается других измерений мик-Ромира от 11 до п, их легко охватить внутренним выворачиванием куба и плоскости в точку.

Современная космология знает такую модель частицы-вселенной, вывернутой вовне и внутрь. Она носит название: планкион, максимон, фридмон.

Во внешней перспективе это первоатом - частица, вывернутая во внешнее пространство, это наша расширяющаяся Вселенная от момента взрыва, равная приблизительно 19 миллиардам световых лет назад и до сего времени.

Во внутренней перспективе это наша Вселенная, сжатая до частицы, из которой она возникла.

Так наша Вселенная может во внутренней перспективе быть элементарной частицей другой вселенной, а элементарные частицы нашей Вселенной могут быть внешними проекциями других миров.

Нечто подобное видел своим поэтическим зрением Вели-мир Хлебников:

"Привыкший везде на земле искать небо, я и во вздохе заметил солнце, месяц и землю. В ней малые вдохи как земля кружились кругом большого".

И пусть невеста, не желая

Любить узоры из черных ногтей,

И вычищая пыль из-под зеркального щита

У пальца тонкого и нежного,

Промолвит: солнца, может, кружатся, пылая,

В пыли под ногтем?

Там Сириус и Альдебаран блещут,

И много солнечных миров,

Звук солнц сейчасных, весь неба стан, -

Его мы думой можем трогать.

Получается, что внутренне-внешним выворачиванием мы в состоянии охватить все миры сразу.

Правда, здесь кроется одно "если": если космологическое выворачивание возможно для человека. Это "если" связано со множеством физических условий. Но в целом, теоретически.

"Путешествие в заряженную черную дыру, - пишет Н.С. Кардашев, - эквивалентно машине времени, которая дает возможность покрыть бесконечно большие расстояния за конечные промежутки времени, за малые собственные времена".

Именно это "выворачивание", связанное с полетом, близким к скорости света, мы назовем выворачиванием внешним, или космологическим сингулированием.

Ну а можно ли вывернуться внутрь, так сказать, не сходя с кресла, в сторону микромира?

Назовем это выворачивание сингулированием антропным, ибо здесь человек сам являлся бы универсальной машиной времени. Вероятность положительного ответа на этот вопрос резко возрастает в свете идей В.И. Вернадского.

Во-первых, по В.И. Вернадскому, геометрия живого вещества неевклидова, скорее всего риманова, что сближает ее с геометрией всей вселенной.

Во-вторых, рост ноосферы, возрастание ее роли в мироздании соответственно увеличивает и потенциал, и роль человеческого разума в понимании вселенской жизни. Отсюда объективное и субъективное распространение его роли на все известные уровни реальностей космоса, то есть и на уровни микромира, где пространство может иметь 11, 100 и даже n измерений.

В. И. Вернадский не уточнял, какую роль в ноосфере играет чувство, но из его основных положений ясно, что она отнюдь не второстепенна, со временем человек буквально научится чувствовать и 100 и n измерений, как сейчас он чувствует три.

А. Эйнштейн занимает здесь явно скептическую позицию:

"Я смотрю на картину, но мое воображение не может воссоздать внешность творца, человеческий разум не способен воспринимать четыре измерения. Как он может постичь Бога, для которого тысяча лет и тысяча измерений предстают как одно?"

Сама теория относительности немало способствовала тому, что мы ведем сейчас вполне конкретный разговор о постижении человеком мира четырех и тысячи измерений.

Антропный принцип открывает пока еще неясное соответствие между космологическими постоянными

микромира и максимальными величинами макрокосмоса. На сегодняшний день нет никакой связующей субстанции между ними, кроме живого вещества, которое, как показывают расчеты, было бы невозможно при других величинах, отчего феномен получил свое название - антропный, или антропологический.

"На совпадение больших чисел было предложено смотреть как на уравнение, определяющее некоторый-момент времени в космологической шкале, - границу "эпохи человека".

Но, кроме этого, есть еще и сильный антропный принцип, где утверждается, что "сам факт, существования наблюдателя, факт естественного происхождения, накладывает сильные ограничения на устройство и эволюцию вселенной".

Все это весьма согласуется с идеями В. И. Вернадского считавшего физику и космологию своего времени неполной из-за игнорирования роли живого и мыслящего существа в мировых процессах.

Попытка построить внутренне-внешнюю перспективу, отказавшись от абсолютизации понятий "внутреннее" и "внешнее", возможна лишь при участии мыслящего живого существа. Это неосуществимо без активного гуманитарного освоения космоса.

Возвращаясь к началу статьи, мы должны признать, что образ внутренне-внешнего человека-космоса, созданный Андреем Белым в начале века, сегодня обретает вполне реальные очертания и, возможно, есть наилучшее воплощение в слове того, что ожидает Homo sapiens в будущем, а может быть, и сегодня. Центр ноосферы Вернадского может оказаться не в заоблачной точке W (омега), вынесенной в беспредельные дали космоса Тейяра де Шардена, а здесь, на земле, в человеке, раздвинувшем свой слух и зрение до самых отдаленных границ мироздания.

Вопрос о том, каково устройство Вселенной, в конечном итоге относится к сфере опыта. Однако наше человеческое восприятие пространства-времени не может быть механическим следствием той или иной реальности мира.

Мы, люди, вправе выбирать и творить новые системы отсчета, непохожие на то, что сформировалось в опыте прошлого. Наши мысленные путешествия по экзотическим окраинам "черных дыр" и погружения в туннели микромира нужны здесь для того, чтобы убедить обитателя земли, что образ пространства-времени, сформировавшийся у нас сегодня, отнюдь не является абсолютно достоверным. Природа диктовала свои условия человеку, когда формировала наши слух и зрение. Мы видим мир впереди, но можно представить себе и более совершенное зрение. Можно представить себе зрение идеального глаза, не зависящего от чисто земных условий. Это, к примеру, шесть глаз, расположенных на сфере. Они смотрят вверх-вниз-вправо-влево-вперед-назад и вовнутрь. Невозможно даже мысленно нарисовать мир, отраженный в таком зрении, хотя именно такая перспектива обладала бы максимальной полнотой. Или один глаз, расположенный на "изгибе" ленты Мёбиуса таким образом, что он одновременно смотрит вверх-вниз-вовнутрь-наружу-вперед-назад, вернее, на границе между всеми характеристиками пространства.

К.Э. Циолковский в статье "Животное космоса" обрисовал нам прозрачную сферу, питающуюся солнцем, но он не уточнял, где у сферы находится зрение, как она должна видеть мир.

Исследования В.И. Вернадского вплотную подводят нас к той области, где возникает необходимость создать хотя бы эскизный образ мира, отраженный в глазах идеального разумного обитателя мироздания.

Не будем гадать, как в дальнейшем эволюция поступит с человеком. Скорее всего, он останется таким, как есть, а слух и зрение будут расширяться за счет моделирующих систем, которые мы сейчас создали и создаем. Уже сейчас ясна основная особенность космического зрения, не связанного абсолютизацией земных условий - это относительность и совмещенность всех направлений пространства: верх-низ, правое-левое, впереди-позади и, наконец, наиболее трудно преодолимое и трудно представляемое внутренне-внешнее.

Наше восприятие времени тоже не единственно возможное. Сегодня здесь господствует сложившееся в нашем

сознании трехсоставное время: прошлое-будущее-настоящее. Когда-то Блаженный Августин дал такие характеристики для этих категорий: "Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени - настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего; настоящее прошедшего - это память; настоящее настоящего - это непосредственное созерцание; настоящее будущего - это ожидание".

Мы не согласимся с Августином, что время существует "только в нашей душе", но психологическое совмещение времени с нашим чувством философ увидел точно. Отметим, что современная физика испытывает большие трудности в попытках найти объективный смысл понятий "раньше - позже", как мы убедились ранее, существует чисто теоретическая возможность обратного хода времени в области черных дыр, если таковые действительно существуют.

Однако и в обычном, земном восприятии вполне возможен мысленный эксперимент, расширяющий горизонты нашего восприятия.

Возможно, что абсолютизация направлений времени должна подвергнуться пересмотру. Если в пространстве возможны и реальны области, где "верх-низ", "правое-левое", "внутреннее-внешнее" понятия относительны, то во времени такими же относительными могут оказаться "направления" прошлое-будущее-настоящее.

Можно моделировать необычные для нашего слуха сочетания "прошлое-будущее", или "будущее-настоящее", или "настоящее-прошлое", не говоря уже о возможности совмещения их в одно целое.

Эйнштейн писал своему другу в последние годы жизни, что он давно перестал воспринимать настоящее отдельно от будущего и прошлого, поэтому все прошлое для него существует сейчас вместе с будущим.

В.И. Вернадский призывал нас к более чуткому и внимательному подходу к восприятию времени в пространстве живого вещества. Он считал, что в живом веществе время отражается ярче, чем в косной материи. Вот почему наши чисто субъективные восприятия пространства-времени очень важны для моделирования объективного образа времени.

Заканчивается гигантская, может быть, миллионолетняя эпоха, когда образы пространства и времени сформировала в живом веществе природа. Теперь мыслящее живое существо начинает само моделировать образы пространства-времени, открытого не только природным, но и космическим реальностям мироздания.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИ МАРИИ

У меня в руках замечательный научный труд Крымова "Скифские знаки Причерноморья". Я листаю таблицы, испещренные причудливыми значками, и вдруг вижу что-то очень знакомое. Все они, эти фигурки: "Образ человека, ощупывающего на коленях землю. Опершись на руки и устремив на землю глаза, он как бы читает знаки существа ее".

А вот "знак сидения на коленях": "Поднятые руки рисуют как бы небесный свод, а согнутые колени, на которые он присел, землю".

Эти комментарии к буквам "А" и "Б" взяты мною из статьи Сергея Есенина "Ключи Марии". Статья написана поэтом в 1918 году, а скифским знакам Причерноморья тысячи лет.

У народа есть тайная Голубиная книга. Страницы ее пере, листывает и читает поэт. Переплет этой книги - земля и небо буквы - узоры звезд и трав, сплетения корней и животных в орнаменте. Здесь все сплетено в единый узор: люди, деревья звери, птицы, звезды, луна, солнце - человек и вселенная! Только без этого обязательного союза "и": человек-вселенная. Вот знаки этого единения, отраженные в алфавите. Ижица, Фита Я.

У "есть не что иное, как человек, шагающий по небесному своду. Он идет навстречу идущему от фигуры буквы "Я" (закон движения - круг).

Волнообразная линия в букве "О" означает место, где оба должны встретиться. Человек, идущий по небесному своду, попадает головой в голову человеку, идущему по земле".

"Это есть знак того, что опрокинутость земли сольется с опрокинутостью неба. Пространство будет побеждено, и человечество будет переключаться с земли не только с близкими ему планетами и спутниками, а со всем миром в его необъятности".

"Красный угол, например, в избе есть уподобление заре, потолок - небесному своду, а матица - Млечному Пути". Сам человек есть заставочный образ мира.

"Разбираясь в узорочьях нашей мифологической эпике, мы находим целый ряд указаний на то, что человек есть ни больше, ни меньше, как чаша космических обособленностей".

*У нас помыслы от облах,
Дух от ветра,
Глаза от солнца,
Кровь от Черного моря,
Кости от камней,
Тело от сырой земли.*

Эти слова из Голубиной книги, распеваемые старцами, подтверждают правоту Есенина, видящего в тайной мудрости не только прошлое, но и будущее человека. "Я еду к тебе, в твои лона и пастбища", - говорит наш мужик, запрокидывая голову конька в небо. Есенин видит, "что березки, сидящие в телеге земли, прощаются с нашей старой орбитой, старым воздухом, старыми тучами". Здесь предчувствие громадной психологической революции, которая подарит человеку весь космос, оторвав его от ограниченности земного мышления. Силой по-з-гического воображения Есенин поднимает человека в область невесомости, где он свободно вращается вокруг оси головы. Этот прорыв поистине удивителен, и странно, что до сих пор не был замечен исследователями.

"Нам является лик человека, завершаемый с обоих концов ногами. Ему уже нет пространства, а есть две тверди (то есть два неба - вверху и внизу - космическое пространство. - К. К.). Голова у него уже не верхняя точка, а точка центра, откуда ноги идут как некое излучение".

Удивительная стройность и цельность видения. Две фигуры с одной головой показывают условно сферу вращения в невесомости. Солнечный круг в центре и лунный круг по краям показывают, как "Есенин понимал разделение человека на солнечную и лунную сферу. "Туловище человека не напрасно разделяется на два световых круга, где верхняя часть от пупа подлечит солнечному влиянию, а нижняя лунному. Здесь в мудрый узел завязан ответ значению тяготения человека к пространству, здесь скрываются знаки нашего послания, прочитав грамоту которых мы разгадаем, что в нас, пока колесо нашего мозга движет луна, что мы мыслим в ее пространстве и что в пространство солнца мы начинаем только просовываться".

"Пространство луны" - это область земного неба, то есть околоземные орбиты, ведь Луна вращается вокруг Земли.

Пространство солнца - это галактика в сфере вращения вокруг солнца.

"Лунное колесо" нашего мозга, то есть мышление земными категориями, должно смениться "солнечным" космическим полетом мысли.

"Мы верим, что пахарь пробьет теперь окно не только глазам к Богу, а целым огромным, как шар земной, глазом. Звездная книга для творческих записей теперь открыта снова. Ключ, оброненный старцем в море, выплеснут золотыми волнами".

Поэтический алфавит "Ключей Марии" - это, конечно, творение самого Есенина, но истоки его в глубинах древних Истерий. Вот как гордо шествует в нем буква "Я": "Эта буква Рисует человека, опустившего руки на пуп (знак самопознания),

Шагающего по земле..."

"Через этот мудро занесенный шаг, шаг, который обретение знаков нашей грамоты, мы видим, что человек еще окончательно себя не нашел. Он мудро благословил себя, со скарбом открытых ему сущностей, на вечную дорогу, которая означает движение движение, и только движение вперед".

Достаточно общим взором окинуть буквы древнерусского алфавита, чтобы убедиться в точности есенинского прочтения. Его символика вся устремлена в будущее, но и в прошлом она жива. Вот буква "аз". По Есенину, это человек, ощупывающий землю. Посмотрим, как видит и понимает смысл этой буквы древнерусский художник-книжник. Буква выполнена в виде причудливого зверя симурга,

символизировавшего единство трех царств: небо, земля и царство подземное. Небо - птица, земля - зверь и подземный или подводный мир - змея или рыба. Симург подобно сфинксу сочетает в себе все три начала.

Поэтому зверь крылат. Плавное опущенное крыло закругляет пространство, ибо круг - символ завершенности, космоса. Одновременно буква похожа на человека, гордо стоящего посреди мироздания. Как видим, прочтение Есенина по духу полностью совпадает с ощущением древнерусского автора.

Вот изображение "буки". Здесь опять видим фигуру человека, вплетенную в орнамент деревьев, цветов, трав и

птиц. "Буква "Б", - пишет Есенин, - представляет из себя ощу-пывание этим человеком воздуха. Знак сидения на коленях означает то, что между землей и небом он почувствовал мир пространства. Поднятые руки рисуют как бы небесный свод, а согнутые колени, на которых он присел, землю". Опять полное совпадение с духом и буквой древнерусской символики алфавита.

Буква "веди". Здесь видим птицу, тянущуюся к плодам небесного дерева. Образ этого дерева напоминает нам предание о Голубиной книге. Голубиная, глубинная, голубая, то есть небесная книга, в которой содержатся все тайны мироздания, по народным преданиям, находится на самой вершине дерева и прикована там золотыми цепями. Об этом пишет Есенин в "Ключах Марии". Оно изображено "через шелк и канву" на полотенцах, в нем символ "семьи" как в узком, так и в широком смысле у всех народов". Есенин пишет, что, вытирая свое лицо о холст с изображением дерева, народ вспоминает свое тысячелетнее родство со всеми жившими на земле людьми, "хочет отпечатать на щеках своих-хоть малую ветвь его".

"В" - это, по Есенину, человек, углубленный в себя. "Прочитав сущность земли и почувствовав над нею прикрытое синим сводом пространство, человек протянул руки к своей сущности. Пуп есть узел человеческого существа, человек как-то невольно опустил свои руки на эту завязь и получилась буква "В".

Действительно, "В" ("веди") связана со значением глагола "ведать" - знать. На древнерусской заставке с изображением этой буквы мы видим человека, вплетенного в сложную вязь древесно-животного орнамента. Здесь сам человек как буква в книге всего мироздания, которую он же читает. "

ЗВЕЗДНАЯ КНИГА

Если окинуть взглядом ночное звездное небо, мы окажемся в знакомом нам с детства мире волшебной сказки. Скачет на Пегасе - Сивке-бурке Иван-царевич - месяц, заплетает созвездие Волосы Вероники Дева - Варвара-краса длинная коса, она же Лорелея у немцев и золотоволосая Алтынчеч у тюркских народов; вращается вокруг Полярной звезды-яги - Малая Медведица - избушка на курьих ножках, сияет хрустальный ларец созвездия Цефея - Кошечка. А рядом созвездие Кассиопеи, похожее на перевернутую букву "М" и на латинское "W" (дубль-вэ). Кстати, "Мир" по-русски и "Welt" по-немецки начинается с этого знака (WM). Кассиопея - символ материнства, из ее груди истекает звездное молоко, питающее вселенную. Именно так изображена она на картине Тициана "Сотворение Млечного Пути".

Кассиопея отчетливо видна на небе в образе богородицы Оранты и Параскевы Пятницы. Она похожа на человеческую фи-гуру, распростершую руки в благословении, что отчетливо сохранилось в иконографии. Кроме того, она Рожаница, рожаящая звезды, небо и всю вселенную, и Мать Мира в древнеиндийском пантеоне богов. Н. Рерих изобразил ее в традиционной позе благословения - руки, распростерты вправо и влево.

"Взяла старуха крылышко (месяц в новолуние), по коробу поскребла, по сусеку намела и наскребла муки две горстки". Млечный Путь назывался еще и мучным путем. Из муки Млечного Пути выпечена луна-колобок. Далее луна-колобок катится по кругу зодиака, постепенно убывая. Его пытаются съесть и откусывают по частям. Заяц (Водолей) откусывает первую четверть, волк (Стрелец) третью четверть, медведь (Козерог) половину, лиса (Рыбы) заглатывает колобок весь целиком.

В сказке "Волк и коза" Стрелец-волк в конце декабря заглатывает семерых козлят (семь частей одной, последней фазы луны), но через три дня наступает очередь созвездия Козерога, и Козерог-коза высвобождает своих козлят: в течение семи дней нарождается новый месяц.

Уместно вспомнить, что в Апокалипсисе Христос - семирогий агнец, месяц в последней фазе (умирающий) и

месяц в новолуние (воскресающий).

Это возвращает нас к лунному коду Н.А. Морозова и Эриха Церена. В нашем фольклоре "ягненок кудрявый месяц пасется в голубой траве" (С. Есенин). Кроме того, месяц еще и козленочек с золотыми рожками и серебряными копытцами. Он кличет сестрицу-звезду Аленушку выплыть на бережок. Месяц и звезда (Венера и Сириус) отчетливо видны на зимнем небе. Их сватовство и небесная разлука воспеты во многих обрядовых песнях:

Походил, походил месяц за водою,
Он кликал, он кликал Зарю за собою.

Зарей называли звезду Венеру. Ее полное имя Заря-Заряница красная девица. Именно так зовут невесту Иванушки-месяца в сказке П. Ершова "Конек-горбунок". Превращение Ивана-дурачка в Ивана-царевича выглядит как исчезновение старого месяца и появление молодого.

Котел с кипящим молоком - это ночное небо и Млечный Путь. Иванушка-дурачок - месяц на ущербе. Он должен исчезнуть в глубину ночного неба, чтобы потом появиться в новолуние молодым месяцем. В то же время царь-солнце лишен возможности, прыгнув в котел ночного неба, остаться живым. Млечный котел для него гибель.

Подтверждение этому можно найти в следах конкретной материальной культуры народов древней Сибири. Там чрезвычайно распространены наскальные изображения котлов сибирского типа, а также сами эти котлы, сохранившиеся до наших дней. Нетрудно убедиться, что они символизировали небо: и в сохранившихся котлах, и в рисунках на них справа и слева изображено восходящее и заходящее солнце.

В пользу этой гипотезы свидетельствует и то, что "Конек-горбунок" написан Ершовым по мотивам сибирских сказок, где как раз и распространена "котловая культура".

Соотнесенность образа горбунок с лунной символикой раннего и ущербного месяца подтверждается небесным сватовством Иванушки и в конечном итоге браком с Зарей-Заряницей - звездой Венерой. Заря-Заряница окажется его супругой, нашедшей своего жениха. Если принять такое прочтение, то скачки Иванушки на коньке-горбунке будут выглядеть как шествие месяца по ночному небу.

Платон вспоминает в "Пире" древнее предание о том, что мужчина и женщина когда-то в древности составляли единое совершенное сферичное тело, но Зевс рассек его на две части, и с тех пор две половины безуспешно ищут друг друга, пытаясь соединиться.

Нетрудно узнать здесь две половины луны, как бы рассеченной пополам. Отсюда древний сюжет о влюбленных, которые могут соединиться лишь временно, а затем их разлучает смерть: Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Лейли и Меджнун.

"Встань у окна, затми луну соседством", - обращается Ромео к Джульетте. "Ромео, я так тебя люблю, что готова разорять на тысячи звезд", - говорит Джульетта. Для сегодняшнего, читателя это всего лишь метафоры, изысканные комплименты,

однако для человека, посвященного в тайны лунного кода, за этим скрывается более глубокий, я бы сказал, космогонический смысл любви.

Таинственный обоюдоострый меч между Изольдой и Тристаном, разъединяющий их на ложе, - это отдаленное воспоминание о либрисе - двустороннем топоре Зевса, которым он рассек единое тело. На зимнем небе это выглядит так:

Месяц - Тристан, Сириус - Изольда, двусторонний топор Зевса (или обоюдоострый меч) - созвездие Ориона.

Кстати, таким невесть откуда взявшимся огромным топором китайский космический человек Паньгу разрубил изнутри яйцо-вселенную, и образовались небо и земля.

Так, увлекшись двоичным, или бинарным, лунным кодом Н.А. Морозова и Э. Церёна, я расшифровал

астрономическую символику многих литературных сюжетов.

Однако вскоре пришлось вспомнить, что, кроме луны, планет и звезд, есть еще и созвездия.

Одни и те же сюжеты могут передаваться четырьмя кодами:

солнечно-лунным;

лунным (луна и месяц);

лунно-звездным (месяц и звезда);

звездным (ходом созвездий).

Объединив все четыре кода, я пришел к выводу о существовании некоего единого кода в древней фольклорно-мифологической и религиозной символике. Это единство я обозначил термином "метакод".

Поначалу было дано такое определение: метакод - это устоявшаяся система астрономической символики, общая для разных ареалов культур. В конце книги читатель убедится, насколько расширится это понятие в дальнейшем.

Все архаичные слои культуры буквально пронизаны мета-кодом. В этом смысле фольклор, существовавший до письменности, все-таки имел свою "письменность". Это "огненные письмена" ночного неба.

В зале древнерусской живописи Третьяковской галереи можно увидеть воочию, как выглядит эта книга. На иконе изображен развернутый свиток неба.

На нем луна, звезды, солнце. Это и есть та книга, которую должен был съесть Иоанн, автор Апокалипсиса, чтобы небесные знания стали его нутром. Сегодняшнему читателю не очень понятно, как можно съесть книгу; но если вспомнить, что писалась она на телячьей коже, мы поймем, что метафора Апокалипсиса имеет основу вполне реальную.

Там говорится, что в последние времена небо свернется, как свиток, и исчезнут звезды, луна и солнце. А спустя полтысячелетия тот же образ возникнет в Коране, пронизанном реминисценциями из Библии. Магомет с гневом говорит о лишенных воображения людях, которые, увидев небо, свернувшееся в свиток, скажут: "Это всего лишь облака".

В X веке поэт Низами в поэме "Сокровищница тайн" расскажет о звездном происхождении арабского алфавита. Согласно мусульманской традиции, считалось, что в небе огненными буквами начертано имя Аллаха.

"Алиф", только был он на первой начертан скрижали, Сел у двери, ее же пять букв на запоре держали. Дал он петельке "ха" управленье уделом большим, Стали "алифу" - "даль" ожерельем и поясом "мим". И от "мима" и "даля" обрел он над миром главенство, Власти царственный круг и прямую черту совершенства. Осеняемый сводом из сих голубых изразцов, Благонным он был померанцем эдемских садов В ухе мира висит его "мима" золотое кольцо, И покорно Мухаммеда мира двойное кольцо.

Из этого текста ясно, что месяц был в арабском алфавите буквой "мим". Судя по всему, все другие пять букв есть тоже символическое изображение разных состояний луны. Поскольку арабская традиция опирается на библейскую, сразу возникла мысль сопоставить все стадии фаз луны с древнееврейским алфавитом, ведь в нем ровно двадцать восемь букв. Каждая фаза луны по семь дней, в месяце четыре недели: всего двадцать восемь.

Древнерусская азбука, созданная Кириллом и Мефодием, Уходит корнями к тем же истокам.

Я решил сопоставить нынешний русский алфавит с фазами луны, и вот что получилось:

**Новолуние: А Б В Г Д Е Ж
З И К Л М Н О (O)
П Р С Т У Ф Х
Ц Ч Ш Щ Э Ю Я'**

Поразительны совпадения: "O" действительно похоже на полную круглую луну, а "C" совпадает по начертанию с лунной на ущербе. Это дает некоторые основания для предположения, что каждой букве древних алфавитов соответствовали определенные очертания луны в течение месяца: двадцать восемь букв и двадцать восемь дней.

Кроме лунного кода есть еще дублирующий его код звездный. Вполне вероятно, что двенадцати знакам зодиака должны соответствовать двенадцать начальных букв.

Начальная буква древнегреческого алфавита "альфа" по целому ряду наблюдений похожа на запряженного вола, то есть на созвездие Тельца. В таком случае последняя буква "омега" должна быть замыкающим знаком зодиака - Овном. По очертанию Овен действительно похож на букву "омега".

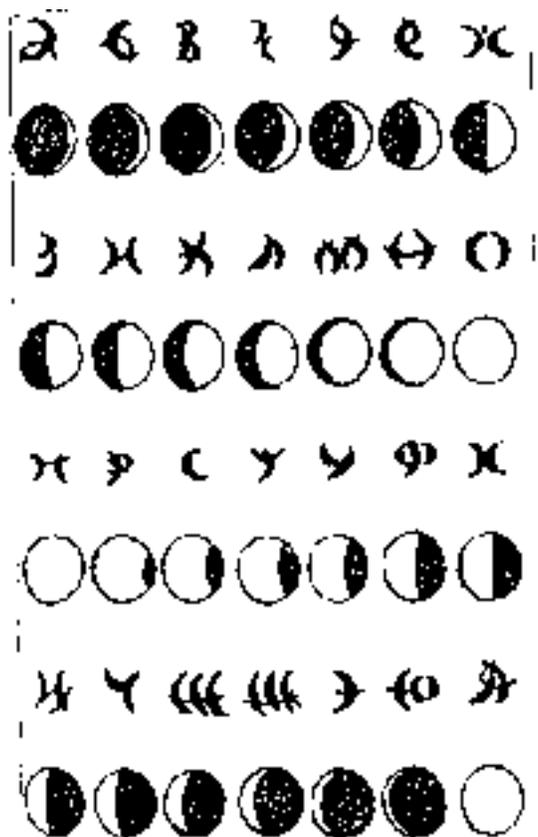
Итак, "альфа" и "омега", которые видит на небе автор Апокалипсиса, - это расположенные рядом созвездия Тельца и Овна. Причем в сознании ранних христиан Телец был символом Ветхого Завета, а Овен олицетворял собою Новый Завет - Христа. Они знаменовали собой как бы замкнутый круг времен.

"Я есть альфа и омега", - говорит Бог автору Апокалипсиса, то есть начало и конец, первая и последняя буквы алфавита. Действие Апокалипсиса разворачивается на небе. Для Иоанна, как и для его библейского предшественника пророка Даниила, небо как раз и есть развернутый свиток, где огненными письменами созвездий пишется вся история мироздания.

Сохранилось древнее предание о мудреце-книжнике Акибе. Когда римские солдаты сжигали его на костре, завернув в свиток, учитель обратился к ученикам с вопросом: "Что вы видите?" - "Свиток сгорает, а буквы улетают на небо", - отвечали ученики.

Человек - это свернутый свиток неба. Буквы, сияющие над головой, - созвездия-письмена.

Наши отечественные предания о небесной Голубиной книге, где написана вся правда мира и все судьбы людей, восходит к той же древней традиции.

Высказывались предположения, что само название "Голубиная книга" связано с древнебиблейским названием свернутого свитка - тора. Корень "тор" семантически связан с названием голубя "турман" и с обозначением небесного - "турмалинового" цвета. В таком случае название "Голубиная книга" есть калька со слова "тора", а тора обозначает то же самое - небесная книга.

Не будем гадать, верна ли эта этимология. Важно, что древние культуры, отстоящие друг от друга на тысячелетия, хранят память о звездной книге.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

ЧАША ГРААЛЯ

Она сияет и светится от крови Христа, которую собрал в нее Иосиф Аримафейский.

Ослепительное сияние чаши Грааля чем-то похоже на свет, исходящий от зеркала Искандера в поэме Навои "Фар-хад и Ширин".

В сокровищнице своего отца Фархад находит хрустальный ларец.

Как это чудо создала земля!

Был дивный ларчик весь из хрусталя,

Непостижим он, необыден был,

Внутри какой-то образ виден был,

Неясен, смутен, словно бы далек -

Непостижимой прелестью он влек.

В ларце оказалось магическое зеркало с надписью:

"Вот зеркало, что отражает мир:

Оно зенит покажет и надир".

Магическое зеркало! - Оно, -

Столетиями в хрусталь заключено.

Нет! Словно солнце в сундуке небес,

Хранилось это зеркало чудес.

Чтобы увидеть что-либо в этом зеркале, Фархаду надо было проделать путешествие в Армению, на другой конец света, где хранилась вторая часть сияющей чаши. Убив дракона и властителя тьмы Ахримана (в русской сказке дракон - змий, а Ахриман, властитель тьмы, - Кощей), проникнув в середину замка, Фархад находит вторую половину магического зеркала Искандера:

*Был в середине замка небольшой,
От прочих обособленный покой.
Он вокруг себя сиянье излучал,
Загадочностью душу обольщал.
Фархад вошел. Предчувствием влеком,
Увидел солнце он под потолком, -
Нет, это лучезарная была
Самосветящаяся пиала!
Не пиала, а зеркало чудес, -
Всевидящее око, дар небес!
Весь мир в многообразии своем,
Все тайны тайн отображались в нем;
События, дела и люди - все
И то, что было, и что будет, все.
С поверхности был виден пуп земной,
Внутри вращались сферы до одной.*

Метакод - это и есть такое магическое зеркало Искандера, чаша Джемшид, хрустальный ларец Кощея, магический кристалл и волшебное зеркало.

Две разорванные полусферы зеркала Искандера в целом опять же составляют чашу.

Здесь я должен сказать об одном удивительном совпадении (если это действительно только совпадение). В теории относительности Эйнштейна есть знаменитый световой конус мировых событий. Он поразительным образом напоминает очертания чаши света и четырех чаш Будды, как бы разложенных по кругу.

В верхней части конуса находится "прошлое", в нижней - "будущее". Горловина чаши - нуль времени. Так выглядит мир, если мчаться со скоростью света. Чем-то это напоминает хрустальную гору света из сказки "Хрустальная гора".

Хрустальный ларец Фархада, отнятый у Ахримана, похож на ларец Кощея, а смерть Кощея, таящаяся как некий генетический код в игле, все же дает право на фантастические гипотезы о какой-то реальной тайне, закодированной в архаичных слоях культуры разных народов.

Взять хотя бы таинственный спуск в подземелье или в колодец, предшествующий возвышению героя во множестве мифов и преданий от библейского Иосифа до русского Иванушки.

Вот как это происходит у Низами в поэме "Сокровищница тайн":

*В подземелье меня окружила мгла,
Но любовь меня за руку взяла.
В дверь ударил я во тьме глухой,
И спросили: "Кто входит здесь в час такой?"
Сорвала завесу с меня любовь,
И упал с души телесный покров!
Предо мною чертог. Не чертог, о нет!
Предо мною сияние всех планет
Небосвод перед этим царством мал,
Я глядел. Предо мною и прах блистал.
Семь халифов со мною в зданье одном.
Это семь планет и одновременно сердце, печень, легкие, желчный пузырь, желудок,*

кишечник, почки,

Первый - это полудня, движения царь.

Стран дыханья, живого стремленья царь. (Сердце)

Красный всадник - витязь учтивый второй. (Легкие)

Третий скрыт под яхонтовой кабой. (Печень)

Дальше - горький юноша-следопыт. (Желчь)

Пятый - черный, что едим отстоем сыт. (Желудок)

Словно жирный ловчий, халиф шестой

Сел в засаду и мечет аркан витой. (Кишечник)

А седьмой - с телом бронзовым боец,

Весь в броне из серебряных колец. (Почки)

Но все всадники, оказываются мошками вокруг свечи - сердца.

Были мошками все. Быть свечой только сердцу дано.

Все рассеяны были, но собранным было оно.

Это сердце-солнце оказывается как бы точкой соприкосновения нутра и неба. Здесь, поднимаясь ввысь, окажешься внизу, опускаясь вниз, окажешься на вершине; погружаясь во тьму, выйдешь к свету; проникая в узкое пространство, войдешь в бесконечность.

Таково, в частности, пространство "Божественной Комедии" Данте.

Все необычные свойства такого мира отчетливо видны и в русской сказке.

Узкое пространство дупла или колодца по своему местонахождению соответствует горловине хрустальной чаши.

В той же "Сокровищнице тайн" Низами есть глава "О вознесении пророка", где вознесение на небо сравнивается со спуском в колодец библейского Иосифа.

Этот спуск-восхождение весьма знаменателен, поскольку дает возможность проследить за звездами путем героя, подробно представить весь небесный маршрут.

Поначалу речь идет об оставленном внизу скакуне. Это созвездие Пегаса - русский Сивка-бурка.

Скакуна с его стойлом высоким внизу он оставил,

О попоне заботу оставшимся здесь предоставил.

Затем начинается описание зодиака, в котором отсутствует лишь одно созвездие - Овен. Почему? Только потому, что Овен есть сам Магомет, так же как в Апокалипсисе это созвездие - сам Христос. Ему отведена столь высокая роль за то, что в нем находится точка весеннего равноденствия.

Как мы уже знаем, рядом с ОВНОМ - альфой - находится Телец - омега. Именно таков порядок восхождения пророка в поэме Низами.

Ночью темной, как амбра, жемчужину неба ночного

Бык небесный похитил, изъяв из ноздри у земного.

(Телец)

И когда наступил путешествию длинный конец,

Близнецы ему дали свой пояс и Рак свой венец.

(Рак и созвездие Coronы)

Неба колос расцвел при одном появленьи пророка,

Этот колос, расцветший от Льва, он отбросил далеко.

(С колосом в руках изображалось созвездие Девы)

*Чтоб измерить, насколько той ночи цена велика,
На Весах ее вес проверяла Венеры Рука.*

*И пока пронесился пророк меж сияющих звезд,
Чашу противоядья излил Скорпиону на хвост.
(Упоминается созвездие Чаши вблизи Скорпиона)
Вдаль метнул он стрелу, где его проходила дорога,
(Созвездие Стрельца)
Ею был уничтожен губительный вред Козерога.*

*Стал Иосифом в кладезе, солнцу подобно, пророк,
Стал Ионою Рыб, ибо кладезь от них недалек.*

Финал особенно важен, он прямо указывает место колодца - созвездие Водолея. Вероятно, сама форма Водолея напоминает сооружение типа колодезного журавля, спускающее Овна вниз, к водяным созвездиям Кита и реки Эридан. Почему именно здесь происходят эти события?

При переходе солнца от Рыб к Овну день начинает прибывать и становится длиннее ночи. Но при этом в жертву приносится агнец - Овен: он исчезает из поля зрения, чтобы вернуться на небо через сорок дней. Здесь же поблизости находится созвездие Кита, заглотившего библейского Иону на сорок дней. Значит, библейский Иосиф и пророк Иона, заглоченный китом, есть не что иное, как созвездие Овна. В это же весеннее время происходит вознесение Магомета на небо и погребение Христа.

Овен - русский Садко, ныряющий на дно океана, и Синдбад-мореход, проглоченный большой рыбой, а позднее барон Мюнхгаузен во чреве все того же кита.

В сказке П. Ершова Овен - Иван, только встречается с китом в своих странствиях по небу, но это уже следы литературной обработки сюжета.

Итак, на небе в Созвездии Водолея находится горловина чаши, спуск в небесный колодец, ведущий ввысь. Это трещина в хрустальной горе небес, куда можно проникнуть, уменьшившись до размера муравья. Иногда "узкое пространство" - это тропа в лесу, лабиринт, проход между скалами, или переправа по хлипкому мосту, или даже коровье ушко. Для Одиссея - это проход между скалами. Для Данте в "Божественной Комедии" - лес: "Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу..."

Через узкую горловину предстоит пройти будущей счастливой невесте - падчерице, сиротке. Ее чаще всего спускают в колодец, но с ней обычно происходит то же, что произошло с библейским Иосифом Прекрасным. Брошенный в колодец в рубище, он в конечном итоге оказывается на вершине славы и богатства. Предание об Иосифе интересно еще и тем, что в нем сохраняется изначальная звездная символика, забытая и утерянная во многих более поздних сюжетах. Иосиф видит сон о том, как "солнце, луна и одиннадцать звезд поклоняются ему". Близкие мгновенно истолковывают этот сон по правилам звездного кода: "И побранил его отец, и сказал ему:

"Что это за сон, который ты видел? Неужели я, и твоя мать, и твои братья поклонимся тебе до земли?" Библия ничем не обосновывает такое истолкование сна Иосифа, но мы помним, что кодовая основа едина в фольклорных системах разных народов, и могли бы сами истолковать этот сон. Ведь и в русском фольклоре солнце - мать, месяц - отец, звезды - дети.

Еще отчетливее видна звездная основа сюжета о спуске в Колодец в киргизской сказке "Сын раба и птица Зымырык". Здесь путешествию героя за своей небесной невестой предшествует творение вселенной из человека.

"Мне снилось, будто из головы моей вышло солнце, из Ног выплыла серебряная луна. Потом раскрылась моя грудь, и оттуда посыпались алмазные звезды".

В сказке "Вещий сон" старшему сыну приснилось: "Будто брат Иван высоко летал по поднебесью на двенадцати орлах;

Да еще будто пропала любимая овца". Как видим, и здесь со-

храняется вся небесная символика: двенадцать орлов - двенадцать знаков зодиака и овца (созвездие Овна), символизирующая младшего сына, который по законам метакода должен пропасть.

Это дает возможность расшифровать звездную природу младшего брата. Овен - Иван, младший сын. Позднее, как мы теперь знаем, он стал символом пасхальной весенней жертвы - агнца, Христа. Древние ассирийцы видели в нем умирающего и воскресающего Таммуза, египтяне связывали его с птицей Бену, сжигающей себя в огне раз в тысячелетие и возрождающейся снова. Греки называли ее птицей феникс. Отсюда ясно, что жар-птица русского фольклора и злоключения младшего сына Ивана, связанные с ней, отнюдь не случайны.

Иванушка должен попасть в темницу или в колодец, как и его прообраз - младший сын Иосиф в библейских сказаниях.

У спуска в колодец, над которым сияет созвездие Ориона, видим мы Иосифа в романе Томаса Манна "Иосиф и его братья". На свои злоключения в колодце жалуется и древнеиндийский Трита (буквально "третий"), заметим, что Иван не только младший, но и третий сын.

Намек на звездную природу героя сохранен в сказке "Иван-ковш". Созвездие Овна действительно похоже на ковшик:

Спуск в колодец, в подземелье - это вход в роскошный звездный дворец, усыпанный драгоценными камнями. Так древние представляли "подземное небо" за горизонтом. Иногда в подземелье находятся три царства: медное, серебряное, золотое; их можно забрать с собой, скатав яйцо (солнце) или завернуть в платок (Плеяды), как это делает Иван-ковш.

Не менее интересен спуск в колодец звездной невесты. Падчерица спускается туда за утерянным золотым веретенцем - месяцем. Попав туда замарашкой, она возвращается "вся в золоте". Это Венера утренняя, исчезающая на востоке в золоте восхода. Иначе выглядит уход под землю старшей дочери - Венеры западной. Она возвращается из колодца "вся в дегте", так как появляется вечером, в ночном небе.

У народов Океании ампула лентяйки принадлежит, наоборот, утренней звезде по имени Манди, которая была "очень красивой девушкой, но совсем не хотела работать". Вечерняя звезда Охом была "самой прилежной из женщин".

Мужчины похитили красивую Манди, чтобы принести в жертву на культовом празднике, но ей удалось бежать: "Рано утром она поднялась на небо и превратилась в красивую звезду; и теперь каждое утро ее можно там видеть.

А прилежная Охом тоже стала звездой. Правда, по утрам у нее нет свободного времени, как у лентяйки Манди: Охом весь день трудится. Но как только стемнеет, она появляется на небе. Первая звезда это и есть Охом". Во многих сказках слышен один и тот же намек на особую космическую миссию человека. Ему предстоит дальний путь через подземелье и тьму к звездному космическому свету, к вершине хрустальной горы, где сокрыта чаша.

В этом контексте особенно интересны сказки, где звездные имена героев обозначены прямо, как, например, в сказке о царевне Звезде и ее сестре Луне.

У царя и царицы родились "дети: сестры Звезда и Луна и брат. Вскоре Звезду и Луну похищает Вихрь, он же Змей. Брат отправляется на поиски и после многих приключений возвращается победителем. Он уничтожил злодея и вернул похищенных сестер, Звезду и Луну.

В древнегреческой мифологии эту роль Ивана-царевича выполняет Персей, спасая Андромеду.

Сравним путь Персея и путь Ивана-царевича.

Персей встречает на своем пути волшебниц, они отдают ему три дара: рог Оберона, шлем-невидимку и сандалии с крыльями. Иван-царевич гонится за лешими, и они отдают ему скатерть-самобранку, сапоги-скороходы и шапку-невидимку. Надо ли говорить о функциональном тождестве шапки и шлема, сапог и сандалий, рога изобилия и скатерти-самобранки.

Есть основания предположить, что звездный облик Ивана-царевича в данном случае таков же, как и звездный облик Персея. Созвездие Персея по форме напоминает букву "Л", повернутую в другую сторону, - это богатырь с опущенной палицей. Персей спасает Андромеду, неотделимую от созвездия Пегаса. Заходя за горизонт, Пегас увлекает за собой и Андромеду. В данной сказке Пегас - это великий Вихрь. Конь-вихрь известен во многих сказаниях. Днем он настолько бел, что не-йидим, а ночью его очертания выступают ясно. Предание о белом коне, крылатом коне пронизывает весь мировой фольклор. У нас это Сивка-бурка, вещая каурка.

Вот как выглядит похищение сестры Луны. Она исчезает из поля зрения, как поздний месяц, пройдя все четыре фазы чтобы через три дня появиться на небе, "обернувшись" ранним месяцем.

Далее путь царевича идет в хоромы сестры Луны, которую сторожит медведь-оборотень. Тут само имя указывает на Большую Медведицу. Ударившись о землю, оборотень становится молодцем. Возможно, это положение Большой Медведицы, ударившейся о землю, - как бы соприкоснувшейся с горизонтом.

Следующая встреча Ивана-царевича уже с Вихрем в хоромы похищенной сестры Звезды. Здесь происходит знаменитая битва богатыря с чудисцем "на Калиновом мосту". Если предположить, что "Калинов мост" - это Млечный Путь, а Вихрь о двенадцати головах - это двенадцать звезд созвездия Пегаса, то останутся нерасшифрованными три момента: что за "палаты белокаменные" ожидают Ивана на другой стороне моста, какие "семь дев" берут его за руки и ведут к невесте-царице и кто эта царица-невеста?

Карта звездного неба подсказывает, что "палаты белокаменные" могут означать летне-осенний треугольник на другом конце Млечного Пути ("Калинова моста"). Семь дев-купальщиц - это весьма распространенное наименование Плеяд, или Стожар. А вот царевна-невеста - это созвездие Девы, ибо и в греческой мифологии - она чаще всего невеста, о чем свидетельствует само ее название.

Нетрудно догадаться, что во всех сказках, где подразумеваются персонажи-созвездия, женские роли будут распределены между Девой, Андромедой и Кассиопеей. Что же касается главных мужских ролей, то они отданы чаще всего пяти созвездиям - Персею, Ориону, Геркулесу, Возничему, Стрельцу. Орион господствует в зимнем небе. Почти все с легкостью находят три звезды, именуемые "Пояс Ориона". Орион часто выступает в мировом эпосе в роли хромого великана, в тех же случаях, когда созвездие не воспринимается целиком, большую роль играет его Пояс из трех звезд. Это могут быть три брата, три волшебных дара, три волхва, три косаря. В сказке о царевне-звезде эти волхвы упоминаются: к ним обращается царь Ахридей с просьбой сообщить, куда унес Вихрь его дочерей, упоминаются и три волшебных предмета.

Если данная расшифровка верна, то мы можем раскрыть "рездное инкогнито почти всех персонажей этой сказки:

Иван-царевич - Персей,

сестра Звезда - Сириус,

Вихрь - Пегас,

сестра Луна - Луна,

два леших - Близнецы,

три волхва - Пояс Ориона,

Избушка на курьих ножках - Малая Медведица, вращающаяся вокруг оси Полярной

*звезды,
Баба-яга - Кассиопея,
Медведь-оборотень - Большая Медведица,
Калинов мост - Млечный Путь,
Палаты белокаменные - осенне-зимний треугольник,
Девы-купальщицы - Плеяды,
Царевна-невеста - Дева.*

Отождествив с большой долей уверенности Ивана-царевича с Персеем, купальщиц с Плеядами, двух леших с Близнецами (здесь на нашей стороне античная мифология, совпадение функций героев и прямое наименование их в астрономии), я не могу с той же уверенностью утверждать, что и остальные персонажи расшифрованы точно.

Итак, мы видим, что в одних сказках Иван - Овен, а в других - Персей. Одно амплуа отдано разным созвездиям. А есть еще Иван - Месяц, Иван - Солнце. Роли созвездий планет и звезд в сказке разные, но сами "актеры" бессмертны. Одно созвездие у разных народов играет разные роли, но у него должно быть, как и у живого актера, сравнительно устойчивое амплуа. Во всех случаях Андромеда "похищается" Пегасом, ибо Пегас уходит за горизонт, как бы увлекая ее за собой. Но похищенная невеста может быть и Людмилой Пушкина, и Еленой Прекрасной на сером волке, и тонущей сестрицей Аленушкой с камнем на шее. Выручать сестру или невесту поедет Персей, Руслан, Иван-царевич, братец Иванушка - словом, созвездие Персея, устремившееся за Андромедой.

Как и в обычном, земном театре, роли могут распределяться весьма произвольно. Но все же режиссер вынужден считаться с тем или иным амплуа актера, с его реальными данными и возможностями. Так, в небесном театре наблюдается при всем разнообразии устойчивости, можно даже сказать - консерватизм ролей. Скажем, созвездие Близнецов может быть Ремом и Рому-лом, или Кастором и Полуксом, или двумя братьями, двумя лешими, просто близнецами. Естественно, что, встретив в сказке подобных персонажей вблизи Луны или Звезды, мы вправе предположить, что это и есть созвездие Близнецов. Сцена погони Ивана (месяца) за двумя братьями ("Конек-горбунок") или встреча Ивана-царевича (Персея) с двумя лешими ("Царевна-звезда") астрономически выглядит одинаково: зодиакальное созвездие Близнецов приближает к Персею. Сцена эта повторяется в Северном полушарии ежегодно на протяжении всей истории человечества. Не приходится удивляться устойчивости данного фольклорного сюжета у многих народов, живущих в Северном полушарии. Три брата, где двое побеждены младшим, есть у скифов, китайцев, башкир, индусов, иранцев, русских. Возможно, здесь приоткрывается тайна так называемых бродячих сюжетов. Общность и устойчивость фольклорных ситуаций обусловлена отчасти общностью и устойчивостью подвижного рисунка звездного неба, где каждый год перед глазами разных народов проигрываются одни и те же события.

Величественна и многозначна эстетика звездного театра. Днем на небе только два героя - солнце и облака. Их сказочная роль в русском фольклоре подробно рассмотрена Афанасьевым еще в XIX веке, но наступает ночь, на небесной сцене появляются другие актеры - звезды, планеты, созвездия. О них почему-то фольклористика хранила молчание, хотя сказки переполнены звездами.

Звездное фольклорное действие длится весь год. Картина основательно меняется два раза: весенне-летнее небо и осенне-зимнее. Есть герои, которые на сцене всегда. Это Большая и Малая Медведицы, Полярная звезда. Остальные приходят и уходят. Условный центр сцены - неподвижная точка неба - Полярная звезда, звезда Коло. Вокруг нее вращаются все звезды и все созвездия. Это хоровод, корогод, коло - танец по кругу.

Ковш Малой Медведицы упирается "ручкой" в Полярную звезду, вращается вокруг нее, как конь на привязи. Семь звезд ковша Малой Медведицы вполне можно отождествить с семьей Агафонами, которые поехали из родной деревни посмотреть мир. Вечером выпрягли лошадь, а телегу поставили оглоблями в ту сторону, куда ехать. Но какой-то шутник повернул оглобли обратно. Утром едут Агафоны и удивляются: чужая сторона в точности как родная. Их телега, как ковш Медведицы, в буквальном смысле возвращается на круги своя". Малая Медведица может быть также "чудо-меленкой", ме-дюшей звездное зерно. Она все время вращается вокруг оси Полярной звезды.

Не исключено, что два излюбленных сказочных героя волк и лиса - это Большая и Малая Медведицы. Хвост волка, опущенный в прорубь, похож на ручку ковша Большой Медведицы, наклоненную к горизонту. В других сюжетах эта звездная пара может хранить воспоминание о своем "медвежьем" происхождении. Например, медведь и коза. Медведь - Большая Медведица, коза - Малая. Коза тоже ходит, привязанная к колышку, по кругу, а за ней гоняется медведь. Большая Медведица никогда не догонит Малую. В пользу такого предположения говорит обычай ношения звезды на шесте в народных действиях о козе и медведе. Обычно эту звезду называют Вифлеемской, хотя само действие восходит к временам дохристианским. Во многих фольклорных играх эта звезда устанавливается на шесте в центре действия, как Полярная.

Схожесть форм Большой и Малой Медведиц могла породить сюжет о двух неразлучных друзьях (Фома большой да Фома меньшей), где один слабый (Малая Медведица), а другой сильный (Большая Медведица): волк и лиса, лиса и медведь, лиса и заяц.

В жизни земледельца и охотника звездное небо играло громадную роль. Это и ориентир в пространстве, и календарь (от часов до дней), это и величественное эстетическое зрелище. Заселяя небо героями сказок, фольклорный автор должен был считаться с теми или иными астрономическими реалиями. Небо влияло на сказочное воображение всей своей звездной структурой. Эта сцена в известной мере диктовала и сам сценарий. Можно приказать актеру двигаться в том или ином направлении, но созвездиям этого не прикажешь, у них той "астрономический" режиссер. Сказочное небо очень похоже на дисплей, где можно

записать любую информацию.

У дисплея небес есть своя "программа", которая как бы обучала сказочника правилам астрономии. Все созвездия стали героями, но, конечно, не все герои могли стать созвездиями, у сказочного узора множество степеней свободы, он, конечно может выходить за пределы звездной канвы, но в определенных пределах.

Уходя в воображении в тридевятое царство трудно миновать небо.

Попытаемся выявить звездный код в чистом виде, независимо от того или иного сюжета сказки.

Можно заранее предсказать, что в нем столько букв и иероглифов, сколько созвездий различимо невооруженным глазом. Их не так много: Большая и Малая Медведицы, Цефей, Кассиопея, Орион, Близнецы, Пегас, Андромеда, Лебедь, Плеяды, Телец, Дева, Весы, Скорпион, Змееносец, Лев, Водолей, Рыбы, Стрелец, Овен, Рак. Даже этот перечень, не выходящий за пределы двадцати наименований, слишком велик.

Исследователи древней русской астрономии утверждают, что далеко не все зодиакальные созвездия были известны в древности. Только пять: Близнецы, Телец, Стрелец, Водолей, Дева. Добавим к ним семь наиболее различных незодиакальных созвездий: Большая и Малая Медведицы, Цефей, Кассиопея, Персей, Андромеда, Пегас, Орион, Плеяды.

Около двадцати звездных персонажей участвуют в небесных действиях. Добавим сюда наиболее известные звезды и планеты: Сириус, Венера, Марс, Сатурн, Луна, Солнце. Вот и все знаки звездного кода. Где-то в пределах современного алфавита, около тридцати.

Это вполне сопоставимо с количеством сказочных персонажей: царь с царицей, старик со старухой, Иванушка, два брата, мачеха, падчерица, семеро (Агафонов, Симеонов, братьев), три сестры, дочь и падчерица, Сивка-бурка, конек-горбунок, Василиса премудрая, Елена Прекрасная, царевна-лягушка, Буренушка (или Пеструшка), волк, медведь; заяц, лиса, коза, лягушка-квакушка - словом, тоже около тридцати основных персонажей.

Если учесть, что разные имена носят герои, выполняющие одну роль, скажем, Елена Премудрая и Василиса Прекрасная, то возникает необходимость некоторого естественного отбора.

Как правило, в сюжете сказки участвуют около десяти созвездий. Два незаходящих (Большая и Малая Медведицы) и около пяти наиболее различимых на нашем небе. Теперь, когда примерный состав сказочной труппы определился, время внимательным взором окинуть сцену, или художественное пространство неба. Действующие лица уходят "за кулисы" горизонта, либо просто исчезают из поля зрения в лучах восходящего солнца. Через всю сцену проходит подвижная, как бы вращаемая, светящаяся граница Млечного Пути. Не исключено, что она делит мир на два царства - "этого" и "того" света. Во всяком случае, в народной этимологии Млечный Путь - это и молочная река с темными кисельными берегами, и хрустальный мост из одного царства в другое, и соломенная дорога, и Батыев тракт, и птичья дорога мертвых.

Если рассматривать небо вертикально, то Млечный Путь - это железный столб или дерево от земли до неба. В других сказках небо - хрустальная гора с Полярной звездой на вершине. При вертикальном построении небо может быть также темным царством Кощея, уходящим ввысь причудливым замком, который рушится в лучах солнца. Кощей, стерегущий Полярную звезду-царевну, по-видимому, Цефей. В тех же случаях, когда речь идет о змее о двенадцати головах, на роль змея может претендовать Большая Медведица. В таком случае ее следует рассматривать не как ковш, а как изогнутое тело змеи. Головы - основные звезды созвездия. Если же речь идет о богатыре огромного роста, сражающемся со змеем, то на эту роль может претендовать зимний Орион, заполняющий собою чуть ли не половину видимого неба. Меч-кладенец Ориона из трех звезд всю зиму полыхает на небе.

Часто сохраняется функциональная роль созвездий у разных народов одного полушария. Если у древних греков созвездие именуется Телец, очень мала вероятность, что в русском фольклоре у Тельца нет такой же или аналогичной роли. Пегас может стать Сивкой-буркой или даже волком, но его главная Роль быстро

скачущего зверя, уносящего на себе красную девицу (Андромеду), как правило, неизменна.

Семантика созвездий в сказках многозначная. Плеяды - это еще и купающиеся семь девушек, и куриное лукошко, и костер, и горящая Купина (куст), и Стожары (горящий стог), и Волосы, возможно, сыны Велес - этимология Афанасия Никитина). Правда, при всех различиях ощутимо некоторое единство: стог, куст, костер - нечто горящее посреди небесного поля.

Писатели часто "вспоминают" фольклорный астрономический код. Альфонс Доде в рассказе "Звезды" устами пастуха повествует о провансальских звездных феериях. Большая Медведица - это повозка, Плеяды - гнездо насадки, Пояс Ориона назван Три святителя, а Млечный Путь именуется дорогой святого Иакова. Все эти наименования звезд есть и в русском фольклоре.

Итак, мы можем назвать несколько источников расшифровки звездных сюжетов сказок: фольклорная астрономия (кстати, мало изученная), открытие наименований звезд и созвездий, сохранившихся в сказках (царевна-звезда, сестра Луна), аналогичные звездные сюжеты у других народов и, наконец, сама астрономическая картина неба, структурно совпадающая с тем или иным "звездным" сюжетом.

Следует указать еще один метод при расшифровке звездного кода, можно назвать его условно "метод подсказки". Очень часто светящиеся, сияющие предметы можно видеть на небе. Например, перо жар-птицы, похищенное Иваном, вполне может оказаться созвездием Плеяд. Хрустальный ларец очень похож на незаходящее созвездие Цефей-Кощей, а у Кощей есть хрустальный ларец. Если же вспомнить, что ларец находится на вершине дерева, а деревом чаще всего именуют Млечный Путь, то предположение обретает значительную весомость. В таком случае крушение царства Кощей - оборот Млечного Пути, падение дерева, переход его в горизонтальное положение и, наконец, падение ларца Цефея длится довольно значительный промежуток времени, а именно - один месяц. За это время из ларца вылетают: заяц, утка и яйцо (три фазы луны) и последняя фаза - игла. Их появление одного из другого: из ларца - заяц, из зайца - утка, из утки - яйцо, из яйца - игла - очень напоминает прибывание и убывание луны на небе. Тем более, что луна - заяц, луна - утка, луна - яйцо - наименования широко распространенные.

Разбитое волшебное зеркальце тоже напоминает луну, "разбившуюся" на фазы. Конечно, нельзя давать себе полную волю, объявляя эти предположения доказанными, но если в фольклорах других народов или в другой сказке встретится подтверждение, есть все основания считать такую расшифровку истинной. Вот показательный пример. Я предположил, что колобок - есть не что иное, как убывающая луна. Однако в распространенном варианте, наиболее известном, заяц, волк и медведь только встречаются с колобком, не откусывая его. Зато у Афанасьева сюжет с проглатыванием нашелся. Там звери откусывают от колобка по кусочку, превращая в убывающий месяц, пока он полностью не исчезнет.

Два хрустальных башмачка Золушки очень похожи на убывающий и прибывающий серп Луны. Потому и остается лишь один башмачок, ведь оба могут соединиться только в полной луне. Примечательно, что в инсценировке Е. Шварца "Золушка" волшебница заклинает мышью достать для Золушки "у луны из сундучка два хрустальных башмачка". Писатели, как и художники, часто обладают интуитивной фольклорной памятью. Многие звездные подсказки сложно увидеть в палехской традиции. В палехской живописи, где все сказочные события происходят на черном лаковом фоне - ночного неба, важны не столько конкретные расшифровки, сколько само присутствие звездного кода в сказке. Это значительно расширяет перспективу сказочного пространства.

Реалистическая достоверность сказки обретает космические крылья. Не зачеркивая и не принижая более позднюю реалистическую эстетику сказки, звездный код проступает сквозь поздние наслоения, раздвигая перспективу крестьянского двора до вселенских пределов.

К счастью, здесь перед нами нет тяжелого выбора реставраторов, которые вынуждены, обнажая древний

золотой фон иконы, уничтожать более темные поздние наслоения. В фольклорном слове все слои соединяются, и реставрация древнего смысла не уничтожает более поздние наслоения, не менее значительные.

Здесь нет печальной дилеммы мифологической школы:

не надо выбирать между мифом и реальностью, поскольку и то и другое обладает достаточной художественной достоверностью. Пылкое поэтическое воображение фольклорных авторов низводит небо на землю, а землю возвышает до неба. Абсурдно при этом считать, что "звездный" фон сказки противоречит ритуально-обрядовому или исторически-достоверному смыслу повествования: структура звездного неба отчетливо ощутима и в поэтике ритуала, и в самой исторической реальности. Небо - это космос, видимый глазом, воспринимаемый разумом и сердцем художника, а космос - тоже весьма значительная реальность. К сожалению, мифологическая школа, увлеченная солярным, то есть солнечным культом, все многообразие звездных сюжетов свела к смене времен года, к заходу и восходу солнца. Объясняется это многими причинами. На первом месте - скудность культурологических познаний в филологии XIX века. Просто не было известно, насколько богат древний мир астрономической символикой. Труды культурологов XX века открыли космогоничность всякой древней мифологии. Оказалось, что небесная символика пронизывает весь земной мир древнего человека. Млечный Путь - это и древо, и река, и столб от земли до неба. Луна обозначена самыми разными символами: лягушка, заяц, яйцо, зеркало, щит. Месяц: рыба, жеребенок, ягненок (агнец), козленок, утка, лодка, золотая (или хрустальная) тувелька. Что уж говорить о самих созвездиях, вызывающих своей необычной конфигурацией лавину фантастических образов, но при всем многообразии ясно проступает единый звездный остов небесной феерии.

Он оказался поразительно устойчив в литературе. Звездная кристаллическая решетка, или, правильнее сказать, матрица, отпечатана в глубине древнейших сюжетов.

Одни и те же сюжеты повторяются ежегодно на небесном экране. Естественно предположить, что на земле эти же сюжеты разыгрывались в магических ритуалах, запечатлевались в мире и сказке.

Нельзя забывать о психологическом, внутреннем небе. Звезды отпечатываются в сознании и в сфере, которую нынче принято именовать "бессознательное" (этот термин сменил менее точный - "подсознание"). Роль подсознания в творчестве достаточно велика. Происходит взаимоузнавание. Небо всплывает из глубин бессознательного в процессе творчества.

Вот как это происходит в реальности. Все помнят сюжет пушкинского "Ариона". Буря потопила челн, все пловцы погибли, и только певец Арион спасся, выплыл на берег и продолжает петь прежние песни о своих товарищах. Древние греки видели этот сюжет на небе. Есть созвездие корабля "Арго", на котором плыли аргонавты. Но в небе Северного полушария чаша видна лишь затонувшая корма. Зато Орион простирается по всему небу, в руках его трехзвездная лира (Пояс Ориона). Он поет о своих "погибших" - тонувших за горизонтом звездных спутниках.

Помнил ли Пушкин звездную основу сюжета? Скорее всего - нет. Он просто знал миф об Орионе (или Арионе). Но объективно и миф об Орионе, и стихотворение Пушкина хранят в себе рисунок звездного неба. И если бы небо вдруг исчезло, забылись мифы, то по стихотворению можно было бы условно воссоздать его звездную структуру.

Небесная матрица весьма устойчива, зато ее семантика в культуре изменчива, как очертания облаков. Однако не так уж редки случаи, когда художник помнит и на сознательном уровне о звездном родстве своих героев. Так, Суриков воспроизвел рисунок звезд Большой Медведицы в картине "Утро стрелецкой казни". Это созвездие образует свечи в руках стрельцов.

Могло не остаться свидетельства Сурикова о том, что свечи в руках стрельцов воспроизводят рисунок Большой Медведицы, и тогда трудно было бы доказать, что не случайно именно таким образом расположены огненные

язычки свечей. В доказательство пришлось бы вспомнить, что, по преданиям сибиряков, Большая Медведица - это колесница мертвых, уносящая на небо души умерших. На картине - казнь, и телега, везущая к плахе, как бы становится небесной повозкой - Большой Медведицей. Разумеется, и эти доказательства были бы косвенными, но, к счастью, в данном случае свидетельство художника сохранилось.

А вот помнил ли о звездах Шишкин, когда в популярной картине "Утро в сосновом лесу" расположил мишек в форме того же созвездия, - это неизвестно. Скорее всего, что очертание подсказано интуицией. Зато поистине сказочная популярность картины, возможно, во многом объясняется ее звездным сюжетом. Он узнаваем и на сознательном, и на интуитивном уровне. Очертания Большой Медведицы известны всем.

Ведь в картине Шишкина ожил весьма распространенный канонический сюжет. Дерево и два животных по бокам - это Полярная звезда и две Медведицы. Раньше они были двумя оленями (вспомним рогатую мать-олениху у Ч. Айтматова), затем стали медведями, а потом двумя конями.

Мифологическая школа считала, что два коня - это солнце восходящее и солнце заходящее. Нет оснований отрицать такую символику. В том-то и дело, что основные ночные, звездные символы легко перекодируются на дневные - солнечные. Так и Стожары ночью могут быть пером жар-птицы, а днем жар-птица - солнце. Замечено, что Зарей именуется и солнце, восходящее и заходящее, и Венера - утренняя и вечерняя. Ночью солнце "замещается" Венерой. Потому и восходящее солнце - Заря, и Венера - Заря-Заряница красная девица. Ведь в сказках героини спускаются в подземное царство, входят в темный лес или проникают в хрустальную гору. Там они принимают другой, звездный облик.

Игнорировать звездную символику привычных сюжетов сегодня уже немыслимо. Это обеднило бы духовный эстетический мир фольклора и древней литературы. Ныне появилась новая наука - астрономическая археология. Из глубин земли выкапывают небо. Каменные календари и карты звездного неба на территории Сибири существовали уже 30 000 лет назад. Символика основных планет, звезд и созвездий простирается в глубины тысячелетий. Рождается астрономическая фольклористика, положено начало астрономического литературоведения.

Астрономы часто говорят, что созвездий в реальности не существует. Они - результат оптической проекции на землю далеко отстоящих друг от друга звезд. Но и сама по себе такая проекция не реальна без организующей роли человеческого глаза, мозга и сердца. Мы видим небо взором Гамлета: принц спрашивает придворного, на что похоже облако, и тот послушно повторяет, что облако похоже и на верблюда, и на слона.

И все-таки, возвращаясь к совершенно конкретному - к очертаниям подвижного звездного неба в литературе, правомерно задать вопрос: а была бы литература другой, если бы другим было небо? Такой вариант отчасти "прокручен" самой природой. Небо Южного полушария по рисунку звезд отличается от Северного, есть мотивы в литературе, связанные только с южными созвездиями, но основные звездные сюжеты все те же. В том-то и дело, что небо не может в принципе быть другим. Луна, солнце, месяц, смена дня и ночи и времен года, восход и заход звезд, их движение вокруг условного "единого центра" Полярной звезды или Южного Креста запрограммированы самой природой и отражают важнейшие фундаментальные законы мироздания, видимые человеческим глазом. Небо оказалось как бы огненным дисплеем, обучающим человека бессмертию. Конфигурация созвездий условна. Это работа человеческого воображения, ибо звезды можно соединять друг с другом довольно произвольным образом. Однако в любом произволе есть четкая закономерность. Звезд много, но человек выделил те или иные созвездия, подчиняясь двум закономерностям: психологической, субъективной и астрономической, объективной. Таким образом, звездное небо - это зримый творческий компромисс между двумя реальностями: субъективной, человеческой, и объективной, космической. Такое субъективно-объективное мерцание весьма характерно для всего художественного творчества, где самая пылкая фантазия служит объективной реальности художественного содержания, а сама реальность

пробуждает художественную фантазию. Звездное небо эстетично по своей природе. Надо быть художником, чтобы его увидеть.

Удивительно, что в литературоведении исписаны целые пуды бумаги об олицетворении природы и так ничтожно мало известно об олицетворении практически бесконечного многообразия звездного неба.

Мы, сами того не подозревая, видим небо глазами наших предков, поэтически упорядочивших звездный хаос, давших имена не только деревьям, птицам, зверям и травам, но и звездам.

Никто не осмелится утверждать сегодня, что природа не влияла на автора сказки, что ее законы чередования дня и ночи и времен года, "характеры" зверей, птиц, рыб, особенности растений никак не воздействовали на поэтику сказки. Почему же тогда более фундаментальный распорядок зримого космоса до сих пор упоминается мельком? Композиция звездного неба, его пространственно-временной строй, чередование планет, звезд и созвездий, конечно, оказали весьма ощутимое влияние на весь художественный строй древнего фольклора, а через фольклор на всю мировую литературу.

Если в природных олицетворениях человек по закону психологического параллелизма уподоблялся природе, то в олицетворении звездного неба он уподоблялся безграничному космосу. Природа ближе к человеку в пространстве, она не намного моложе самого гомо сапиенс. Космос дальше, но он безграничен и в пространстве, и во времени. Не он ли в фольклоре именуется "тридевятым царством", "тридесатым государством"? Не до него ли надо добираться в железных башмаках, пока они не сносятся?

Здесь крайне интересен момент перехода земного, горизонтального пути в космический, вертикальный. Герою надо миновать поле, лес, переправиться через реку и как-то незаметно оказаться на небе собеседником луны, звезд и солнца.

Видимый космос отпечатывает свои огненные знаки в сознании человека с момента, когда он начинает видеть. Эстетика звездного неба столь грандиозна, что Кант уподобляет звездное небо над головой нравственным "скрижалям" человеческого сердца:

"Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, - это звездное небо надо мной и моральный закон во мне".

Кедров Константин - "Параллельные миры "

ГЕНИИ XX ВЕКА

Трудно было увлечь мир какой бы то ни было идеей в начале XX века. Цивилизация распадалась, в душах господствовал заземленный материализм, человечество вынашивало кровавые революции и мировые войны. В это время из европейской глубинки, каковой была Россия, внезапно на весь мир прозвучала проповедь Льва Толстого. На его голос откликнулись Томас Манн, Альберт Эйнштейн, Ромен Роллан, Альберт Швейцер, Махатма Ганди, Стефан Цвейг, Вацлав Нихинский, Бертран Рассел, Бернард Шоу. Трудно назвать крупного мыслителя или писателя XX века, душу и разум которого не затронуло бы учение о непротивлении злу насилием. Казалось бы, все так просто, злу надо активно противостоять добром. "Отойди от зла и сотвори благо" и еще: "Зло никогда не уничтожается злом, но только добром уничтожается зло". Тысячи, миллионы людей читали Новый Завет, но никто из них не воспринял эти евангельские слова как основной закон жизни. Не мораль, не нравоучение, а именно закон.

Толстой прочел Новый Завет, познакомился с учениями Будды, Конфуция, Лао-Цзы, но, как это часто бывает с гениями, увидел там то, что давно вызревало в его душе. Все гениальное намного опережает время, и учение Толстого, прозвучавшее в полную мощь в начале XX века, будет по-настоящему понято и применено где-нибудь в конце XXI века. Может быть, самым неудачным оказалось само слово "непротивление". В устах Толстого оно означало активнейшее сопротивление злу методом ненасилия. Известно, что врач Толстого Душан Петрович, вернувшись после смерти своего учителя в предфашистскую Европу, вынужден был покончить жизнь самоубийством. В самом деле, разве можно противостоять фашизму и коммунизму методом ненасилия? В переписке с Эмилем Золя Толстой утверждал, что у человечества нет выбора. Либо любовь и ненасилие, либо всемирное людоедство. В XX веке победило людоедство, и Толстой предвидел такую

возможность. Лекарству больные предпочли яд, но вряд ли в этом следует обвинять врача. Во всяком случае, Лев Толстой единственный мыслитель, предложивший альтернативу современной цивилизации. Он осмелился утверждать, что природа во многом умнее человека, и предупредил об опасности экологической катастрофы. Он предвидел, что техногенная цивилизация обманет человека и оставит его у разбитого корыта с опустошенной душой и несбывшимися надеждами. Он задолго до создания атомной бомбы и Чернобыля обвинил науку в безнравственности, утверждая, что она работает не на сохранение, а на уничтожение жизни. Его учение заполнило опасный духовный вакуум, образовавшийся в сердцах и умах людей, разочаровавшихся в традиционных ценностях. Лучшая часть мировой интеллигенции пошла за Толстым и сумела устоять перед натиском фашизма и коммунизма, двух учений, помешанных на насилии. В исторической перспективе Толстой победил, потому что его учение защищает жизнь.

У гениального учителя нашлся гениальный ученик. Махатма Ганди начал борьбу за свободу Индии именно под влиянием идей Толстого. Учение о ненасилии не нашло практического применения в Европе. Зато самым неожиданным образом Ганди сумел увлечь миллионы индусов идеей ненасильственного сопротивления злу. Ненасильственная борьба Индии за независимость - одна из самых удивительных страниц истории XX века. Сегодняшняя Индия так же далеко ушла от идей Ганди, как сегодняшняя Россия далека от идей Льва Толстого. Объясняется это всеобщим одичанием, которое легко принять за полную гибель цивилизации. На самом деле все намного сложнее. Есть Толстой, есть Альберт Швейцер, есть Ганди, есть мать Мария и мать Тереза. Зло никогда не может восторжествовать до конца, потому что его победа означала бы полное уничтожение и прекращение жизни на Земле. Толстой и Ганди утверждали, что жизнь неуничтожима, потому что запрограммирована Творцом. Не человек ее создал и не человеку ее уничтожить. Однако наука сделала возможным полное уничтожение жизни на одной, отдельно взятой планете.

Ганди сделал Индию свободной задолго до получения независимости. Люди, вступившие на путь ненасильственного сопротивления власти, преодолевали страх и стали относиться к себе с уважением. Если бы это произошло в России, не было бы кровавой Октябрьской революции. Однако и в Индии победа Ганди быстро переросла в поражение. Началась резня между индуистами и мусульманами. Сам Махатма погиб от руки фанатика-индуиста и умер со словами: "Хэ Рам! О Бог!" Сегодня Ганди почитают в Индии как очередного божка, и не более. Его учение забыто и совершенно не популярно. Конец XX века - это смерть гуманизма. Культ грубой силы в умах и душах людей возвращает человечество к дохристианскому и до-индуистскому состоянию, которое раньше обозначалось термином "язычество". Однако без Ганди у Индии нет будущего, как у России, да, пожалуй, и у всего человечества нет будущего без Льва Толстого. Без них становится душно и безысходно. Человечество, как всегда, не в силах идти по пути добра, но и вакханалия зла малопривлекательна для большинства людей. В учении Толстого и в историческом опыте Ганди есть духовная перспектива, которая никогда не утратит своей притягательности. Альберт Эйнштейн считал себя последователем Толстого и выше всего ценил его притчу "Много ли человеку земли надо". Там говорится о человеке, которому предложили столько земли, сколько он сможет обежать до заката солнца. Стремление получить как можно больше земли не позволило бегущему завершить круг. Он все время растягивал окружность, пока не упал замертво бездыханный. И понадобился ему клочок земли размером с могилу. С именем Эйнштейна связано создание атомной бомбы.

Дело не только в том, что возможность получения энергии из расщепленного атома вытекала из теории относительности. Еще в начале века к Эйнштейну прорвался студент с проектом атомной бомбы. Эйнштейн сказал: "Успокойтесь, молодой человек. 90-первых, я считаю это невозможным. А во-вторых, даже если это возможно, человечество нравственно не созрело для открытий такого рода". Знал ли великий физик, что пройдут годы и он, услышав о разработке атомной бомбы в гитлеровской Германии, напишет письмо

Рузвельту о необходимости создания такого оружия в США. Именно авторитет Эйнштейна убедил Рузвельта в реальности атомного проекта.

Почему открытия Альберта Эйнштейна так потрясли человечество? Бомбы тут ни при чем. Благодаря открытиям скромного последователя Льва Толстого человечество узнало, что всепоглощающее время, уносящее, по словам Державина, "все дела людей", тоже имеет свои пределы.

"Верите ли вы в Бога?" - такой вопрос содержался в телеграмме главного раввина Израиля, адресованной Эйнштейну. Физик ответил: "В Бога священников и раввинов не верю". Последовала вторая телеграмма из Израиля: "Верите ли вы в Бога? Ответ в сорок слов оплачен". Эйнштейн ответил: "Знать, что на свете есть вещи, превышающие наш разум, но которые познаются нами и скрывают в себе высшую мудрость и высшую красоту, - вот что, по-моему, означает веру в Бога".

Под этими словами могли бы подписаться и Толстой, и Ганди. Три гения сошлись в одной точке, и эта точка - духовная вершина нашего уже уходящего века.

ХРИСТОС И ФРЕЙД

При всей несопоставимости влияния и значимости этих имен следует признать, что за 2 тысячи лет только Богочеловек Иисус и атеист Зигмунд целиком и полностью подчинили мир душе человека. Согласно христианской концепции, царство Божие внутри вас и нет ничего важнее. Надо искать только царства Божия и Правды его, а остальное приложится. Уверенность в том, что человеческая душа-христианка не была поколеблена никакими самыми чудовищными извращениями человеческого духа. Зло считалось, да и теперь считается проявлением бездуховности или бездушевности. Освободите, очистите душу от скверны в таинствах исповеди и евхаристии, и она сама выведет вас к свету.

В евангелиях и деяниях ничего не говорится об исповеди. Хотя разве не исповедь ночное моление о чаше в Гефсиманском саду. Этот сад из масличных деревьев дожил до наших дней. И цело то дерево, возле которого молился Иисус, обращаясь к Небесному Отцу: "Да минует меня чаша сия!" Исповедаться - значит оживить душу. Приготовить ее к подвигу жизни вечной. Потому что вечная жизнь без подвига невозможна. Однако та исповедь, которая восторжествовала спустя тысячу лет в средневековой жизни стала первой ступенькой к психоанализу, созданному Фрейдом в XX веке. Принципиальная разница в том, что верующий человек исповедуется вполне сознательно, припоминая свои грехи. Фрейд же пытался извлечь запретные греховные помыслы из области бессознательного.

Фрейд утверждает, что в душе человека таится ад невы-тесненных запретных помыслов типа сожительства с близкими родственниками. Очиститься, по Фрейду, значит извлечь эти импульсы на поверхность.

Выздороветь.

На самом деле Фрейд, начинавший свою практику с гипноза, просто обучил своих пациентов погружаться в самогипноз при помощи вопросов психотерапевта. Эти вопросы уже программировали прихожанина-пациента, лежащего на кушетке и "вспоминающего", как он в детстве желал инцеста или боялся, что отец его кастрирует. Фрейд заставлял своих пациентов уверовать, что эти импульсы якобы теснились у них в душе в области бессознательного. И миллионы людей уверовали. Психоанализ заменил исповедь. Уверовав в преступления, змеящиеся в душе, больной так же слепо верил, что после этого он исцелился полностью, или, по крайней мере, ему стало легче.

Сформировались две противоположные системы очищения духа: исповедь и психоанализ.

Исповедь апеллирует к сознанию человека, призывает его сменить ненависть на любовь, отказаться от мести,

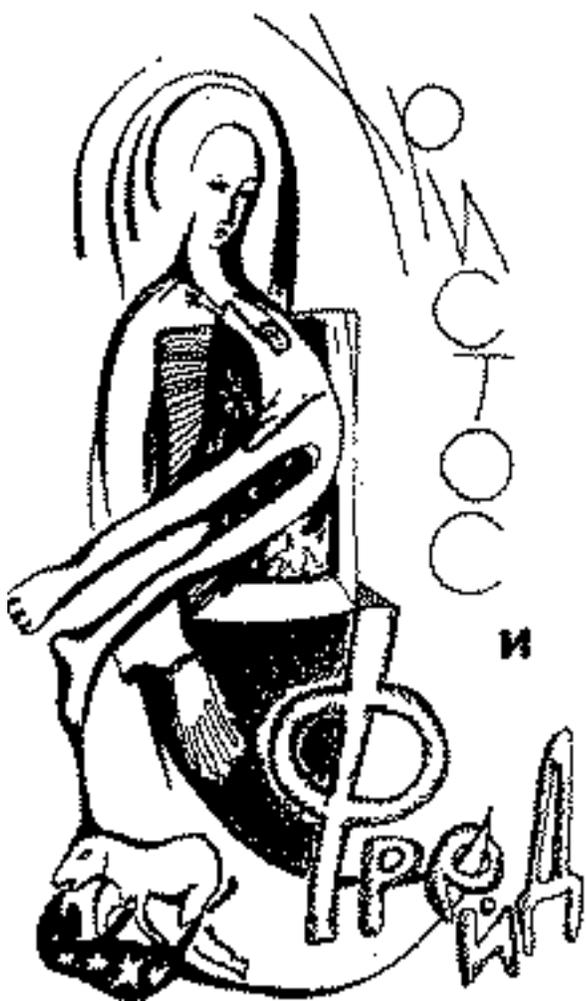
простить всех врагов, не повторять тех деяний, которые в прошлом влекли к гибели.

Психоанализ сначала убеждает пациента в том, что он с малых лет совершал в душе гнуснейшие преступления, а потом убеждает его же, что в этом нет ничего особенного. Это-де в порядке вещей. Так зазываемое исцеление в психоанализе есть не что иное как погружение сознания в греховное состояние.

Нельзя отрицать что существуют исчадия ада, у которых в душе торжествует ир царствие Божие, а полчища ада. Однако нет никаких оснований верить, что этот ад теснится в области бессознательного. Все злодеи прекрасно сознают свои злодеяния и считают их высшим благом.

Можно искать истоки агрессии Гитлера в том, что отец бил его кнутом, но Моцарта тоже наказывали тростью, а Ленин воспитан в абсолютно благополучной семье. Гораздо ближе к истине Родион Раскольников, который, перебрав все истинные и мнимые причины своего преступления, в конечном итоге сознается, что убил просто потому, что душа у него злая.

Исповедь могла бы отвести Раскольникова от убийства, а вот психоанализ только убедил бы его, что в его желании зарубить Алену Ивановны нет ничего постыдного, поскольку это убийство всего лишь символ нереализованного желания переспать с сестрой, которую ныне отдадут за бесчестного богача.

Фрейд создавал свою систему психоанализа в благополучной австро-венгерской христианской империи, где любовь считалась чувством добра и правильным, а ненависть осуждалась. Но он дожил до Третьего рейха, где ненависть поощрялась, а любовь считалась недрстойным проявлением слабости.

Впору было создавать антипсихоанализ, где в подсознание вытесняются закрытые чувства любви, прощения и милосердия. Так было вГермании Гитлера и в России Ленина -Сталина. В моральном кодексе строителя

коммунизма была заповедь о "ненависти - врагам социализма". Можно представить себе партийный психоанализ, где член партии признается секретарю парткома во всепрощенчестве" (был такой термин). Правда заключайся в том, что Фрейд создал пародию на исповедь. Он не был антихристом, но стал невольным Антихристом, лжеспасителем. Христианство запрещало, Фрейд разрешал, не удивительно что он собрал обильную паству. Выяснилось, что в области бессознательного все дозволено, думать о бессознательном то же самое что дышать без воздуха, пациенты Фрейда вполне сознательно погружают свои души в бездну вседозволенности.

Между тем куда мудрее слова апостола: "Все мне дозволено но не все полезно." В греческих текстах четырех евангелий есть три слова для обозначения любви: эрос (чувственное влечение), филос (дружеское расположение), агапия (любовь всемирная, изливаемая на все). Фрейд знал о существовании ага-дии, но понимал ее как либидо. Либидо - некая эротическая энергия, независимая от пола, по Фрейду, присущая младенцам, и лишь потом она концентрируется, сужается до эроса и филоса. Либидо разлито изначально по всему телу, но телом для младенца является все; Для него нет окружающих объектов, он сам себя окружает всем. Все предметы, одушевленные и неодушевленные, воспринимаются как свое тело, и лишь со временем происходит разделение на объект и субъект. Можно сказать, что младенец, по Фрейду, близок к совершенству буддийского монаха, шепчущего вторую по значимости молитву после "ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ". Эта молитва по-санскритски звучит так:

"ТАТ ТВАМ АСИ", по-древнерусски: "ТО ТЫ ЕСИ", по-русски: "ТО ЕСТЬ ТЫ".

Тут есть смысл припомнить слова Иисуса: "Если не будете как дети, не выйдете в Царствие Небесное".

Атеист и антиклерикал Фрейд честно зафиксировал, как ученый, отблеск другого мира в восприятии младенца. Может быть, это и есть та самая "невинность", которая свойственна была пра-Адаму и пра-Еве до их "рождения" - отпадения от рая.

Никто не знает, что означает вкушение от запретного плода. Ведь вопреки распространенному заблуждению эрос и филос не были запретны в раю, ибо Бог сказал Адаму и Еве:

"Плодитесь и размножайтесь". Более того, эрос (человеческая любовь) и филос (дружба) возможны во всей полноте только в том случае, если они наполнены изначальной всемирной агапией.

Возможно, что вкушение от древа познания добра и зла означает отсечение эроса и филоса от агапии. Таким образом, любовь и дружба превращаются в соперничество и в мир вползает вражда.

Все это отчасти гениально нащупал и Зигмунд Фрейд. Однако вполне закономерное чувство ущербности от неполноты любви, рассеченной надвое, он назвал "комплексом неполноценности", в то время как это есть комплекс наивысшей полценности - воспоминание о былом, совершенстве, делающем человека, несмотря на падение, все-таки чином ангельским. Человек без комплексов - это биоробот. Основатель кибернетики Норберт Винер, пройдя курс психоанализа, заметил: "Я почувствовал, что меня хотят превратить в корову".

КТО ПРОЧТЕТ ТАЙНОЕ ИМЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ КОДЕ?

Уходящее тысячелетие завершилось почти что полной расшифровкой гена человека. Человек каждый раз воссоздается из оплодотворенной яйцеклетки по плану, закодированному в генах. Гены несут в себе информацию от Адама и Евы до наших дней. На основе генетического анализа сегодня установлено, что все мы исходим от одной женской прародительницы. Правда, пока что нет генетических доказательств, что и отец

(Адам) у нас один на всех. Возможно, что у Евы было много мужей или по крайней мере два.

Кто закодировал генетический код единого не только для всего человечества, но и для всего живого?

Раньше сказали бы, что этот вопрос не имеет смысла, мол, сама природа и закодировала. Но тогда кто она такая, эта природа? Если она умнее человека настолько, что мы только сегодня подошли к расшифровке ее генетического кода, то вполне закономерно считать ее не только живой, но мыслящей. Тогда она (природа) ничем не отличается от богини Деметры, коей поклонялись в античные времена как создательнице и подательнице жизни. Кто соприкоснулся с генетическим кодом, тот уже не будет повторять материалистические сказки о стихийном возникновении жизни из каких-то там капель.

Академик Вернадский считал, что жизнь вообще не сотворена, а существует всегда и вечно. Не из мертвого возникло живое, а наоборот - все неорганическое и мертвое есть остатки жизни. Известняк - остатки ракушек от доисторических улиток, чернозем - останки от умерших живых существ, даже атмосфера и воздух, которым мы дышим, образованы жизнедеятельностью растений и животного мира планеты.

И вот теперь ученые сумели восстановить все буквы, которыми Творец написал книгу жизни. Однако "расшифровать" и "прочитать" - два разных понятия. Представьте себе, что неграмотный человек нашел в пустыне книгу "Война и мир". Что дальше? Если он гений, то путем многолетних исследований ему удалось бы выяснить, что текст книги состоит из тридцати трех букв. А дальше? Снова титанический труд, и вот он понял законы грамматики, по которым буквы расположены в ТОМ или ином порядке. Дальше самое главное. Даже научившись читать, он не будет понимать смысла текста. Ведь значение слов ему неизвестно. Вот на какой стадии мы сейчас находимся. Знаем расположение букв, знаем, как читаются те или иные слова, но до прочтения книги еще очень и очень далеко. И все-таки кое-что уже прочитали. Найден ген, отвечающий за цвет глаз, возможно, удастся найти гены, диктующие человеку те или иные болезни, вернее, предрасположенность к заболеваниям. Лет через двадцать будет возможность лечить человека еще в яйцеклетке, исправляя ошибки кода, ведущие к наследственным заболеваниям. Но ученые явно поспешили рапортовать о своих победах.

Книга жизни написана Творцом, и человеку никогда не удастся прочесть ее до конца. Во всяком случае, для этого нужно не одно тысячелетие.

Лишний раз мы убедились, насколько Бог умнее человека. Наконец, снова и снова возникает вопрос, для чего так мудро, с такой невероятной сложностью закодирована жизнь на Земле? Шутя и играючи этим могли заниматься разве что Боги. Уместнее говорить о трудоемкой, не во всем совершенной работе сверхмудрой высшей космической цивилизации, которая распространяет жизнь и разум по всей Вселенной.

Сегодня уже никто не сомневается, что генетический код занесен на Землю из космоса с мельчайшими фрагментами органических молекул.

Выдержать транспортировку сквозь безжизненные пространства при сверхнизких и сверхвысоких температурах могли только грубейшие формы жизни в расчете в случае укоренения на дальнейшую эволюцию. От органических молекул к амебе, от амебы к морским и земным чудищам, которые триллионы лет заселяли Землю. Метеоритный дождь уничтожил бронтозавров и динозавров, но принес на Землю фрагменты, содержащие коды более организованных существ. Это животный мир, сохранившийся и доныне. Третье заселение связано с посещением Земли инопланетными существами, которые путем сложнейших операций над диетическим кодом каких-то обезьяноподобных приматов сделали возможным появление человека, способного благодаря речи стремительно совершенствоваться. За 50 000 лет человек овладел письменностью, научился передавать свои мысли через радиоволны, освоил программирование и даже расшифровал свой генетический код. Если сравнить скорость обработки информации нарастающей с каждым годом, с темпами биоэволюции от амебы к динозавру, то мы движемся вперед прямо-таки с космической скоростью.

Нет никакого сомнения, что у Творца генетического кода есть какая-то высшая цель, которой мы следуем. Ведь жажда познания тоже заложена в нашем коде.

Так что же мы должны прочесть?

Об этом ясно сказано в "Кабале". Речь идет о тайном четырехбуквенном имени Бога, которое никто не знает. Сегодня понятно, что четыре буквы - это генетический код, который действительно написан весь четырьмя основаниями кислот. Сегодня мы видим в электронные микроскопы, как начертано тайное имя Господа, но еще не можем его прочесть и произнести. Если же прочтем и произнесем, а это когда-нибудь обязательно произойдет, то станем по уровню знаний в чем-то богоподобны и, скорее всего, бессмертны. Таков план Творца.

ИГРА ЗВЕЗД

Не будем забывать, что есть еще и незримое небо, рентгеновские излучения, радиоисточники, квазары, пульсары, возможные объекты черных дыр, наконец, нейтринные излучения, мгновенно пронизывающие всю галактику; десять известных излучений, исходящих от человека, переключаются с этим небом. Я думаю, что нити нейтринных излучений сплетаются в пучки вселенского мозга. На уровне излучений человек и вселенная - единое мировое существо.

Все великие писатели чувствовали, что им диктуют звезды. Лермонтов слышал, как "звезда с звездой говорит". Фет видел в созвездиях тайные письмена, ощущал звездное родство с небом. "Была ему звездная книга ясна, и с ним говорила морская волна", - писал Баратынский. Хлебников в своей "звездной азбуке" и Есенин в "Ключах Марии" напрямую рассказали об этом.

Поэтическая фантазия - это и есть прямой разговор души с небом. Я понимаю, что иного человека может привести в смятение мысль о том, что тексты Библии и Шекспира уже закодированы в небе, а пророки и поэты здесь переводчики и истолкователи. Разве не об этом в "Пророке"?

*Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон.
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

А.С. Пушкин

Александр Блок видел фиолетовые волны (может быть, ультрафиолетовые), заполняющие вселенную. "Поэт - сын гармонии, создающий космос из хаоса", - писал Блок.

Но все эти свидетельства мы "презрели, приняли их как некую красоту, риторику. А ведь для Блока, Белого, Хлебникова это была не метафора, а чистейшая реальность, правда об их общении с космосом. Чтобы отличить эту правду от поэтических "украшений", и понадобился мне достаточно многозначный и емкий термин, когда к слову "метафора" прибавляется приставка "мета". Метаметафора, в отличие от метафоры, есть подлинное свидетельство о вселенной. От такого подлинного свидетельства родились "Божественная Комедия" Данте и многие книги древности.

"И увидел я новое небо и новую землю" - эти слова Апокалипсиса стали реальностью. Мы увидели новое, невидимое ранее небо черных дыр, пульсаров, квазаров, радиообъектов. Земля разверзлась до микрона, до сингулярности, и только человеческое сердце остается зачерствелым, окаменевшим, как сто, двести тысяч лет

назад. Пока наше сердце поражено "окамененным нечувствием", мы не увидим неба, открытого взору поэта. Литература - это новое, словесное небо. Ныне выявляются незримые ранее звездные водяные знаки во многих знакомых текстах.

Вот звездный портрет отца Гамлета: "Кудри Аполлона, чело самого Юпитера, взор Марса, созданный, чтобы угрожать и приказывать. Осанка подобна вестнику Меркурию, только что опустившемуся на вершину горы, целующей небо".

Перед нами портрет звездного человека, сотканный из солнца (Аполлон) и трех планет.

Роман Гете "Годы странствий Вильгельма Мейстера" открывает, как от ступени к ступени Мейстер все более становится космическим человеком. Вот его первая встреча с небом.

"Астроном повел гостя на обсерваторию по витой лестнице. Вильгельм очутился один на открытой площадке высокой круглой башни. Над ним простиралось, блестя и сверкая всеми своими звездами, ясное ночное небо; ему показалось, что он впервые видит себя окруженным небесным сводом во всей его великолепии.

Пораженный и изумленный этим зрелищем, он на мгновение закрыл глаза. Безмерное уже перестает быть возвышенным, оно превосходит способность и грозит нам полным уничтожением. "Что я - перед вселенной? - мысленно сказал он себе. Как могу я стоять перед нею и среди нее?" Однако после краткого размышления он добавил: "Как может человек противостоять бесконечности, если тем, что, собрав в глубине своей души все свои духовные силы, влекомые в разные стороны, спросить их: "Дерзнешь ли ты себя, хотя бы мысленно, представить среди этого вечно живого порядка без того, чтобы ты не ощутил в себе одновременно нечто, непрестанно движущееся, вращающееся вокруг какого-то чистого центра? И даже если тебе трудно будет отыскать в своей груди этот центр, то ты осознаешь его по одному тому, что из него исходит, свидетельствуя о нем, некое благотворное воздействие".

Найти в себе центр, вокруг которого все вращается, то есть Полярную звезду.

*Кол-звезду, вокруг которой вращаются все звездные стада.
С началом зимнего сезона,
В гигантский вытянувшись рост,
Предстал Рубруку с небосклона.
Амфитеатр восточных звезд.
В садах Прованса и Луары
Едва ли видели когда,
Какие звездные отары
Вращает в небе Кол-звезда,
Она горит на всю округу,
Как скотоводом вбитый кол,
И водит медленно по кругу
Созвездий пестрый ореол.
Идут небесные Бараны,
Шагают Кони и Быки,
Пылают звездные Колчаны,
Блестят астральные Клинки.
Там тот же бой и стужа та же,
Там тот же общий интерес.
Земля лишь клочок небес и даже,
Быть может, лучший клочок небес.
И вот уж чудится Рубруку:
Свисают с неба сотни рук,
Грозят, светясь на всю округу:
"Смотри, Рубрук! Смотри, Рубрук!"*

Н. Заболоцкий.

Рубрук в Монголии

Вернемся к Вильгельму Мейстеру. Он ищет свою звезду на небе и на земле. В его душе ею оказалась наставница Макария. О ней подробно словами Гете:

"Подобно тому как про поэта говорят, что элементы видимого мира уже заложены в самой глубине его естества и лишь постепенно раскрываются в нем и что все то, что ему приходится созерцать в мире, он перед тем уже переживал в предчувствии, так и сознанию Макарии, по-видимому, изначально были присущи все соотношения Солнечной системы, пребывая в ней сперва в скрытом, покоящемся состоянии, постепенно развиваясь и все ярче и живее проявляясь в дальнейшем".

Естественно было усомниться в таких способностях, но вскоре ученый убедился: "Макария находится в таком отношении к Солнечной системе, какое мы едва осмеливаемся выразить словами, она не только лелеет и созерцает ее в своем уме, в своей душе и в своем воображении, но как бы составляет часть ее; она ощущает себя вовлеченною в небесные сферы, но каким-то особым образом; с детства она движется вокруг Солнца, и притом, как теперь удалось установить, по спирали, все более и более удаляясь от центра и постепенно в своем круговороте направляясь к внешним сферам".

Я понимаю, что современное скептическое сознание конечно же поставит под сомнение это свидетельство Гете, как и тысячи других свидетельств, из которых лишь немногие проникли в эту книгу. Но давайте наконец опомнимся от рационалистического дурмана, поверим Гете, Льву Толстому, Достоевскому, Андрею Белому, В.

Хлебникову, поверим тысячелетним преданиям всех народов. Да, человек - существо космическое в самом полном смысле этого слова. Он вмещает в себя, как Макария, нашу планетную систему, а может быть и вселенную.

Человек рождается. Сначала в нем формируется чувство своего тела, потом - мать, отец, семья, родина, земля и, наконец, появляется чувство космоса, сначала видимого, потом незримого. В космосе он, говоря словами Тютчева, узнает "свое наследье родовое".

Каждый писатель по-своему переживает вселенское рождение. Иногда космическое чувство приходит лишь в старости, как итог и финал земной жизни. Так увенчал Валентина Катаева "алмазный венец" из звезд: "Мне вдруг показалось, будто звездный мороз вечности сначала слегка, совсем неощутимо и нестрашно коснулся поредевших серо-седых волос вокруг тонзуры моей непокрытой головы, сделав их мерцающими, как алмазный венец.

Потом звездный холод стал постепенно распространяться по всему моему помертвевшему телу, с настойчивой медлительностью останавливая кровообращение и не позволяя мне сделать ни шагу, для того чтобы выйти из-за черных копий с золотыми остриями заколдованного парка, постепенно превращавшегося в лес и делая меня изваянием, созданным из космического вещества безумной фантазии Ваятеля".

Александр Блок ощущал комическое рождение в пробуждении духа музыки. В этот миг "мир омывается, сбрасывая старые одежды; человек становится ближе к стихии; потому человек становится музыкальнее... дух, душа и тело захвачены вихревым движением; в вихре революций духовных, политических, социальных, имеющих космические соответствия формируется новый человек... Я думаю, что все остальные признаки, включая национальные, или второстепенны, или вовсе несущественны".

Двести лет наука самоуверенно отрицала, что вокруг человека есть аура излучений. Аргумент простой: это видели мистики и поэты, а не доценты и доктора наук. Теперь, благодаря приборам, видят доктора и доценты. Они толкуют о своем: длина волны, природа излучений и т. д. А для множества людей свече-щие, исходившее от лица человека, было "нимбом". Святой от слова "свет". Святой - тот, кто светится. "Освятить" значило в древности передать другому свой свет. То же самое значило "посвящение" - передать светом тайное знание о космосе, недоступное тем, у кого нет нимба.

Я верю свету, исходящему от икон Рублева, Дионисия, Феофана Грека, Эль Греко, Джотто и Боттичелли. Что значит излучение золота и камней по сравнению со "славой Бо-жией" - так в старину называли свет, исходящий от великого человека. "Троица" Рублева, одетая в драгоценный оклад, усыпанный камнями, была обычной дорогой иконой. А когда оклад сняли, от нее хлынул свет, который не иссякает и по сию пору. Вот звездное небо - оно очевидно. Поднимите очи к небу - и увидите. Теперь мы вернемся к Левиафану с Ионией. Это очень древнее сообщение, которое есть также в шумеро-вавилонском эпосе. Левиафан - чудовище Тиамат (тьма) побеждено там Мардуком. А в Древнем Египте Левиафан - водное чудовище в образе крокодила, поглотившего свет, - бог Сет. Его поражает, освобождая солнце, бог Гор. Гор изображен с головой сокола, на коне, его копье пронзает поверженного крокодила. Георгий (Гор) на белом коне (Пегасе), поражающий чудовище змея, чтобы освободить царевну (Андромеду), снова напоминает нам о Пересе. Персей, Пегас, Андромеда на небе рядом. Именно так на полотне Н. Пуссена запечатлено "Освобождение Андромеды". Персей в сияющих звездных латах, белый конь - Пегас и освобожденная, снятая со скалы Андромеда. Рядом в воде поверженный Левиафан.

Из космоса на разных языках идет одно сообщение о будущем: "Человек - Персей, освободи свою душу - Андроме-ДУ, прикованную к скале - земле, выйди из нутра Левиафана, как вышел из него Иона. Побори тьму, как Мардук, Гор и Георгий".

Последняя весть пришла из научной фантастики И. Ефремова. Роман "Туманность Андромеды" начал новую эру контакта с космосом, прерванную на сорок лет.

Каналов космической связи много. Каждые 76 лет прилетает "радиомаяк" - комета Галлея. Ее прилет в 1910 году ознаменовался взрывом русского космизма начала века. Она "принесла" "Грезы о земле и небе" Циолковского, "Столп и утверждение истины" Флоренского, "Доски судьбы" Велимира Хлебникова и его звездные прозрения. Наметился путь к общей теории относительности Эйнштейна. Спустя девять лет опубликовано грандиозное прозрение Андрея Белого на пирамиде Хеопса, напечатаны "Ключи Марии" Есенина, вышли его поэмы "Панто-кратор", "Инония", "Сорокоуст". Вспышки космических прозрений

продолжались в русской поэзии до конца 30-х годов.

Как я уже говорил, в мистериях Озириса есть неразрывность пространства-времени, которую утратила европейская культура и обрела лишь в общей теории относительности Эйнштейна.

Времени, которое мы воспринимаем ныне на психологическом уровне, в реальности нет. Нет и того пространства, которое мы видим, ибо мы- воспринимаем его как трехмерный объем, отдельный от времени. Мифы нашего восприятия, к сожалению, считаются нормой. Мы перестали жить на плоской земле, вот и все наши достижения в борьбе с очевидностью.

Очевидно, что Земля плоская, но она круглая.

Очевидно, что небо вверху, но небо и внизу, ибо Земля в космосе.

Очевидно, что мы внутри вселенной, но мы и над и вовне мироздания, ибо внутреннее и внешнее - понятия относительные.

Очевидно, что вселенная окружает нас, но и мы окружаем собой вселенную.

Очевидно, что после прошлого будет будущее, но это лишь условность нашего восприятия. Можно прошлое считать будущим: физически ничего не изменится, а психологически изменится очень многое.

Очевидно, что человек меньше мироздания, но он и больше мира, ибо понятия "меньше" и "больше" во вселенских масштабах относительны.

Очевидно, что человеческая жизнь меньше вечности, но во вселенских масштабах могут быть обратные отношения: вечность окажется меньше жизни.

Альберт Эйнштейн называл науку "бегством от очевидности". В отличие от древних египтян, бежим мы очень лениво.

Все древние цивилизации боролись с иллюзией очевидности. Для этого существовала сложная система магических посвящений. Если бы теорию относительности открыли египтяне они озвучили бы-ее в танцах, сделали зримой в ритуалах, максимально приблизив к человеку самые отдаленные реальности космологии. Им бы не пришлось создавать новую религию и мифологию. Парадокс в том, что многие реалии совершенной космогонии на ритуальном уровне озвучены в древних мифах.

Можно отрешиваться от этого обстоятельства, делать вид, что в этом нет ничего особенного. Я же называю вещи своими именами: древние обладали нашими знаниями, но на гуманитарном, человеческом уровне.

Мы утратили человеческий уровень своих знаний. Я предлагаю вернуть утраченное, взглянув на небо глазами древних, включившись в игру.

Луна диктовала Кириллу и Мефодию правильный алфавит для славян. Тем более, что опирались они на более древние очертания таких же лунных алфавитов.

Однако весь алфавит от А до Я диктовала не только луна, но и солнце, идущее по созвездиям зодиака. Оно вносило свои поправки, приближая лунные дуги к угловатым созвездиям. Так родились два алфавита - лунный и звездный. Звездный - прописной, а лунный - строчной.

"А" звездное хранит в себе очертания Тельца, "а" лунное округлость нарождающегося месяца.

Древнее чтение справа налево соответствует ходу фаз луны от раннего месяца до полнолуния. В Европе закрепилась традиция слева направо - солнечная, "посолонь", по ходу зодиака.

Очень важна буква "Ж", она хранит очертания Ориона и означала "жизнь".

"Н" близка к созвездию близнецов, "Г" похожа на Водолея, "И" напоминает очертания Рыб, Геркулес хранит абрис буквы "К", "Л" похожа на Персея.

Зодиак - прообраз циферблата: 12 часов - 12 знаков зодиака. Сама идея времени и круговорот времен продиктованы круговоротом созвездий. Здесь солнце играет роль часовой стрелки, а луна - минутной. Небо - звездные часы человечества. Часы мы заводим сами - кто завел зодиак? На сколько миллиардов лет? Для чего

на небесном циферблате присутствуют и другие созвездия? Как эти созвездия соотнесены с кругом зодиака? Что означает "скрижаль" - круг незаходящих созвездий? Как соотнести три звездных параметра и сколько сочетаний дает небесный компьютер? Какова роль девяти планет и солнца в корректировке звездного света? Как воздействует на нас небо невидимое - из неизвестных источников излучений всякого рода? Что значит каждое из таких излучений и как они соотносятся с человеком?

Миллионы вопросов, на многие из которых могли дать ответ жрецы древних цивилизаций и не хочет отвечать нынешняя наука.

Есть гениальные догадки Велимира Хлебникова, Андрея Белого, но это лишь отдаленные прорывы к единому знанию. Нет карты, нет путеводителя. Мы сами идем по неизвестной местности, больше всего доверяясь собственной интуиции.

Почему зодиак? Потому что другого пути в пространство-время у нас нет.

Вот Церера - весна, источник любви и жизни. Дева - Ева, она вкусила лунное яблоко с дерева познания. Яблоко луны, впитавшее в себя всю горечь земного мира, вращалось вокруг нашей планеты. Вкусив его света, Адам и Ева из звездного сада сошли на землю светом, воплотились в смертных людей и подарили им свою бессмертную душу. За это они страдают и умирают с нами, но и вкушают горькую радость земной жизни.

Созвездие Девы - туда вошел Данте сквозь круги ада. Дева - Беатриче, Джульетта, Лейла - светлое женское начало мира. "В скромном, не очень ярком созвездии Девы, быть может, находится центр самой большой из материальных систем, которые пытается себе представить человечество". В иконописной православной традиции на лбу у Богородицы сияет звезда из восьми лучей. Это главная звезда в созвездии Девы - Спика: "Лишь 600 солнц могли бы одновременно создать такой же поток излучения". На псковских иконах Богородица изображена с прялкой. Вспомним, что в китайской мифологии Волопас служит Небесной Ткачихе - Деве. Блок видел Прекрасную Даму - Деву в отсвете небесной лазури. Он стучался в ту небесную дверь, и она ему отворилась.

Ты ли меня на закате ждала? Терем зажгла? Ворота отперла?

Лазурная небесная аура облекает образ Прекрасной Дамы. Он видит ее не днем и не ночью, а в "незакатном" небе за пятью пранами Чхандогья-Упанишад:

*В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.*

Она на высокой хрустальной горе небес в облаке горящей звезды, и поэт воспаряет к ней огневыми кругами:

*И, когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму, -
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну тебя втгерему.*

"Постигать огневую игру" небес мы только-только начинаем. Я не уверен, что, говоря о Прекрасной Даме, Блок вполне осознанно видел при этом очертания созвездия Девы, но на уровне звездного архетипа именно так называет он свою Даму:

*Вслед за льдиной синюю
В полдень я вплыву.
Деву в снежном инее
Встречу наяву.*

Белая Ты, в глубинах несмутима,

*В жизни строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.*

Здесь очень интересен тройной круг звездного посвящения в рыцари. Огонь видимых созвездий, "зорь" меркнет ради незримого белого огня Купины. Но "Купина неопалимая" - это опять же весьма чтимый образ Девы - Богородицы, который так и назывался.

Купина - огненная звездная купель, в которой можно принять новое крещение белым огнем. Вспомним здесь молочный котел Ивана - жениха Зари-Заряницы. А у Блока:

*Блекнут ланиты у дев златокудых,
Зори не вечны, как сны.
Тайны венчают смиренных и мудрых
Белым огнем Купины.*

Образ Девы с детства был близок Блоку. Это вовсе не отвлеченный символ, как толкуют учебники, а совершенно отчетливый небесный лик, который видел поэт еще ребенком когда выходил под утро в луг:

*Любил я нежные слова,
Искал таинственных соцветий.
И, прозревающий едва,
Еще шумел, как в играх дети.
Но, выходя под утро в луг,
Твердя невнятные напевы,
Я знал Тебя, мой верный друг,
Тебя, Хранительница Дева.*

Рядом на том же весеннем небе созвездие Волосы Вероники. Это образ спящей царевны с рассыпанными золотыми кудрями. Такой видит ее художник В. Васнецов в хрустальном гробу. Так видит ее и Блок в хрустальном гробу небесной тверди:

*Вот он - ряд гробовых ступеней,
И меж нас - никого. Мы вдвоем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.
Ты покоишься в белом гробу,
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу,
Золотой образок на груди.
Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой,
Остальное - бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.*

Я думаю, что отношение к небу как к величайшей тайне де следует считать данью тем или иным временам. Восторг перед видимым и невидимым мирозданием вечен. Он вспыхивает как огонь, от соприкосновения очей с небом тысячелетней давности.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

ЗОЛОТОЙ МЕЧ

Если бы существовало волшебное зеркало, в которое можно смотреться, одновременно творя свой лик, мы увидели бы в нем звездное небо.

Сегодня мы знаем, что вся вселенная пронизана волнами гармонических соответствий между макро- и микромиром, между человеком и космосом. "Строение физического мира неотделимо от обитателей, наблюдающих его в самом фундаментальном смысле... Существует некий принцип, осуществляющий невероятно тонкую подстройку Вселенной. Но это не физический, а антропный принцип", - пишет космолог П. Девис в книге "Случайная вселенная".

Вот как ощущает эту "невероятно тонкую космическую подстройку" Александр Блок:

"На бездонных глубинах духа, где человек перестает быть человеком, на глубинах, недоступных для государства и общества, катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим вселенную; там идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир".

В "подстройке" человека и космоса поэт не просто настройщик рояля, а композитор, музыкант - вот что до сих пор еще не осознано в должной мере.

"Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно... но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он - сын гармонии, поэт...

Хаос есть первобытное, стихийное, безначальное; космос - Устроенная гармония...

Поэт - сын гармонии. Три дела возложены на него: во-первых - освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых, привести эти звуки в гармонию; в третьих - внести эту гармонию

во внешний мир".

Внести гармонию во внешний мир - значит сотворить новый космос, ибо космос, по Блоку, - это и есть гармония.

Наша цивилизация и культура оказались слишком робки перед такими прозрениями. Блок, Белый, Хлебников несли нам космическую весть, но мы заткнули уши и зажмурили глаза. Ныне космос поэтов топят в литературоведческих терминах: символизм, футуризм, имажинизм, акмеизм - какая бездна за всеми этими "измами". Разве в них дело? Небо спустилось на землю и заговорило поэтическим голосом.

Теперь, на исходе XX столетия, космические прозрения поэтов облеклись в блестящие звездные латы современной космологии. Они надежно защищены формулами и числами от тупости, невежества и непонимания, но мне ближе та хрупкость и донкихотская уязвимость, даже незащищенность поэтического слова, с какой предстало оно перед читателями тогда, в космической наготе и невинности, как Адам и Ева перед Богом до первого прегрешения.

Когда в нашей печати наконец-то с 20-летним опозданием появились снимки радужной ауры излучений вокруг человека, я понял, что означает древняя фраза: "одеялся светом, яко ризою", понял, что парча и дорогие камни - лишь имитация этого космического одеяния. Вспомнил я и древнее предание о том, что Адам и Ева были в раю не просто наги, а в окружении ослепительного света, который потом угас, отчего и понадобилась одежда.

Академик В. П. Казначеев так пишет о сиянии, исходящем от "живого вещества": "Диапазон сверхслабого излучения живых организмов лежит на границе между инфракрасной и ультрафиолетовой областью". Как раз у этой границы наше земное зрение отказывает, зато поэтическое космическое око видело это излучение всегда.

Об этом опять же поведал А. Блок:

"Миры, предстоящие взору в свете лучезарного меча, становятся все более зовущими; уже из глубины их несутся щемящие музыкальные звуки, призывы, шепоты, почти слова. Вместе с тем они начинают окрашиваться (здесь возникает первое глубокое знание о цветах); наконец, преобладающим является тот цвет, который мне проще всего назвать пурпурно-лиловым (хотя это название, может быть, не вполне точно). Золотой меч, пронизывающий пурпур лиловых миров, разгорается ослепительно - и пронзает сердце. Уже начинает сквозить лицо среди небесных роз, некто внезапно пересекает золотую нить зацветающих чудес; лезвие лучезарного луча меркнет и перестает чувствоваться в сердце. Миры, которые были пронизаны его золотым светом, теряют пурпурный оттенок; как сквозь сорванную плотину, врывается сине-лиловый мировой сумрак (лучшее изображение всех этих цветов у Врубеля). Золотой луч погас, лиловые миры хлынули в сердце. Океан - мое сердце".

Бросимся в сей "животворный океан света", погрузимся в эту космическую купель, переполненную сиянием. Поверим Блоку. Ведь речь идет не о символах или иносказаниях - это реальность космической жизни света ^ которую до сих пор не хотят видеть. Если бы речь шла о символизме, я не стал бы отнимать время у читателей. Но, прочитав горы литературы о Блоке, я не услышал даже намека на огненное космическое посвящение, пережитое великим поэтом. Блок закончил свое восхождение к небу по астральной радуге. Как Данте, увидел лицо Прекрасной Дамы, сотканное из вихря звезд, пурги и огня:

Шлейф, забрызганный звездами,

Синий, синий, синий взор.

Меж землей и небесами

Вихрем поднятый костер.

"Вихрем поднятый костер" - это всплеск излучений, идущих от человека к небу. Для тех, кто склонен все

необычное приписывать лишь разгоряченной фантазии поэтов, приведу снова высказывания академика В. П. Казначеева. На языке строгой науки пережитое Блоком астральное пламенное вихревое единение с космосом означает обмен информацией между живой и косной материей на уровне сверхслабых "электромагнитных взаимодействий" в форме "фотонной конstellляции для организации "живого вещества". Так вот что такое лазурно-пурпурно-золотое лилово-фиолетовое сияние, исходившее к небу. Не зря Полыхал астральный костер.

Там, в ночной зазывающей стуже,

В поле звезд отыскал я кольцо.

Вот лицо возникает из кружев,

Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее вьюжные трели,

Звезды светлые шлейфы влача...

Этими стихами Блок закончил описание звездного восхождения Поэт словно предвидел, что никто ему не поверит и с наивностью, свойственной гению, стал убеждать, заклинать читателя в реальности произошедшего. "Ценность этих исканий состоит в том, что они-то и обнаруживают с очевидностью объективность и реальность "тех миров", все миры, которые мы посещали, и, все события, в которых происходящее вовсе не суть "наши представления".

Все напрасно, никто не поверил. А ведь Блок сказал прямо и недвусмысленно. Послушаем его еще раз, ведь великий поэт убеждает нас: "Реальность, описанная мною, - единственная, которая для меня дает смысл жизни. Либо существуют те миры, либо нет. Для тех, кто скажет "нет", мы останемся просто "так себе декадентами", сочинителями невиданных ощущений. За себя лично я могу сказать, что у меня если и была когда-нибудь, то окончательно пропала охота убеждать кого-либо в существовании того, что находится выше и дальше меня".

Каждый писатель по-своему пережил свое космическое рождение. Теперь, опираясь на открытие В.П. Казначеева, могу более определенно сказать, что произошло с Аввакумом Петровым в остроге, с Андреем Белым на пирамиде, какая реальность кроется за описанием особых космических состояний Пьера Безухова, Данте в "Божественной Комедии", Вильгельма Мейстера из романа Гете, В. Катаева в финале книги "Алмазный мой венец".

Не видимые обычным зрением сверхслабые излучения вырвались из тела. Так оболочка разрывает кокон и улетает. Бабочка излучений несет в космос какую-то очень важную информацию, и человек как бы ощупывает своими лучами все мироздание. По тем же каналам, на тех же частотах к нему идет отклик от самых далеких звезд. Он слышит и понимает этот язык.

Когда образуется такая обратная связь между человеком и космосом, вселенная перестает быть черной. В этот момент она воспринимается как свое тело. Возникает ощущение близости самых дальних пространств и звезд. Свет, исходящий от тела в космос, как бы возвращается изнутри, обогащенный новой поэтической информацией.

Я взглянул окрест и удивился:

Где-то в бесконечной глубине Бесконечный взор мой преломился И вернулся изнутри ко мне.

Так неумело пытался я передать это ощущение много лет назад. С годами я убедился, что такое космическое рождение пережили многие писатели и ученые. Более того, сейчас наконец-то проясняется, какая физическая реальность кроется за столь необычными ощущениями. В главе "Космизм живого вещества" академик В. П. Казначеев сообщает, что, кроме перечисленных излучений, есть еще совсем невидимый поток нейтрино. Космос как бы заполнен "нейтринным морем". "В настоящее время выдвигаются различные гипотезы о возможном взаимодействии нейтрино и планетарного живого вещества" (В. Казначеев).

Поясню: нейтрино, подобно фотону, частице света, мгновенно пронизывает вселенную, как бы ощупывая ее. Теперь еще раз вспомним князя Мышкина и разбитый кувшин Магомета, из которого не успела вылиться вода, пока он обозрел все пределы Аллаха.

При антропной инверсии именно так, во мгновение ока, огибается вся вселенная. Видимо, с потоком излучений устремляется в космос поток нейтрино.

Не хочется намертво связывать судьбу космической инверсии с той или иной биофизической или космологической гипотезой. Важно, что сегодняшняя наука гораздо более подготовлена к разговору о столь значительном для многих явлениях, нежели в XIX веке и в начале нашего.

Вот как прекрасно пишет об этом выдающийся современный философ Я.Э. Голосовкер в главе "Первый экскурс в космос за разумом и воображением": "Инстинкт культуры есть не только нечто земное, но и нечто вселенское - в мирах космоса... Если на земле исчезнет человек и даже исчезнет сама земля, то его культуримагинации (так Голосовкер называет незримые сгустки информации во вселенной. - К.К.) могут не исчезнуть. Они могут перенестись в сознание иного высшего существа, живущего не на земле, а где-то в космосе и одаренного высшим инстинктом воображения...

А так как существование высокомыслящего воображаемого существа не может быть ограничено только пределами земли или Солнечной системы, а возможно в любых частях космоса, это существо может быть по времени своего существования бесконечно древнее и по мысли бесконечно могущественнее и совершеннее человека".

И вот последний удар Голосовкера по занудному рационализму: мировая космическая мысль, в отличие от рациональной земной, есть не что иное, как "воображение земного человека".

Можно до бесконечности называть имена художников, поэтов, ученых, музыкантов, осязавших космос лучами. Вот хотя бы свидетельство о норвежском художнике Эдварде Мунке:

"Солнце для Мунка было Божественным источником света и жизни. Небесные тела и "силы" были живыми существами. Луна - ребенок земли. Лунный свет порождает желание и страх. Умереть - значит лишь изменить форму. Люди - волны духа и материи. Они могут растаять, образовать новые формы. Если капустный червь может стать бабочкой, то почему же человек после смерти не может стать чем-то, чего мы не в состоянии видеть. Люди - сосуды, заполненные текущими в них волнами".

По сути дела, Мунк видел те же реальности, что и Блок, - волны космических излучений, разговор светом. Теория относительности началась с разговора светом. Эйнштейн мысленно полетел за лучом и убедился, что на фотонегативе нет ничего. Если лететь со скоростью света, отражения не будет. Он погнал световой поезд по световым рельсам, а на

светоперроне поставил светочасы, и он увидел, что на часах света стоял один и тот же час - вечность.

Оказалось, что время есть только относительно света. Вы гонитесь за лучом, и время исчезает, как только вы догоните свет. На фотоне (в луче) время равно нулю.

Если вы перегоните свет, то окажетесь "на том свете", там минус время, а причина опережает следствие: сначала родится ребенок, а потом происходит зачатие, первый поцелуй, первая встреча, томление по возлюбленной, первый взгляд.

В "Сне смешного человека" Ф.М. Достоевского люди высшей цивилизации изъясняются светом. Светом изъясняются клетки, обмениваясь ультрафиолетовыми лучами на одной и той же частоте. О других излучениях известно меньше, но все они сводятся, как и генетический код, к четырем "мастям": сильные, слабые, электромагнитные и гравитационные взаимодействия.

Чтобы открыть мерцание человеческой ауры, пришлось исследовать человека, как звезду, на расстоянии.

Тогда и выявили десять излучений, исходящих от его тела.

На языке инфракрасных и ультрафиолетовых излучений "говорят" звезды. Видимый луч - только путеводная нить Ариадны в лабиринте космоса.

Гийом Аполлинер видит воочию, как звезды-пчелы пьют мед излучений, исходящий от луны и от человека.

Причем вот что еще интересно: ведь и Лорка воспринимает луну как сотовый мед.

Лунный свет

Безумноустая медоточит луна,

Чревоугодию всю ночь посвящена.

Светила с ролью пчел справляются умело,

Предместья и сады пьяны сытою белой,

Ведь каждый лунный луч спадающий с высот

Преображается внизу в медовый сот.

Ночной истории я жду развязки хмуро,

Я жала твоего страшусь, пчела Арктура.

Пчела что в горсть мою обманный луч кладет,

У розы ветров взяв ее серебристый мед.

Поговорим со звездами, как могли это делать жители древнего, мифологического Китая: "Как только появились люди небо сообщалось с ними и они сообщались с небом. Утром и вечером люди могли подниматься на небо, утром и вечером небо могло с ними разговаривать".

По традиционным китайским представлениям, у человека имеется десять душ. Со смертью человека сперва отлетают души "хунь", а потом исчезают души "по". Интересно, что число - 10 душ - по количеству совпадает примерно с открытыми ныне десятью видами излучений, исходящих от человека.

Вокруг нашей Земли есть невидимое инфракрасное небо. Оно светится сильнее или угасает в зависимости от деятельности людей.

Тепло и холод - двоичный код инфракрасного. Ультрафиолет нем, но тепло и холод мы различаем.

Можно объясняться -с мирозданием двоичным кодом, и, может быть, этот код связан с волнами гравитации (если эти волны в природе есть). Тогда "да" и "нет" означало бы "тяжело" и "легко".

Легко внушить себе: "тепло - холодно", "тяжело - легко", и не будет ли тогда разговор со вселенной разговором со своим "я"? Но разговор со вселенной - это и есть диалог с собой.

Люди разговаривают светом, хотя я сам не знаю, как это происходит. Я сказал бы об этом так:

Дирижер бабочки

Тянет ввысь нити,

Он то отражается,

То пылает.

Бабочка зеркальна,

И он зеркален;

Кто кого поймает,

Никто не знает.

Дирижер бабочки

Стал как кокон:

В каждой паутинке

Его сиянье.

Бабочка то падает, то летает,

Дирижер то тянется, то сияет.

*Дирижер бабочки Стал округлым,
Он теряет тень между
Средней Вегой,
Он роняет пульт
Посредине бездны,
Он исходит светом, исходит тенью.
Будущее будет посредине
В бабочке сияющей, среброликой,
В падающем дальше,
Чем можно падать,
В ищущем полета
В средине птицы.*

К.Кедров

Если бы приборы, исследующие звезды, направили сначала на человека, а потом на небо, то и о звездах бы узнали в сто раз больше, как, например, алжирские догоны, которые без телескопа видят полный спектр Сириуса.

Известно, что невидимое глазу инфракрасное излучение распространяется на десятки метров вокруг человека. В результате деятельности человека и всего живого значительно усилилась инфракрасная яркость Земли. Наблюдатель из космоса мог бы по степени этой яркости определить, что на Земле есть разумная жизнь. Это только один из информационных параметров метакода.

Опыты биолога Казначеева говорят об ультрафиолетовом обмене информацией между изолированными колониями живых клеток. Гибель одной колонии влечет за собой гибель другой, получающей тревожный сигнал. Если между ними поставить барьер, не пропускающий ультрафиолетовое излучение, гибель колонии никак не влияет на соседей. Значит, есть единое информационное поле для живых клеток, сотканное ультрафиолетовыми излучениями.

Земля постоянно обменивается с космосом инфракрасными излучениями на той же частоте, на, какой человек обменивается этими излучениями с землей. Возникает мысль о некоем информационном канале, связующем все живое в мироздании на волне инфракрасных излучений. Но инфракрасное излучение есть не только у живого вещества, оно всюду, где есть тепло. Вот одна из нитей, связующих живую и косную материю. А ведь излучений одиннадцать, не считая тех, которые невозможно пока уловить.

В момент антропного метасингулирования информация исходит от человека во вселенную, отсюда свечение, порой настолько яркое, что невозможно смотреть. Одновременно навстречу человеку от вселенной устремляется волна метаинформации.

Этот пульсирующий вселенский кристалл излучений голо-графичен. Каждой звезде на небе соответствует точка акупунктуры на человеческом теле. Они, по наблюдению медиков, сохраняют свою активность порой даже через трое суток после смерти.

Конфигурация созвездий на небе носит отнюдь не случайный характер. Созвездия - зримые иероглифы метакода. Они отпечатываются на сетчатке глаза (тоже спиральной структуры), а через зрение проходит 85% всей информации о мире на сознательном и неосознанном уровнях. Известно, что глаз, в свою очередь, является сферической спиральной проекцией всех внутренних и внешних органов человека. Значит, через зрение небо воздействует всеми звездами на всего человека.

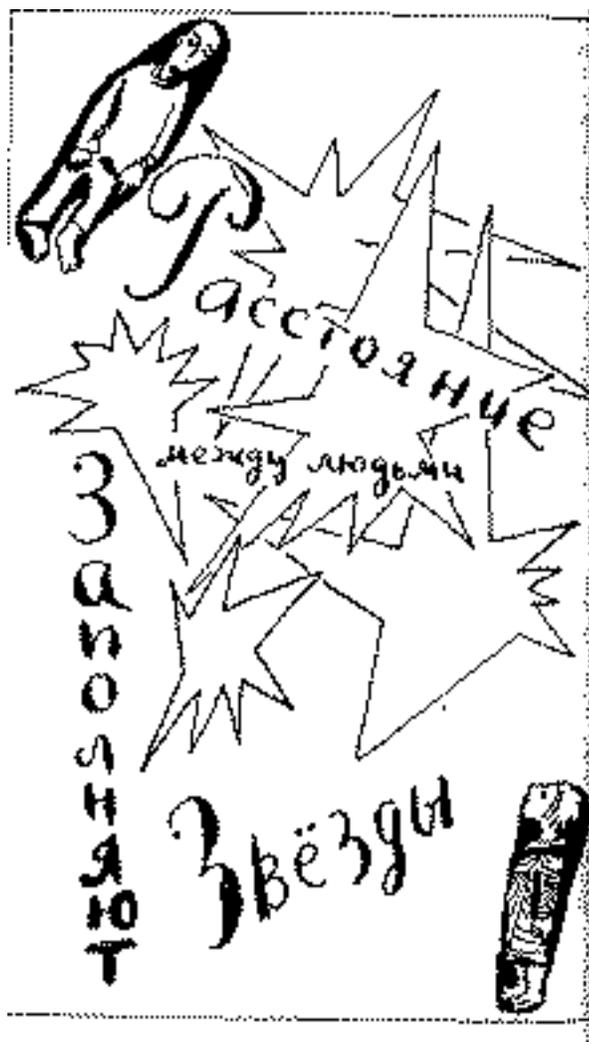
Еще психолог Юнг задавал вопрос, почему мы группируем мысленным взором созвездия так, а не иначе. Ответ на этот вопрос не прост. В созвездиях словно сгруппировались миги прошедшей жизни. Что происходит на

земле и на небе, знают звездные мифы разных народов.

Даже птицы ориентируют свой полет по звездам, даже рыбы различают созвездия. А что, если звездное небо - это постоянная порождающая весть от метавселенной цивилизации?

Одни говорят об имажинативных сгустках информации, другие, как Блок, видят ясно космический свет, третьи предпочитают говорить о бесплотном духе. Мне кажется, что речь здесь идет об одной и той же реальности.

Почти неразличимые глазом электромагнитные излучения, совсем невидимые потоки нейтрино и, возможно, другие, неведомые пока формы материи разносят по вселенной информацию о нашем внутреннем мире, а в ответ из космоса идут излучения, несущие космическую информацию. Незримые излучения сливаются в единый вселенский кристалл мирового, говоря словами Голосовкера, имажинативного мозга. Этот хрустальный глобус увидел Пьер Безухов, эту сияющую многоочитую сферу прозвала Лизаша у Андрея Белого.

Не будем делать вид, что звездный код расшифрован. Я даже сомневаюсь, что здесь возможна в принципе расшифровка. Взаимодействие излучений человека и космоса - это в буквальном смысле слова "тонкая материя". А там, где действуют сверхслабые электромагнитные взаимодействия, вступает в свои права принцип дополнительности Нильса Бора. И здесь, пишет академик Казначеев, между человеком и косной материей возникает диалог света, который, увы, трудно расшифровать, потому что "свойства дополнительности при взаимодействии живого и косного вещества, возможно, имеют характер фундаментального естественно-природного принципа".

Поэты говорят о таком диалоге другими словами.

Тайна звезд терзает мозг человека, каждый луч становится колючкой тернового венца, вонзающейся в мозг. Небо и есть терновый, или, как сказал В. Катаев, "алмазный" венец каждого человека.

Вот Стрелец - охотник, он связан с Лебедем (царь Гви-дон и царица Лебедь).

"Лебедь рвется в облака, Рак пятится назад, а Щука (созвездие Рыб. - К.К.) тянет в воду", - в известных строчках из басни И.А. Крылова движение зодиака. Рыбы - зима, Рак - лето. Каждый тянет в свою сторону.

Ясно, что Лебедь из зодиакального круга времен рвется к выходу за пределы времени - "в облака". А "воз" Большой Медведицы "и ныне там".

Но вот что еще интересно: в созвездии Лебеда есть черная дыра. А может быть, поэты реально чувствуют какую-то связь с излучениями, идущими из той запредельной области. Державин в стихотворении "Лебедь" так рассказал о своем полете:

*Необычайным я парнем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.
В двояком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставляю под собой блеск царств.
Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах;
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.
И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебязьей лоснюсь белизной.
Лечу, парю - и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он выситбя главою,
Чтобы услышать Богу песнь.
Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! Облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.*

Нет, я не отождествляю поэтическую интуицию с восприятием тех или иных невидимых излучений, идущих от видимых и невидимых объектов на небе. Но обращать внимание на такого рода совпадения все-таки надо. Ведь любая неоткрытая закономерность выглядит поначалу как цепь случайностей. А таинственных "случайностей", связанных с отражением звездного неба в поэзии, как, вероятно, уже убедился читатель, накопилось более чем достаточно.

Небо таит в себе не только астрономические и космологические загадки. Это понимают многие художники и писатели.

Среди звезд

Пусть мчитесь вы, как я, покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.
В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: "Вечность - мы, ты - миг.
Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.
Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где все темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло".

А. Фет

"Иероглифы звезд", в отличие от букв, бесконечно мно-, гозначны. Вот почему я испытываю почти физическую тошноту от популярных ныне разного рода астральных трактатов. В них однозначность, невыносимая для поэтического слуха. Вульгарные материалисты типа Бюхнера, Малешота и ученика их - тургеневского Базарова все же не так примитивны, как прямолинейные "астральные" толмачи. Там, где нет высокой поэзии, там нет неба.

Что ж я узнал? Пора узнать, что в мирозданье
Куда ни обратиться, - вопрос, а не ответ.

А. Фет

Какую азбуку зорь составляют
Темные слова их?
Что они говорят звезде далекой?
Какие их уста называют?..
Мои внутренние моря
Остались без берегов...

Ф. Гарсиа Лорка

"Поэтическое творчество - тайна великая есть, такая же вечная тайна, как рождение человека. Слышишь голоса, а чьи они - неведомо... Ни у кого нет ключей к тайне мироздания. Нет их и у поэта". Гарсиа Лорка часто беседовал с не видимыми взором "черными лунами", и больше всего на свете его волновала космическая тайна земли. Как истинный поэт XX века, он не навязывал звездам своего житейского смысла, поэтому его поэтическое слово обладает вселенской распаханностью, как "внутреннее море" без берегов. Вот где космическая инверсия. Внутреннее - значит ограниченное снаружи; однако же нет - это по-земному, а при выворачивании внутренние моря души без берегов, как вселенная.

Если бы небо было ребенком,
Жасмины владели бы половиной ночи...
Но небо - это слон огромный,
А жасмин - это вода без крови,

И девушка - ветка ночная
На темном настиле без края.

Ф. Гарсиа Лорка

Вот истинная метафора во всей своей многозначности и многослойность смысловых пространств.

Связь со звездами, вибрация между поэтом и небом, иногда видимая, иногда незримая, ощутима в каждой строке.

Поэзия - горечь,

Мед небесный, он брызжет

Из невидимых ульев,

Где трудятся души...

Стихотворные книги -

Это звезды, что в строгой

Тишине проплывают

По стране пустоты

И пишут на небе

Серебром свои строки.

Ф. Гарсиа Лорка

Гарсиа Лорка часто видел "черные луны" и красно-зеленый спектр. Зеленый луч шел от незримого зеленого неба, а от поэта к небу поднималось красное излучение:

В глубинах зеленого неба

Зеленой звезды мерцанье.

Как быть, чтоб любовь не погибла?

И что с нею станет...

Сто звезд золотых, зеленых

Плывут над зеленым небом,

Не видя сто белых башен,

Покрытых снегом.

И чтобы моя тревога

Казалась живой и страстной,

Я должен ее украсить

Улыбкой красной.

В космическом спектре у Блока золотое мерцание. У Лорки преобладает серебряное свечение. В целом же возникает интересная оппозиция:

Блок Лорка

Золотой Серебряный

Звездный. Лунный

Блок чаще ведет разговор со звездами, а Лорка с луной. Золотой звездный меч Блока напоминает легенду про обоюдоострый огненный меч, отсекающий небо от земли со времен падения Адама. Не этим ли мечом рассек грудь пушкинскому пророку шестикрылый серафим?

Золото звезд - путь на небо. Серебро луны - забвение. Серебряный ластик луны, двигаясь по кругу небес вокруг земли, как бы стирает всю лишнюю суетную информацию, готовит к небу. Может быть, Альфа и Омега Тейяра де Шарде-на - это еще звезда-солнце и луна-планета земли. Язык луны темен и поэтичен. Вот стихотворение Лорки "Омега" - истинно лунная речь:

ОМЕГА

(Стихи для мертвых)

Травы.

Я правую руку себе отрежу.

Ожидание.

Травы.

У меня есть перчатка из ртути, из шелка - вторая.

Ожидание.

Травы!

Не плачь. Молчанье - тишина, которую другие

не слышат.

Ожидание.

Травы!

Открылись большие ворота.

Изваянья упали,

Трааавы!!

Академик Казначеев говорит о том, что язык, или код, которым небо обменивается с землей, подчиняется принципу дополнительности. Это особая ситуация, когда взгляд воздействует на источник света, изменяя его, а произнесенное слово настолько преобразует слух, что нельзя сказать, сотворен или отражен образ неба. Это и есть верный признак метакода и возникающего на его основе нового метаязыка поэзии.

"Второе сознание и метаязык. Метаязык не просто код - он всегда диалогически относится к тому языку, который он описывает и анализирует. Позиция экспериментирующего и наблюдающего в квантовой теории... Неисчерпаемость второго сознания, то есть сознания понимающего и отвечающего: в нем потенциальная бесконечность ответов языков, кодов. Бесконечность против бесконечности"²-

Проще говоря, когда поэт видит таинственные лучи, связующие его с небом, - это реальность, им сотворенная, но в то же время и объективная. Его диалог с небом происходит не на языке человека и не на языке звезд, а на некоем третьем, неопишемом. Скажу еще проще: третий язык, метаязык, посредник между землей и небом - это сама поэзия. Поэт не переводчик, а создатель звездного языка. Об этом писал еще Низами в X веке:

Хочешь, чтоб тебе подвластно стало небо, - встань

И, поправ его пятою, над землей воспрянь!

Только не оглядывайся, - в высоту стремясь

Неуклонно, - чтоб на землю с неба не упасть.

Твой кушак - светила неба. Ты - Танкалуша

Звездных ликом. Цепи снимает с них твоя душа.

В каждом лике, как в зеркале, сам витаешь ты.

Так зачем же знаменьями их читаешь ты?

Но хоть ты от ощущений звезд всегда далек, -

Дух твой, разум твой навеки светлы их зажег.

Кроме точки изначальной бытия всего,

Все иное - только буквы свитка твоего.

Так что же такое метакод? Матрица звезд, с которой воспроизводятся тексты? Матрица, но - живая. Сами по себе звезды немые. Они оживают, когда луч отражен в зрачке. Между наблюдаемым и наблюдателем возникает тонкая связь, порождающая волны незримого света. Возможно, что древние индусы называли

праной те самые истечения света, которые мы именуем "слабые электромагнитные излучения".
Средоточием излучений в Чхандогья Упанишад названо сердце. "Поистине у сердца пять отверстий..."

зрение солнце тепло

слух луна свет

речь огонь аура

мысль влага красота

пространство ветер энергия

"...Поистине это пять стражей... охраняют врата небесного мира... Достигает небесного мира тот, кто знает пятерых стражей".

Все пять преломлений света от жары и огня до холодного свечения луны, ауры и чувства красоты - это только преддверие. Далее открывается небо незримое.

"Далее то сияние, что светится над этим небом, над всеми и надо всем в этом высшем из миров, это поистине то же сияние, что и внутри человека.

Видят это, когда от прикосновения ощущают тепло в этом теле. Слышат это, когда прикрывают уши и слышат как бы звуки и шум, как бы от пылающего огня. Это должно почитать как увиденное и услышанное.

Привлекательным и славным становится тот, кто знает это".

Поднявшись на самые вершины небес, увидим там свой внутренний свет. Услышим речь неизреченную, увидим свет невидимый. Описание этой неизреченной речи и отражение невидимого высшего, внутреннего света - метаязык поэзии. "

Слова, как и музыка, движутся

Лишь во времени; но то, что не выше жизни,

Не выше смерти. Слова, отзвучав, достигают

Молчания. Только формой и ритмом

Слова, как и музыка, достигают

Недвижности древней китайской вазы,

Круговращения вечной недвижности.

Не только недвижности скрипки во время

Звучащей ноты, но совмещенья

Начала с предшествующим концом,

Которые сосуществуют

До начала и после конца,

И все всегда сейчас.

Т.С. Элиот

Чтобы войти в это пространство, Элиот подошел вначале к закрытым дверям небесного сада. Этому предшествовал миг антропной космической инверсии, когда прошлое, будущее и настоящее тасуются, как масти в колоде карт, и сливаются в один вечный миг.

Настоящее и прошедшее,

Вероятно, наступят в будущем,

Как будущее наступало в прошедшем...

Если время всегда настоящее,

Значит, время не отпускает...

Шаги откликаются в памяти

До непройденного поворота

*К двери в розовый сад,
К неоткрытой двери. Так же
В небе отклоняется речь моя. Но зачем
Прах тревожить на чаше розы,
Я не знаю.*

*Отраженья иного,
Населяют сад. Не войти ли?*

Помните блоковский "Соловиный сад"? В саду Элиота поют не соловьи, а дрозды, но сад по-прежнему звездный. Восхождение к нему по воздушным ступеням неба.

*В первую дверь,
В первый наш мир войти ли, доверяясь
Песне дрозда? В первый наш мир.
Там они, величавые и незримые,
Воздушно ступали по мертвым листьям...
И взгляды невидимых пересеклись,
Ибо розы смотрели навстречу взглядам.*

Элиот восходит в звездный сад по сапфировой лестнице. Сапфир включает астральную радугу Блока, ее оттенки. Сапфир - это и есть блоковская лазурь, сгущенная до синевы, еще одно свидетельство, что по одной и той же лестнице света поэты поднимаются в небеса. Теперь вспомним Кол-звезду Заболоцкого, и Большую Медведицу - повозку мертвых, и вечное дерево - дерево Млечного Пути.

*Пристал сапфир, прилип чеснок,
В грязи по ось ползет возок,
Поскрипывает дерево,
В крови вибрирует струна,
И забывается война
Во имя примирения.
Пульсация артерий
И лимфы обращение
Расчислены круженьем звезд
И всходит к лету в дереве.
А мы стоим в свой малый рост
На движущемся дереве
И слышим, как через года
Бегут от Гончих Псов стада,
Бегут сейчас, бегут всегда
И примиряются меж звезд.*

Т.С. Элиот

И вот теперь, когда видимое небо с Полярной звездой, Медведицей, Гончими Псами достигнуто, надо выйти к незримому небу, к своему утреннему свету, о котором говорится в Чхандогья Упанишад. Чтобы вывернуться туда, надо достичь неподвижной точки - оси, вокруг которой вращаются все звезды. Это вершина небесного

дерева - Полярная звезда. Здесь горловина чаши, отсюда выход к свободе. Эта звезда в 120 раз больше солнца. Луч от нее летит до земли 472 года. "Это означает, что в настоящее время мы видим Полярную звезду такой, какой она была во времена Колумба и недоброй памяти Ивана Грозного". Все это, конечно, интересные сведения, но самое главное другое. Полярная звезда - цефеида, она пульсирует, Ф.Ю. Зигель пишет о цефеидах так: "Подобно сердцу, они непрерывно пульсируют..."

Чего особенного в пульсации Полярной звезды, ведь на небе немало пульсирующих звезд. Я думаю, что пульс пульсу РОЗНЬ. Один пульс у Пушкина, другой у всех остальных. Пушкин нам о многом поведал, а о чем рассказала поэтессе Полярная звезда, мы уже знаем.

Разговор поэтов со звездами надо слушать без высокомерного недоверия. Ведь ясно же, все они в один голос нам ГОВОРЯТ о буквальном, а не символическом контакте со звездами. Может быть, в этом слиянии космического пульса звезд и человека кроются еще не разгаданные тайны метакода.

Ни подъем, ни спуск. Кроме точки, спокойной
точки,

Нигде нет ритма, лишь в ней ритм...

Чувств белый свет, спокойный и потрясающий,

Его движения Erhebung...

Т.С. Элиот

Возвышенное влечет нас к небу. У Блока это его "хвостатая звезда". У Заболоцкого и Элиота звезда Полярная. Поэтический взор Лорки устремлен к луне. Лермонтов просто слушал, как "звезда с звездой говорит". В этом разговоре звезд отчетливо слышны голоса поэтов.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

БЕСЕДЫ О БЕССМЕРТИИ

БЕСЕДА 1

ЧЕЛОВЕК НАМНОГО БОЛЬШЕ ВСЕЛЕННОЙ

Философская мысль не так уж часто совершает открытия, которые имеют непосредственное отношение к человеку. Ни к обществу, ни к государству, ни к человечеству, некому безликому и аморфному, что философ и богослов Альберт Швейцер называл великим обманом, а просто к человеку, к личности, как таковой. А между тем такое открытие было совершено. Но совершено оно было таким образом, что почти что никто из ныне живущих на земле людей ничего о нем не знает. Хотя чисто формально, чисто внешне в учебниках о нем сообщается. Но в каких учебниках? В учебниках по физике, в книгах по математике, в специальных математических трудах. В то же время смысл этого открытия отнюдь не сводится ни к физике, ни к математике, ни к философии, ни к богословию. Он гораздо грандиознее, гораздо шире и вообще глубже и важнее всякой науки. Фактически это открытие бессмертия человека. Но какого бессмертия? Не такого, как традиционно понимают: вот я сейчас живу, вот я умру, а потом наступит жизнь после смерти. Дело в том, что ведь на самом деле времени, да и пространства, такого, которое возникает в нашем представлении о бессмертии, о котором я сейчас говорю, не существует. И чисто теоретически это все знают. Так же как все знают чисто теоретически, что земля не плоская, а земля - шар, но все-таки в повседневной жизни мы как бы ходим по плоской земле. Вот так же люди прекрасно знают, что пространство и время, которые в нашей психологии отпечатываются, в нашей психике, в нашей жизни, они иллюзорны, они являются обманом. Это знали и древнеиндийские философы и мистики, это прекрасно знал Иммануил Кант, который обратил внимание на одну очень интересную вещь: что самой главной решеткой и самой главной тюрьмой является

для человека именно решетка времени и пространства - три измерения пространства. И Кант спросил: "Ну почему же не четыре?" Ведь математически-то и четыре может быть, и пять. Иван Карамазов в разговоре с Алешей Карамазовым как раз в споре о Боге, о бытии Божиим говорит, что он, конечно, не какой-нибудь примитивный атеист или материалист, который кричит "Бога нет!", нет, он математик, и как математик он знает, скажем, такую вещь, что существует не только четвертое измерение, а существует n измерений. Подумайте только - n измерений! А мы и четвертого не видим. Да что там четвертое, мы и три-то измерения плохо воспринимаем. Одно измерение - линия, два измерения - это плоскость, двумерность, древнеегипетское изображение, допустим, древняя византийская плоскостная икона, плоскостное пространство. Потом аж задохнулось человечество от восторга, когда вдруг открыло для себя объем. Ну что, казалось бы, такое - три измерения или два? А что, оно до этого жило не в трех измерениях, в этом трехмерном объеме не существовало? Существовало. Но на душевном уровне не воспринимало. Хотя и скульптуры создавались, и храмы возводились в объеме, все-таки мир был плоским. Когда же появился объем? Объем появился, когда на плоскости возникла перспектива. Открытие, с которого началась эпоха, именуемая Возрождение. Человек заметил объем только тогда, когда этот объем был изображен на плоскости. Вот перед вами плоскость, стена, вы в нее уперлись. Вычерчивается перспектива (перспектива - это ведь воображаемое, человек вообразить должен, представить, если не представит, то он не увидит), и открывается бесконечность. Обычно, когда говорят о вершине этого прорыва, всегда говорят о леонар-довской "Тайной вечере". Там Христос, апостолы, а там дальше окно и уходящее вдаль пространство. Кстати, Сальвадор Дали продолжил это открытие, и он уже и вперед пространство сделал, и уже Христос и апостолы находятся в середине объема. Не так, как у Леонардо, где объем открывается позади, здесь и впереди, и позади Христа объем. Открытие третьего измерения как бы продолжается.

Ну, открыли третье измерение. Что это человечеству принесло? Что фундаментально изменило в его отношении к жизни, к смерти, к бытию? Кое-что изменило. Прежде всего, он стал по-иному относиться к своему телу, или к тому, что было принято считать сосудом скверны, греха, чем-то низменным. А тут вдруг К телу начали относиться как к некому таинственному вместилищу какого-то бесконечного пространства, потому что объем бесконечен. С открытием третьего измерения перед человечеством открылась бесконечная перспектива. И вот этот момент открытия бесконечности сопровождался трагическими для человечества переживаниями, и тут трагические судьбы, здесь и грандиозные потрясения. Все, казалось бы, началось с такого невинного математического, астрономического спора, который не выходил на большую общественную арену, а велся в очень замкнутых пространствах - в монашеских кельях, в научных дискуссиях между собой, шепотом, на ушко, чтобы, не дай Бог, быть обличенным в ереси. Тогда польский монах Коперник вдруг пришел к твердому убеждению на основе древних мистических античных трактатов, что центром этого бесконечного объема (раз объем, то в нем надо найти какой-то центр, иначе в нем расплываешься, разлетаешься в разные стороны) является Солнце. До этого считалось, что в центре мироздания Земля. Земля сотворенная. В центре Земли - Иерусалим, центром Иерусалима считалась Голгофа, Крест, и вот отсюда все расходится, к этому все сходится, это центр мироздания. Вокруг этого вращается Солнце, звезды, все мироздание, вся вселенная вращается вокруг этого. В "Божественной Комедии" Данте эта особая космология передана. И вдруг оказывается, что не Земля в центре, а Солнце. И не Солнце вращается вокруг Земли, как это видит каждый из нас на бытовом уровне, а, наоборот, Земля вращается вокруг Солнца, чего никто из нас не видит. Приходится удивляться только одному: что Церковь не обрадовалась этому открытию, а ужаснулась. "Ведь на самом-то деле это подтверждение самых сокровенных мистических знаний, раз зрение человека обманывает его каждый день... Это замечательно передано в притче, которую зарифмовал в стихах Пушкин:
"Движенья нет", - сказал мудрец брадатый.

Другой смолчал и стал пред ним ходить.

Сильнее он не мог бы возразить.

Хвалили все ответ замысловатый...

А дальше идет возражение:

Но, господа, забавный случай сей

другой ответ на память мне приводит:

ведь каждый день пред нами солнце ходит,

однако прав упрямый Галилей, -

который сказал вслед за Коперником: "А все-таки она вертится!" - хотя на суде он все-таки должен был отречься от этого еретического учения. Так вот, поразительно, что такое опровержение очевидности, такое опровержение того, что повседневно перед нашими глазами, свидетельствует о чем? О том, что космическое зрение, космическое видение не очевидно, оно требует человеческого воображения. И не только человеческого воображения, но и человеческого чувства, потому что нужно сначала почувствовать бесконечность, чтобы она потом перед глазами открылась.

Кстати, когда Коперник открыл для себя, что Солнце в центре мира, а вокруг вращается Земля, еще основы мироздания не были поколеблены. Ну да, Земля вывернулась как бы из центра, оказалась на периферии, но все-таки есть центр, вокруг которого все вращается. Куда грандиознее другой переворот - переворот Джордано Бруно. Это очень крупный мистик, монах, поэт, философ, мученик и, по-моему, святой человек. Он открыл, что вообще-то центра не существует. Он открыл то, что другой мистик, Николай Кузанский, сформулировал так: вселенная есть сфера, где центр везде, радиус бесконечен, а окружность нигде.

Попробуйте представить это, и каждый из вас может оказаться блуждающим центром этой вселенной.

Попробуйте представить себе, что радиус вселенной расходится от вас во все стороны некими невидимыми, незримыми лучами, и этот бесконечный радиус будет ощупывать всю эту вселенную, все это мироздание. И в то же время, поскольку этот радиус бесконечен, а окружность нигде, то вы получаете некое бессмертное, вечное, бесконечно длящееся пространство. Если при этом вы его еще почувствуете, как почувствовал его Николай Кузанский, если вы еще и восхититесь им, как восхитился Джордано Бруно, то вы поймете, почему это знание не просто космологическое, не просто астрономическое, а мистическое. Человек открыл не бесконечность. "Бесконечность" - это слово глупое немножечко. Хоть Гегель говорил, вот "дурная бесконечность", которая повторяется, повторяется, повторяется, но он ее немножечко оживил: кроме бесконечно повторяющейся, есть бесконечность некая разнообразная. Это разнообразная бесконечность, где не все повторяется, а все повторяется на новом витке спирали, но, собственно говоря, большой-то разницы в этом нет.

Дело в том, что Джордано Бруно, Коперник, Галилей открыли фактически не бесконечность, они открыли бессмертное тело человека. Может быть, они не очень ясно это сформулировали, скорее на уровне чувства. Потому что-в то время существовало и до наших дней существует противопоставление души и тела. А в этом противопоставлении - дикое недоразумение:

что душа обязательно бестелесна, что тело обязательно бездуховно, что душа в него как бы привносится извне, а может быть некое тело без души. В том-то и дело, что, для того чтобы быть, любой предмет должен быть одухотворен, потому что "быть" значит нести в себе дыхание Божие.

В Библии сказано, что Бог вдохнул душу в Адама и Еву. Но до этого же он вдохнул бытие во все мироздание, он вдохнул его не просто дыханием, он вдохнул его словом. "И сказал Бог: "Да будет свет". И стал свет". Это дыхание - свет. Таким образом, мы знаем и тот радиус бесконечный, о котором говорит Николай Кузанский. Этот бесконечный радиус - свет. Именно он обегает всю вселенную, именно он простирается до бесконечности,

именно он ощупывает мироздание. Но есть свет видимый, который мы видим, как свет солнца или как другие проявления света - все той же энергии. Но ведь есть свет невидимый.

Есть та же самая энергия - Божественная, энергия творения, которая в виде незримых излучений, которые называют самыми разными словами - нейтринные, электромагнитные, гравитационные. Это совершенно не важно, какими словами это все называют и чем на самом деле они являются, пусть в этом разбираются физики. Но важно, что, кроме видимого света, все мироздание пронизывают незримые излучения, и эти незримые излучения исходят от нас с вами. От каждого из нас они расходятся. В некоторых случаях они видны, как некая аура вокруг человека. Эта аура была обнаружена при довольно комических обстоятельствах.

Несмотря на то, что человечество во все времена знало, что человек, так же как звезда, сияет, от него расходит свет, но поскольку этот свет не видим очами, незрим, то наука примерно до 1983 - 1984 года упорно твердила, что это все лженаука, и не только в России, но и во всем мире. И только благодаря опытам, снимкам супругов Кирлиан, которые научились фотографировать это излучение, исходящее от человека а потом уже при совсем комических обстоятельствах, благодаря тому, что Брежнев был болен и его лечила своими излучениями экстрасенс Джуна, ученые возобновили свои исследования. Именно тогда пришла в голову эта гениальная мысль (как это она раньше не осенила), что если мы направляем спектроскоп во вселенную, чтобы уловить спектр самых далеких звезд и по этому спектру определить, какая это звезда, каков ее состав, то почему бы не направить спектроскоп на человека, ведь человек-то вот он, тут.

Вот догадались наконец направить на человека, и, когда стали его изучать астрономическими приборами, тут наука наконец сдалась. К середине 80-х годов даже самые закоренелые материалисты, даже фанатики материализма - марксисты, коммунисты от философии вынуждены были признать, что от человека исходит сияние. Но опять же, что это за открытие? Ведь о нем все знали. Ведь на любую икону посмотрите - есть нимб, есть аура окружающая, семь слоев. В православии она называется мандорла, в индуизме называется мандала. В сказках это сияющее тело человека, световое, светоносное, которое так просто не видимо, но видимо бывает в особых состояниях и при особых обстоятельствах. В сказках оно Присутствует, как превращение лягушки в царевну, когда она сбрасывает свою лягушину - видимую - кожу ночью, когда обычный свет уходит, она превращается в царевну, облачаясь в свои светоносные одеяния. Причем очень часто после литературных обработок исчезает самое главное. Ведь не просто царевна - лягушка, а она ночью мелет звездную муку и печет звездный хлеб, она из лучей тклет лунное полотно и одевается этим полотном лунным и эту звездную еду она подносит царю.

А в "Сказке о царе Салтане", которую мы знаем в переложении Пушкина, от этого звездного брака потом рождаются дети, у которых во лбу солнце, на затылке месяц, а по бокам звезды частые. Все это можно рассматривать как метафору, образ, красоту некую. На самом деле это гораздо больше, чем просто метафора, просто образ, просто некое украшение. Все дело в том, что человек действительно может вмещать в себя звезды, солнце, луну и даже всю невидимую вселенную, огромную бесконечную вселенную, которую открыл в мистическом озарении Николай Кузанский, и то открытие, что незадолго до смерти решился опубликовать Коперник. Та самая вселенная, о существовании которой догадывался Галилей, когда сказал: "А все-таки она вертится". То есть была открыта бесконечность, то, что мы называем бесконечностью. Если вы эту бесконечность оживите, если она будет заселена вашим сиянием, а сияние это непростое. Ведь солнце что - просто так сияет? Нет. То сияние, которое исходит от солнца, и тот спектр, который исходит от звезд, это результат тех процессов, которые внутри них происходят. Я сейчас не буду говорить о том, что они чувствуют при этом, потому что и солнце, и звезды чувствуют то, что чувствует человек. Правильнее сказать так: звезды и солнце чувствуют нами, людьми. То есть сияние - это видимое человеческое чувство. Поэтому древнее сопоставление "солнце - сердце, сердце - солнце" есть грандиозное откровение. Не случайно же солнце

называли сердцем Христа. Не случайно Василий Великий говорил: неправду говорят, что Христа не видно; посмотрите на небо - вы видите солнце, значит, вы видите лицо Христа. Или говорили, что неверно говорится, что рай невидим для человека. Поднимите глаза к ночному небу, посмотрите. Вы видите звездное небо? Значит, вы видите зримый рай. Но это рай, который можно увидеть своими глазами, ежедневно открывающийся перед нами. Так что Камилл Фламарион совершенно правильно написал в своей книге (эта книга в XIX веке была откровением для многих, и в начале XX века ее очень любила читать полуматериалистическая интеллигенция, потому что тут открывалось, что не все так просто, открывалась красота мироздания, а за красотой всегда некая тайна), что если бы звездное небо человечеству открывалось не в каждом селении, не в каждом городе, а где-нибудь только в одном месте его можно было бы увидеть, скажем, где-нибудь в Японии или в Копенгагене, то все человечество устремилось бы в паломничество к этому месту, чтобы увидеть звездное небо. Но поскольку этот рай постоянно доступен нашему зрению и мы можем видеть его еженощно своими глазами, то мы и не смотрим, мы его не замечаем, как и не чувствуем этого рая в своей душе.

Итак, была открыта бесконечность. Бесконечность, то есть бессмертное человеческое тело, можно назвать - человеческое тело-душа, как угодно. Но и душа, и тело вместе бессмертны. Это то, что мы называем словом "космос". Но все-то дело в том что это противоречит нашему повседневному видению. Так же как в повседнежном видении Земля по-прежнему плоская, по-прежнему Солнце вращается вокруг Земли, так же в повседнежном видении мое тело - это только то, что здесь, а никак оно не простирается в бесконечность. Вот почему открытие Коперника было запрещено. Но поскольку астрономически было уже бесполезно утверждать, что Солнце вращается вокруг Земли, то было принято поистине такое, я не знаю, как назвать, каким словом, поистине сатанинское по своей мудрости решение, а именно: разрешить для математических, для астрономических трудов пользоваться системой Коперника. Коперника издали, но в предисловии написали, что это просто кунштюк такой математический, так удобнее считать, что не Земля в центре, а Солнце, а на самом-то деле Земля в центре. И 70 с лишним лет этот запрет существовал. И только спустя 70 с лишним лет наконец разрешили то, что уже было очевидно всем людям, мало-мальски смыслящим в астрономии, разрешили поверить, что это не математическая условность, а это так оно и есть: Солнце вокруг Земли, а не Земля вокруг Солнца вращается.

Но вот примерно то же самое произошло с открытием Германа Минковского и Альберта Эйнштейна. Потому что так же, как Джордано Бруно, Николай Коперник и Николай Ку-занский открыли бесконечное, а правильное сказать - бессмертное тело человека, именуемое "космос", так же Герман Минковский и Альберт Эйнштейн открыли бесконечную жизнь человека. Может быть, Герман Минковский больше осознал это, Эйнштейн вначале меньше, только потом осознал до конца, в конце жизни, то, что он открыл. Открыли бесконечную жизнь человека, или бесконечное время человека, а правильное сказать, бесконечное время-пространство человека. Что прочитал Герман Минковский в своем замечательном докладе в 1905 году? А прочитал он следующее: что на самом деле времени, отдельного от пространства, и пространства, отдельного от времени, в природе не существует. Есть, кроме известных нам трех измерений пространства и, как мы раньше думали, как это в физике Ньютона преподавалось, отдельно от него существующего времени, есть на самом деле некая четвертая - пространственно-временная координата. Тут не математика, тут не физика, тут нечто более важное. Тут надо вспомнить сейчас Блаженного Августина и вспомнить его рассуждение о том, что такое время и что такое прошлое, будущее и настоящее. Блаженный Августин говорит в своей замечательной исповеди, что, все люди пользуются понятием "время". Все люди говорят: у меня есть время, у меня нет времени, время длится, времени еще много, времени мало, время летит быстро, жизнь пролетает мимолетно. Вроде бы все знают, что такое время. Но спроси, что это такое, и никто не может ничего сказать, сразу начинают

запутываться.

Причем самое удивительное, говорит Блаженный Августин, что самые простейшие вещи вдруг становятся непонятными. Вот, например, спроси человека: "Что такое настоящее время?" Ведь фактически пока ты произносишь, что это - вот это время, оно уже стало прошлым. Или уже приходит будущее. Фактически как бы настоящего нет, оно ускользает. И так же с понятиями "прошлое", "будущее", "настоящее". Они оказываются как бы относительными. И Блаженный Августин сделал грандиозное открытие, на которое, к сожалению, не обратил внимания по-настоящему Иммануил Кант, когда заметил, что время и пространство есть некая решетка, клетка, в которой мы сидим, потому что она создается нашим собственным воображением. Ибо Блаженный Августин даже объяснил, как она нашим воображением создается. Он сказал: что такое "прошлое"? Это воспоминание.

Что такое "будущее"? Будущее - это ожидание. Что такое "настоящее"? Настоящее - это переживание. Как Пушкин говорил: "Сердце в будущем живет, настоящее уныло. Что печально, то пройдет, что пройдет, то будет мило". Вот это Блаженный Августин прочувствовал в неизмеримой глубине. И если мы открытие Блаженного Августина соединим с открытием Германа Минковского, то получится, что есть некое пространство-время, четырехмерное теперь. А четырехмерное потому, что вот три измерения пространства и не так, как было у Ньютона - отдельно время, а пространство-время, отдельно времени от пространства не существует. Доклад Минковского заканчивался словами: "Отныне время само по себе и пространство само по себе становятся простой фикцией, иллюзией. И только их единство сохраняет шанс быть некой тенью реальности".

Если далее обратить внимание на тот график, который вычертил Минковский, а тогда график не такой, как вот в Школе учили все, - время на одной оси, на другой пространство, нет, когда четырехмерное пространство-время, то график становится крестообразный - икс, или крест Андрея Первозванного. Верхний конус - это абсолютное прошлое нижний конус - это абсолютное будущее, или наоборот, не в этом дело, а линия мировых событий, меридиан мировых событий, идущий по этому конусу через горловину, - вот это есть пространство-время, линия мировых событий. То есть что это означает? Это означает, что любое событие во времени одновременно растягивается в пространстве, любое событие в пространстве одновременно растягивается во времени, обретает статус бесконечности. То есть Герман Минковский открывает ту же самую вечность, вернее, так же, как я сказал, что "бесконечность" - это глупое слово, надо сказать просто - о бессмертное тело человека, здесь он открывает как бы бессмертную душу человека, или время, пространство-время, вечную жизнь фактически открывает. Потому что получается, что вот я сейчас говорю и пока я произношу: "Здесь, в системе земных координат, в системе земного времени", - это раз и прошло, а на линии мировых событий это растягивается до бесконечности. И раз это растягивается до бесконечности, то каждое мгновение нашего бытия имеет статус вечности.

Вы скажете - так а где же? Почему я этого не чувствую? Да не чувствуем мы потому, что если смотреть астрономически, физически, то эта линия мировых событий так же, как округлость земли, видна только с высоты. Чтобы увидеть, что не Солнце вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца вращается, надо мысленным взором подняться над Солнечной системой и взглянуть со стороны. Так же надо подняться еще выше и взглянуть со стороны, то есть с высоты скорости света, с высоты летящего по вселенной луча. А скорость эта, как открыл Альберт Эйнштейн на основании опытов того времени, но больше теоретически, 300 000 км/с. И вот если вы будете смотреть на мироздание с летящего луча, если ваш глаз будет там расположен, то вы увидите, что каждое мгновение вашей жизни растягивается до бесконечности. Да, скажете вы, но мне-то что от этого, я же этого не вижу и так далее, и так далее, на самом деле-то реально то, что я вижу. Нет, извините. Что большим статусом реальности обладает - плоская земля или круглая? Круглая. Что большим статусом реальности обладает: система, где Земля в центре, а вокруг - Солнце, или более точная, где условный центр -

Солнце, а вокруг - Земля? Конечно, коперковская. Значит, большим реальным статусом обладает военная, где бесконечно тело человека, продолженное в бесконечность. Это все мироздание, где бесконечна жизнь человека на нии мировых событий, поскольку отдельно-то ведь этого тела существует, пространство-время существует; раз есть про-занство бесконечное, открытое Джордано Бруно, Коперни-м и Галилеем, то есть время-пространство бесконечно, то что оно наполнено жизнью, наполнено временем. Ну, что поделаешь с физиками, что поделаешь с математиками и астро-мами, воспитанными в материализме? Хотя, скажем, Герман инковский в каббалистической, мистической традиции вос-тан и благодаря этому совершил свое открытие. Но, скажем, Ёберт Эйнштейн был в более рациональной системе воспитан, поэтому вначале, когда доклад Минковского прочитал, он : сразу воспользовался, но сказал: ну, да, это условность тематическая. То есть Эйнштейн повторил то, что в свое время руководство церкви проделало с Коперником.

Приняли открытие Коперника, но как математическую ювность. Для удобства, так удобнее считать. Но в конце жизни, пройдя через многие и многие системы и сложнейшие построения, Эйнштейн все-таки пришел к выводу о том, что четвертое измерение обладает полным статусом реальности. И мы узнаем об этом из письма к сыну. Дело в том, что сын сообщил ему (сам Эйнштейн был уже болен), что друг юности Эйнштейна Марк Соловин, с которым они вместе изучали Спинозу, Канта, размышляли над этими проблемами, о которых мы сейчас говорим, и из которых в конечном итоге создалась та аура, в которой и создалась теория относительности, и вот Марк Соловин умер. Эйнштейн пишет своему сыну: "Как ни странно, но сообщение о смерти Марка меня несколько не огорчило. Ты поспешишь обвинить меня в бездушии. Не торопись. Дело в том, что прекрасно помню нашу юность, наши разговоры, наши споры, из которых родилась теория относительности. Ты скажешь, что все это было в прошлом. Но мыто, физики, знаем: прошлое, будущее и настоящее есть не что иное, как человеческая иллюзия".

То есть тут Альберт Эйнштейн полностью перешел на позицию Германа Минковского. Он понял, что время и пространство растягиваются до бесконечности - каждое мгновение человеческой жизни, что они существуют всегда, что не существует смерти, что смерть есть иллюзия - в этом смысле. Смерть как переживание человеческое - это реальность. И переживание плоской земли - это для человека реальность каждый день и каждый час. И переживание восходящего и заходящего солнца - реальность. Это все иллюзии в космическом плане, но в человеческом плане - это реальности, и упаси Боже их отрицать. Но большая реальность, достоверней-шая реальность, главная реальность, реальность космическая такова, что человек уже при жизни своей бессмертен.

Обратите внимание: не после смерти, не после той земной иллюзии, которой именуется смерть, не до, не после, а здесь и сейчас. А видит он это, к сожалению, не всегда. И чтобы закончить этот сюжет, надо конечно же привести хотя бы один пример, когда вдруг человек начинает эту реальность видеть и ощущать. В данном случае я приведу момент, когда человек увидел и ощутил реальность бесконечно, вот этого Джордано-бруновского тела - вселенной, космоса, как своего тела.

Протопоп Аввакум, находясь в остроге, в страстную пятницу или, как он пишет, "в нощи супротив пятка распространился язык мой, а затем руци, нози мои и тело мое, а потом вместил в себя небо, звезды и всю вселенную и весь широк и пространен под небом стал". С ним произошло прозрение в прямом смысле этого слова - он увидел мир таким, каким он является в реальности, в высшем статусе светоносном своем. То есть он увидел мир таким, каким он был бы, если бы он мчался со скоростью света.

Он увидел свое бесконечное тело, как космос, - тело, вмещающее небо, звезды и всю вселенную, и более того - "весь широк и пространен под небом стал". Хотя он теорию относительности не изучал, о Ньютоне не знал, а о Копернике если чего-либо и слышал бы, то, наверное, отнесся бы к этому отрицательно. Суть заключается в том, что в теории относительности Эйнштейна человечество фактически открыло реальность самых высоких

мистических озарений и нашло подтверждение самым смелым своим мечтаниям о том, что каждое мгновение человеческой жизни вечно, что человек заполняет собою все мироздание и всю вселенную и все мироздание находится внутри него. Всегда.

БЕСЕДА 2

ВТОРОЕ КОСМИЧЕСКОЕ РОЖДЕНИЕ

Вопрос: "Константин Александрович, пантеизм Джордано Бруно и Кузанского восходит к древним эзотерическим учениям о Божественном теле Адама. Но, как говорит Библия, отпало это тело от божественности. Вот как с этим быть? То есть мы уже переходим от пантеизма к другому мировоззрению?" Я люблю Спинозу, особенно его слова: "Теперь яснее солнечного света, что любовь является разумом, поскольку любовь есть бесконечность, а разум бесконечен. Поэтому любовь разумна, а разум должен быть в любви". Ну, может, я не совсем точно передал его теорему, но это очень гармонирует с тем, о чем мы сейчас говорим. Не случайно Спиноза, которого часто называют пантеистом, чуть ли не основоположником пантеизма, он был любимым учителем - сквозь столетия - Альберта Эйнштейна. Он говорил, что ему Спинозы вполне достаточно. Так вот, все эти пантеизмы и прочее - это все больше выдумки схоластов, а интересно-то другое. Действительно, как об этом говорят древние учения и как об этом хранят память очень многие мистические трактаты, сотворение Адама - это есть одновременно сотворение всей вселенной, всего мироздания. И сколько смеялись в атеистических брошюрках над тем, что вот, дескать, как это так получается, что солнце, луна, звезды - все это творится для Адама, для человека. Что за абсурд такой! А между тем вот открытие совсем недавнее, где-то в начале 30-х годов физика стала к этому приходить и космология, а по-настоящему это сформулировано уже к 80-м годам, это называется "ант-РОПНЫЙ принцип мироздания". Вы знаете, какая выяснилась поразительная вещь? Выяснилось, что тот самый бесконечный радиус, о котором говорил Николай Кузанский, он равняется, если взять за единицу радиус электрона - очень маленькая величина, десять в степени сорок. Вот этот самый бесконечный радиус, практически бесконечный. А минимальный радиус - десять в степени минус сорок. Обратили внимание на "сорок сороков"? И на слово "срок", идущее от слова "сорок", как некий знак ограничения чего-то? И тут в связи с этим, конечно, естественно у всех, мыслящих физиков и космологов возник вопрос: что ж такое, почему это так может быть согласовано, когда между 10^{40} и 10^{-40} - это же такие расстояния, что мы и представить-то их толком не в состоянии, неужели они подобны друг другу и где-то на числе 40 смыкаются? И надо проверить, случайно ли это или здесь сокрыт некий космологический закон, я его условно зову "закон Адама Кадмона", вот этого самого Адама космического. Адам тот самый, у которого дыхание - это пространство, у которого зрение - это солнце, у которого разум - это луна, у которого кожа - это созвездия, у которого земля - это ступни, у которого кости - это минералы... То есть это вселенский человек.

Но позвольте, этот Адам Кадмон есть и у индусов, у индусов он называется Пуруша. "Тысячеликий, тысячеглазый Пу-руша, только одна четверть твоя простирается на земле, три четверти твои простираются в небо". Или к нам пришедшая традиция Голубиной книги, или, может быть, не пришедшая, а так она одновременно всюду существовала, я к этому склоняюсь, когда спрашивают: "Отчего пошли звезды частые, отчего пошло солнце красное..." - "Солнце красное от очей Божиих, звезды частые от риз Божиих", - ну, и так далее. Опять перед нами тот самый образ - вселенский, космический человек, о котором я и говорю, тот самый человек, каким ощутил себя протопоп Аввакум в страстную пятницу, будучи в тюрьме.

Почему же отпадение произошло? Что произошло, что случилось? И здесь, конечно, все традиционные, канонические системы напирают на грех. Я сторонник того подхода, который сформулирован махатмой Ганди, этим великим человеком, который не только лично свят, но и всю Индию путем ненасилия привел к свободе. Хотя, конечно, после этого она пришла и к насилию, и к войнам, мечта Ганди о мире любви и ненасилия - ахимсы - не сбылась. Но все-таки Ганди сумел сделать то, чего никто из политических деятелей не сумел. Особенно хорошо это видно на фоне насильственного пути, который избрала Россия во главе с Лениным. Тот провозгласил насилие, как главный краеугольный камень. В статье "Государство и революция", его знаменитая книжка, где прямо говорится: главная функция государства есть насилие. Он именно тем отличается от Маркса и Энгельса, что он построил теорию, которую он на практике воплотил, - теорию социалистического государства. И он совершенно откровенно провозгласил: краеугольный камень - насилие, главная функция. То есть он видел свою роль и свою задачу в том, чтобы осуществлять постоянное насилие. И Ганди, который одновременно, уже начиная с 20-х годов, провозгласил религиозно-мистический принцип ахимсы - ненасилия, коим и привел Индию к свободе. Это поразительно, конечно, одновременно и дьявол, и Бог проводили свои эксперименты на земле.

Так вот, Ганди говорил, что очень обрадовался, когда узнал о христианстве, потому что он нашел там очень многие вещи, которые ему с детства по индуистской традиции были близки, - учение о любви к ближнему, учение о всепрощении. Это все-все ему очень близко. Его немножечко поразило, что его друзья христиане, которые, кстати говоря, и обратили его внимание к индуизму, и он индуизмом увлекся именно под влиянием

христианства, все время говорили про грех. Но если, говорит он, человеку говорить, что ты грешен, грешен, грешен, мы ж вгоняем его в землю, мы же вбиваем его лопатой в грязь. Я не хочу ничего опровергать, никакие системы, упаси Боже, нет, я просто говорю о том, что мне открылось, как человеку. Вот в Евангелии понятие греха очень точно Христом определено: грех же состоит в том, что свет был в мире, люди видели свет, а избрали тьму. Послушайте, да это же ведь наша ситуация и есть!

Люди избрали плоскую землю, люди избрали Солнце вокруг Земли, люди избрали свое тело отдельно от своего бессмертного тела, некую косточку внутри персика объявив всем плодом. И в этом смысле, конечно, понятно, что грех Адама это есть некое, я бы сказал, мистическое заблуждение. В чем тайна этого заблуждения?

Результат ли это некоего просчета в замысле Творца? Мы знаем, что чем гениальнее замысел, тем больше там всякого рода просчетов, это обязательно. В свое время было сказано очень глубоко, что обезьяна никогда не ошибается в дифференциальных уравнениях, просто потому что она их не решает. Вот и Творец решает такую грандиозную задачу, которая превосходит человеческое разумение, как сотворение мира, который стал возможен только вместе с человеком и был возможен только вместе с человеком. Конечно же он не мог все предугадать, и конечно же есть вещи, которые, видимо, в его замысел не входили, на то он и Творец, на то он и велик. Кстати говоря, к проблеме греха. Основоположник кибернетики Норберт Винер, который пришел к религии через кибернетику (он принадлежал к высокой англиканской Церкви), написал дивную книгу, она у нас издана, "Творец и робот", где он поставил задачу с чисто кибернетической точки зрения: может ли творец создать систему, которая более совершенна, чем он сам? Обратите внимание, что если на место творца поставим Творца мироздания, а на место системы, которую он творит и которая, он хотел бы, должна быть более совершенной, чем он сам, - человека, то очень похожая задача. И отвечает, что с точки зрения кибернетической такая возможность есть. На то он и Творец, чтобы быть выше себя. В творчестве, это отмечал Бердяев, мы всегда выше самих себя, и в этом мы подражаем Богу.

А с другой стороны, как раз вот Норберт Винер поставил этот вопрос: откуда возникло представление о полной как бы непогрешимости Творца? Ведь, наоборот, представление о всепроникаемости, всеуправляемости и непогрешимости свойственно примитивным системам. Чем примитивнее система, тем она больше все контролирует. Все и вся. Чем система более совершенна, тем больше степеней свободы дается внутри нее всем ее частям. И в этом смысле грех как бы запрограммирован, потому что запрограммирована возможность отпадения, возможность прегрешения, то есть возможность погрешности в решении таких высоких задач - в духовных дифференциальных уравнениях. И человек, конечно, такие ошибки допускает, и эти погрешности я и называю грехом. Но значит ли это, что надо все время думать только о погрешностях и ошибках? Да тогда ничего же не сделаешь, тогда так и будешь сидеть и твердить: "Моя вина, моя вина, моя великая вина" - это знаменитая такая есть католическая молитва. Я не говорю, что она плохая, очень хорошо иной раз взглянуть на себя и ужаснуться каким-то вещам в себе. Но мне как-то более свойственно не столько ужасаться тем несовершенствам, которые есть во всяком человеке, сколько удивляться тому, что в нем заложено Творцом, как совершенство. И здесь хотелось бы повторить удивительные слова Эйнштейна: "Самое поразительное в этом мире - это то, что он еще и познается при этом". Мало того что он такой сложный, такой невероятно запутанный, но он еще и познается. Вот это уж действительно чудо, потому что с точки зрения научной этого быть не должно. И вот, возвращаясь к вашему вопросу об Адаме Кадмоне, о человеке космическом, неожиданное подтверждение пришло со стороны науки. Выяснилось, что если бы не было согласованности мироздания на уровне макромира 10⁴⁰ и на уровне микромира 10⁻⁴⁰, то прежде всего не было бы этого мира. Не было бы галактик не было бы солнца, планетных систем, не было той планетной системы, в которой пребываем мы с вами, не было бы жизни на земле. Поэтому на вопрос: "Что было бы, если бы Господь сотворил мир иначе и не было бы этой тончайшей согласованности?" - был ответ с трибуны: "Не было бы вас,

задающего этот глупый вопрос, и меня, на этот вопрос отвечающего".

То есть этот принцип согласованности мира на макро- и микроуровнях таким образом, чтобы был я, задающий идиотский вопрос, и я, на этот вопрос отвечающий, для этого нужно, чтобы Творец как бы заложил в основе мироздания человека, чтобы он был. И этот принцип был назван антропным принципом мироздания. Причем антропный, а проще говоря, человеческий принцип мироздания делится на два положения: сильный принцип мироздания и слабый. Космологи разделились.

Я сторонник сильного принципа, некоторые сторонники слабого. Слабый принцип гласит: вселенная устроена таким образом, чтобы в ней появился человек. То есть это уже близко к Адаму Кадмону. Творец творит вселенную, но одновременно творит Адама Кадмона. А другой, более точный принцип, это сильный, он, в отличие от слабого, гласит: вселенная устроена таким образом, потому что в ней есть человек. И это уже полностью соответствует тому, о чем задан вопрос, а именно: вселенная такова, потому что мы ее таковой видим. Приведу пример, может быть, наиболее такой ясный, поскольку говорится, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Вот как раз со зрением мы и приведем пример. Потрясающий совершенно пример. Дело в том, что электрон, да как любая частица, в том числе и фотон, - световая частица минимальная, он одновременно волна и частица. В одних опытах он волна, в других частица, но это одна и та же реальность.

И вот что интересно, что вся вселенная выглядит так, а не иначе, потому что наш с вами глаз избирает волну. Если бы глаз был устроен иначе, выбирал бы частицу, это была бы другая вселенная. А другая что, ее, что ли, не существует? Она тоже существует, но она - тот свет. Этот тот же самый свет, но он тот свет, невидимый глазом. То есть когда мы смотрим, мы одновременно творим мироздание. Это относится к зрению, но это же относится и ко всему остальному, ко всем остальным нашим чувствам. Зрение я взял как самое космически наглядное еще и в том смысле, что глазом мы видим на расстояние миллиарда световых лет, мы видим объект, отстоящий от нас на миллиарды световых лет.

В этом смысле глаз человеческий совершеннее всех астрономических приборов. Мало того, что мы видим, мы чувствуем. Вот что главное. Сколько наука нас ни убеждала, что надо не чувствовать, а видеть, вне эмоций воспринимать мироздание, мы теперь приходим к выводу прямо противоположному, то есть к выводу религиозному, мистическому. Нет, вот как раз когда мы видим бесконечность звездную и восхищаемся, вот тогда-то мы ее правильно и воспринимаем. Наш восторг перед ней - это есть ее сущность, это и есть ее зримая, чувствуемая глубина. Поэтому когда Ломоносов, открыв бесконечное тело вслед за Коперником и Джордано Бруно, восторженно восклицает:

Открылась бездна, звезд полна.

Звездам числа нет, бездне дна, -

то это восторг не просто оттого, что какая-то бездна открылась, в которой человеку нечего делать. Нет, он ощущает, что это бездна Творца, и он в ней, сотворенный этим Творцом. И когда он говорит: "Песчинка как в морских волнах... так я, в сей бездне погружен, теряюсь, мыслью утомлен", - то тут возникает этот момент, когда вот еще один рывок, и ты откроешь, что эта бездна вовсе не та, в которую ты погружен, а это бездна, которая в тебе находится. Но для этого рывка человечеству нужно было, видимо, подойти к середине XX столетия, а потом и к концу XX века.

Дело в том, что в XX веке люди наконец-то дозрели до того момента, когда они смогли вывернуться в мироздание. Все дело в том, что возможности человека далеко не исчерпаны, что после открытия той бесконечной трехмерной объемной перспективы, которое произошло в эпоху Возрождения, человечеству предстоит сейчас совершить на основе того, о чем шла речь, для себя, не для кого-то, для себя лично свое космическое рождение. Вот в Евангелии Христос разговаривает ночью с Никодимом и говорит, что человеку

нужно родиться дважды. Там еще у Христа спрашивают, почему дважды, мы же уже родились. Но рождение от плоти есть плоть, рождение от духа есть дух. То есть второе, духовное рождение человека, когда он обретет весь бесконечный космос как свое собственное тело, когда звезды, солнце, луна станут служить ему, как они служили сотворенному Адаму, когда вся вселенная была единым человеком - Адамом Кадмоном, который по какой-то таинственной причине распался на смертное тело и отдельно бессмертное - на мироздание, которое перед нашими глазами. Это соединение, собственно говоря, произойдет не столько в будущем, сколько оно произошло и в прошлом, поскольку прошлое, будущее и настоящее - это иллюзия человеческого зрения. На самом деле все существует одновременно.

Это был момент сотворения Адама Кадмона. А для нас субъективно это как бы в будущем произойдет, хотя со многими это уже произошло, происходит сейчас и произойдет в ближайшем будущем, когда человек вывернется во вселенную и обретет вселенную как свое "я". Вот тут нужно обратить внимание на некий опыт мистический, который лучше всего, конечно, передают поэты. Ну, например, Тютчев, когда восклицает: "Час тоски невыразимой, все во мне и я во всем". Всплеск - все во мне и я во всем, все мироздание. Это не просто пантеизм, что все размазано, как манная каша, в мироздании, нет, все во мне и я во всем - личность, я, все сохраняется, и это двуединое тело человек-космос. Это произошло с совершенно конкретными людьми. В частности это произошло с Андреем Белым, когда он в 1914 году поднимался на пирамиду Хеопса с Асей Тургеневой и за четыре ступеньки до вершины, когда подножие пирамиды исчезло... Я абсолютно уверен, что для того эта пирамида и создана, а Андрей Белый говорит, что арабы знают про этот странный эффект и называют это "пирамидной болезнью" и даже пьют специальный отвар из трав, чтобы этого не произошло. А произошло выворачивание во вселенную. "Исчезло подножие пирамиды, я почувствовал себя, как на некоем астероиде, на небесном теле, - пишет Андрей Белый, - а затем вывернулся наизнанку, и весь зодиак, солнце - все это стало моей собственной кожей. Сам себя обволакивал зодиаком наподобие того, как персик обволакивает косточку. Был косточкой внутри самого себя - персика, сам на себя смотрел многоочитую звездную сферой. И когда я спустился к подножию пирамиды, я стал совершенно другим человеком. Я для этого написал роман "Петербург", чтобы передать это состояние", - говорит Андрей Белый.

Вот этот момент обретения космоса как своего "я" связан, конечно, с разрушением еще одной великой иллюзии плоской земли, а именно: с абсолютизацией внутреннего и внешнего. Для того чтобы вместить в себя космос физически, я никому не рекомендую выворачиваться, потому что физически выворачивание, конечно, происходит. Рождение - это что такое? Когда младенец выворачивается из чрева, в котором пребывал, и обретает другое пространство - это выворачивание. Конечно, выворачивание, когда бутон раскрывается и из него выходит цветок. Конечно, выворачивание, когда из куколки вылетает бабочка и облетает бесконечное пространство, когда летает. Но человек-то существо настолько совершенное, что ему для того, чтобы вывернуться, ничего ни биологически, ни физически с собой вытворять не надо. Ему достаточно поменять внутреннее и внешнее, понять, что это - относительные понятия, относительные, как верх и низ. Ну, вот где верх? Все скажут, верх - это вверху, где солнце. А низ? А низ - это внизу, где земля. Но поднимитесь над землей на очень небольшое расстояние, как поднимаются космонавты, там уже нет верха и низа. Уже надо условно говорить. И тогда они говорят: верх не где солнце, а там, где голова, а низ - где ноги. Это относительные вещи. И внутреннее и внешнее мы можем также переместить и сказать: внутреннее - это где солнце, условно скажем, на какой-то момент, внешнее - это там, где сердце. Для того чтобы потом и внутренне и внешнее одновременно ощущать как свое двуединое "я".

Так случилось с Андреем Белым на пирамиде Хеопса, но Андрей Белый все-таки слушал лекции Штайнера, был антропософом, размышлял на эту тему. Но интересно, что то же самое произошло с человеком, который никак к этому не готовился, а был обыкновенным технарем, так он про себя сказал. Это был американский космонавт

Эдгар Митчелл. Он приезжал сюда в восемьдесят четвертом году и рассказал тогда ленинградским студентам, что, когда он ступил на Луну и посмотрел на землю со стороны, что-то, говорит, с ним произошло странное: "Я стал частью вселенной". Но это банальность, каждый человек интеллигентный рано или поздно чувствует себя частью вселенной. А вот другое - выворачивание: "а вся вселенная стала частью меня". Как большее может стать частью меньшего? Когда это меньшее вывернется наизнанку. В данном случае не физически, конечно. Эдгар Митчелл так и остался Эдгаром Митчелом физически, а внутренне он вместил в себя весь космос, все мироздание. Я бы не обратил внимания на все эти вещи, если бы мне это было незнакомо. Но я дважды в жизни это все во всей полноте не просто ощутил, а достоверно видел, чувствовал и осязал. Правильнее все-таки сказать - осязал. Потому что это момент, когда от тебя исходит некое излучение, как бы от тебя, а в то же время оно идет к тебе в это же время изнутри. И ты этими лучами, от тебя исходящими, вот так же, как я рукой дотрагиваюсь до этой книги "Поэтический космос", где эти вещи рассказаны, вот так же я дотрагиваюсь до самой отдаленной звезды, до самого отдаленного уголка. Но отдаленный уголок не воспринимается как отдаленный, а, наоборот, он воспринимается как внутри тебя находящийся. И с временем происходит то, о чем говорил Маяковский: вдруг мгновение растягивается, вмещает в себя прошлое, будущее и настоящее одновременно. И поражаешься, до какой же степени, оказывается, вечность и бесконечность - доступные вещи.

Можно вспомнить этот момент, когда Наташа влюблена в Андрея Болконского. Кстати, у Толстого много мистических озарений. Она влюблена, а все вокруг ходят там, размышляют: трудно представить себе вечность, трудно представить себе бесконечность. А Наташа говорит: да что вы, это же очень легко - сейчас есть, вчера было, завтра будет, всегда будет. Она понимает, потому что у нее бесконечное чувство - чувство любви. То, что ощущается в момент выворачивания, есть не что иное, если перекодировать это на человеческие чувства, как любовь. Вот все, что я вам рассказывал, при всей сложности своей, когда прошлое, будущее и настоящее одновременно вмещаются в одно мгновение, когда мгновение вмещает в себя всю вечность ("Фауст" Гете: "Остановись, мгновенье, ты прекрасно"), вот это все есть не что иное, как - как бы эквивалентное пространству-времени - выраженное чувство любви. Потому в Евангелии и говорится, что "люби ближнего, как самого себя, в этом весь закон и пророки", и что "любовь никогда не исчезнет, хотя и жизнь прекратится на земле и пророчества умолкнут". Это есть действительно ключ ко всему мирозданию, к тайне бессмертия, к тайне вечной жизни человека. В любви человек познает себя. Не потому любовь проповедуется в Евангелии, что так, дескать, лучше и полезней, как это сейчас сплошь и рядом пытаются представить. Что лучше, конечно, чем друг друга убивать и ненавидеть, лучше любить. Лучше, конечно, но не такой прикладной характер носит эта заповедь. Она носит характер откровения величайшего. Она дарует человеку вечную жизнь не после смерти, но здесь, сейчас, на этой земле. И в этом грандиозная ценность религии. В частности, христианства, которое любовь поставило во главу угла. К сожалению, выворачивание - не программируемый процесс, так же как и любовь, кстати говоря. Можно сколько угодно себя уговаривать: люби, люби, люби. Ничего от этого не изменится, если любви в тебе нет. То же самое можно сказать о выворачивании. Со мной произошло дважды - в 16 и в 27 лет и больше не было. Примерно произошло то, что Флам-марион писал в своей книге: "Если бы звездное небо было видно только в одном месте, то человечество бы устремилось туда в паломничество, чтобы его увидеть". Так вот такое паломничество в пространстве и времени - это как бы тот момент, когда я увидел, когда Эдгар Митчелл увидел, когда Андрей Белый увидел, когда протопоп Аввакум увидел, я уверен, что есть и опыты других людей, момент, когда человек вдруг обретает бессмертие, вечность, как абсолютно достоверную реальность здесь, сейчас, на земле. Всякое представление о жизни после смерти есть уже реконструкция, исходящая из греха, то есть из пофешности, из отпадения, из ньютоновской системы мироздания, до эйнштейновской, до коперниковской. Здесь происходит чудовищное как бы заземление.

Человек проецирует погрешности своего зрения на вечность и бесконечность. На самом деле бессмертие должно быть здесь и сейчас, И если его нет здесь и сейчас, то его никогда не будет. В этом смысле я хочу привести замечательные слова Л.Н. Толстого. Однажды к нему пришли представители из секты бессмертников, это одна из разновидностей старообрядческих сект, которые не верят вообще, что человек умирает. И правильно делают, что не верят. И они пришли к Толстому и сказали, что вот такова их религия. Они не верят, что человек умирает. Толстой не стал говорить, что вот разлагается, гниет и так далее, потому что Лев Николаевич прекрасно понимал иллюзию плоской земли, прекрасно понимал, что нельзя доверять человеческому зрению, мало ли что мы видим. А когда бессмертники ушли, то продолжился разговор.

Гольденвейзер сидел, Чертков. Это как раз Гольденвейзер вспоминает, что Чертков спросил:

"Лев Николаевич, а скажите, а вы-то верите в вечную жизнь, что она будет, жизнь?" Он говорит: "Что значит - будет? Вечная жизнь или есть сейчас, или ее никогда не будет". Вечная жизнь есть всегда. Это чувствовали очень многие поэты, философы, мыслители, космологи, мистики. Они по-разному это выражали, в разных образах. Но, к сожалению, человечество это все воспринимает как некую философскую систему или как некое построение эмоциональное, не имеющее отношения к реальности. Если же эти прозрения, соединяя с личным опытом, соединить с величайшим открытием XX века - с теорией относительности, с антропным принципом мироздания, с квантовой физикой, со всеми вещами, о которых мы сегодня говорили, становится абсолютно ясно, что это и есть ясное, реальное видение мира.

По сути дела, произошло нечто удивительное. Не случайно на конгрессе по антропному принципу мироздания кто-то пошутил: "Что же получается? Астрономы, космологи, философы, физики карабкались на вершину познания, чтобы прикоснуться к тому, как мироздание устроено, в течение столетий. А когда они вскарабкались, вблизи от вершины они вдруг увидели, что здесь их давным-давно поджидают мистики и богословы". Ибо им-то все это было известно с давних времен. Просто, к сожалению, к их голосу не прислушивались, считали это чисто субъективным знанием, не верили, что субъективному знанию можно доверять, не верили словам Евангелия о том, что царство Божие внутри вас есть.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

БЕСЕДА 3 ЗАКОН ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Мы живем в мире множества иллюзий. Эти иллюзии на земле человеку необходимы. Скажем, мы живем на плоской земле. Но если мы будем постоянно ощущать, что мы живем на круглой земле, то мы ходить не сможем. Поэтому иллюзия плоской земли помогает нам ориентироваться в повседневной жизни. Важно только помнить, что плоская земля - это иллюзия и решить, что же она такое на самом деле. Это тоже немаловажный для каждого человека вопрос. Если человек твердо решил, что жизнь его - это только земная жизнь, только жизнь на земле и никакой другой жизни он не хочет видеть и не хочет знать, то иллюзии плоской земли вполне достаточно, чтобы дойти до рынка, чтобы посетить театр, чтобы ходить в устойчивом положении и не падать.

Но человек - существо, чрезвычайно интересно устроенное. Как говорил один из героев Достоевского, "широк человек, слишком широк, я бы сузил". Вот сузить человека никак не удастся. У человека есть внутренний инстинкт вечной жизни. Этот внутренний инстинкт вечной жизни требует постоянного расширения сферы своего знания земных реалий. И как только его знания поднимаются над земными реальностями, вдруг выясняется, что эти реальности были всего-навсего лишь иллюзии. Вот для того чтобы почувствовать, что ты находишься не на плоской земле, достаточно подняться над нею. Ну, что значит подняться? Допустим, подняться по лестнице на самую высокую точку, какая открывается? Но оттуда не видно, что земля круглая. Значит, надо подняться, как минимум, на высоту земной орбиты. Человечеству это удалось сделать сравнительно недавно. Только с момента, когда впервые человек смог подняться над землей и облететь ее. Но человечество узнало, что земля не является плоскостью, значительно раньше. Об этом знали и древние греки,

скажем, Аристарх Са-мосский, хотя это считалось ересью и высмеивалось всячески. Об этом знали люди до Магеллана и узнали во времена Магеллана, когда он, отправившись из одной точки земли, совершил кругосветное путешествие, вернувшись в ту же самую точку. То есть человек обладает способностью обгонять время и преодолевать пространство, которое ему не доступно. Практически человечеству не было доступно пространство околоземной орбиты, и люди не могли посмотреть на землю со стороны и узнать, что она круглая. Тем не менее человечество об этом узнало. Значит, в каждом человеке есть такое внутреннее устройство, которое позволяет ему от жизни земной приподняться к жизни космической. Ведь для того, чтобы увидеть, что земля круглая, нужно отдать предпочтение взору со стороны, космическому взору. А для этого нужно было вывернуться, вывернуться наизнанку. Вот мы смотрим на космос отсюда, вот отсюда смотрим - тогда да, земля плоская.

Но стоит нам вывернуть свое зрение, мысленным взором посмотреть со стороны - и откроется, что земля круглая. Для этого надо, правда, чтобы еще и зрение поднялось ввысь. Как говорится в православном богослужении, священник воздевает руки горе: "Горе имеем в сердцах", - и хор отвечает: "Имам ко Господу". Или у Марины Цветаевой "Поэма горы" начинается словами:

Вздригнешь - и горы с плеч,

И душа - горе!

Дай мне, о горе, спеть

О моей горе...

Вот если иметь в своем сердце это стремление ввысь, быть на той самой горе, которая у каждого народа обозначается разными словами, тогда перед человеком открывается совершенно другая перспектива. Скажем, у греков было целых три горы, где жили боги. Была гора Пелион, была гора Осса, была гора Олимп. Все эти горы, конечно, мысленные, духовные. Ни один из греков, посвященных в мистерии, конечно же не предполагал, что конкретно вот он взойдет на ту или иную гору, географически существующую, и там его поджидают боги. Нет, греки не были такими наивными, смешными людьми. Но образ этой горы был в душе. И так же, как гора Казбек, или какая там у кого перед глазами находится, превышает его зрение, выше его, вот так и духовное зрение, мысленное зрение или, как любили говорить наши православные мистики, если б взглянуть мысленными очами. Вот, скажем, когда обращаются к Богородице, то говорят:

"Радуйся, гора необозримая мысленными очьми", или "неудо-бозримая мысленными очьми", мысленными очами. Это такая высота, что даже невозможно мысленным взором увидеть, вот есть еще и такая высота. Там тоже большая система иерархии. Но, собственно говоря, каждому из людей нужно выбрать, остается ли он при своем земном зрении, живет на плоской земле или он устремляется горе. Конечно, многие люди живут спокойно с земным зрением, и никто их не осуждает за это, и недостойно осуждать за это людей. Хотят жить так и живут так. Но тогда надо смириться со многими вещами. Эта земная жизнь, во-первых, временная и, во-вторых, смертная. Временная - значит, она сегодня есть, потом она исчезает. А смертная - это значит, что на этой земле торжествует то, о чем Владимир Соловьев сказал:

"Смерть и время царят на земле", - никуда не денешься. Правда, дальше следуют другие строки:

Смерть и время царят на земле,

ты владыками их не зови.

Все живое исчезнет во мгле,

неизменно лишь солнце любви.

Вот солнце любви и есть нечто горнее, космическое, высшее, и вот это и есть самое наисовершеннейшее свойство человека, которое, как это ни покажется странным, и дает ему возможность жить дольше, чем живет вся вселенная. Кстати говоря, многие люди пребывают в очень странном заблуждении, когда говорят, что вселенная существует вечно. Ничего подобного. Вселенная возникла примерно плюс-минус (в космических масштабах это не имеет значения) двадцать миллиардов световых лет назад. Световой год - это пространство, которое пролетает луч со скоростью света 300 000 км/с. Это гигантское пространство, так вот таких пространств примерно двадцать миллиардов световых лет существует вселенная. Она возникла, можно сказать, из ничего - из пространства, равного примерно ушку игольному или тупому концу булавки. Кстати, в Евангелии есть очень интересные слова, которые настолько смущают людей, что они пытаются всячески по-земному их истолковать. Христос говорит: "Легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Небесное". Это кажется настолько : несоразмерным: как это так, верблюд, такое огромное существо, и игольное ушко. Многие думают, что тут всего лишь недоразумение, неправильный перевод, что Христос хотел сказать: "Канату легче пролезть через игольное ушко". На самом деле имеется в виду игра всех слов: и канату, и верблюду. Смысл заключается в несоразмерности земного и космического масштаба. Космический масштаб таков, что все, что на земле кажется большим, громадным, в космическом масштабе есть всего лишь навсего игольное ушко. Все, что кажется великим и значимым на земле, все, что на земле кажется чрезвычайно важным, в космическом масштабе вдруг оказывается ничтожным и преходящим. А значимым оказывается как раз то, что на земле всячески презирается. И это опять есть беседа Христа с учениками, когда они, не сомневающиеся в общем-то в том, что Царствие Небесное, то есть высшая, космическая, горняя жизнь, существует, заинтересовались иерархией в Царствии Небесном. Вот здесь они сидят за столом (на Востоке этому придается большое значение) в таком-то порядке: один по правую руку, другой по левую, один второй, другой третий. Степень близости к учителю очень важна была. Но когда они заспорили между собой, кто будет первым в Царствии Небесном, примерно как бояре спорили в Думе боярской о том, чей род древнее и поэтому кто должен быть ближе к трону, то очень интересно ответил Христос, что последние будут первыми. Там другая иерархия, и опять же происходит выворачивание. Все, что по земной иерархии значит, как самое высшее, на

самом деле в Царствии Небесном оказывается последним. А те, кто последними на земле считаются, по земным меркам, те в Царствии Небесном оказываются первыми. Это не значит, что последние отвергаются. Последние с точки зрения Царствия Небесного - это владыки, цари, патриархи, архиереи, богатые, преуспевающие люди, генералы, адмиралы, фельдмаршалы, директора и т. д., то есть люди, которые находятся на вершине социальной лестницы, которые здесь весьма почитаемы. Но им-то как раз и самый затруднительный вход в Царствие Небесное. Причем не обязательно говорить здесь о социальной иерархии. Таковую же иерархию человек может выстроить и в своей душе. В душе человеческой всегда есть некое генеральское, патриаршеское, директорское место. Это когда он думает о карьере, о богатстве, о здоровье, о материальном благополучии - здесь, на земле, это для него самые главные ценности. Между тем для Царствия Небесного это как раз последнее. Этот как раз есть, как это ни покажется странным, некая преграда к вечной жизни. Потому что все эти вещи - богатство, здоровье, социальное благополучие - очень важны во временной жизни. А для жизни вечной все эти вещи совершенно не нужны. Ну, к чему богатство тому, кто имеет весь мир? Ну, зачем ему какие-то деньги, когда у него вечность, когда у него бесконечность? Какое здоровье, если он вечен, и бесконечен, и бессмертен? Что ему все эти приобретения? Что для него значат чины и звания, когда он сопричастен к самому Господу в той сфере, которая касается вечной жизни? Разумеется, на земле всегда были люди, которые совершенно сознательно избирали систему небесной иерархии, небесных ценностей, отрекались полностью от благ этого мира.

Они назывались монахами, они назывались юродивыми, они назывались дервишами. И сейчас это существует. Иногда это делалось во всей глубине духовного перевоплощения, иногда это носило чисто внешний характер. Человек отказывался внешне от чинов и от званий и куда-нибудь уходил, а в душе у него была такая сатанинская гордость, что он, и сидя в келье и отказавшись от всех материальных благ, в то же время мысленно настолько возносился над всеми людьми, настолько считал себя выше всех остальных, что тоже оказывался последним. Поэтому чрезвычайно интересно обратить внимание на первые слова, которые произносит Христос. Многие люди и читали Евангелие, и считают себя религиозными, верующими, спроси их, какие самые первые слова, которые Христос обращает к человечеству, и тут они окажутся в некотором замешательстве. А между тем эти слова всем известны. Это на горе произнесенная проповедь, это знаменитые Заповеди блаженства. Вознесем же мысленно на эту самую гору, с которой Христос произнес проповедь, конечно, гора эта имеет символическое значение, так же как и другая гора, на которой Христос преобразился, гора Фаворская. От него пошел ослепительный свет, и апостолы упали на землю и закрыли лица руками - трое избранных. Вознесем же мысленно на эту гору, которая выше и Олимпа, и Пелиона, и выше даже Синая, на котором когда-то Моисей задолго до Христа получил заповеди "не убий, не укради": "Я господь Бог твой, да не будет у тебя других богов, кроме меня, не сотвори себе кумира..." Это очень высокие Заповеди. Очень глубокие, непреходящие, как говорят сейчас, непреходящие ценности. И об этом Христос сказал, что пока все эти Заповеди не исполнятся, то и человеческая история не прекратится. То есть эти Заповеди более значимы, чем вся человеческая история. И все-таки, оказывается, есть еще более высокие вещи, которые человечество даже мысленными своими очами не могло постичь, - это Заповеди блаженства. Что же говорится в этих Заповедях блаженства?

"Блаженны нищие духом, ибо они обогатятся". Что значит "нищие духом"? По поводу этого написаны огромные трактаты, большие исследования. Да нищие духом - это все человечество! Потому что, когда Бог обращается к человечеству, он, конечно, обращается к людям, которые перед его глазами нищие. Духовно человечество нищее. Но вот этим нищим духом существам, вот таким, как мы с вами, им уготована возможность обретения Царствия Небесного, богатство, которое ничто по сравнению с любыми земными сокровищами. Ведь тут же сказано и о другом: "Не собирайте сокровища на земле, где ржавчина истребляет и

моль ест, но собирайте сокровища на небесах, где ржавчина не истребляет и моль не ест". Это поразительные слова, они еще к тому же перекликаются с мистическим опытом Серафима Саровского, который говорил о том, что цель человеческой жизни есть стяжание. Он такое слово употребил, несколько неожиданное. Христос любил сравнивать такую предпринимательскую финансовую деятельность с обретением Царствия Небесного. У него есть притча о деньгах, отданных в рост, о деньгах, которые закопал и бездарно потратил. И сравнивается человек, который талант (монету) закопал в землю и не получил прибыли, с человеком, который пустил деньги в рост и получил прибыль. Конечно, под деньгами подразумеваются не деньги. Деньги никакой ценности для Христа не имели. Это относилось к сфере кесаря: кесарю кесарево, а Богу Богово. Когда к Христу обратились с вопросом, можно ли платить подать кесарю, и показали монету, подать - это налоги, очень актуально для людей, которые сегодня соприкоснулись с некоторыми реальностями, - он спросил: "Чье изображение на этой монете?" - "Кесарево". - "Вот и отдайте кесарю кесарево, а Богу Богово". То есть, с одной стороны, Христос вовсе не заострял внимание на каком-то противостоянии внешней мирской власти или на противодействии каким-то экономическим законам, что, к сожалению, очень свойственно марксистам, социалистам, коммунистам, они на этом строят всю свою жизнь. Нет, кесарю отдается кесарево, а Богу отдается Бо-гово. Богово - это не зарывать свой талант в землю, а пустить в рост. Что делать, на земле человек - нищий духом, то есть талант ему отпущен, но его надо пустить в рост. Нужно обогащаться.

Для того чтобы было желание духовного обогащения, нужно то, о чем говорит Христос в Заповедях блаженства: "Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся". Стяжание Святого Духа - это желание приумножить, а алчущие и жаждущие - те, которые голодны от отсутствия правды и которые жаждут правды, как человек, которому нужна вода, без воды уж он совсем не может, ибо они обогатятся. Открывается, наконец, еще один поразительный закон. Если бы человечество было более совершенно интеллектуально, чтобы его понять, то вся история была бы несколько другой. Ведь вот Христос говорит о том, что противоречит повседневному человеческому опыту. Он здесь выступает против иллюзии плоской земли. Он говорит: что мы видим вокруг? Кто господствует? Сильный над слабым, богатый над бедным, глупый над умным. Это сказано у Шекспира в сонетах: "Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж достоинство, что просит подаянье..." И там дальше перечисляется: невинность поруганную, низость, предательство, увенчанное и в роскоши пребывающее на троне. Но для Христа, в отличие от Шекспира, это не являлось чем-то удручающим. Таковы законы земли. На земле так и должно быть, тут уж ничего не поделаешь. Но на земле можно жить законами Царствия Небесного, то есть можно жить на земле, как в единственной реальности, а если увидеть, что земля есть только песчинка в мироздании, взглянуть с космических высот, то получится нечто совершенно другое. "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю". Это же ведь вся теория борьбы за существование, и Дарвин, как бы открывший эти земные законы: выживает сильнейший, слабый погибает. Не надо думать, что Дарвин не прав, но он открыл законы земной жизни. Дарвинизм Спенсер распространил позднее на сферу человеческого общения, появилась теория борьбы классов. И она принесла человечеству и приносит до настоящего времени просто невыносимые страдания, потому что людей начинают делить: ага, вот это класс богатых, это класс бедных, это рабочие, это крестьяне. Ну, там дальше можно делить до бесконечности. В Индии это дошло до кастовых делений. Это разносчики воды, это брадобреи, это воины. Есть несколько каст, эти касты еще на подкасты делятся.

Дальше можно делить на кавказцев и не кавказцев, на городских и деревенских, на бомжей и не бомжей и т. д. Вот это все земные, все человеческие мерки, которые Христос решительно отвергает: и последние будут первыми. Каждый человек имеет талант. Весь вопрос в том, зароет он этот талант в землю или пустит в рост. Последние будут первыми.

"Блаженны изгнанные правды ради, ибо они сынами Божиими нарекутся". То есть по земным меркам

блаженны те, кого увенчали наградой, кого ввели в ученый совет, в состав правительства и т. д. Ничего плохого в этом нет, это все нужно на земле. Но по небесным, космическим меркам "блаженны изгнанные правды ради, ибо они сынами Божиими нарекутся".

"Блаженны миротворцы, ибо они наследуют землю". Опять против теории борьбы за существование, потому что, казалось бы, кто выживает? Сильнейший, который убивает слабейшего. Сейчас мы, правда, знаем, что это не так. Выясняется, что и в биологии, и в жизни зверей и птиц, и на клеточном уровне выживают отнюдь не те, где агрессия больше развита. А те популяции, где больше развита взаимопомощь, где заботятся о больных, где заботятся о детях, где заботятся о стариках. Я это говорю вовсе не с нравственно-этическими проповедническими целями, а для того, чтобы открыть некую тайну космической жизни. Многие неправильно думают, особенно современные проповедники, что Христос открывал эти тайны, для того чтобы человечество стало нравственно чище, чтобы лучше были взаимоотношения между людьми. Нет, иллюзий у Христа на этот счет никаких не было. Он даже говорил апостолам, что чем дальше будет история развиваться, тем в социальной повседневной жизни человечество будет все хуже и хуже. И человек, и человечество не исправимы. Они всегда будут такими. Всегда будет господство внешне сильного над внешне слабым, всегда будет господство богатства над бедностью, всегда это все будет. И даже в последние времена, как говорил Христос, это будет еще больше, чем во все остальные времена. Правда, насчет последних времен следует внести очень серьезные уточнения. Потому что последние времена существуют всегда. Для каждого человека существует и конец света, и последнее время. Во-первых, потому, что он умрет здесь, в земных измерениях, в земной жизни. Во-вторых, потому, что каждое государство рано или поздно умирает. И ничего тут страшного нет. И по этому поводу плач и скрежет зубовой очень смешон. Потому что не бывает иначе.

Все объявляют себя вечными, тысячелетними, никогда не исчезающими. Судьба Древнего Рима, Древней Греции и всех остальных достаточно красноречива. Я уж не говорю о тысячелетнем рейхе или о коммунистическом, тоже на вечные времена, царстве, которое строилось и которое исчезло как дым и уже никогда не вернется. Но дело-то все в том, что человек имеет в сердце своем, и в своей душе, и даже в своем разуме ясный, ну, может быть, не ясный, может, замутненный образ вечной жизни, где ничего этого нет. И он сам может выбрать. Вот тут очень важный момент, который многие не понимают и, может быть, труднее всего человеку это понять. Мы сами выбираем.

Хотим жить на плоской земле - будем жить на плоской земле. Хотим быть смертными - будем смертными. Хотим жить на круглой земле, хотим приобщиться к космическому, вечному, Божественному - будем жить вечно. Вы скажете, ну как же так - вечно? Ни одного же, человека нет, который бы не умер. Вот же мы видим, вот гроб несут, вот в землю зарывают. Один священник сказал мне с некоторым недоумением: "Ну, что вы, ведь Иоанн Златоуст в Пасху говорит: "Христос воскрес и нет ни одного мертвого во гробех". Да как же так? Все кладбища переполнены". А что, при Иоанне Златоусте кладбища не были переполнены? Меньше людей, что ли, умирало? Да больше умирало, Но просто для Иоанна Златоуста так же, скажем, как для Коперника, очевидность того, что Солнце вращается вокруг Земли, была отнюдь не доказательством, потому что если с земли смотреть, то это так. А если посмотреть с высоты Солнечной системы, то оказывается наоборот - Земля вращается вокруг Солнца. Так же для человека, озаренного Божественным знанием, совершенно не очевидно то, что перед его глазами/Ну, перед его глазами, конечно, смерть - реальность земной жизни. И это земное зрение. Никуда от него не денешься, оно существует, так же как существует плоская земля. Но мысленными очами, а если захотим, то и на более высоком уровне - духовными очами, куда выше Олимпа, Пелиона, Оссы, выше Синая, с вершины Фавора мы видим совершенно другие вещи. Мы видим, что на самом деле человек может жить вечной жизнью и жить здесь, сейчас. Смысла в человеческой жизни, если она ограничивается земными пределами, нет. Но ни один человек на земле, даже самый закоренелый злодей, никогда не мог

ограничиться пределами земной жизни. Взор его всегда устремлялся к вечности. И он создавал образы вечного. Для египтян это прежде всего образы пирамиды, всем своим монументальным обликом возвышающиеся над всем земным, твердо стоящие на земле, не подвластные времени. "Все боится времени, но время боится пирамид" - знаменитое изречение. Они как бы должны были символизировать вот эту вечность. Но оказалось, увы, что это тоже подвержено времени. Ведь это только красивая фраза, что время боится пирамид.

Преспокойно мы видим, как время разрушает пирамиды, как они тоже на глазах превращаются в прах. И тогда возникает у человека стремление найти некий другой образ вечности, который не подвластен физическому разрушению. Что же это такое? Это то, о чем сказано в Евангелии от Иоанна. Иоанн был самый любимый ученик Христа, восседал от него по правую руку, единственный из учеников Христа, который не покинул его даже в момент распятия. Все апостолы, естественно, вынуждены были скрыться из-за боязни, вполне обоснованной, что их ждет такая же участь. Но Иоанн остался и стоял у подножия Креста и к нему Христос обратился со своими последними словами, когда сказал: "Се мать твоя", препоручая Иоанну свою мать, и: "Се сын твой", препоручая Иоанна, как сына, Марии. Вот Иоанн свое Евангелие писал на острове Патмос, он был туда сослан. По всей видимости, он диктовал ученику, и это Евангелие начинается такими словами: "Вначале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово". Переводят "было", но это неправильно. Вот тут очень важный момент. "Бе" - это аорист, исчезнувшая ныне форма глагольная, это такая временная форма - "всегда пребывает". Поэтому надо сказать: "Вначале всегда пребывает Слово, и Слово всегда пребывает в Боге, и Бог всегда пребывает в Слове". Вот, оказывается, жилище, достойное богов. Не Олимп, не Осса, не Пелион - Слово. В Слове, в Логосе пребывает Господь. Ну, разумеется, имеется в виду не каждое повседневное, бытовое, житейское оброненное слово, а Слово откровения, Слово, в котором заключена истина, о котором сам Христос сказал: "Познайте истину, истина сделает вас свободными". А какая истина? Помните картину, она и сейчас есть в Третьяковской галерее, картину художника Ге, который под влиянием проповедей Л. Толстого обратился к евангельским сюжетам? Эта картина подсказала Булгакову сюжет романа "Мастер и Маргарита". Помните, там у Булгакова: "В белом плаще с кровавым подбоем..." Это Пилат. Вот в белом плаще с кровавым подбоем Пилат стоит в тени. К нему, именно так, как описал Булгаков, луч света подползает и как бы останавливается. Перед ним стоит Христос. Пилат с высоты земной человеческой мудрости, с высоты земной человеческой власти, пресыщенный знаниями об относительности всех человеческих представлений и законов и всего остального, когда Христос ему говорит об истине, произносит знаменитую фразу: "Что есть истина?" Мы, мол, много всего слышали, много всего знали, все относительно.

Христос не скрывал от людей эту Божественную истину. Это есть закон законов. Заповедь заповедей. Не нравственное предписание, как некоторые думают, не правила поведения, а просто закон Божественной вечной жизни, который конечно же отличается от законов человеческой земной жизни в той мере, в какой человек живет по-земному, только по-человечески. Хотя только по-человечески он жить не может. Тут надо понять, что, если бы человек жил только по-человечески, он бы исчез уже давным-давно. Он вынужден в той или иной мере все-таки Божественными законами жить, благодаря этому жизнь продолжается. А закон этот гласит следующее. Когда к Христу обратился человек с вопросом, как человеку приблизиться к Богу, сначала ему Христос перечислил те добродетели, которые во все времена считались важными и были действительно важными: чти отца и мать свою и будешь долголетен, и прочие вещи, которые получены были Моисеем на горе Синай. А он говорит, что это он с детства знает, обучен всему этому с детства. Об этом говорили и священники, и родители. Тогда, говорит Христос, раздай свое имение нищим. И юноша отошел в глубокой печали, потому что он был богат. Вот это грандиозное совершенно событие и одновременно притча. Чем больше человек обрastaет земными благами (не обязательно это чисто земное богатство), чем больше у

человека земных иллюзий, чем больше он привязан к иллюзии плоской земли, тем труднее ему следовать за Христом и следовать за самым главным законом. Этот Божественный закон таков: "Возлюби ближнего, как самого себя". Невыполнимо? Конечно невыполнимо. Это Божественный закон. Но невозможное человеку возможно Богу. Вот закон вечной жизни здесь, сейчас, на земле.

БЕСЕДА 4

"БОГ ЕСТЬ СВЕТ"

Вопрос: "Меня давно мучает вопрос по поводу ощущений мистиков. Насколько эти ощущения соответствуют действительности? Ведь они схожи с теми же видениями людей, принимающих наркотические препараты, они схожи с различными состояниями не бытовыми, как сейчас говорят, состояниями измененного сознания. Где грань, по которой можно определить, что в данном случае это иллюзия, или же можно сказать, что в данном случае это правда? Мне кажется, что этой грани нет".

В том и сложность нашей земной жизни, что здесь добро и зло действительно неразличимы. Когда Пилат говорит Христу: "Что есть истина?" - ведь это ж не глупый человек говорит. Он действительно знает, что в земной жизни добро и зло смешаны до неразличимости. Стоит нам только сказать: вот это добро, вот это зло - и сразу выясняется, что сплошь и рядом наоборот. И все это людьми устанавливается, эти меры. И когда вы говорите о том, что нельзя доверять мистическим ощущениям, потому что сплошь и рядом бывает, что вот человек думает, что его постигло мистическое озарение, а он всего-навсего ЛСД наелся, или у него расстроенная психика. То есть у него произошло как бы изменение сознания, но изменение изменению рознь. Скажем, когда мы берем подзорную трубу или телескоп - это измененное зрение. Но это измененное зрение его усиления, в смысле расширения его границ и горизонтов. Но ведь изменить зрение можно, и ухудшив его. Вот тут вопрос в том, с минусом или с плюсом. И это очень сложно - Но суть заключается в следующем, что все-таки как есть плоская земля, и это иллюзия, а есть круглая земля, и это истина, так же есть со всеми приближениями, со всеми плюсами и минусами истинное озарение, истинное космическое зрение и есть иллюзии оно. Конечно, было бы очень хорошо, если бы я сейчас сказал: вот так-то и так-то отличать или вот есть такой-то и такой-то практический рецепт, как отличить истину ото лжи. Но если бы такой рецепт существовал, вся история человечества была бы совершенно другая. Мы знаем, что какие бы истины ни озаряли человечество, молниеносно они обрастают ложью. Люди склонны к заблуждению, человек - существо заблуждающееся. Ничего страшного в этом нет. Ведь вопрос не в том, заблуждаемся мы в данный момент или находимся на правильном пути. А вопрос в другом: ищем мы истину или не хотим ее видеть, не хотим ее знать. Вот в чем сложность ситуации. И это также относится и к законам мистической жизни. Ну, то, что вы вот назвали измененным сознанием, а в традиционной православной лексике называется еще проще - крещением, это реальность.

Нет никакого сомнения, что измененное сознание или, как говорится в православии, прельщение бесовское, существует в реальности. Больше того, мы можем даже сказать, что сейчас наше общество, да и не только наше, просто охвачено этим безумием, когда люди начинают вещать от имени Бога, от имени вселенной, называть себя пророками и ясновидцами. Причем они достаточно искренни в своих установках, хотя сообщают они при этом истины типа "мойте руки перед едой" или "чистите зубы по утрам". То есть они сообщают элементарные вещи, а в случае чего начинают грозить Концом света или говорить о том, что надо охранять окружающую среду. Что тут можно сказать? Одна из отличительных особенностей того, что называется прельщением, это поиски материальной выгоды. То есть такого рода "пророки" прежде всего начинают

просить деньги. Множество таких сект, я их не буду называть, но как-то у них интересно получается, что богопознание и выход к Господу и вечной жизни сопровождается обильными приношениями. Это первый признак того, что вы имеете дело с фальшивкой.

Но вас-то заинтересовало другое: как внутри себя отличить? А, собственно говоря, так же. То же самое.

Насколько это внутреннее ощущение, мистическое, внутри себя бескорыстно. То есть насколько оно не связано с получением чисто земных благ и чисто земных дивидендов. Вот в чем дело. Я еще раз с вами соглашусь, что никакого эффективного способа различить истину и ложь в природе не существует. Для этого есть человеческое сердце, есть человеческий разум и помощь Божия. Больше ничего нет. И этому надо внимать - сердцу, разуму и помощи Божией.

И тем не менее среди массы всевозможных мистических иллюзий есть истинное знание, то самое, о котором вы говорили. В вашем вопросе содержится здоровое и разумное сомнение, можно ли доверять ощущению выворачивания, которое испытал тот или иной человек. Ну, во-первых, мы здесь обращаемся к тому, кто испытал. Андрей Белый на пирамиде Хеопса - заслуживает ли доверия этот человек или это существо легковверное, поддающееся любому мимолетному внушению? Мы знаем, что Андрей Белый - гениальный филолог, гениальный по-своему писатель, благодаря которому появилась целая литературная школа, давшая в конце концов Набокова и других крупных писателей, и очень крупный мистик антропософской, теософской школ. Во всех этих измерениях он проявил себя как личность гениальная, как личность бескорыстная. Почему же в таком случае мы должны не доверять его мистическому опыту, когда, взойдя на пирамиду Хеопса, он почувствовал то, что почувствовал.

Кроме того, есть очень важный критерий - проверка временем. Проходило время, проходили годы, а это ощущение оставалось самым сильным, самым ярким, самым достоверным. Вот тут, пожалуй, есть еще один из критериев достоверности мистического знания - неподверженность изменению во времени. Иллюзии,

галлюцинации, сны... Все знают, как быстро забываются сны, особенно сон не глубокий, а как бы сиюминутный. Все знают, насколько неустойчивы и иллюзорны всякого рода такие не мистические, а видоизмененные, я бы сказал, видения. Между тем истинное мистическое знание обладает прежде всего значимостью достоверности. Очень трудно сказать, что такое достоверность, но каждый из нас это знает. Вот, например, в достоверности того, что мы с вами здесь сидим, в этой комнате, и разговариваем, тоже можно усомниться. Но все-таки степень этой достоверности больше, чем что-нибудь другое. Так вот, я должен сказать, что степень достоверности выворачивания для меня гораздо больше, чем то, что мы сидим в этой комнате сейчас и разговариваем. И здесь я должен довериться своему чувству еще и потому, что оно сопровождается ощущением наибольшей достоверности. Помните, в Евангелии этот эпизод (как все евангельские эпизоды, это одновременно и реальность и притча), когда апостол Фома говорит: "Не могу я поверить, что Христос воскрес". Хотя не совсем мне понятно, почему у апостола Фомы так велики были сомнения. Уж где-где, а на Востоке ничему люди не удивлялись, не должны были, казалось бы, удивляться. Каких только чудес там ни творилось, какие только фокусники там ни ходили, чего только ни вытворяли. Но вот апостол Фома не поверил в возможность того, что Христос воскрес. И, как вы помните, он сказал, что он должен вложить свои персты в его язвы и только тогда убедиться, что это произошло. И мы помним, что после этого Христос вскоре появился среди апостолов. Но как появился? Вот обратите внимание, там есть как раз этот момент сомнения: прельщение или реальность? В первый момент он сразу же распознал мысли апостолов: они думали, что он - галлюцинация. И чтобы показать, что он не галлюцинация, не дух, он стал есть. "Вот смотрите, разве духи едят?" Поедание пищи, значит, сопровождалось исчезновением оной вполне объективно, на глазах у апостолов. И это, конечно, было для них очень веским и убедительным доводом достоверности. После этого он апостолу Фоме и предложил такое вот тактильное знание: удостовериться, персты вложив в раны. Что и сделал апостол Фома, не отказался, надо отдать ему должное. Обычно его как бы осуждают, что он такой недоверчивый, но я бы сказал, что здесь можно даже восхититься его последовательностью и честностью перед самим собой. Как бы ни хотелось ему, и очень он хотел, конечно, чтобы Христос воскрес, но сказал: "Пока не почувствую, пока не вложу персты, не поверю". Вложил персты - поверил.

Обратите внимание здесь на этот аргумент - от перстов. А почему, собственно говоря, вложение перстов в язвы для апостола Фомы являлось очень важным и очень достоверным аргументом в пользу воскресения Христа? Ну что, мы мало знаем всякого рода иллюзий, когда человек и прикасается, и разговаривает, а это галлюцинация всего лишь навсего. Вспомним беседу Ивана Карамазова с чертом. Черт, беседуя с Иваном Карамазовым, в качестве достоверности своего присутствия (Карамазов вначале его за галлюцинацию принимает) показывает Ивану ни больше ни меньше как хвост. А Иван отвечает, что он же читал учебники по психиатрии, он же знает прекрасно, что, наоборот, галлюцинации-то ведут себя хитрейшим образом. Как раз для достоверности они предъявят какие-нибудь копыта или хвост. Это вовсе не аргумент. "Так, значит, нет меня?" - говорит черт. "Нету". - "А с кем разговариваешь?" Вот тут очень интересный момент. Значит, после всех аргументов достоверности черта остается последний - с кем в диалоге, с кем разговариваешь. А кроме того, здесь есть еще один, не замеченный раньше момент, на который следует обратить внимание. А ведь, собственно говоря, беседовал ли Иван с галлюцинацией или беседовал он с реальным чертом, у реального черта не меньше было аргументов в пользу своей достоверности, чем у галлюцинации. Потому что черт есть представитель небытия, Сатаны. Никаких доказательств достоверности у нечистой силы быть не может, ибо она является как раз нагромождением вот этих самых прельщений, этих недостоверностей. Сколько бы их ни нагромождалось, это будет иллюзия на иллюзию. Наоборот, все аргументы "за" здесь будут аргументами "против". Это будет нагромождение иллюзий плоской земли. Вот я вам скажу, как Маяковский предлагал: "Можно убедиться, что земля поката, сядь на собственные ягодицы и катись". Или, наоборот, надо убеждаться,

что она плоская. Ну, пощупайте, вот плоская. Это будут те же самые доказательства, которые хотел получить Фома.

Конечно, не это является для христианского мира достоверностью воскресения. Достоверностью воскресения для христианского мира является новизна информации. Вот в чем дело. Вот наконец я отвечаю на ваш вопрос полностью и целиком. Единственная мера отличия прельщения и иллюзии от достоверности - это стопроцентная новизна информации. До Христа ни Моисей, ни Давид, ни Исаия - какие уж были пророки, предсказывали, можно сказать, по дням и по часам, - никакой Нострадамус того времени не знал заповеди "люби ближнего, как самого себя, в этом весь закон и пророки". Ну не знали, хотя это было во Второзаконии. Во Второзаконии говорится, но это прошло мимо зрения. Никому и в голову не пришло, что это самое главное, что это есть основная истина, что это есть закон вечной жизни, что это есть путь в Царствие Небесное, что это и есть то самое ушко, сквозь которое верблюд может пройти в Царствие Небесное. А мы все верблюды перед Царствием Небесным, оно для всех нас ушко. И не случайно же говорится, что широка и торна (просторна) умощенная дорога, ведущая в ад, а Царствие Божие нудится. И вот тут еще один аргумент о достоверности знания - то, что оно чрезвычайно трудно дается. Для меня достоверность выворачивания, которое произошло со мной два раза в жизни, в 16 и 27 лет, заключается еще и в том, что я не могу вызвать его по своему собственному желанию какими-нибудь упражнениями, какими-нибудь пируэтами, какими-нибудь постами, какими-нибудь молитвами. Нет, это как бы ни за что было дано. Это не ушло, но скрылось из поля зрения. Я же не вижу, что земля круглая, но знаю, что это так. Самая отдаленная точка пространства для человеческого глаза - это звезда, звезда, которая на небе. И вот в этот момент, я не скажу, что зрением, это будет обманом, потому что в этот момент все тело становится зрением, так вот, как взором своим видишь звезду, так же своим телом ощупываешь, соприкасаешься вплотную, как со своим собственным телом, со всем мирозданием. Со всем без исключения - со всеми звездами, со всеми самыми отдаленными точками. Более того, здесь возникает очень интересная вещь, говорящая об объективности этого знания. Вот "Компьютер любви", вещь, где я постарался это описать, заканчивается словами; "Любовь - это скорость света, обратно пропорциональная расстоянию между нами. Расстояние между нами, обратно пропорциональное скорости света, - это любовь". Что это означает? А это означает, что свет, который мчится по вселенной, совершенно объективный свет, именно тот свет, который принято называть физическим, хотя лично я не верю в существование отдельно физического света, отдельно духовного света, я считаю, что это только точка зрения: если глядеть со стороны, то это физический свет, а если изнутри, то это и есть духовный свет, - так вот этот свет, согласно теории относительности, мчится по вселенной со скоростью 300 000 км/с. Можем ли мы представить себе эту скорость? Пожалуй, трудно. Быстрее самого быстрого, что мы только можем себе представить. И здесь та же самая ситуация, с которой мы начали лекцию, когда говорили о том, что есть гора, которая позволяет нам мысленно взойти на духовную гору. Ну, скажем, есть гора реальная Олимп и есть гора Олимп, на которой живут боги, духовная гора, высшая. Этот Олимп, в свою очередь, перед Синаем есть ничто, хотя гора Синай сама по себе не является высокой горой. Но высота заповедей, полученных на горе Синай, конечно, превышает те законы, которые знали античные греки и римляне, когда речь шла о высоте античных богов. Но есть еще более высокая гора, опять же не географически или чисто физически, гора Фаворская, гора Преображения. И есть еще более высокая гора, та, с которой Христос произнес первые слова Заповедей блаженства. Высота этой горы совсем несоизмерима ни с чем. Так вот должен сказать, что даже в представлении таких вещей, как скорость света, человеку приходится строить мысленную гору. Потому что самая большая скорость, которую мы вмещаем в себя, это скорость, когда сидишь на мотоцикле и смотришь на землю, как она перед тобой пронесется. Хотя эта скорость ничтожна, но для глаз это кажется невероятно быстро. И хотя скорость самолета намного большая, но когда вы смотрите из окна самолета, вы ничего не

замечаете, никакой особой скорости, потому что земля достаточно удалена и не понятно, относительно чего эта скорость.

Так вот среди определений Господа, которые существуют, которое дал, в частности, Христос, есть одно, поразительное по своей точности. В Евангелии есть очень много мест, где символическое становится буквальным, где просто вот кажется - символ и символ, а вдруг это обретает абсолютно физическую, абсолютно астрономическую, абсолютно космологическую достоверность. Вот какие определения Бога содержатся в Евангелии? Я нарочно употребляю слово "содержатся", потому что там это именно определения, и эти определения дает Христос. Значит, Бог есть Дух, Бог есть любовь - второе определение. И есть определение, данное Иоанном: Бог есть Слово, Логос. И наконец, потрясающее определение, которое дает Христос: Бог есть Свет. Ну думал ли кто-нибудь на протяжении почти двух тысяч лет, до 1900 года, что это не есть просто чисто такой свет, который "во тьме светит и тьма его не объят", но это и свет в самом прямом смысле этого слова, который мчится по вселенной со скоростью 300 000 км/с. Потому что фотон, мельчайшая частица, субстанция света, он пронизывает мироздание мгновенно. Он как бы одновременно присутствует в этой комнате и в созвездии Кассиопей, уж не говоря о любой точке земли. И вот момент выворачивания связан именно с этим ощущением. Ты одновременно находишься везде, всюду, во всей вселенной, во всем мироздании. Если бы мы жили на фотоне, допустим, фотон был бы этой маленькой планеткой и мы бы жили на ней, то время на фотоне постоянно было бы равно одной и той же величине. Мы бы смотрели на часы и удивлялись: они все время показывали бы нам ноль часов, ноль минут, ноль секунд. Это, кстати, грандиозное открытие, которое в Евангелии предсказано. Когда речь заходит о конце света, когда да что, апостол говорит: "О дне же и часе не ведаем, ибо для Бога тысяча лет как один день и один день как тысяча лет". Так вот, для фотона это так. Для фотона один день как тысяча лет и тысяча лет как один день. Это вне времени, вне пространства. И в момент выворачивания именно такая картина мироздания. То есть почему еще я с уверенностью могу сказать, что это было объективно, это и есть объективно, потому что та картина мира, которая дается в теории относительности и в других физических теориях, которые уже построены после и могут в частности с теорией относительности спорить, это не важно, просто с точки зрения современного космологического физического знания - именно такова картина мира.

Да, но это если мчаться со скоростью света, скажет критически настроенный человек. Мы-то на земле ползаем не со скоростями света, мы живем по земным меркам, по земным измерениям. Ну а кто же это отрицает? Разве Христос где-нибудь говорил, что здесь, на земле, господствуют законы света? Нет, он говорил: "Царство мое не от мира сего". Он так и говорил. А Сатана, который приступил к нему в пустыне, он выступал как властитель этого мира. Он даже говорил Христу, что если поклонись мне, отдам тебе все царства и славу их. Он считал себя и считает до сих пор, по своему сатанинскому заблуждению, что он здесь действительно властитель. И здесь действительно иллюзия его власти полная. Здесь полная иллюзия земных законов. Достоверность же вечной жизни, как это ни покажется странным, она сегодня в формулах, в формулах теории относительности. Получилась поразительная вещь, что физическое современное знание может быть приложено к Евангелию как объяснения, доказательства, очень веские для тех людей, которым они нужны. Бог есть свет. И если вы будете смотреть на мир глазами света, мчащегося по вселенной со скоростью 300 000 км/с, вы обязательно вывернетесь. Это открытие сделал Павел Флоренский. Его книга "Мнимости в геометрии" прямо так и заканчивается этими словами. Кстати говоря, именно за эту книгу его арестовали и расстреляли. Ну, там были чисто внешние поводы, чтобы его арестовать: особое расположение к нему Троцкого, особое благоговение Троцкого пред его умом. Троцкий был фанатик, зверь, кровопийца и душегуб, как они все, но он был неглупый кровопийца, фанатик и душегуб, и он ум Флоренского уважал. Когда он приходил в тот институт, где Флоренский проводил научные исследования, все сбегались смотреть. Потом это Флоренскому не

простили. Но в качестве главного обвинения была именно эта книга, которая называлась "Мнимости в геометрии". Обратите внимание, мнимости - это иллюзии. Мы все время говорим об иллюзиях. Об иллюзии плоской земли, об иллюзии, что мы внутри вселенной, а не вселенная, наоборот, вся внутри нас и нами полностью охватывается. Так ведь книга-то доказывает, что как раз то, что называется математическими иллюзиями, это и есть истинная реальность. И она заканчивается очень интересными словами: если любое тело мчится со скоростью света, то с ним происходит следующая вещь - оно обретает бесконечную массу. Но что значит бесконечная масса, спрашивает Флоренский. Бесконечная масса, она разрастается, разрастается, разрастается, становится всей вселенной, всем мирозданием. Так ведь это же и есть эйдосы платоновские. Ведь Платон еще учил, он говорил, что идеи вещей существуют и они, в отличие от вещи, неразрушимы, вечны и бессмертны.

Но ведь это вещи, вещи, только подумайте, какой-то камушек, какая-то авторучка и то имеет вот эту эйдосную, вечную душу. А тут речь идет о человеке. Но, в отличие от авторучки или в отличие от камня, ему же не надо мчаться со скоростью света. Ему же вполне достаточно это представить. И тогда произойдет то, о чем пишет Флоренский в "Мнимостях в геометрии": тело обретет свою бесконечность, а потом, если оно помчится со скоростью, запрещенной в теории относительности, физические скорости кончатся на 300 000 км/с, дальше время равно нулю, свет дальше исчезает. Этот свет, говорит Флоренский. Но "тот свет" как раз только начинается. То есть если представить себе физически невозможную, а духовно вполне вообразимую мысленно скорость, большую скорости света, - вот тут-то и начинается выворачивание. "Тело, обрета свою бесконечную массу, вывернется через себя наизнанку", - пишет Флоренский. Я когда увидел слово "вывернется", я просто подскочил от радости. Потому что мне, для того чтобы рассказать людям о достоверности выворачивания, и нужен был этот термин. Я все время говорил - "выворачивание". А мне говорили: "Не можете ли вы какой-нибудь более эстетический термин - космическая переориентация, скажем", - еще: какие-то там слова. Я говорю: "Да нет же, это именно выворачивание". И вдруг я смотрю, у Флоренского же есть этот термин, он его уже употребил, и употребил именно в том значении. И Флоренский книгу "Мнимости в геометрии" заканчивает вопросом очень интересным. Он говорит: "А что, надо обязательно мчаться со скоростями, близкими к скорости света, чтобы вывернуться?" И подразумевается ответ - да нет же. Это для неодоушевленных предметов важно, а для нас с вами, для людей, это совершенно не нужно, не нужно разгоняться до скорости света. Потому что так же, как К.Э. Циолковский, сидя здесь, на земле, никогда не бывавший ни в каких центрифугах, подробно описал невесомость, потому что он о ней знал по своим снам, вот так же мы знаем, Андрей Белый знает, космонавт Эдгар Митчелл знает, протопоп Аввакум знает, что происходит, когда человек мчится со скоростью света, потому что это происходит с человеком. Более того, я предполагаю, что духовная жизнь человека - она как раз и есть результат скоростей, больших скорости света.

То есть мы думаем, что нам надо куда-то мчаться, разгоняться для того, чтобы достичь этой области. А она внутри нас находится. Мы и возникли-то в результате этой скорости. Помните, как Бог сотворил вселенную? Опять буквально: "И сказал Бог..." - вначале Слово, все по Иоанну, - "и сказал Бог..." - а вторая субстанция, равная Слову, - "да будет свет" и стал свет". После время возникает. Так оно и есть по теории относительности. Время появляется там, где есть свет. Если света нет, то даже нет времени, вот что интересно. Нам очень трудно представить себе вневременное и внепространственное. Над этим Кант бился, написал "Критику чистого разума", "Критику практического разума" и везде соприкоснулся с одной и той же проблемой: о чем бы мы ни думали, о чем бы ни говорили, мы постоянно в решетке пространства и времени. А ведь оказалось-то, вскоре после Канта выяснилось, что и пространство, и время всего лишь навсего возникли. А есть вневременное и внепространственное. Так вот, в момент выворачивания это было вневременное и внепространственное. И я это совершенно ясно ощущал, чувствовал так же достоверно, как мы ощущаем временное и

пространственное. Почему же не доверять этому, если, во-первых, это ощущается как наиболее достоверное знание, а во-вторых, если подтверждения приходят из области космологии, из области физики, не говоря уже о Евангелии и о мистических религиозных знаниях. Это, конечно, более достоверное ощущение мира, потому что вечная жизнь обладает большей достоверностью, чем жизнь временная. Потому что здесь открывается вот эта грандиозная тайна, о которой опять же говорил Христос, когда апостолы его спрашивают, как устроено Царствие Небесное. "Ты вот все время говоришь нам, рассказываешь, а как оно устроено, это Царствие Небесное?" Конечно, апостолы были простые люди, рыбаки, сборщики податей, не искушенные в философии и филологии, но все-таки они не были такими простачками, как Гагарин, который впервые взглянул на околокосмической орбите из иллюминатора и сказал: "Я был там, там Бога нет". Разумеется, апостолы не представляли себе, что Господь прямо восседает на троне, как мы это изображаем символически на иконах. Все это мысленно.

Но все-таки хотелось апостолам представить, они все-таки спрашивали, как устроено. Они ожидали что? Они ожидали картин, как в буддизме примерно разворачиваются. Там же разворачивается Калиюга, там такая юга, ская юга. Там целые иерархии душ выстраиваются, они движутся. Там сложнейшая система, соизмеримая только с современной физикой и космологией, как там все устроено. Нет, Христос очень просто говорит: "Царство Божие внутри вас есть". Вот тебе и раз. Обычное житейское бытовое современное сознание, чтобы представить космос, чтобы представить мироздание (откройте любой фантастический роман, всю эту современную фантастику), представляет себе пространство, которое от него все дальше и дальше уходит, и там целые миры нагромождаются. А двигаться-то надо к себе на самом деле, а доверять-то надо себе. И все это бесконечное пространство, все эти бесконечные нагромождения со всеми своими сложностями, оказывается, находятся в человеческом сердце.

Да, есть в Апокалипсисе, тот же Иоанн, любимый ученик Христа, на острове Патмос надиктовал своему ученику Прохору, как ему открылась в момент его выворачивания картина небесного града. И что же он говорит? Обратите внимание на этот очень важный момент. Он увидел небесный град, град Божий, но как он его увидел? Он увидел небесный Иерусалим, как Иерусалим земной, только на небе находящийся. То есть оказалось, что град небесный подобен граду земному. Но чем он отличался от града земного? На земле есть смерть, страдания, болезни. Там же нет голода, болезни, ненависти, нет смерти. Есть радость, есть прощение, есть любовь, есть вечная жизнь. Собственно говоря, то, что открылось взору Иоанна в небесном Иерусалиме, в небесном граде, это все есть в человеческом сердце. Небесный град находится внутри нас, и для того, чтобы его обрести, нужно быть верным самому себе. По какому закону? По закону, который опять же сообщен человеку в Евангелии: "Познайте истину, истина сделает вас свободными". Вот один из главных критериев истинности. Тебя не тащат в какую-то секту, в какое-то стадо, а ты обретаешь полную свободу своего внутреннего мира. Ты сам чувствуешь, как расправляешься по мирозданию наподобие того, как бабочка вылетает из кокона и вдруг обретает целый мир.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

БЕСЕДА 5

КОСМИЧЕСКАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Когда мы говорим слово "космос", то у каждого человека возникают, естественно, свои ассоциации, свои представления о космосе. И если смотреть на эти представления с точки зрения обычного, обыденного человеческого опыта, которым ни в коем случае не следует пренебрегать, потому что обыденный опыт - это реальность, может быть, наиболее важная реальность, может, наиболее существенная. Для обычного человеческого сознания космос - это то, что находится вверху. В отличие от земли, которая находится внизу. И вот эта оппозиция верхнего и нижнего мира, - она очень четко прослеживается от имен магических, от имен фольклорных до наших дней. Даже будучи выброшенной из нашего обихода, она все равно присутствует на уровне подсознательном. Земной мир - мир внизу, мир небесный, космический, находящийся вверху. Естественно, что разница между тем, что происходит вверху, и тем, что происходит внизу - по принципу "плюс" на "минус". И естественно, что "верх" в сознании - это то, что хорошо, а "низ" - это то, что плохо. Низменные устремления, низменные побуждения всегда связаны в нашем подсознании с тем, что является злом. Хотя здесь тоже далеко не все ясно. Не только далеко не все ясно, вообще ничего не ясно. А почему, собственно говоря, низ - это зло? А почему верх - это добро? Откуда это исходит, что низменные устремления - это плохо, а высокие - это хорошо? Если я вас спрошу, то я уверен, что никто из присутствующих в зале не сможет ответить. Ну "знаю"! "Знаю" так же, как то, что еда - это хорошо, а голод - это плохо, тепло - это хорошо, а холод - это плохо. Это есть как бы непосредственно данное, чувственное знание, которым каждый из нас обладает независимо от того, учился он в школе или не учился. Учится он в университете - не учится: он все равно знает. Можно ли доверять такому знанию? Нужно ли доверять такому знанию? Но другого у нас нет, другим

человечество не располагает.

Это есть то, что Алексей Федорович Лосев называл "данностью, сущностью, Именем". То есть то знание, которое дается человеку как откровение. Собственно, сама сущность слова "откровение" связана с тем, что нам что-то открывают. Приподнимают завесу какую-то... И откровение человеку дается в том, что он не может открыть сам. До чего не может дойти его разум. До того, что ему это "открылось". Есть некая дверь, которую мы всегда почему-то проходим, это - мы знаем. Можно ли доверять такому знанию? И даже больше того - человеческий разум устроен таким образом, что все, что ему дается, ставится под сомнение, любая реальность. И поэтому вполне естественно, что существовали, существуют и будут существовать системы прямо противоположного направления. Скажем, все мы с вами жили в той цивилизации, с точки зрения которой "миф" - это очень хорошо.

Миф, естественно, это материя: утверждалось, что материя это есть самое главное, то, что относится к "высшему" (слово-то очень хорошее. Оно, кстати говоря, по происхождению своему: "над", "надстройка", а надстройка является... Сами понимаете, живем-то мы с вами в здании, доме. Хорошо? А надстройка - она может быть, может и не быть. Не то чердак, не то какая-то мансарда... Непонятно зачем, ну люди надстроились для красоты). И хотя на словах материалисты, ну, марксисты, по крайней мере, считали что высокое нужно, что это духовное и т. д., - только при одном условии, что все это подчинялось "материи". Нельзя сказать, что материалисты здесь являлись первооткрывателями. Существовало и в древней Индии такое движение: там, кстати говоря, такого разделения, которое существует в нашей цивилизации, нет. Скажем, индуса очень трудно убедить в том, что его эротические устремления являются низменными. Так же трудно было убедить Авраама, или Моисея, или Исаака, или любого человека из библейской цивилизации в этом: наоборот, он рассматривал это, как некую силу, Богом данную. Эротическое значило Божественное. Насколько это было естественно в царстве Древней Греции, вы можете узнать, раскрыв любую страницу Платона. Скажем, платоновский "Пир", где он говорит, что Эрос - это крылья, которые даны человеку, чтобы подняться над землей. Причем здесь не подразумевается уже очищенный, дистиллированный Эрос, очищенный как бы от чувственного влечения, - греки бы просто не поняли, о чем вы говорите. Так что тут открытия большого нет. Ну, была философия Индии "черваки". Вернее, философия, религия, мировосприятие, не знаю, как назвать, потому что это было своего рода верование, которое противостояло индуизму. У нас, кстати сказать, очень одностороннее представление об Индии. Думают, что в Индии каждый второй - йог, или буддист, или индуист, ну, в крайнем случае, мусульманин. На самом деле большинство индусов - черваки. Имеет ли отношение слово "червак" к слову "червяк" - это пусть исследуют лингвисты, но учение черваков несет в себе нечто такое... жизненное. Они говорили: "Будда утверждает, что нельзя стремиться к наслаждению, потому что наслаждение в конечном итоге несет разочарование, рано или поздно то, к чему он стремился, будет у него отнято..." Кстати говоря, этот вопрос довольно сложен: Будда, например, утверждает, что нельзя смотреть на красивую женщину, потому что рано или поздно красивая женщина состарится, останется лишь человек. Или: нельзя стремиться к наслаждению, потому что рано или поздно у тебя будет это отнято, и ты будешь страдать.

Ну будешь страдать, ну и очень хорошо. Без страданий жизнь бессмысленна. В частности, автор книги "Лакаята Дар-шана" - "Дар истины" Чаботатхья утверждает: не правы идеалисты, когда утверждают, что материалистическое знание не является магическим. И он открывает магию материализма Древней Греции. Его магия - довольно интересна. Должен вам сказать: она более вдохновляющая, чем марксизм... Там были браки с землей. Кстати говоря, очень интересно, что один из идеоматчиков, Фридрих Энгельс, в книге "Происхождение семьи и частной собственности" в точности, зная это или не зная, вольно или невольно уделит огромное внимание вот этой мистрии. Я очень хорошо помню, что на кандидатском экзамене - это было в

шестьдесят девятом году - мне попался билет как раз по "Происхождению семьи...". Я, конечно, тогда таких книг не читал, но... как бы провис. И когда меня спросили, что я думаю про эту книгу, я ответил, что это очень сексуальная книга... Там всевозможные формы брака, брак групповой, брак перекрестный, то есть "высшая математика". Но очень интересно: Энгельсу это было очень и очень нужно. А нужно это было ему не случайно, потому что все это есть в "Лакаята Даршане". Все эти мистерии, все эти вещи, когда человек становится неким единым телом, когда это некое единое тело является землей. И не случайно в тех ритуальных празднествах, языческих, которые совершались на первой борозде или на весенней пашне, - они связывались прежде всего с плодородием земли.

*Чтобы тело свое добыть,
Надо окно разбить.
Я весь - рама другого,
Небесного окна голубого.*

К. Кедров

Должно было образоваться некое единое земное вселенское тело и заполнить собою все, вернее, человек телесный должен был распространить свое тело на все. Он должен был выйти за его пределы, стать всем - родом. Образовывалось некое единство деревьев, птиц, зверей, людей - некая единая цепь, которую было невозможно ничем разрубить. Ну, скажем, до сих пор существующие хороводы вокруг дерева, которые водят по праздникам, брак с медведем или волком, которые существовали в европейском фольклоре. Даже Татьяна Ларина в своем сне, на архаическом уровне, - она видит медведя, в ней сразу оживает это... Это все магические ритуалы. Брак с медведем, поскольку медведь является неким вселенским символом; образ Большой Медведицы - единственное созвездие, которое помнят даже самые темные крестьяне как некий символ вот такого единого материального родства.

Слово "материя" связано в нашем сознании с чем-то низменным, потому что оно испоганено материализмом, но при этом не надо забывать, что происхождение его все-таки от "материнства". Это - "мать", это то, что порождает. И это порождающее вселенское начало. Поэтому и не очень-то поняли материалисты те вещи, которые мы называем матриархатом, то есть то поклонение женскому началу, которое охватывает

наибольший слой цивилизации. Под этим знаком прошли огромные цивилизации, вплоть до Рождества Христова.

Историю задним числом придумывать не надо. ...Нам так хочется - у нас другая система ценностей. И не надо эту систему ценностей приписывать тем слоям, тем культурам, тем цивилизациям.

Этот слой можно назвать как угодно: его называют кто-нический, некоторые - подсознательный. Разные употребляются термины для обозначения земного мира, который стал подземным миром, поскольку... теперь он существует со знаком "минус", когда-то он существовал со знаком "плюс". Наверняка вы все знаете Арсеньева из "Дерсу Узала"? Он путешественник, и когда он разговаривает с Дерсу Узала, тот говорит ему после выстрела в тигра: "Не обижай человека". Или: тот камень двинул ногой - "не обижай человека". Для Дерсу Узала все является человеком. И дерево для него человек, и камень для него человек, и тигр для него человек, и Луна, и Солнце, и вся вселенная - все является человеком. Так вот, если перекодировать на это знание, согласно которому весь космос является человеком, "верх" и "низ" - не важно, где мы проведем эту границу, - то ясно, что "хорошо" - это будет разум, не так уж хорошо - чувства, а плохо будет все, что находится ниже.. Все, что связано с продолжением жизни, с чревом, с питанием, с едой, и все, что связано с продолжением рода. И древнего человека убедить, что надо поклоняться вот этому, а не вот этому - это было необычайно, не только необычайно, это было невозможно. Он поклонялся именно этому.

Те святилища древние, они были фаллической формы, это так и называлось, были фаллические символы плодородия, либо мужские, либо женские, - они обязательно присутствовали. "Они присутствовали" я говорю в прошедшем времени. Но прошедшее время здесь весьма и весьма условно. Потому что, будь то мечеть, будь то православный храм, будь то храм католический, будь то синагога, - формы фаллические, порождающие жизнь, все равно присутствуют. Ничего не исчезает, все это присутствует.

Поэтому, когда современный человек произносит слово "космос", то он обязательно проводит вот эту линию, рассекая человека, рассекая мир на высший и низший. Здесь у него будет находиться "дух", и дух - это, конечно, будет хорошо, здесь у него будет материя и все, связанное с "низом", и это будет плохо. Хотя... Я понимаю, что говорю сейчас, может быть, и не очень популярные вещи, плыву, так сказать, против течения - но тем не менее. Дух - это всегда хорошо, что ли? В том-то и дело. У человека есть удивительная способность. Вот есть такая замечательная книга Л. Брюля "Прологическое мышление". Она анализирует примитивное дикарское сознание. И в дикарском сознании он открывает одну вещь, которая, к сожалению, так и осталась у нас. Какова особенность дикарского сознания? Оно может мыслить только по принципу: да - нет, хорошо - плохо, черное - белое, коммунисты - фашисты, хотя это одно, материалисты, атеисты - верующие, материалисты - идеалисты. То есть оно может мыслить бинарно: пользуясь термином Брюля, оно может мыслить только БИНАРНО. Мир делится на полюса. К сожалению, мы с вами находимся на том же уровне, и, к сожалению, будь то американский парламент, и будь то европейский конгресс, и будь у нас сейчас Дума, и будь то какой-нибудь церковный Собор, - все равно любое голосование ведется по этому принципу. Да - нет, хорошо - плохо, низ - верх... Это является примитивностью нашего устройства, нашего оценочного про-логического мышления. Это в нас остается, мы так делим мир, мы так живем, мы так оцениваем людей: хороший - плохой, да - нет, можно - нельзя, все остальное - от лукавого.

Понимаете, в чем дело... Конечно, конечно, я такой же человек, как и вы. И естественно, я тоже делю мир на черное и белое, на плохое и хорошее, и из этой оппозиции верха-низа никуда не собираюсь выходить. Это вовсе не означает, что, если я говорю об условности и относительности этих вещей, то я это отвергаю: из такой парадигмы очень трудно выйти. Это вопрос очень сложный. Но - видеть примитивность такого компьютера, который может мыслить только бинарно, видеть это все-таки надо, поскольку мы с вами культурные люди, и хотя бы Шекспира читать. И хотя бы "Гамлета".

Потому что человек никогда не может забыть, если ему что-то сообщается ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОЕ. Настолько новое - со времен Шекспира уже все-таки полтысячелетия прошло, - что мы до сих пор не в состоянии на это гамлетовское "быть или не быть?" ответить. Очень интересно, когда в постановке на Таганке в любимовском театре - а Любимов чужд метафизике, но раз уж он взялся за "Гамлета", то, как гений, он не мог не почувствовать, что здесь все-таки главное, - Гамлета играл Высоцкий, который кто угодно, но только не метафизик. И вот было очень интересно смотреть, как рационалистическое сознание пытается проклюнуть эту скорлупу. "Быть или не быть" там повторяется минимум три раза. Причем так: перед Гамлетом опускается стена, опускается занавес, причем поперек, и он говорит: "Быть или не быть?". И идет вместе с этим занавесом. Потом повторяется все еще несколько раз, не помню точно, сколько раз он этот вопрос произносит.

Тогда меня это раздражало, сейчас я понимаю, что это гениально, потому что именно здесь проклевывается новое сознание, которое до сих пор человечество еще не освоило. Потому что Гамлет опережает всех. В свое время Анатолий Франс написал: "Странное дело. Если бы не этот принц, для меня жизнь была бы абсолютно бессмысленна". Хотя, если вы спросите меня: "А что, собственно, сообщает Гамлет?" - я не могу этого сказать, я знаю, что сообщает Христос, я знаю, что сообщает Моисей, но что сообщает Гамлет, я не знаю. И тем не менее в этом моем незнании кроется истина. Истина действительно кроется в том, что (ведь от Гамлета требуют что? Занять какую-то определенную позицию) Гамлет ДОЛЖЕН по закону бинарного мышления, по закону деления на черное и белое, на верх-низ, небесное - хорошо, земное - плохо, добро-зло, - он должен действовать, он должен действовать таким образом, чтобы не нарушилась связь, он должен мстить. Он должен карать зло. Но вместо того чтобы выбрать "быть - не быть", как это положено, он остался в центре: "или". "Или" - это то, что недоступно прологическому мышлению. Гамлет же остался в центре: "или" - вот выбор Гамлета. "Или" - это то, что недоступно прологическому мышлению. Потому что, если вы здесь, в центре миров, вместо "верх-низ, право-лево" поставите ИЛИ, - МИР СТАНЕТ НЕИМОВЕРНО СЛОЖНЫМ. Интеллигентность требует от человека "или", и первым интеллигентом по-настоящему был Гамлет, потому что для него не существует ни "быть", ни "не быть", ни бытие, ни небытие. Он не может вписаться ни в одну из существующих и предлагаемых до него систем. Он - не их, поэтому он для всех является лицом нежелательным. Даже для своего друга Горацио, - они вместе учились в университете, - все равно у того ясные гуманистические ценности: человек - квинтэссенция вселенной. "Ну а что, - подразумевает ответ Гамлета, - мне эта квинтэссенция? - прах..." Или вот очень интересен момент деления мира на высший - небесный, низший - земной: когда его взгляд устремляется к небу, он смотрит на небо, он говорит: да, это Божественное творение, это звезды, а по-моему, это гнойники, струящиеся гноем. Вы видите зодиак небесный, а я вижу пыточное колесо, в котором трещат человеческие кости. Или вы помните, с какой яростью он набросился на священника? У могилы. Он что - атеист какой-нибудь или борец с Церковью? Ничего подобного. С такой же яростью он убивает придворного, отца Офелии, хотя, правда, он не видит его. Почему? Потому что Гамлет вышел за пределы вот этого про-логического мышления. И для него мир расположен там, где свобода, где выбор, где "или". Отнимите у него свободу, отнимите у него "или" - что это будет? Вы знаете Гамлета, который сделал выбор? "Быть" - это уже не Гамлет, а скорее какой-нибудь Горацио, или Лаэрт, или Фортенбрас, который в финале появляется.

Цивилизация ИЛИ - она, возможно, и не может существовать как таковая. Но появился человек, который впервые отказался от да - нет. Но к тому же приходит дзэн-буддизм и на Востоке. На Востоке это выражено в слове "коан". Коан - это момент посвящения в дзэн-буддизме, который заключается в том, что человек должен выйти за пределы обычных представлений. Говорится, в частности, в чайн-буддизме так: "Если на пути к совершенству ты встретил Будду, - убей Будду", что с точки зрения простого, обыденного сознания абсурдно, поскольку Будда запрещает вообще что-либо убивать. Что для буддиста высшим было - это достичь состояния самадхи, стать Буддой. В данном случае, если хочешь стать Буддой, Будду тоже надо убить. Можно

перешагнуть, значит, через все системы ценностей, которые предлагаются. На вопрос: "Что есть Будда?" - учитель отвечает ученику: "Будда - это полфунта риса". Вот такое безумное утверждение называлось "коан". Каждому дается свой коан, чтобы в один прекрасный момент выйти из этой упорядоченной системы, выйти из этой упорядоченной человеческой логики и войти в царство некоей свободы. Что сразу делает человека, конечно, в этом мире безумным.

Это есть и в христианстве, без всякого сомнения: есть же у нас мир юродивых "Христа ради". В конечном итоге само поведение Христа - оно тоже такого рода. И когда говорит апостол: мы проповедуем Христа распятого, - для евреев соблазн, для эллинов безумие, - то, конечно, это разрушение привычного статуса, потому что Бог, находящийся на небе, Бог, утверждающий справедливость, вдруг оказывается не просто на земле, а в сознании. Скажем, до этого был индуистский бог Кришна. Кришна прекрасен настолько, что всякий, кто увидел Кришну, уже не может видеть ничто другое. У него тысячи жен: когда Кришна исчезает, то жены бегут за ним к небесам, окликаая его, повторяя истории его жизни, они не могут ни на одну секунду существовать без Кришны. Кришна участвует в сражении. Он стоит на боевой колеснице, он помогает Арджуну уничтожать врагов. И наступает момент, когда Кришна показывает Арджуну свое космическое лицо. Что же видит Арджуну? Это очень интересный момент - появление космического лица Кришны. Он видит миллионы лиц Кришны, одно страшнее другого. Каждое лицо - это пасть, изрыгающая огонь. Эти головы пожирают миры, все это в чреве Кришны. И в то же самое время это тот Кришна, который стоит перед ним в образе прекрасного юноши. Ну, это образ тот, который понятен и ясен, как понятен и ясен библейский Иего-ва или Ягве, который гром и молнии источает, который уничтожает непокорных, который обладает великой силой, которой невозможно противостоять.

Увидеть же Бога распятого, повешенного - это для евреев соблазн. Это ведь для нас хорошо - крест, но ведь для нас! А крест - это орудие казни. Увидеть повешенного Бога?.. И хотя это опоэтизировано великолепно в православном песнопении: "Тебя, повесившего небо и землю неудержимо (то есть без всяких подпорок) ныне тварь (то есть сотворенный им) видиши на лобном месте виси". Уверовать, что тот, кто висит на виселице позорной казнью, является БОГОМ, - для этого нужно было перешагнуть через все. И для этого нужен был грандиозный переворот, который у христиан так и называется: "Сошествие Христа во ад".

Христос в воскресении своем сходит во ад, он сходит, освобождая тех, кто до этого умер. На иконах это изображается как некое темное пространство, как некая темная пещера, словно пасть огромного зверя, и из этой пасти исходит бесконечное множество людей. Бесконечное множество предков, среди которых Адам и Ева. Он протягивает руку, из этой бездны ада он их выводит.

Небо сошло на землю: земля оказалась небесной, небо оказалось земным. Конечно, это был грандиозный переворот, конечно, это было за 1500 лет до Гамлета, Шекспира, но это был путь к такому человеку, к такому существу, который свободен, который находится как бы в середине Вселенной и для которого ничто не является высшим авторитетом.

Кроме некоей внутренней Данности, которая у него, у Гамлета, есть. Вот эта некая внутренняя данность, которая в нем самом существует, которую он сам понять не может, в которой он очень трудно себя ощущает в этом мире и когда он выглядит безумным по отношению к окружающим. Вспомните, что говорили: он сумасшедший - его поведение не укладывалось в привычные рамки. Таких обвинений не избежал Христос, он тоже выглядел как сумасшедший. Вот мы видим в применении: Христос и Гамлет - это личности, это вершина пирамиды человеческой, но люди, все люди, как и мы с вами, мы по-прежнему находимся вот здесь. Мы говорим: космос, мы обязательно представляем себе, что это - там, наверху, а то, что внизу - это как бы грешное. И на этом построено традиционное религиозное сознание. Традиционное религиозное сознание, которое требует от человека, чтобы он считал свою низшую часть как бы несуществующей. Таково требование

аскезы, монашеской аскезы; католический монах, будь то монах православный, - от него требуется, чтобы он "низ" как бы вообще не видел. Для него этого выбора космического и нет, он просто его отсекает, он в эту сторону не смотрит. Монах должен все время ходить потупив взор к земле, он не должен поднимать глаза, он не должен смотреть в эту сторону. Но, правда, мы знаем, что это не во власти человеческой. Есть искушение святого Антония. Он не смотрит на женщин, а они к нему приходят, множество, к нему в келью, и он живет не хуже турецкого султана. Это к тому, что с человеком очень трудно проделать такого рода манипуляции. Человек является в принципе существом свободным. Он создан Творцом таким образом, что его в принципе невозможно сделать несвободным. Он по природе своей свободен.

И вот когда речь идет о космической переориентации человека, то прежде всего мыслится дело таким образом. Мир человеческий, мир земной должен быть преобразован таким образом, чтобы стать миром сверхчеловеческим, миром космическим. Все законы, которые есть на земле, законы человеческие, они при этом как бы отбрасываются, а все законы космические, законы небесные - они привносятся. Но вот что есть законы космические? Если вы спросите, то один вам скажет, что законы космические - это те, которые проповедовал Моисей, заповеди Христа, которые сводятся к "возлюби ближнего, как самого себя", а также законы пророков. Если вы обратитесь к буддисту, то для него такая постановка вопроса вообще недопустима: космос для него является такой же преградой на пути к самоусовершенствованию, которое у него называется нирвана. Нирвана у нас переводится как слово "небытие", но это неверно, потому что нирваной является не - бытие и не - небытие. Нирваной не является ни сон, ни родственное состояние. Нирвана не является радостью, нирвана не является страданием. По сути дела, человеку христианской цивилизации почти недоступно такое ощущение. Вот восточный человек, он очень хорошо понимает, о чем говорит Будда; нам же с вами нужно делать очень серьезное усилие.

...Космическая переориентация означает, что человек должен в своей жизни, в своем внутреннем мире приобщиться к законам космоса. И когда речь идет о внутреннем мире, о законах космоса сегодняшнего человека, современного человека, то, естественно, перед ним возникнет тот или иной образ космоса. Какой же образ космоса у современного человека?

Это зависит, конечно, от уровня его образования, от уровня его воспитания: насколько он осведомлен о космосе, что он о нем знает. Я же хочу обратить внимание на те вещи, которые человек в XX веке впервые как бы узнал, на те сведения о мироздании, которые, как оказалось позднее, знали и древние. Прежде всего, Гермес Трисмегист. В "Алмазной скрижали" в Древнем Египте есть такое утверждение: "Запомни, все, что внизу, - 'вверху, - все, что вверху, - внизу". И вот это уже противопоставление, которое появилось в виде верхнего и нижнего. Запомни: внутреннее есть внешнее и внешнее есть внутреннее. Запомни: мужское есть женское, женское есть мужское... И это можно продолжать: жизнь есть смерть, смерть есть жизнь. Это то, из чего возникла европейская диалектика, которая включала в себя таких разных философов, как, допустим, Гегель и Алексей Федорович Лосев. Они в равной мере к ней привязаны. Почему же они к ней так привязаны? Потому что там, вместо деления на плюс и минус, предлагается совместить в одно. Человек смертен - но он бессмертен, человек - не вечен, но он вечен. И это правда.

Лосев называет это диалектикой. И Гегель называет это диалектикой. Это слово потом очень испорчено марксистами, которое они приспособили для своих дел, но в принципе диалектика подразумевает именно это. То есть "да - нет" существуют здесь не по принципу противоположных начал, а существуют вместе. Что очень хорошо закодировано в магическом тексте сказки "Царевна-лягушка". Потому что царевна - это человек бессмертный, вечный, прекрасный, она мелет на небе звездную муку, из лучей лунных и звездных она тклет свои прекрасные одежды. Она - вечна, она - царевна. Но она - лягушка. Она безобразна, безобразна. Как хочет поступить царевич, что он хочет сделать с ее лягушечьей кожей, когда она ее снимает? Да, он действует как

человек пралогический. "А зачем мне все это?" Он бросает кожу в огонь. И сразу царевна оказывается в плену у Кощея, ему надо ее после этого оттуда спасать. Ему надо ее оттуда, из этого замка извлекать.

Или Иван-царевич - дурачок. Или, допустим, "Аленький цветочек". Кого должна полюбить магическая невеста в своем обряде? Прекрасного молодца? Ничего подобного, она должна полюбить страшное, жуткое чудовище. Поцеловать. А вот если она полюбит его в этом образе, тогда... тогда это добрый молодец. Но это одновременно. Она должна разглядеть под маской смерти вечную жизнь. Она должна в вечной жизни видеть смерть. То, что сделало христианство. Потому что все христианство - это воскресение. Оно самое главное, но в то же время оно не самое главное. Главное - это еще и скорбь, это - погребение, это Христос, которого полагают во гроб, которого пеленают смертными пеленами. Это траурные погребальные песнопения - самое главное в православном богослужении. А вот в двенадцать часов - радостное: "Христос, воскрес, смертью смерть поправ и сущим во гробе живот даровав". Ну как? "Смертью смерть поправ"? Разрушение...

Таким образом, мы видим, что кроме "да - нет" существует "или". И вот давайте посмотрим вариант гамлетовский "быть - или - не быть". Какие могут быть варианты еще? И быть. И не быть. Кто так живет? В русской литературе? Евгений Онегин. Печорин. У Лермонтова - любимая тема всех его произведений. Все образы русской литературы XIX века - это гамлетовские герои.

Кстати говоря, такого героя нет в европейской литературе. Часто говорят, что Евгений Онегин - это байронический тип. Ничего подобного. Это совершенно русский герой, свойственный только русской литературе, всегда между гамлетовским "быть или не быть?". Как же ведут себя люди? В романе А. Камю "Чума" - одни - по-пушкински, они пытаются пировать: ешь, пей, веселись, после нас - хоть потоп. Но главный герой ведет себя иначе. Он услышал в церкви проповедь священника: а что, собственно, нового принесла чума? Что вы умрете? А что, если бы чумы не было, вы что, не умерли бы? Все равно все люди умрут. В принципе же ничего не меняется. Чума только обостряет, делает очевидным то, что сокрыто. Но вот поведение героя "Чумы", оно отличается от поведения пушкинского Вальсингама: он не пирует, он не пьет, а приходит в кинотеатр, занимает очередь, стоит, стоит, стоит в очереди, когда подходит к кассе, билета он не берет... Или идет на вокзал, покупает билет на поезд; когда поезд приходит, он никуда не едет. Почему он так поступает? Он так поступает, потому что чума, то есть смерть, - она делает бессмысленным любой поступок человека. То есть что бы он ни сделал, он все равно умрет. А если это так, то надо понять, что же содержится в этой бессмыслице? То есть понять бессмыслицу, понять абсурд. Здесь тоже приближаешься к понятию коана, здесь тоже что-то очень близкое. Поэтому он так себя ведет: он пытается принять чуму как некую новую данность, как некую истину, как некую информацию о мироздании, о вселенной, имя которой - смерть, имя которой чума. Она противостоит человеческой реальности. Поведение героя является как бы абсурдным. Это присутствует не только у Камю. Экзистенциалисты не осознали вот этот абсурд, эту высшую данность как некое знание о мире, как некое знание о мироздании во время фашизма. Не знаю: пережили бы они в нашей системе, они бы явно больше получили. Подумаешь, Жан-Поль Сартр полгода в лагере просидел, да еще они в этом лагере спектакли ставили, да он пьесу писал. В общем, по сравнению с нашими лагерями это был детский сад, пионерский лагерь. И тем не менее им этого вполне хватило. И надо навсегда принять абсурд как нечто такое высшее, как нечто такое, с чем надо постоянно жить, то, что должно присутствовать. Для них любая система ценностей, которая предлагалась бы в религии ли, в идеологии, в философии ли, - она являлась бы обманом, потому что она должна увести от кошмара, должна увести от абсурда, должна увести от бессмыслицы. А вот именно в бессмысленном, то и кроется самое главное. Их называли экзистенциалистами, ну, это не совсем точное, наверное, название, потому что "экзистенция" значит существование. "Жизнистый", по-русски говоря. Но они не поклонялись жизни как таковой, они тем проявлениям жизни молились, и те проявления жизни для них представляли ценности, которые не вписывались ни в какие системы ценностей.

Это чисто гамлетовское начало, которое получает свое дальнейшее развитие. У нас, в России, это не так ощутимо, потому что у нас и Онегин является космическим пришельцем по настоящее время. Не случайно, вы обратите внимание. Как только роман стал популярен, так тотчас Белинский статью написал, и в этой статье как Евгений Онегин назывался? Лишний человек, конечно! Потому что с точки зрения идеологии, с точки зрения любой идеологической системы человек является свободным. Ну и что с ним делать? Рясу на него надеть, что ли? В монастырь его отправить? Или погоны на него надеть, в армию его послать? Что?! Ну хотя бы за книгу сел, полезный труд написал. Этого он ничего не сделал. Ну хотя бы в семейной жизни что-то... Нет и этого. Почему? Как бы ускользнул от всех, убежал. И между тем это ведь развитие христианских ценностей. Помните, когда Христос призывал оставить и отца, и мать свою, и уйти. Конечно, это говорилось в другой системе ценностей, в другой системе цивилизации, там были другие понятия, но это присутствовало! Уйти. И вот Любовь, как некое высшее космическое действие, любовь из мира, но не путем отсекающего его - путь монашеский. Когда монах уходит, он просто одну систему ценностей заменяет другой системой ценностей. Ну да, скажем, он отказывается посещать публичные дома. Но зачем ему публичные дома? Ведь он получает радости гораздо более высокие. Это в проповедях присутствует, особенно в проповеди Иоанна Златоуста, который знал в этом толк, особенно Василия Великого, который прошел через все это. Очень часто и очень интересно описывает игрища, ристалища, народные гулянья, пирушки - с большим вкусом, с большим интересом. Когда читаешь, видишь, как перед тобой открывается новый мир и что это была очень интересная цивилизация. Но все это не нужно! Потому что куда большую радость мы получаем тогда, когда и т. д. А здесь - нечто другое. Не то что вы жертвуете пешкой, для того чтобы получить ферзя. Нет. А вот уходы типа ухода Гамлета или ухода Льва Николаевича Толстого, - это, конечно, совсем другое. Отец Сергей сбрасывает мундир ради чего? Ради того, чтобы облачиться в другие одежды, в одежды послушника. Но однажды, стоя в храме, он увидел, как смотрит на него женщина... Но он монах. Ага, значит, это тоже соблазн, значит, и это тоже. Когда он первую одежду сбрасывает, он уходит в монастырь, он уходит на послушание; в монастыре ему тоже плохо. Он уходит в старчество. Это полное уединение, так, чтобы вокруг него никого не было. Но постепенно вокруг него собирается толпа поклонников. И обратите внимание, - старцы ведь тоже разные бывают, - старцы, они не монашеские одежды носили, а просто одежду... И тут вокруг него образуется толпа поклонников. И тогда он решается на самый поразительный ход: он пишет, что давно уже мечтал уйти... Вот тут Толстой предвосхищает "Чуму". Он даже изучал расписание поездов, чтобы однажды прийти на станцию и сесть в первый попавшийся поезд. Так потом Толстой и сделал. Ушел и сел в поезд, первый попавшийся, и оказался где-то там... Но не доехал.

Уходит отец Сергей для того, чтобы сбросить все зримые образы мира. Когда ему это удастся, сбросить все образы мира, тогда он становится просто учителем музыки. В конце говорится: "Говорят, что он стал простым учителем музыки". Его монашество, таким образом, привело к тому, что он стал просто человеком, как тысячи и тысячи других людей, миллионы. Это поразительный роман, который у нас до сих пор не изучен. Обратите внимание: вся система человеческих ценностей переворачивается. Обычный путь, - человек из обыденной, простой жизни, которой живут все люди, должен уйти куда-то, на вершину, в монашескую келью, в скит, в армию; стать монахом, рыцарем, Дон-Кихотом и т. д. У Льва Николаевича путь совершенно обратный: он должен из всего этого уйти и стать просто человеком. Вы знаете, как ни странно, но Лев Николаевич Толстой здесь повторил путь другого героя - Дон-Кихота Ламанчского. Он в России был чрезвычайно известен. Ну, да, он там скачет, сражается, но ведь все почему-то забыли финал этого романа. А финал этого романа какой? Дон-Кихот в конечном итоге возвращается к себе, в свое имение и говорит: да нет больше никакого Дон-Кихота Ламанчского! Слава Богу, это был мираж какой-то; есть простой, идальго, простой помещик.

И в этом кроется глубокая мистериальная тайна: ведь это есть великое посвящение. То есть выясняется, что из

всех величайших посвящений, какие проводили самые просветленные учителя и самые просветленные ученики, - что вдруг оказывается, что посвящением более высшего свойства может быть жизнь просто человека, просто среди людей, с обыкновенными человеческими ценностями. Но теперь уже эти обыкновенные человеческие ценности необыкновенны. До ухода они были обыкновенными, после ухода и возвращения к ним они стали совершенно другими. Мир земной и мир небесный как бы замкнулись. Здесь есть повторение: очеловечение Христа, его сошествие на землю. И вот обратите внимание: после воскресения, казалось, он же вознесся на небо в присутствии 1600 человек, однако это событие не является важным, как его рождение. Более того, - это всячески подчеркивается, - его рождение было со всеми соответствующими атрибутами, которые там были. И смерть его была смертью человеческой, с мучениями, со страданиями, с агониями, с восклицаниями "Боже мой, Боже мой, зачем ты оставил меня" из песнопений царя Давида. Я очертил перед вами - вот этот круг. Вы, наверное, обратили внимание, что в течение разговора земля становилась небом, небо становилось землей, земля - небом и снова, а потом это мерцание как бы кончилось, потому что гамлетовское "или" это все соединило. И это есть то, что происходит с человеческой душой, то, что происходит с человеческим сердцем, то, что происходит с человеческой жизнью. То есть, по крайней мере, на этом настаивает русская литература XIX века, а это литература очень мистическая, она никакая не идеалистическая, но она как бы противопоставляет традиционному европейскому спиритуализму: духовное выше, чем физическое, монах более свят, чем... - она противопоставляет вот такую мистерию, мистирию схождения неба на землю. Когда земля становится небом, небо становится землей, тогда происходит то самое, что дано в мистериях русских сказок. Пусть это будет башкирская сказка в изложении Аксакова "Аленький цветочек", или иранская мистерия в изложении Пушкина - "Сказка о царе Салтане". Но везде мы видим, как это все сходится, соединение в одном лице двух начал - небесного и земного.

Я с самого начала и сейчас сказал, это относится к "Познай самого себя". Мне представляется, что человек знает о себе все. И о мире он тоже знает все. Просто это знание принято было игнорировать. Но мы не умеем себе доверять. Мы всегда ищем авторитет извне. Нам нужно, чтобы это был архиерей, нам нужно, чтобы это был Гегель, - то есть мы все время ищем, творим себе кумира. То, что сверху, - это нам преподносят. Между тем весь пафос мистерии русской литературы XIX века - это человек, который от всего отказался, как какой-нибудь Онегин, как какой-нибудь Обломов... Мы можем себе представить Печорина праведником? Мы можем, конечно, представить, можем, и Онегина можем представить исповедующимся, причащающимся. Так могло и быть, а почему бы и нет? Но это были бы не Онегин и не Печорин. Это совершенно невозможно. Потому что эти люди несут в себе абсолютно все, что нужно. У них все есть. И есть огромное страдание. То, которое есть у Христа на Голгофе. То, что они не распинаются, то, что они не произносят пламенные речи, то, что они не совершают никаких социальных подвигов и никакого внешнего проявления, - в мистерии этого и не нужно. В мистерии все происходящее - это то, что происходит в человеческом сердце.

Один из самых важных, может быть, поворотов в цивилизации после Христа - это то, что отныне все переносится в человека. Раньше считалось наиболее важным событием то, что происходит в обществе, или на поле сражения, или в государстве: обратите внимание, вот сейчас 13 партий, и у каждого на щите написано "Государство", "Отечество", что угодно, никто не идет с надписью "Я" просто... Почему? Потому что, если он будет баллотироваться как Евгений Онегин, за него никто не проголосует. У нас нет такой системы ценностей. Первые слова Декларации прав человека, откуда они взяты? Из "Исповеди" Руссо. "Человек рожден свободным". Дальше у Руссо мы видим: "Человек рожден свободным. А между тем, куда мы ни глянем, мы везде видим цепи, цепи великие", цепи науки, цепи цивилизации, цепи того, цепи другого и т. д. Руссо, правда, много других цепей сковал. Но не важно, тем не менее он все-таки от этого ушел. Почему произведения Руссо считаются произведениями великими, хотя его читать довольно скучно? Потому что там впервые говорится о

правах человека, просто человека. И там еще удивительно. Я никогда не забуду этого ужасного разочарования. Я же думал: "Это Руссо!" - а я читаю: это же жизнь в общем ничем не славного человека. Почему? Ведь Руссо - мыслитель! А в том-то все и дело, что все вынесено за скобки, все принесено в жертву частному человеку, личности, просто "Я", человеку. То есть чтобы поверить в то, что человек достаточно совершенен при всех своих несовершенствах, достаточно хорош при всех своих отрицательных качествах для того, чтобы говорить с Богом, понимать Бога как меру своих возможностей, без посредников, подставных идеологических систем, - для этого нужно иметь большое мужество, большое сердце.

К сожалению, мы с вами живем в цивилизации, у которой была одна идеология, потом ее сменила вторая идеология - марксистская, теперь, когда марксистская идеология, слава Богу, рухнула, теперь все бросились, как к спасению, обратно, к тому, что и породило эту идеологию марксистскую. Человек свободный, человек, который весь космос несет в себе самом и который не перекладывает бремя своих проблем на какой-то высший авторитет и не ждет, что высший авторитет ему скажет: делай так-то и так-то, - вот то, что было достигнуто в Европе, может быть, в 1500-х годах, то, что у нас появилось в XIX веке... Но это осталось, это с нами. Все-таки это присутствует. Похоже, что мы свободу обретем. И если мы обретем эту свободу, что вполне возможно, потому что, обратите внимание, как сменился имидж политического деятеля. Имидж дореволюционный: скипетр, держава. И обратите внимание: имидж первого диктатора - в кепочке, простенький, прост как сама правда. Но он не продержался. Потом - френч, сначала было без регалий, потом - погоны, лампасы. Генералиссимус. Потом - пиджачок, снова под Евгения Онегина, однако все равно генералиссимус. Обратите внимание: каждый же генсек был одновременно главнокомандующим. И одновременно - генеральский мундир, ордена, лампасы... Да, конечно, он такой, в штатском, вот такой простой. Вот сейчас тот момент сбрасывания мундира, когда лягушка наконец-то сбросит лягушечью кожицу. Нет, и не говорю, что нас ждет какое-то светлое будущее. Я говорю, что данный момент чем-то похож на момент просветления, познания человеком самого себя и обретения своей собственной свободы.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

БЕСЕДА 6

СМОКОВНИЦА БУДДЫ И СМОКОВНИЦА ХРИСТА

Когда речь идет о параллельных религиях, параллельных в том смысле, что существуют в одном пространстве, в одной цивилизации нужно сравнить наиболее распространенную среди интеллигенции религию буддизма с религией христианства, наиболее нам известной и доступной, по крайней мере, по названию. Я бы не сказал, что христианство - известная религия: будет большим преувеличением так считать. Мы больше знаем христианство в масскультурном изложении, в пропагандистском, я бы сказал, смысле, нежели в том значении, в котором оно существовало, скажем, в первом веке.

Но относительно буддизма можно с уверенностью сказать, что почти вся наша интеллигенция, которая познакомилась с буддизмом, она увлечена теорией переселения душ. Или представлением о переселении душ, которое существует в буддизме и которое в корне противоречит христианству в воззрении, согласно которому душа - единственная, бессмертная, вечная, принадлежит только Богу и человеку. Никакой другой передаточной инстанции, будь-то животные, растения, ангелы, боги, - не может быть: душа - индивидуальная, личностная, принадлежит Богу и человеку. Никакого третьего посредника нет. Ну, может быть, на уровне житейском получится это осознать, если мы обратимся к такому замечательному сюжету, когда человек разговаривает с Богом: "Ты мне душу дал?" - "Дал". - "Ты у меня душу взял?" - "Взял". Пусть это уровень житейский, но - это христианское представление. Потому что буддист не рассматривает свою душу как нечто ему данное, чем он владеет, - ничего подобного. Сегодня эта душа принадлежит ему, даже не принадлежит ему, а просто пребывает в нем, а завтра может оказаться в растении, птице; Буддой в том или ином воплощении. Но... во всяком случае, от него здесь мало что зависит. Душа не является его владением, его

безраздельным личностным началом. Пожалуй, самое удивительное в буддизме для человека христианской религии - то, что он обходится спокойно без личности. В нем нет индивидуального, личного, неповторимого, того, что в "Смерти Ивана Ильича". Кто читал, тот, может быть, помнит суждения Ивана Ильича, когда он понимает, что все-таки смерть является неизбежной, что он все-таки умрет, что человеку чрезвычайно трудно, естественно, принять и осознать. Он вспоминает из учебника логики: все люди смертны. Кай (имеется в виду Кай Юлий Цезарь) - человек, следовательно, Кай смертей. Ну да, этому учили насмерть. Но ведь это какой-то Кай, неосязаемый, а не Иван Ильич, ведь это не Кай, а Иван Ильич умирает, ведь это не Кая, а Ивана Ильича любила мама, ведь это не Кай, а Иван Ильич умел произнести такую речь в суде, которую произнести никто не мог. Вот это утратить для Ивана Ильича было совершенно невыносимо. И его ужас смерти - это не столько физиологический ужас, это именно страх перед утратой личности. Что никак не мог принять Иван Ильич, что, кстати, с легкостью принимал Лев Николаевич Толстой, который, хотя и считал себя в общем-то последователем Христа, во многом, очень во многом проникся учением буддизма. Ему легче было представить себе некий безликий, безличностный мировой дух, в котором он также исчезнет или в нем восстанет, но останется не как Лев Николаевич Толстой со всеми своими слабостями, а именно как некая очищенная субстанция.

Пожалуй, буддистом был в некотором смысле и тот философ, которого почему-то меньше всего возненавидели марксисты. Я имею в виду философию Гегеля, поскольку его лестница эволюционного восхождения напоминает буддийское колесо кармических перевоплощений. Это колесо в европейской культуре довольно часто возникает; ну, вспомним, размышления Гамлета: он видит это мировое колесо, вот эти звезды, это небо - ему это, правда, кажется пыточным колесом. Колесом, где ломаются человеческие кости: он видит, как оно сочится кровью... Вы свет видите, а он видит кровь и гной. Он видит это колесо: это излюбленный средневековый сюжет, на котором кто-то вращается и возносится, вновь падает и вновь возносится... Кто был наверху, тот оказывается внизу, кто был ничем, тот станет всем...

Гегелевская эволюция на это колесо очень даже похожа, правда, у него есть лестница восхождения, но нет лестницы спуска. Постепенно восходит душа, очищается от личностного, от индивидуального, пока, наконец, осиянная светом мирового духа, она полностью не растворяется в нем. И личностного там уже нет. В этом, кстати, отличие Гегеля, который считал себя философом христианским, от таких фундаментальных философов, как Фихте, Шеллинг. Для Гегеля мировой дух - это прежде всего то, что очищено от личностного "Я". Именно поэтому ему пришлось разместить в иерархии своих ценностей науку. Естественно, что при буддийском подходе культура должна находиться внизу, потому что подвержена эмоциям, здесь все несовершенно, то, от чего нужно освободиться. Естественно, что наука по мере своего очищения все выше и выше, поэтому в иерархии Гегеля наука находится наверху, там, где математика, потом идет философия и в конце там философия Гегеля, уже очищенная абсолютно от всех страстей. Нужно сказать, что я никогда не испытывал такого ощущения полного растворения в чем-то очень возвышенном, высоком, там, где исчезаешь. ...Очень рекомендую прочитать несколько страниц из "Наука логики" Гегеля. Но после этого очень полезно прочитать Щербацкого "Логика учения позднейших буддистов". Тоже ученый-буддолог, который сумел пробить путь к Ленину, убедить его в том, что буддизм несет в себе коммунистические идеалы, и некоторое время он мог издавать свои труды. В частности, труд Щербацкого "Логика учения..." о позднейших буддистах Гигнаге, Хармакирти, - вы читаете и думаете: что же такое? Вроде бы Гегеля читаешь!.. Только ощущаешь еще более высокую стадию очищения от личностного начала, от своего "Я", от всего наносного, видишь: ну да, логика, но ведь тоже человеком логика создана. Она тоже загрязнена, потому что она выражена чем? Выразитель же остается, язык-то остается, пусть даже математический язык: пусть А больше Б, пусть Б больше С, - но все-таки это язык.

И вот тогда возникает в философии XX века то, что называется лингвистической философией Карнапа и Видгештейна, которая ставит, разочаровавшись в науке логики и в логике как таковой, в основу то, чем пользуется логика - язык. И убедились, что и в языке в конечном итоге не за что зацепиться. В языке все быстро распадается. Примером такого замечательного буддийского труда является книга математика Бертрانا Рассела, которая называется "Границы сферы человеческого познания, - очень душеспасительное в буддийском смысле чтение. Он говорит, что отдельно существует вера, а отдельно существует наука. И что наука, - а он атеист, я бы сказал, даже воинствующий атеист, - что наука зиждется на вере в понятия. Будда считал вопрос "есть Бог или нет" абсолютно бесполезным. Перечисление вопросов, которые Будда считал бесполезными:

1. Есть Бог - или нет Бога;
2. Есть бессмертие - или нет бессмертия;
3. Есть душа - или нет души.

Вот это три вопроса, которые Будда называл бесполезными. Он говорит, что человек, который задает такие вопросы, подобен тому, кто получил стрелу в свое тело и, вместо того чтобы вынуть ее из раны и тотчас же начать лечить, размышляет: откуда прилетела эта стрела, кто ее послал?

Конечно, такой практицизм, я бы сказал, как бы даже заземленный для нашего с вами сознания, - вроде бы противоречит буддизму, который получил распространение позднее. Но тот буддизм, который уже в христианизированном виде пришел в Европу, в наши теософские круги, - он пришел в Америку в 60-е годы прошлого столетия, - буддизм, облагороженный христианством, оплодотворенный им... И вот буддизм ЧИСТЫЙ, буддизм самого Будды эти вопросы выносил за скобки. В частности, Бертран Рассел говорит, что принято считать: религия пользуется верой, а наука опирается на что-то положительное. На что же положительное опирается наука? На какое знание она может опереться? Скажем, на логику, а логика, в свою

очередь, поскольку она математическая, языковая логика, на абстрактные понятия. Рассел говорит: "Точка... Ну что точка?" Точка - это не имеющее размера пространство, - но тотчас вы ее рисуете. Как же не имеющее размера, когда вы ее нарисовали? И анализ точки сразу же оказывается бесполезным. Значит, понятие "вечный, бесконечный" основывается на неком... ускользании: в это все можно верить, но этого ничего нам не дано.

Поэтому взгляды Бертрانا Рассела таковы, что и наука, и религия в равной степени зиждется на вере. А во что верить: в точку или в Бога, в присутствие души или отсутствие оной - это дело свободного человеческого выбора. Так, философия Бертрانا Рассела очень во многом соприкасается с буддизмом.

Чтобы почувствовать истоки различий между буддизмом и христианством, лучше всего остановиться на сходстве. Прежде чем приступить к проповеди, должно быть некое очищающее действие посвящения, при котором надо узнать что-то такое, что неизвестно другим людям. У Христа это момент посвящения согласно обычаю, который существовал в древнем Израиле, в секте ессеев, в секте терапевтов, - нужно было сорок дней и сорок ночей провести в пустыне. Пребывание в пустыне, где никого нет, кроме тебя и Бога, с которым ты беседуешь в течение сорока дней, должно было очистить душу от всего наносного и дать ей истинное знание. У Будды этот момент - сидение под деревом. Будда сидел под деревом. Разные деревья называют, в частности, называют смоковницу, она фигурирует потом и в христианстве, многие даже считают, что не случайно, когда Христос хотел сорвать плод, а она его не принесла, сказал, что дерево, которое не приносит плод - иссохнет, и оно тотчас же на глазах иссохло. За что некоторые обвиняют Христа в некотором немилосердии к смоковнице. Но здесь намек на бесплодие буддизма.

От своей смоковницы Будда пришел к своим благородным истинам. Четыре благородные истины, четыре озарения. Вы знаете, для каждого человека это главное - генетический код буддизма: четыре благородные истины. И человек, воспитанный на христианстве, при первом взгляде на эти четыре благородные истины испытывает если не разочарование, то смятение: как, разве это все, что знал Будда? Да разве для этого нужно просветление?

Истина первая. В мире есть страдание. Вы спросите: как, разве это не известно каждому встречному и поперечному, что в мире есть страдание? Но дело в том, что существует известное обрамление прихода к этой истине: ведь Будда жил во дворце, ведь Будду оберегали от любого проявления страдания родители, которые хотели воспитать его таким образом, чтобы никакая печаль к нему не проникла, никакая печаль его не коснулась. Не будем сравнивать это с житейской ситуацией, можно ли построить такой дворец, где Будда не заболит, где не будет гибели, - надо думать, что в таком дворце он очень быстро потеряет иммунитет, заболит и т. д. Но не в этом дело. Это Восток, это - эмблематика. Эмблема дворца - это эмблема души, которая замкнулась для этого мира и не хочет видеть страдания: вот этого сколько угодно. Каждый из нас живет в своей мере в таком дворце. То есть у нас жизнь буддийская, во всей ее сложности и полноте. Вот Будда - человек, не желающий страданий, ему неплохо жилось во дворце, его оберегают родители, нищих там нет, их не пускают туда, они не могут туда подойти, болезней там нет. Будда живет счастливо и спокойно. Но вот однажды, незадолго до своей свадьбы, он случайно встретил нищего в лохмотьях, он впервые увидел лохмотья (помните, может быть, в "Аквариуме" есть песенка про мальчика Евграфа: "Он не знал, что на свете есть много ужасно одетых людей").

Будда был воспитан как мальчик Евграф, не знал, что на свете есть много ужасно одетых людей, он еще и не знал, что есть больные люди, - а это был не просто нищий, но еще и прокаженный. Конечно, этот нищий прокаженный является опять же эмблемой: вот дворец, и человек живет в этом дворце и не хочет видеть страданий, человек создан в этом отношении Творцом очень совершенным, для тех, кто не желает видеть природу, созданную Творцом, он ее и не увидит. Хотим жить во дворце, живем во дворце, хотим видеть

реальность житейскую - видим прокаженного нищего, эти две реальности, две возможности перед человеком всегда есть.

Будда настолько был потрясен этим, что, когда вернулся во дворец, а его ждала свадьба, его ждала прекрасная невеста, - он, вместо того чтобы остаться с невестой и быть счастливым, уже ничего не видит, кроме этого старика, он уже смотрит на невесту и видит, как она становится старухой, как с нее спадает кожа, как потом спадает мясо, потом он видит череп (кстати, медитация, которая очень рекомендовалась для монахов и для буддистов в раннем буддизме), то есть он видит вещи в их движении. Тут знаменитая марксистская диалектика, которая говорит: в движении надо все видеть, в движении, и смотреть, что во что превращается. Из жизни христианских святых этот сюжет, когда святой приходит к какой-нибудь блуднице, наставляя ее на путь истины, блудница его прогоняет. Монах ей говорит: "Я вижу, ты лежишь в могиле, у тебя поселилась жаба", после чего блудница идет в монастырь. Это существует в православии, это существует в католическом варианте, правда, тогда еще не было разделения на православие и католицизм, - тогда, в раннем христианстве очень распространенный сюжет. Он выходит из буддизма, родословная, конечно, та.

Когда Будда увидел дерево, усеянное плодами (реминисценция Евангелия), он увидел не плод, который висит на дереве, он увидел, как это дерево осыпалось, иссохло, а плод этот сгнивший лежит на земле... Ничего не осталось, и иссохшая смоковница - это реминисценция буддизма. Будда покидает дворец, покидает свою спящую невесту. Будда не знает личностного начала, он уходит и оставляет ее. Этот момент интересен и в том смысле, что он потом и в христианстве повторяется, когда Христос к первым апостолам обращается: "Идите за мной", а апостол говорит: "Погоди, я должен похоронить своего отца". - "Оставь мертвым погребать своих мертвецов".

Понимаете, это очень интересно, потому что мы видим человека в Будде, у которого оба полушария развиты чрезвычайно, потому что он предается несказанному отчаянию, несказанным эмоциям после встречи с нищим, которого другой увидел бы и не заметил, он проникается огромным состраданием к этому прокаженному. Спустя несколько веков мотив прокаженных будет присутствовать в рассказе о Христе и прокаженном, просящем его об исцелении, но Христос в свое время обращается с ним, как с одержимым, и разговора у него с ним не получается. Известен другой случай, когда прокаженный обращается за помощью, его берут домой, кормят, поят, промывают его раны.

Истина вторая. В мире есть избавление от страданий. Но опять же из житейского повседневного опыта известно, что как страдания приходят, так они могут и уйти. Но Будда же размышляет не об обычном житейском страдании, он размышляет о страдании вообще как категории, его интересуют страдания, все вместе взятые. Они есть? Есть. Когда мы радуемся, смеемся, - мы все время знаем, что есть страдания. А вот если я скажу, что существует избавление от всех страданий, то я превращусь в какого-нибудь коммунистического шарлатана, в какого-нибудь шарлатана от религии. Но Будда узнал, что есть избавление от страданий, а затем узнал и третью истину: есть причина страданий. В мире есть страдания, в мире есть причина страданий, в мире есть избавление от страданий. Причина страданий - вот в чем дело. Какова же причина страданий? Если я спрошу любого из вас, какова же причина страданий, вряд ли кто из опыта житейской мудрости ответит. Человек рожден для страдания, как птица для полета. Причина страданий, согласно Будде, заключается в стремлении к удовольствию. Вот в чем причина страданий: в стремлении к удовольствию. Если человек никогда не стремился бы к удовольствию, он никогда бы не узнал страдания. Вот тут уже для европейца может быть и не совсем понятно. Это к той песенке: "Если вы не живете, то вам и не умирать". Для восточного человека это очень серьезный и очень важный аргумент. Для индуса, живущего за шесть столетий до Христа, это очень серьезный и очень важный аргумент.

Значит, если не стремиться к удовольствию, то страданий не будет. Значит, страданий не будет, и дальше

Будда приходит к четвертой благородной мысли: что есть благородный восьмеричный путь к избавлению от страданий. Каков же этот благородный восьмеричный путь, ведущий к избавлению от страданий? Этот благородный восьмеричный путь, ведущий к избавлению от страданий, собственно, совершенно ничем не отличается от христианского пути. Здесь присутствуют все добродетели христианства. Этика христианина и этика буддиста: да, нужно быть добрым, нельзя мстить, нельзя гневаться, нужно прощать, не нужно стремиться к богатству. Вот это очень интересный момент, который в нашей культуре тоже присутствует, что бедность рассматривается как высший дар. Причем, если говорить о католической культуре в Италии, о православной культуре, богатство - это добро или зло? Если принять распространенную точку зрения - все-таки зло, все-таки нищенство добро. И если мы заглянем в протестантский мир, то там нечто другое. Там богатство рассматривается как избранничество, как целый круг обязательств, вытекающих из этого избранничества, человек должен то-то и то-то, помогать бедным, устраивать рабочие места. У него очень много обязанностей, но богатство само по себе - это есть избранничество, пример библейский, ветхозаветный. Но бедность - не порок, раз ты беден, то Бог тебя милует. Так вот все-таки в католическом и православном варианте христианства, так же как и в буддизме, бедность рассматривается, как избранничество.

Отсюда то, что пишет Лев Николаевич Толстой: "Ну что же это за цивилизация такая, которая нищих прогоняет, которая запрещает подавать милостыню, если испокон веков на Руси нищий, пришедший к тебе, рассматривался как спаситель, который дает тебе возможность проявить милость. Поэтому приход нищего странника рассматривался как дар Божий. У Островского прекрасно обыграно в пьесе: "Убогие люди пришли!" Все время к московским купчихам приходят толпами убогие нищие. Убогие - у Бога. Они находились при церкви, у них была своя среда обитания, они служили постоянным напоминанием о том нищем, который появился еще перед Буддой, и напоминанием о евангельской притче о Лазаре, который был нищий, но который теперь есть самый желанный гость на пиру господском.

Вот четыре благородные истины Будды. Вы знаете, мне очень тяжело судить, могут ли они быть источником вдохновения для человека христианской культуры. Достаточно ли ясна эта благородная цель для нас, я подчеркиваю, в системе наших ценностей - избавиться от страданий? Вдохновлявшая ли это цель для человека христианской культуры? Не знаю. Но, во всяком случае, для того ареала, где буддизм распространился, а он распространился в Индии, он распространился в Тибете, он пришел позднее в часть Китая, в XX веке стал частично просачиваться в Европу, это все-таки идеал.

Теперь обратимся к моменту посвящения Будды. Каково посвящение Будды? Значит, если есть причина страданий, надо избавиться от нее, надо ее уничтожить, а причиной является стремление к удовольствию. Это понятно, значит, все, что приносит удовольствие, надо отвергать. Есть здесь сходение с христианством? Ну конечно, весь монашеский опыт христианства, особенно раннего, особенно христианства IV-VI веков. Как раз сходение в этом и заключается, наоборот, когда культивируется страдание, когда вериги надеваются, когда надеваются тяжелые цепи, которые постоянно давят. Человек, будучи богатым по происхождению, живет за городом на помойке, питается какими-нибудь отбросами, его избивают, пинают ногами, а он все это принимает. Конечно, это уже настолько вошло в культуру, это уже настолько стало веянием, что как-то уже даже и не заметно, в какой момент начинается буддизм и в какой момент начинается христианство. Они все время расходятся, и они все время пересекаются. Они все время направлены в противоположные стороны, но как только вы идете в противоположные стороны, вы все время видите точки схождения. Посвящение Будды под смоковницей, конечно, не похоже на то посвящение, которое получил Христос в пустыне за сорок дней. Ведь Будду никто не искушает, никто не соблазняет, все соблазны у него были как раз в его предшествующей жизни во дворце, в мирской жизни... а тут к Христу приступает дьявол и начинает его очень своеобразно соблазнять. Он показывает ему на камни и говорит ему: "Если ты Сын Божий, тогда скажи этим камням, пусть

они станут хлебами". На это ему Христос отвечает: "Отойди от меня, Сатана, ибо сказано в Писании: "Не хлебом единым жив человек, но словом, исходящим из уст Божиих". Очень интересный момент, который я в буддизме и индуизме не нахожу. Этот момент "хлеб - слово" (одно не отвергает другого, никто не говорит, что хлеб отвергает слово) очень интересен: не хлебом единым, но словом, исходящим из уст Божиих.

Единственная молитва, которую оставляет Христос, молитва Господня, она о хлебе не забывает: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь...". Это несмотря на то, что перед этим было искушение в пустыне, дьявол велел превратить камни в хлебы, а он сказал: не хлебом единым...

Второй момент, тоже чрезвычайно странный для сегодняшнего сознания (для сегодняшнего сознания очень ясно, что Бог проникает все миры), но надо понять, что для сознания человека, живущего в первом веке, вот такого представления о всепроникаемости власти Бога не существовало, поскольку любая власть, где бы она ни была, она имеет всегда четкие пределы. Любой властитель был властитель в своем ареале, на своей территории. Пример самого Израиля: Израиль был частью Римской империи, в Израиле был царь, он был царем Израиля, который, в свою очередь, входил в Римскую империю. Да, конечно, римский император являлся как бы и властителем Иудеи, но всякий, живущий в Израиле, знал, что властитель-то он властитель, только до него скакать надо было... И вот очень интересная ситуация: мы даже не можем себе представить, в каком раю, в какой неподвластности центральной власти жили люди, пока не появились новые средства коммуникации, когда появились телеграф, почта, телефон и прочие вещи. Потому что человек чувствовал, что любая власть имеет предел, она требует времени для своего распространения. Поэтому земля выглядит как бы во власти дьявола. Дьявол обращается к Христу и говорит, поднимая его над землей, показывая все царства во славу их: если ты мне поклонись, то все это я тебе подчиню, отдам. То есть дьявол соглашается принять его в свое всеземное, божественное всевластие, если он, Христос, ему поклонится. Тут очень важный момент. То есть смотрите: дьявол, сатана, соблазняет кого - самого Христа, Сына Божьего... то есть он обладает громадной силой и властью. На что ему Христос отвечает: "Царство мое не от мира сего". Очень важный, очень существенный момент, опять же сближающий с буддизмом. В каком плане - с буддизмом? Будда предлагает тот мир, где не надо стремиться к удовольствию, главная цель - наоборот, уйти от удовольствия всячески путем отрешения, чтобы избавиться от страданий, конечно же не тот мир, в котором живут все люди. Тут действуют какие-то другие законы, я бы сказал, противоестественные. И Христос говорит: "Царство мое не от мира сего". Вот на эту противоестественность религиозного опыта очень мало обращают внимания. Очень часто религиозные проповедники идут на многие и многие уступки, не обращая на это внимания, чтобы религия распространялась все дальше и дальше, и пытаются представить религию как дело нужное, полезное... Очень часто можно слышать, что христианство - оно хорошо, потому что здесь проповедуются очень хорошие вещи, любовь к ближнему, добро, нравственное совершенство. Забывая, что христианство отвергает этот мир таким, каким он дан. Таким, каким он дан, он должен быть отвергнут. Очевидное, данное - должно быть преображено. "Царство мое не от мира сего".

Следующее, третье искушение Христа (у Будды четыре благородные истины): дьявол поднимает его, ставит его на башню и говорит: "Если ты Сын Божий, то прыгни с этой высокой башни, ибо сказано ведь же в Писании: "Ангелам своим заповедаю, да подхватят тебя своими крыльями, да не преткнешься ты головою о камень". Это, кстати говоря, сказано в псалме замечательном царя Давида. Вот эту цитату сатана подносит Христу. И Христос ему отвечает, очень интересно он ему отвечает, - он говорит: "Сказано также в Писании: "Не искушай Господа Бога своего". Тут очень интересный момент, который наша цивилизация целиком приняла: искусилась. Мы жаждем подтверждения существования Бога, нам нужны наглядные чудеса. Ищем в каждом наглядном опыте, каждом наглядном примере доказательств бытия Божьего. Сатана требует, чтобы Христос прыгнул и он бы убедился, что ангелы подхватят его, но Христос это рассматривает как искушение. Он

отвергает такую возможность проверки Божественной благодати. Рациональной проверки. Надо сказать, что на Достоевского это произвело огромное впечатление, и в легенде о Великом Инквизиторе Великий Инквизитор все эти соблазны и искушения перечисляет, только переводит их на современный язык. Скажем, как Достоевский рассматривает искушение хлебами? Это - социализм. Потому что: преврати камни в хлебы, - и все за тобой пойдут. Сначала накорми, потом требуй. И действительно, это такой социалистический, марксистский подход к миру, это даже, и не утопия, потому что я не особенно верю, что и коммунисты, и социалисты верят в такую, возможность. Это их идеал. Идеал хлебный, идеал один, будь то просто социалисты или национал-социалисты. Вот сейчас "Майн кампф" продается, и если кто прочитает, то убедится, что там столько же говорится о хлебе, о ценах, о капитале и равенстве.

Достоевский, кстати говоря, предвидел, что коммунистические, не социалистические, а именно коммунистические идеалы будут стоить человечеству 100 миллионов жизней. Дальше, когда Христос отказывается поклониться, признать власть Сатаны здесь, на земле, ради того чтобы Сатана признал его власть во всей Вселенной, это, говорит Достоевский, значит, Христос отвергает тот соблазн, по мнению Достоевского, на который пошла католическая Церковь. Я не думаю, что только католическая Церковь, а именно: на союз Церкви с мирской властью. Православная история тоже знает примеры этого. И когда Церковь отвергала это, как, скажем, митрополит Колычев, который отказался благословить Ивана Грозного, за что был задушен подушкой Малютой Скуратовым. И были случаи, когда Церковь соглашалась на любые компромиссы с властью, конечно, "ради того чтобы...", но тем не менее соглашалась. Например, патриарх Сергей (тюрьмы забиты священниками, их убивают, церкви взрывают) говорит: все прекрасно, верующие нашей страны не испытывают никаких трудностей... И обращается к властям: ваши заботы - наши заботы. Но это не значит, что патриарх Сергей был злодей, он просто считал, что для блага Церкви надо это сделать.

Достоевский же считал, что на этот соблазн пошла католическая Церковь. Православная Церковь, дескать, этому соблазну подвержена не была. А католическая - она власть Папы действительно отождествила с властью императора. Действительно, у нас такая попытка была предпринята патриархом Никоном. Никон именовал себя великим государем: действительно, если формально подходить, при Никоне такая попытка все-таки провалилась. Все-таки царем патриарх не стал. Что касается третьего соблазна, то это путь всей современной науки. Да, мы жаждем видеть, мы хотим, чтобы все время подтверждение было. Чтобы очевидным стало то, что не может быть очевидным для обычного мирского зрения, тем самым упрощая Божественную истину, низвергая ее на землю.

Разумеется, когда речь идет о четырех истинах Будды, доходя до последней, четвертой, до благородного восьмеричного пути, здесь пересечения с христианством нет. Когда речь доходит до последней истины, здесь очень трудно найти расхождения между буддизмом и христианством. Ну, скажем, в буддизме есть такая притча. Однажды Будда увидел голодную собаку, ему стало так жалко ее, что он вырезал часть мяса из своего тела и дал ей. Что позднее у Маяковского было перефразировано: "Из себя готов достать печенку, на, не жалко, дорогая, ешь". Это как некий факт, уже присутствующий в мировой культуре. Действительно, все присутствует в некоей ноосфере, как говорил Вернадский, это по-разному можно называть, Флоренский называл пневмосферой, Лотман называл симеотической сферой... И действительно, это присутствует во всех религиях, переходит из одной религии в другую. В начале XX века спорили о теории бродячих сюжетов. Синдбад Мореход отправляется в путешествия, Садко отправляется в путешествия, Одиссей отправляется в путешествия... Очень много сходного, и даже в именах: Синдбад-Садко... Так что это - бродячий сюжет, который из Индии пришел в Новгород? Долго думали, что это бродячий сюжет, а потом постепенно получается так, что это возникает одновременно. Неуничтожимо в разные времена у разных народов возникают одинаковые образы и одни и те же секты. Они могут ничего не знать о существовании у других народов подобного, и тем не менее они

возникают. Ну, конечно, этот сюжет: Будда, который вырезает часть себя и отдает собаке, которую ему жалко, - это то, почему, когда Ганди познакомился с христианством и оно произвело на него очень большое впечатление, Ганди сказал: "И все-таки Христос ест рыбу". А в индуизме нельзя есть ни рыбу, ни мясо. "Вот такой любви ко всему живому я в христианстве не нашел", - говорит Ганди. Ну, можно было бы возразить великому человеку, что да, такой любви ко всему живому, какая есть в буддизме и индуизме, в христианстве нет. Но зато ни в буддизме, ни в индуизме вы не найдете такой любви к личности. К индивидуальному человеку, к такому, каков он есть, со всеми своими слабостями, со всеми своими несовершенствами. Только христианство открывает человека как высшую ценность мироздания, как высшую ценность во вселенной. И не просто человека, а именно его внутренний мир, его душу. Вот это самое главное, когда Христос в первой своей проповеди говорит: "Не копите себе сокровища на земле, где ржавчина ест, где моль истребляет, но копите себе сокровища на небесах, где ржавчина не истребляет и плоть не ест".

Вот есть один очень интересный китайский текст. Там один мудрец читает - и читает Евангелие. И потом говорит: "А все-таки Христос был настоящим даосом". Конечно, это же самое проповедует даос. Это же самое проповедует. Когда Христос называет это Царствием Небесным, а у даосских монахов это же самое называлось словом "дао". Что такое дао? Дао - "путь неба". Этот путь присутствует во всем, наподобие того, как пустота присутствует в середине колеса. "Что самое важное в колесе?" - спрашивает китайский философ. Обод? Обод можно снять, - останутся спицы. Спицы? Но спицы можно убрать. А что невозможно убрать? То, вокруг чего вращается колесо. Та пустота, которую невозможно убрать. Дао - это та пустота, которая находится посередине, как говорят китайцы. Христос о пустоте не говорит, но - Царствие Небесное присутствует также незримо; как та пустота, так и Царствие Небесное. Или; даосский монах рассуждает о том, что в мире все грубое, все мощное и могущественное очень легко поддается разрушению. Посмотрите на камни, на скалы. Видите, как они обезображены. Как время их сокрушило. Посмотрите на каменные дворцы; посмотрите на доспехи воинов, как они изъедены со временем ржавчиной. Все сокрушает время.

Теперь посмотрите, как росток пробивается сквозь камень из-под земли, преспокойно этот камень пробивает и выходит на поверхность. В мире все грубое, все телесное подвержено уничтожению, все нежное, уступчивое, мягкое обладает неизмеримой силой. Но это и есть тот закон, который проповедует Христос в своей первой проповеди, который называется Заповедью блаженства. Ибо он там говорит: "Блаженны кроткие, ибо они наследуют земли..." То есть не сильные, как по закону эволюции Дарвина или по законам классовой борьбы, а именно "кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят". То есть Царствие Небесное, - и вот здесь заключается различие между даосизмом и, скажем, классическим буддизмом в том, что Дао (ведь тоже царствие небесное) - "Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят". То есть оно концентрируется в человеческом сердце.

Ни в бесконечных мирах, ни в бесконечных пространствах, ни в этом потоке бесконечного уничтожения, который Будда предлагает постоянно созерцать, который монах видит, стоящий над бурным потоком или сидящий на берегу у этого потока, созерцающий его. Или камень, который лежит поперек этого потока. Это излюбленные даосские изображения в Китае. Образ камня в бурном потоке есть образ мудреца, который построил свой внутренний мир, свой внутренний храм, который несокрушим.

У Христа все то же сосредоточено на Царствии Небесном. "Ищите Царства Небесного и правды его. Остальное приложится вам". Десять изощреннейших путей разума и логических построений, которые в буддизме занимают громадное место, в христианстве не отвергаются, но как бы выносятся за скобку. "Ищите Царства Небесного, остальное приложится вам". И на вопрос: как оно устроено, где оно расположено, ответ дается четкий и определенный: "Царство Божие внутри вас".

Раз это так, то личность становится НЕИЗМЕРИМО ЦЕННОЙ. Неизмеримо ценной. Если с точки зрения буддиста личностное начало есть тоже соблазн, потому что если "личность", то, значит, и "утрата личности". Потому что если - личность, то, значит, и - смерть, страдание. Но всего-то этого Будда стремится избежать. Он же считает, и совершенно справедливо считает, что в этом причина страданий. Он утверждал, что нет личности, нет души. "Все подвержено изменению". Пока вы произносите "я", вы уже изменились. Ну, помните, мудрец говорил, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Можно подумать, что он знал, как устроен современный человек, все биохимические процессы. Поэтому он говорил: нет тебя, нет личности - ничего нет..

Христос же, наоборот, - он останавливается на этом моменте. В мире есть страдания. Там, где Будда предлагает избавление от страданий как путь из этого мира, для Христа это абсолютно неверно. Христианин ищет не избавления от страданий, он ищет страданий. Он ищет страдания, ну конечно, не просто страдания ради страдания как такового, он ищет сораспятия с Христом. Не случайно распятие и стало эмблемой христианского мира.

Эти эпизоды в той или иной мере канонизированы. Празднуется его Рождество (его рождение), празднуется его Обрезание, его Крещение, празднуется его предсмертная Пасха. Все события христианской жизни, как это положено по восточной поэтике, поскольку все религии пришли к нам с Востока, все они празднуются, все отмечаются. Конечно, для любого христианина кульминацией, главным моментом является Христос на Голгофе. То есть распятие. Именно этот образ вы видите у каждого священника на груди: именно этот образ вы увидите и в католическом, и в православном храме или протестантском. Страдание, с точки зрения христианина, ни в коей мере не является бессмысленным, если оно одухотворено любовью.

Оно - бессмысленно у Будды. Почему? Потому что он покинул дворец. И он оставил свою невесту. Любовь у Будды - она, так сказать, ко всему живому. Только вы, Бога ради, не подумайте, что я сравниваю буддизм или христианство, что буддизм хуже. Нет. Я просто показываю различия. Любовь ко всему живому, естественно, не исключает любви к кому-то отдельному, отдельной личности. У Христа такая любовь постоянно присутствует. Умер любимый ученик Лазарь. Христос спешит, плачет, рыдает, хочет скорее прийти, он любит Лазаря, он - его друг. У Христа есть спор между учениками: одних он любит больше, других меньше. Они даже спорят: кто из нас первым окажется в Царствии Небесном? Может быть, последний будет первым. У него есть любимый ученик, который, кстати говоря, и не подвел - Иоанн, который возлежит у него на груди, который не убежал, не смутился во время ареста Христа и присутствовал во время распятия, единственный из учеников. И ему Христос препоручил мать свою, а его - матери своей как сына.

Личностное присутствует также по отношению к женщинам, которые окружают Христа. Вот Марфа, и вот Мария. Они пришли в селение вечером, устали. Естественно, Марфа должна позаботиться: покормить надо. А Христос в это время говорит, и Мария внимательно слушает его слова. Марфа говорит: "Скажи Марии, чтобы она мне помогла". А Христос отвечает: "Марфа, Марфа, печешься о многом, а надо лишь об одном. Взгляни на Марию: она избрала благу участь". То есть в нем всегда присутствует личностное начало, то есть он его не боится. Буддийский святой должен быть бесстрастным, он должен равномерно сиять, на всех. Он не должен иметь каких-то эмоциональных привязанностей. Ничего этого не должно быть. Все это есть у Христа. То есть разница в буддизме и христианстве в том, что, сходясь в небесном, в земном, они все-таки избирают разные пути.

Христианский путь - это личностный путь, путь личностного спасения, это - "Я" человеческое является высшей ценностью. Буддийский путь - это путь некоего растворения человека во всем. Он получил тоже свое развитие в европейской философии. В растворении в мировом духе, в частности в пантеизме европейском: "все - во мне, и я - во всем". Но хитрость заключается, может быть, в том, что буддийский монах, растворяется во всем: в птицах, в облаках, рыбах, - во всем мироздании, и в нем ничего не остается личностного, - именно тогда

происходит встреча, потому что весь мир, весь, без остатка, опрокидывается все равно в личность человека, согласно христианскому учению. По христианскому учению Царство Божие и правда его - все находится в человеке. Все небесное в нем находится. Он - больше, чем мир. Вот эта истина, к которой буддист тоже стремится. Он стремится стать больше, чем мир, путем избавления от страданий, путем отказа от мира. Христианин ищет той правды, которая находится в нем: любви. Но он при этом обретает весь мир и больше, чем этот мир.

Вот поэтому у Достоевского есть такой очень интересный момент, почему Победоносцев предлагал, чтобы Достоевского изучали в православных семинариях. Например, когда Иван Карамазов говорит: "Здесь Бог и дьявол борются. Здесь место действия - вся вселенная, а ставка - душа .человеческая". Самое главное и самое важное. То есть душа. И вот здесь между буддизмом и христианством - фундаментальное расхождение. Внимательно сравнивая понятие души в буддизме и представления о душе в христианстве, невольно приходишь к мысли, что имеются в виду совершенно разные вещи. Когда Будда говорит о некой субстанции, которая постоянно изменяется, которая, изменяясь, становится цветком, деревом, птицей, камнем, то с открытием генетического кода, - мы же прекрасно понимаем, что речь идет о генетическом коде, о той субстанции космической, которую этот генетический код формирует, - оказалось, что все живое на земле имеет один и тот же генетический код. И в этом смысле Будда оказался прав.

Но когда Христос говорит о душе, имеется в виду нечто совершенно другое, стоящее над этим. Как раз то, что возвышается над этим потоком, как раз то, что не подвержено никаким изменениям и уничтожению, то, что является вечным и неизменным, обладает вечной жизнью. Поэтому говорят, что христианство - это способ жить вечной жизнью здесь, на земле. Вот в чем дело. Поэтому буддизм исходит из той временной жизни, которая перед вашими глазами, а христианство говорит о вечной жизни.

Другое дело, когда человек живет этой вечной жизнью на земле, то он уже и действует по законам Будды и по законам Христа, то у него мораль и этика буддизма ничем не будет отличаться от морали и этики христианской. Законы вечной жизни таковы, что они противоречат законам очевидности. Отсюда преткновение для всех людей - заповедь Христа: люби ближнего, как самого себя, - или самоотречение Будды: не только ближнего, но и все надо любить, вот все это чрезвычайно трудно понять и принять, поскольку это является законом вечной жизни, а человек, как правило, живет на земле жизнью временной.

Таким образом, мы видим два образа мира, два образа восхождения от жизни временной. Но в буддизме есть восхождение от жизни временной путем ее полного отрицания и отвержения. В христианстве же есть полное принятие этой жизни, принятие во всей ее полноте, при этом страдание является не только неустранимым, но и является высшим, кульминационным моментом в обретении вечной жизни. Распятие - это не то, что произошло с Христом, распятие - это то, что происходит с каждым человеком. Воскресение - это не то, что произошло только с Христом. А это то, что должно произойти с каждым человеком. То, что должно произойти, и то, что в той или иной степени происходит с каждым человеком на земле.

В этом смысле жалко, что для сегодняшнего человека не очень доступен роман Льва Николаевича Толстого "Воскресение". С одной стороны, он хорошо известен, с другой стороны, именно потому, что он хорошо известен, не очень поверили тому, что это не роман, а религиозное прозрение. Дело в том, что там действительно сходятся и буддийский, и христианский путь. И любовь Нехлюдова к Катюше Масловой, которая возникает в момент пасхального богослужения, и когда Катюша целует нищего и Нехлюдову предлагает сделать то же самое, и тот целует этого нищего со словами "Христос воскрес", и когда потом, после своего грехопадения, Нехлюдов в гостинной смотрит на княгиню и видит, как сквозь ее лицо проступают мышцы, как сквозь мышцы проступает череп, - он смотрит глазами буддийского монаха. Нехлюдов всюду, куда он смотрит, видит только страдание. Поэтому он совершенно естественно, буддийским путем, приходит в тюрьму. Она

является местом его просветления и местом его озарения. Он идет по этому пути. Но очень интересно, что на этом пути ему встречается человек по фамилии Набатников. Этот Набатников рассуждал очень интересно о том, что смерти нет. Он был простой человек, из крестьян: он исходил из того, что как в крестьянском хозяйстве ничего не исчезает, скажем, зерно съест курица, курицу съест крестьянин, - все это будет в вечном круговороте, и все это найдет свое применение, так и в этой жизни смерти не существует. То есть у него был взгляд кармического буддиста. Но Нехлюдов такого варианта бессмертия не принял; в конечном итоге он приходит к христианству.

К воскресению. Об этом мы с вами будем еще говорить, потому что воскресение есть, может быть, самая большая тайна. Воскресение - это есть и точка расхождения буддизма и христианства. И это есть точка, где они одновременно сходятся.

Кедров Константин - "Параллельные миры "

БЕСЕДА 7 МЕТАКОД

Каким образом был открыт метакод? Что такое вообще метакод?

Так же как существует генетический код всего живого на Земле, так существует единый вселенский код и живой, и той части реальности, которую принято называть неорганической материей, хотя это название, может быть, не очень удачное. И этот же код пронизывает и нашу духовную, душевную жизнь. Вот этот код я и назвал метакодом. Но так же как генетический код, он, с одной стороны, является чисто мистическим, его можно читать, он был расшифрован в 60-х годах в той или иной степени и читается до сегодняшнего дня в современной биологии, но в то же время он имеет совершенно конкретные очертания. Есть молекула ДНК, есть спираль, есть очертания оснований кислот, которые там присутствуют, и так далее. Таким же образом и у метакода есть свои конкретные очертания.

И эти очертания удивительнейшим образом присутствуют, но не повторяются на разных уровнях. На биологическом уровне - как спираль левосторонняя закрученная ДНК, а во вселенной присутствует как множество галактик. Еще Вернадский задавал себе вопрос, на который не находил ответа. Вопрос этот действительно сакраментальный: почему все галактические вихри с нашей точки зрения закручены влево? Это с одной стороны. А с другой стороны, он задавал себе вопрос, который в свое время задавал себе еще Кант. Проще говоря, что значит "влево"? Что значит "вправо"? Если убрать из Вселенной человека, у которого есть правая и левая рука, то сможем ли мы определить, в какую же сторону закручены эти галактические вихри или не сможем? Нет, не сможем. Дело в том, что, может быть, у Канта не хватило, как у человека, воспитанного в духе традиционного европейского рационализма, смелости сказать, что это относится не только к "правому"

или "левому", но также относится к "верху" и "низу", также относится к "внутреннему" и "внешнему". То есть, собственно говоря, все это существует, поскольку существуем мы с вами. И те слова, которые начертаны на могиле Канта в Кенигсберге: "Две вещи с юности наполняют душу мою изумлением и восторгом: это звездное небо над головой и категорический императив", как моральный закон, точнее сказать, как воля Вселенной, как воля Бога - категорическая воля, категорический закон вовне, категорическое повеление вовне. Но вот звездное небо над головой тоже не существовало бы, если бы не существовало нас с вами. Удивительный такой момент, на который обращали внимание очень многие. И вопрос, который задавал Юнг и не мог найти на него ответа, заключается в том, что все великолепие созвездий, которое перед нашими глазами открывается, оно существует только благодаря тому, что, во-первых, они проецируются на наше зрение, и только на наше зрение, а во-вторых, только потому, что мы их так соединяем. Можно соединить их как-то иначе, казалось бы. И вот тут-то и возникает очень интересный момент.

Можно ли вот те созвездия, которые перед нашими глазами, которые мы знаем и знаем их очертания, соединить иначе? Чисто теоретически почему бы и нет? Вот так же глядя на человека и на то, как он устроен, почему бы не снять ему голову и куда-нибудь ее не пристроить? Или почему бы руку не присоединить к спине и так далее? Можно, но мы при этом что-то разрушим. Разрушим какую-то цельность. Та цельность, которая присутствует в очертаниях-созвездий, не является столь телесной, хотя, так сказать, нарушилась бы вселенская связь, нарушилось бы и "телесное" очертание Вселенной. Вселенная была бы разодрана, наподобие того, как был-разодран Озирис на множество частей, которые, как выяснилось впоследствии, являлись не чем иным, как частями зодиака египетского. И когда Изиды ищет части тела Озириса, чтобы составить его единое вселенское тело, она собирает по частям древнеегипетский зодиак. Воссоздание этого зодиака есть воссоздание Озириса. Когда зодиак воссоздан, Озирис встает. Озирис воскресает. В Древнем Египте воскресение, восстание Озириса изображалось обычно таким образом: Озирис встает, опираясь, и пелось так: Встает Озирис, и радуется Египет. Встает Озирис, и разливаются Нил. Встает Озирис, и прорастает пшеница...

Кстати, к вопросу о том, что встает Озирис и прорастает пшеница. Это чрезвычайно интересный момент в сохранении метакода. Сейчас я вам продемонстрирую то, каким образом метакод сохраняется. Код - всегда некая устойчивость. Эту устойчивость всегда есть соблазн разрушить, потому что нет ничего более хрупкого, чем, скажем, жизнь. Это небольшая пле-ночка на поверхности земли, и, казалось бы, она должна быть разрушена. Но это почему-то никому не удается, хотя над этим трудятся и военные, и политики. Взять хотя бы отечественную историю: это и Грозный, и Ленин, и Сталин, и Гитлер. Огромная работа проводится по уничтожению кода. И тем не менее код разрушить очень трудно.

Не менее напряженная работа велась в течение последних семидеяти лет по разрушению метакода духовного, в сфере духовного. Самым большим и самым страшным прегрешением в системе Гитлера - Сталина - Ленина была вера в воскресение. Воскресение - это то, что вызывало особую ярость. Почему? Не все ли равно для идеологии фашизма или идеологии коммунизма, воскрес Христос или не воскрес? Казалось бы, не фундаментальный, не принципиальный вопрос. Хотя это вызывало инстинктивную ярость. Было инстинктивное желание, чтобы этого ни в коем случае не было. Историческое пространство с тех пор, когда это произошло, столь минимально (ну что такое 2000, 1900, 1800 лет с момента воскресения Христа, ведь человеческая память простирается на 10 тысячелетий, по крайней мере на 5 тысячелетий мы имеем достаточно четкие исторические хроники, исторические документы). Но здесь же события происходят в ареале наиболее цивилизованном, в ареале самой крупной цивилизации Древнего Рима, где события фиксируются, и фиксируются не какими-нибудь невежественными тетушками, старушками и тому подобное, а фиксируются крупнейшими учеными. В частности, историк Иосиф Флавий фиксирует события, происходящие в Древнем Израиле, который является частью Римской империи, не по дням, а по часам. В каждом документе время расписано на годы, месяцы, дни и часы.. Мы узнаем, что водопровод испортился во столько-то, а починили его во столько-то. То есть все события фиксируются. И вот в такой системе, в столь крупном культурном центре,

которым тогда являлся Иерусалим, попробуйте придумать историю, что кто-то воскрес. И вдруг все уверуют. Это невозможно. Нужны будут доказательства. А если после этого события еще и целый ряд людей напишет об этом книги, и книги будут перед вашими глазами, и об этом напишут очевидцы или люди, которые слышали об этом от очевидцев, от непосредственных свидетелей воскресения, и эти книги будут гениальными, то какие же тут могут быть сомнения. И тем не менее этот очевиднейший факт того, что произошло, вызывал страшнейшую ярость "Хотелось, чтобы этого не было. А раз хотелось, чтобы этого не было, то призывалось на помощь все, что можно было призвать. В частности, вы, наверное, помните в романе "Мастер и Маргарита" есть один очень интересный эпизод, которым фактически роман начинается, когда Берлиоз слушает на Патриарших прудах антирелигиозную поэму Ивана Бездомного. И все в этой поэме очень хорошо. Христос там отвратителен, он наделен всеми отрицательными качествами, которые только могут быть.

Если вам интересно, то вы можете почитать брошюры, допустим, такого исследователя, как Виппер. Он писал их про Христа, причем доказывал, что Христос был ростовщик, стяжатель, поскольку он дружил с мытарем, а Матфей был мытарем, поскольку очень часто в его речи фигурируют деньги, а их надо отдавать в рост, их надо умножать, и, следовательно, Христос отражает идеологию ростовщиков и так далее. Но вот этого Виппера подвергли страшной критике с позиций официальной марксистской коммунистической идеологии, потому что хоть Виппер критиковал Христа, но у него получалось, что Христос был. Ну был и был, что ж такого страшного? Нет. Тут сложность заключалась в том, что, если Христос был, стало быть, надо исследовать его биографию. А если исследовать его биографию, то тут мы сталкиваемся с воскресением. И не в Христе дело, а дело в том, что было воскресение Христа. И от воскресения надо было избавиться.

И вот Берлиоз был очень недоволен той поэмой Ивана Бездомного. Он сказал ему так: "Ты, Иван, очень хорошо показал недостатки Иисуса Христа, ты правильно показал невежественные слухи о воскресении, которые в то время были в Израиле, но дело в том, что Христа на самом деле не было. А у тебя получилось, что он на самом деле был". Ошалевший Иван, который воспитывался в простонародных традициях, никогда и не думал, что Христа не было. Ему это не приходило в голову. Он был атеистом, но никак не мог предполагать, что Христа не было. И Берлиоз тут же прочитал ему небольшую лекцию. "Дело в том, - сказал он, - что мифы (обратите внимание, что Берлиоз подчеркивает не то, что Христа не было, а то, что не было воскресения) об умирающих и воскресающих богах существовали у всех народов, во всех цивилизациях..." Он рассказал Ивану и о благостном боге Вицле-пуцле ацтечком, и о персидском боге Тамузе, об Адонисе, о Дионисе, который воскресал в виде виноградной лозы. Берлиоз мог бы и продолжить это рассказ. Он мог бы рассказать, например: "Три короля из трех сторон пришли, и заодно погибнуть должен старый Джон Ячменное Зерно..." И как Джон воскресает, разрывая бочки, в этом стихотворении Бернса. Мог бы рассказать о славянском, русском боге Костроме, который делается из соломенного снопа, который тоже умирает, его погребают, а потом кричат: "Кострома воскрес" или выражают это иными способами. Многое еще Берлиоз мог бы рассказать. И Иван, весьма пораженный этой новостью, слушал его с нескрываемым интересом.

Итак, Берлиоз рассказывает мифы об умирающих и воскресающих богах. Обратите внимание, что слово "миф" в данном случае фигурирует с отрицательным знаком обмана. Миф - это то, чего не было. Здесь содержится очень интересная подмена. Потому что каждый историк, каждый культуролог, каждый человек, который так или иначе связан с человеческой историей или культурой, знает, что миф это не только то, чего не было, а наоборот, концентрация того, что произошло. И когда ничего не остается от той или иной культуры, от той или иной цивилизации, остается миф. Погибает мир - остается миф. От древнего Египта, кроме пирамид, собственно говоря, ничего не осталось. Но ведь пирамиды являются не чем иным, как "каменным" мифом об умирающем и воскресающем Озирисе. Вот посмотрите. Как ни старались этот миф уничтожить, тем не менее он жив. Есть древнеегипетский обычай, когда сеяли зерна овса в виде человеческой фигуры, и когда овес

прорастал, он прорастал к тому дню, когда воскресает Озирис. Вы все знаете, что как ни боролись с этим мифом, но в деревнях, в городах больших и малых до сегодняшнего дня сохранился и существует обычай, по которому за семь дней до Пасхи высевается овес на блюдечко в виде человеческой фигурки, потом закрывается мокрой тряпочкой, а потом к Пасхе он прорастает зелеными ростками. В точности так, как делали в Древнем Египте. Только в данном случае это не Озирис, это Христос.

И здесь нам легко понять, что же такое метакод. Джон Ячменное Зерно умирает в земле, затем его бьют, взбивают, он претерпевает страсти в гробе-бочке и затем воскресает пивом, разрывая эту бочку. Таково его воскресение. Это - шотландский вариант воскресения. В древней Греции Дионис - виноградная гроздь. Он погибает, как погибает в давяльне виноград. И он также воскресает как виноградное вино, Озирис погибает в земле как посеянное зерно и воскресает как прорастающий колос. И посмотрите, как Христос гениально соединил две мистерии, которые были распространены в античности: Древняя Греция, Рим (от Диониса к Вакху) и Озирис - прорастающий хлеб.

Итак: хлеб и вино являются символами, знаками воскресения. Это язык. Это язык предметов. Это язык не просто предметов, а то, что мы едим и пьем. Помните, я говорил такую мысль, что религиозное познание всегда бывает очень конкретным. "Вкусите и видите яко благ Господь". То есть оно должно быть таково, что не просто из книг это прочитать, не просто услышать в какой-нибудь умной аудитории, а воскресение можно ежедневно, ежечасно ощущать вкусовыми рецепторами. Вкусить - есть. Но эта еда должна быть пронизана постоянным напоминанием о воскресении, потому что это очень важная информация, которая дана, закодирована и принесена человечеству. И Христос буквально двумя жестами это соединяет. Собравшись незадолго до своей казни вместе с апостолами, он указывает им на хлеб: "Примите ядите, - сие есть тело Мое". Это Озирис воскресающий. Вспомните, бегство семейства Христа в Египет, и там - мистерия посвящения. Между Израилем и Египтом существует очень тонкая мистическая связь со времен еще Моисея, когда он выходил из Египта и вынес многие тайны египетские. Вторым жестом он соединяет с мистериями Древней Греции и древнего Рима. "Пейте из нея все, ибо сие есть кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов". Это символ воскресения - вино изливаемое. Таким образом, он учреждает таинство евхаристии, которое изображено в "Тайной вечере" Леонардо да Винчи и в каждом православном храме над Царскими Вратами как самое главное, главный код. Код о воскресении. Весть о воскресении.

Но что есть воскресение? Здесь существует очень важный момент, который многие не понимают. Является ли воскресением простое превращение мертвого в живое? В раннем христианстве сохранилась такая легенда, когда спрашивает император у великомученицы Варвары: "Что вы, христиане, проповедуете всякую ерунду, что мертвый может стать живым? Покажите мне мертвое, которое стало бы живым". Она молча протянула ему яйцо. Это одна из легенд, которая объясняет, почему в Пасху красят яйца, почему в символе воскресения это присутствует. Но все-таки с научной точки зрения не совсем корректно поступила великомученица, потому что она протянула все-таки живое. Яйцо не является мертвым, оно все-таки живое.

Более того, следует более внимательно отнестись к мысли Вернадского, который вопреки ходу всей советской и всей западной науки конца XIX, начала и середины XX века утверждал, что из неживого не может возникнуть живое, что мы видим везде противоположные процессы. Куда бы мы ни глянули, всюду, где есть неживое, - это есть следы, оставшиеся от живого. Он приводит в качестве примера чернозем. Плодородный первый от поверхности слой почвы, но это же останки живого, живших на земле существ. Причем не так давно живших. Воздух, который мы вдыхаем, как совершенно справедливо писал философ Федоров (буквально одержимый идеей воскресения, незаконнорожденный сын князя Гагарина и впоследствии оппонент Л.Н. Толстого в богословских спорах), это останки живших на земле. Согреваемся, освещаемся нефтью, но нефть - это кровь веков, это, согласно воззрениям научным, останки тех, кто жили. Известняк - это тоже остатки ракушек,

скелетов живого и так далее. Где же мы можем остановиться? - спрашивает Вернадский. И отвечает: нигде. Куда бы мы ни шли, все, что мы видим вокруг нас, и то, что мы называем неживым, есть не что иное, как остатки живого в прошлом. Поэтому такого как бы и нет. А это очень важный момент, потому что создать из мертвого живое невозможно. В Библии говорится о том, что Бог сотворил Адама и Еву создал из "красного". Слово это в Библии может переводиться как красное, но одновременно оно означало солнце (отсюда Адам - это Солнце), а Ева в переводе значит Жизнь. Кроме того, "красное" обозначало кровь. Поэтому сотворение Адама из чего-то неживого подвергается большому сомнению. Другое дело, что живое может быть одушевленным и неодушевленным, имеющим душу Божью и не имеющим ее. Говорится, что Бог вдунул в Адама душу, вдохнул в него жизнь. И это мы наблюдаем сплошь и рядом на всех уровнях: есть люди обладающие духом, а есть люди без него, люди, в которых он до такой степени уничтожен (хотя говорят: Духа Божьего не угашайте), что он угас. К сожалению, таких лиц или людей очень много.

Таким образом, воскресение - это нечто более сложное. Скажем, сохранился другой эпизод в Евангелии, когда Христос оживляет. Оживление - не есть воскресение. Оживляет он много раз. Скажем, воскрешение дочери Иеронима. Этот эпизод вызывал особый интерес у братьев Карамазовых. Иван Карамазов описывал его во всех подробностях. Вот она лежит, восковые ручонки (в "Великом Инквизиторе" этого нет) сложены на груди, вот родители рыдают, заламывая руки. И вот Христос говорит: "Восстань, девица", и девочка встает. Но это не воскресение, это воскрешение. То есть когда со стороны, кто-то извне, существо, которое когда-то было живым, снова возвращает мертвого к жизни. Такое воскрешение, а не воскресение происходит с Лазарем, другом Христа. Это также привлекало внимание Ф.М. Достоевского. На могиле у Достоевского, по его завещанию начертаны такие слова: "Истинно, истинно говорю вам. Аще зерно не умрет, то останется оно одно в земле, если же умрет, то принесет много плодов". Это слова Христа, обращенные к апостолам. Он им объясняет, для чего он должен погибнуть, для чего он должен быть похоронен во гробе. Не в земле, а во гробе каменном. Но смысл происходящего именно такой.

Интересно, что в пасхальных песнопениях этот метакодо-вый смысл сохраняется. Сохраняется и дионисовый винный смысл, когда поется:

Приидите, пием пиво новое,
не от камня, чудоплодно, чудодеянное.

Но нетления, а источник
из гроба одождивше Христа.

Придите, будем пить новое пиво, сделанное не простым давяльным камнем бесплодным, а источник бессмертия - в данном случае камень, приваленный к двери гроба, сравнивается с камнем, который выдавливает это пиво из гроба, одождившее Христа, как вино выдавливается из давяльни. Воскресение Христа рассматривается как давяльный камень, который выдавливает вино из давяльни. Гроб сравнивается с давяльней.

В романе "Преступление и наказание" Соня Мармеладова с восторгом читает Роману Родионовичу Раскольникову именно притчу о воскрешении Лазаря, причем Соне Мармеладовой очень важно показать, что воскрешение произошло, ибо она надеется, что в духовном плане это произойдет и с Родионом Романовичем. Лазарь умер и стал живым, потому что его Христос оживил, так и Раскольникова Христос через нее оживит. Она читает очень торжественно Евангелие, делая ударение на некоторые слова. В частности, она делает ударение на слове "четыре", потому что уже четыре дня, как Родион Романович убил Алену Ивановну. И Христу сообщили: "Лазарь, друг твой мертв, поспеши скорее, ибо погода жаркая!" Но это же Восток, - и как бы он ни спешил, к тому моменту, когда он пришел, очень опечаленный и удрученный, уже Лазаря похоронили: невозможно было держать его тело на такой жаре. Христос нарушает данный запрет (обычно он нарушает,

когда его упрасивают, умоляют, бегут за ним и кричат: "Сын Давидов!" Или апостолы начинают умолять и т. д., и потом все становится известно). В данном случае он был так печален, что и проститься даже не успел. И он приказывает: отвалить камень от двери гроба!

...Заметьте опять же метакодовую ситуации: камень у двери гроба, потом этот камень будет у двери Христа... И Лазарь как предвестник Христа. Значит:

1) камень у двери гроба,

2) давящая: камень, который выдавливает вино, и вино выливается дождем, как Дионис или Озирис, как Джон Ячменное Зерно, как Кострома... "...Отвалите камень от гроба! - Господи, нельзя, - читает Соня Мармеладова очень торжественно, - ибо прошло четыре дня, четыре (она сделала ударение на слове четыре) и уже смердит. И он, он тоже воскреснет, думает она". И когда отвалили камень от двери гроба (тоже очень важный момент, чрезвычайно важный - на православных иконах он всегда изображается), апостолы стоят вот так... зажав носы... Они стоят так потому, что оттуда волна смрада. Уж действительно не просто летаргическим сном заснул, нет, это действительно было разложение.

- Лазарь, встань и ходи! - сказал Христос. Лазарь встал. И он выходит, обвитый пеленами, как младенец. Это во-первых, а во-вторых, еще одно метакодовое значение: воскресение присутствует как зерно умирающее и прорастающее колосом. Это один код. Этот код пронизывает всю человеческую жизнь. С утра вы берете хлеб, и это уже пронизывает ваше сознание. Но есть и другой код, код Гермеса Трисмегиста, который в "Алмазной скрижали" писал, что человеческая душа является внутри человеческого тела бабочкой. И подобно тому, как зародыш бабочки окукливается, гусеница окукливается таким коконом белым, обволакивается, а потом этот кокон разрывается и из него вылетает душа, бабочка. По отношению к гусенице бабочка является душой. Причем, если бы гусеница умела рассуждать, она сказала бы, что бабочка - это духовное, а гусеница - это телесное, она бы это разделила, хотя и то и другое является осязаемым, реальным и зримым. На это тоже надо обратить особое внимание, что воскресение осязаемо, зримо, телесно. К сожалению, западно-европейская философия очень много уделяет внимания духовной природе воскресения, но она очень сильно отступила от телесной природы. Ведь настаивали апостолы именно на телесном воскресении, что это воскресение телесно. Но это было (вот Лазарь вышел запеленутый наподобие гусеницы, которая окуклилась) опять же предвестием воскресения Христа. Воскресение же Христа не было воскрешением, потому что никто извне не подходил и не говорил: "Восстань!" Оно содержалось, оно было внутри него самого. Оно произошло не под влиянием извне - этим воскресение отличается от воскрешения.

Оно произошло... потому что это было закодировано, закодировано в его природе. И более того, оно произошло для того, чтобы сообщить всем нам, что и в нас это закодировано. Этот код в нас содержится. Нам в это очень трудно поверить по той причине, как и гусенице, которая ползает по листку, она плоскость только знает, она объема даже не видит, - что она не просто встанет, по плоскости будет ходить, она обретет вот этот бесконечный объем. Она представить то это не в состоянии. Поэтому нам очень трудно представить смерть, как вот этот процесс окукливания, как окукливается душа.

А наступит время... для всех людей, для всех без исключения, когда этот код сработает. И тогда все воскреснут, но воскреснут не в духовном плане, а во плоти. Это тоже очень важный код. Что значит "во плоти"?

Один из апостолов объясняет: "Открою вам тайну... Не все мы умрем, но все изменимся". То есть это будет плоть, но плоть преображенная. Наподобие как гусеница плоть, и бабочка плоть, но бабочка есть по отношению к гусенице плоть преображенная. Хотя это соткано из плоти. И это - тоже очень важный момент, потому что потом возникло очень много ересей, альбигойская ересь, зороастрийская, - которые стали рассматривать плоть как нечто скверное, ненужное, то, что надо отбросить, то что надо уничтожить, то, что надо преодолеть, и т. д. Между тем плоть сама по себе не является ни в коем случае скверной. В гусеничном

состоянии она, может быть, является скверной по отношению к бабочке, но это не значит, что гусеницу надо умерщвлять, - ей надо преобразиться; обрести в себе то начало, которое ее преобразит.

...Озирис умирает, его тело разорвано на множество осколков, и Изида ищет его, но Изида - это Луна, она идет по кругу, зодиакальному кругу. И, проходя по этому кругу, она обретает все части Озириса. Кроме того, по-древнееврейски, Луна - означает "жизнь" и Ева. Кроме того, существует загадка: что такое месяц? Вот такой месяц, повернутый буквой "P" (есть еще месяц, повернутый буквой "C"). Вот месяц, повернутый буквой "P", называется Адамово ребро. ...В Библии, в Ветхом Завете говорится, что Господь творит Еву из Адамова ребра. Как он ее творит? Месяц начинает прибывать, пока не превратится в... полную Луну, - в Еву. Что Луна действительно связана с жизнью и существует определенный цикл, лунный цикл, и что такое полнолуние, каждый хорошо чувствует по себе, и все четыре фазы. Таким образом, если бы не было Евангелия, если бы не было Библии и если бы человечество не умело читать и писать - все равно, глядя на то, как Луна превращается в месяц, а потом этот месяц исчезает, как затем этот месяц снова появляется, превращаясь в Луну-Еву, человек мог бы восстановить (и не только мог бы, а так оно было) Ветхий Завет, сотворение Евы из ребра Адама. Просто у разных народов это называется разными именами. Но процесс этот происходит обязательно.

Самый главный код, код о смерти и воскресении, он опять же дан в лунных образах (это вы можете прочесть в книге археолога Церена, которая называется "Лунный бог"). Он знает, что месяц умирающий, старый, это Христос, который умирает, умирает и задвигается во гроб. А месяц воскресающий через три дня, - на третий день он воскресает, появляется ранний месяц, появляется снова, - появляется Христос, новый Адам. После воскресения Христа апостолы часто называют новым Адамом. Такая традиция в православии и других конфессиях.

Смотрите, как интересно получается. С одной стороны, и Библия, и Евангелие, и Ветхий Завет, и Новый Завет - основные сюжеты, они начертаны Луной на небе. С другой стороны, они начертаны на земле, - когда вы сеете зерно, и оно прорастает, что народ делал и всегда будет делать, пока существует жизнь. Значит, звездное небо над головой является как бы развернутой книгой, свитком... Книга в древности была в виде свитка. Книга древности, на которой Луна, звезды пишут своими письменами некий текст. И сама Библия является не чем иным, как таким перекодированным текстом. Кто первый это открыл, сказать трудно, но можно с уверенностью сказать, что в России первым это открыл человек, если не атеистический, то антиклерикальный. Это Николай Александрович Морозов. Он по образованию своему был астроном, по призванию своему он был, конечно, богослов, мистик и филолог. Но традиция не позволяла, поэтому он был астроном и к тому же, его бес попутал, он изготавливал какую-то гремучую смесь для революционеров. И поэтому оказался по заслугам в Шлиссельбургской крепости. А когда, согласно метакоду, человек оказывается в замкнутом и темном пространстве, с ним происходит то же самое, что и с вином, которое оказывается погребенным в земле. И он может в этом замкнутом пространстве и погибнуть, как зерно гибнет в земле, но, с другой стороны, с ним может произойти то же, что и с зерном, когда его погребают, - оно может прорасти и принести новый духовный плод. Так произошло с Морозовым.

Он умирал в камере, в Шлиссельбургской крепости. Это особо жестокая тюрьма, там стены, как показывают на экскурсиях, толщиной около трех метров. И там часто гибли от цинги и туберкулеза, которые начинались буквально через несколько месяцев. То же самое должно было произойти и с ним. Морозов писал: "ноги мои распухли как ведра и я уже не мог одевать обувь, мне пришлось разрезать ее для того, чтобы каким-то образом одеть. Я приготовился к смерти. Я должен был умереть". Но вдруг с ним произошло такое посвящение. Действительно, сказано в Евангелии: "Не мерою дает Бог духа..." И действительно, никогда не известно, где это произойдет, с кем и каким образом. Для кого-то это крест в храме, который он поцелует, и

что-то ему откроется. А для кого-то это тюремная камера и ржавый болт. Он увидел ржавый болт на дверях камеры, и этот болт был постоянно перед его глазами. И у него, как у человека, я бы сказал, последовательно мыслящего, возникла гипотеза, которая подтвердилась 4 года назад, кстати говоря. А эти события происходили в 1900-1901 годах. А гипотеза эта была следующая. Он увидел ржавчину болта и задал себе вопрос: откуда на земле железо? Он выдвинул гипотезу, что все железо на земле из нее произойти не могло. Значит, железо творится на звездах, и железо привнесено на Землю от света далеких звезд, которые взрываются как сверхновые (последний раз это было в 1987 году, и блистательно подтвердилась гипотеза Морозова). Но дело даже не в этом. Подумаешь, какая разница, железо из земли происходит или из космоса. Дело-то все в том, что железо красного цвета. И Адам красный, и творится он из красного.

Обратите внимание, что Солнце тоже звезда. А красное обозначало и кровь, и глину, красную от железа, в ней содержащегося. "И вдруг меня осенила поразительная не догадка, а истина", - как говорил Морозов. Ведь красная кровь, которая течет в наших жилах, и ржавчина этого болта, и свет звезд, который приходит к нам, - это же одно и то же "железо". Значит, по моим жилам течет звездное вещество, звездный свет. "Я подошел к ржавому болту и с религиозным благоговением поцеловал его. Я вдруг почувствовал, что звезда, Бог и кровь, которая течет в моих жилах, это одно целое". Если бы его мысль была религиозная, а не антиклерикальная, то в этот момент он бы задумался над тайной евхаристии, над тайной превращения красного вина в мистерии воскресшего Диониса или с благословения Христа в таинствах христианской евхаристии превращения в кровь Христову, все бы соединилось, все бы обрело свое начало. Но этого последнего шага он не сделал на сознательном уровне, но подсознательно с ним что-то произошло. Во-первых, он сразу выздоровел, к удивлению надзирателей, потому что он оставался последним и они были готовы к его смерти. Мало того, он потребовал в камеру книгу. Книг узникам не полагалось никаких, кроме Библии. Библии ему читать, естественно, при такой "погоде" не хотелось. Он был воспитан со школы Священным Писанием, потом в гимназии и так далее. Поэтому было отторжение. Но тут он ее взял и стал ее читать. Вот тогда и произошло открытие метакода. "Я читаю Библию, я читаю про Давида, я читаю про Христа, я читаю про Моисея... - я вижу, что такое происходит либо с Марсом, либо с Юпитером, либо с Сатурном, либо это движение Луны, либо это движение того или иного созвездия или планет. Библия ожила передо мной. Я увидел движение звездного неба в учении Бога, Я был настолько потрясен этим открытием, что оставшиеся годы заточения "промелькнули" для него, как мгновения. Потом была революция 1905 года, его выпустили, а потом снова посадили за сборник стихов под названием "Звездные песни". Второй раз его посадили не столь жестоко, потому что был Манифест царя, свобода слова... Потом его вы пустили, и он написал труды, расшифровывающие, объясняющие, что в Библии, в Евангелии есть звездный код. Что двенадцать апостолов - это двенадцать созвездий Зодиака. Что все сюжетные события, которые описаны в Евангелии, происходят на небе, правда, для Морозова это означало, что их не было на Земле, но это не важно. Это, так сказать, можно вынести за скобки. Труды эти назывались: "Иисус Христос", "Пророки", "Откровения в грозе и буре" (это его звездная расшифровка Апокалипсиса Иоанна Богослова). Судьба трудов Николая Александровича Морозова чрезвычайно интересна. Очень часто великие открытия человечества сопровождаются и великими заблуждениями. В частности, великим заблуждением Морозова было то, что он заметил вот какую вещь. Каждому библейскому событию соответствуют события новозаветной и современной истории. То есть Иисус Христос, это первый век от Рождества Христова, - и через некоторый период времени Василий Великий; если пропорционально этому периоду считать от Иоанна Богослова, любимого учителя Христа, то будет Иоанн Златоуст.

Какой вывод? Вывод был дурацкий. Значит, решил Николай Морозов, ничего в древности до Рождества Христова не было, а просто эллинская интеллигенция древнего Рима в IV веке на основе жизни Василия

Великого сочинила жизнь Иисуса Христа, на основе жизни Иоанна Златоуста сочинила историю Иоанна Богослова и так далее. Вы знаете, дело не в заблуждении, а вот что интересно. Ведь фактически он открыл действительную повторяемость событий, и не только Иисус Христос - Василий Великий и Иоанн Богослов - Иоанн Златоуст, но и далее во времени. Позднее, уже в XX веке это открытие првтворил поэт Велимир Хлебников. Он открыл, что через каждые 365 лет происходят подобные события, а через каждые 317 лет события противоположные. И на основе этих вычислений (см. главу "Звездная азбука Велимира Хлебникова" в книге "Поэтический космос") он предсказал в 1912 году, что в 1917 году произойдет падение Российской империи. Сборник футуристов "Пощечина общественному вкусу" заканчивался словами: "Некто, 1917-й". В. Маяковский, как бы повторяя это, написал: "В терновом венце революций грянет... шестнадцатый год". А у Хлебникова - семнадцатый. Это сделано на основе идеи повторяемости событий. Каждый отрезок сегодняшнего времени есть тот или иной отрезок прошлого времени. И чтобы в этом убедиться, не нужно очень далеко ходить, достаточно сравнить столетия. Скажем, шестидесятые годы XIX столетия вполне сравниваются с шестидесятыми годами XX столетия. Либерализация, время надежд, затем наступает период застоя. Надо ли говорить о роковом 1937 годе XIX века. Это год гибели Пушкина. И надо ли говорить о 1937 годе XX века для русской интеллигенции. Так что Морозов действительно открыл очень интересную вещь. Он открыл, что как в пространстве существуют равноотстоящие события, так и во времени они тоже существуют. Но это открытие Морозовым не было четко сформулировано, а вот открытие звездного кода поражало воображение.

Самая главная суть его открытия то, что движение звезд - читается, что это священный текст, что звездная книга это не есть просто метафора. У Баратынского сказано:

Была ему звездная книга ясна.

И с ним говорила морская волна.

Но это поэтически как бы: звездное небо как звездная книга. Но эта книга - как Библия. Я помню, в год перестройки, в 1986 году, показывали с восторгом: Библию с овчарками, где-то на границе, искали как запрещенную литературу. Наш доблестный пограничник, и овчарка такая - ух! - она на Библию натаскана. Но времена как бы уже меняются, и комментатор, говоря об этих доблестных пограничниках, делает поправку, что Библия в должном количестве печатается у нас в церкви. Она всегда печаталась в нужном количестве, потому-то население у нас не знает почти ни одного библейского сюжета.

Эту книгу запрещали, эту книгу сжигали, но вот запретить звездное небо, к счастью, не в их власти. И не в их власти этот код, который повторяет движение звезд, который повторяет движение Луны, движение Солнца, - он чертится в подсознании...

Вот если я вас спрошу, как выглядит то или иное созвездие, хотя почти что никто и не знает созвездий. Я просил моих студентов на фольклорной практике расспросить про звезды, ведь в деревне как-то лучше звездное небо видно, там нет освещения, нет высотных зданий. Стали спрашивать, и вы знаете, ни один не мог назвать ни одного созвездия. И только одна старая бабка неуверенно сказала: "Ведьмедица". Но - бабка назвала Медведицу действительно не случайно, дело в том, что семизвездный ковш Большой Медведицы - это очень важный код.

Все тот же-о воскресении. Когда Маяковский, настроенный атеистически, богоборчески, я бы сказал, кричит:

Эй, Большая Медведица, требуй,

чтоб на небо нас взяли живьем, -

он не понимает, что он говорит то самое, во что верили наши предки. Верили, что это есть повозка мертвых. Большая Медведица есть повозка мертвых, увозящая души в Царство Вечного Света. В это верили еще тогда, когда еще древних славян не было, когда еще древних скифов не было, потом верили и древние славяне, и

древние скифы. В это верили еще тогда, когда часть населения, которое привыкли считать неграмотным, знало, что Большая Медведица - это повозка, увозящая души мертвых. И поэтому, когда тот же Победоносиков у Маяковского диктует доклад о Льве Николаевиче Толстом, - а в его сознании почти ничего нету, у него там пустота, как у салтыково-щедринского Угрюм-Бурчеева: "Органчик разорили - не потерплю" - и все! И больше ничего, там нет ничего. Но код-то все равно и в нем заложен, и в этой бабке, что смогла единственное "Ведьмедица" проговорить, и у Маяковского. "Итак, Толстой - это Большая Медведица - пират пера..." И такие вещи, кодовые, чрезвычайно интересны. Чрезвычайно интересно и другое, что Владимир Владимирович Маяковский, желая великому старцу погрозить кулаком, пишет:

С неба смотрела какая-то дрянь,
величественна, как Лев Толстой.

То есть некий подсознательный слой, который совершенно не зависит от того, хотим мы или не хотим, откладывается, в нас существует, в нем записаны очень важные вещи, мы порой сами не знаем истинного значения этого. Ну, на пример, вы знаете у Сурикова картину "Утро стрелецкой казни"? А кто из вас обратил внимание, - их везут на повозке, да? - они сидят, а в руках они держат свечи... А вы обратили внимание, что свееи образуют рисунок Большой Медведицы? Не обратили, естественно, и не надо, не надо... Но Суриков это сделал совершенно сознательно. Он сделал так, чтобы эти семь свечей образовали фигуру Большой Медведицы. Он сибиряк, он знает этот код, - и когда я впервые об этом написал, мне сказали: "Ну, слушай, так можно дойти до того, что просыпешь мелочь на полу, - и увидишь там очертания созвездий". Я сказал: "Во-первых, так и надо - видеть очертания созвездий, а не мелочь. А во-вторых, я нашел письмо Сурикова, где Суриков пишет: "Я расположил свечи в руках у стрельцов в виде Большой Медведицы, потому что стрельцы верят, что Большая Медведица - повозка мертвых, увозящая души на тот свет". А?в данном случае повозка эта куда везет стрельцов, к какой точке? А куда обращен ковш Большой Медведицы, к какой звезде? К Полярной, вокруг которой вращаются две Медведицы, Большая и Малая. В данном же случае роль звезды играет на Красной площади какое место? Правильно, Лобное место. И в данном случае Суриков совершенно сознательно это воспроизводит.

Но чаще всего в искусстве метакод присутствует на уровне подсознательном, так же как и человек на сознательном уровне не знает своего генетического кода: почему у него такие глаза или почему у него такая форма головы. Тем не менее этот код в нем работает и он его создает, составляет его характер, его душу в конечном итоге. Он так же индивидуален, как отпечаток руки, как отпечаток звездного неба над головой, хотя одно звездное небо отпечатано над головами, но у каждого человека на ладони этот рисунок свой. Поэтому на этом и построено прочтение судьбы человека по руке, так же как она читается по очертаниям созвездий. Но поскольку созвездия движутся, то у человека это построено таким образом, что на правой и на левой руке отпечатано, что было задумано и что получилось в конечном итоге соответственно.

В древности говорили о четырех книгах: это человеческое сердце, это Библия, это природа и это звездное небо над головой. Все четыре книги говорят об одном, надо только умело их прочитать. Умелое прочтение этих книг и является ме-такодом. А читаются они только в одном случае, - когда есть тот, кто читает, когда есть человек. Метакод прочитывается только в том случае, когда есть существо, его читающее. Само происхождение слова "символ" метакодом может читаться чисто символически, само происхождение слова "символ" таково: символом называлась табличка, на которой изображалась рыба, знак Иисуса Христа, кстати говоря. Когда эту табличку разрывали на две части, один христианин получал одну половину рыбы, другой - другую. Когда они встречались вместе, они соединяли ее, получался рисунок рыбы. Отсюда происхождение слова "символ". Символ - это когда соединяются разрозненные части. В данном случае символ восстанавливается тогда, когда соединяется звездное небо над головой, как писал Кант, и категорический императив, небо и человек, человек

и Вселенная. Когда две эти таблички накладываются, соединяются, тогда восстанавливается истинный код и истинный ход событий. И в таком случае появляется не Адам, человек просто земной, а человек-вселенная. Вселенский человек. Во всей полноте.

Согласно теории метакода, вселенная голографична. Что значит голографична? Вот я рисую человека; если я разорву этот рисунок пополам, здесь будет половина и здесь будет половина, потом разорву на четыре части: здесь будет фрагмент, и здесь - фрагмент. При голографической записи все будет иначе: здесь будет человек, и вторая половина тоже - целый человек. Разделю на четыре части, все повторится: воспроизведется четыре человека. Как бы ячейка ни дробилась, все равно Вселенная будет во всей полноте. Таким образом, момент отпадения Адама от Бога, момент изгнания Адама из рая - это есть момент, когда разбивается "глиняная" табличка, но не на две части, а на множество, на бесконечное множество частей. Но в каждой из этих частей, в каждом человеке, который существует, пусть в очень тусклом отражении, присутствует вся полнота. Об этом, об этой вселенской полноте и напомнил Христос человечеству. Он пришел и сказал, что в человеческой природе это заложено и рано или поздно вся эта полнота будет восстановлена, и эта полнота является воскресением. То, что произошло с Христом здесь, в конкретном историческом времени, здесь, на Земле, должно произойти и со всем человечеством. И произойдет. Но когда?

И вот на вопрос "когда?" очень интересно отвечали апостолы. Про эти сроки никто не ведает, ибо для Бога тысяча лет как один день и один день как тысяча лет. Многие истолковывали это таким образом, что от человечества как бы скрываются сроки. С открытием теории относительности Альберта Эйнштейна стало понятно, что речь идет не о раздвигании срока, мол, что это произойдет тогда-то, тогда-то и тогда-то... А речь идет о том, что, когда это произойдет, будет само пространство, и время человеческое уничтожится, и появится вечность, вернее, проявится вечность, которая была скрыта от человеческого взора.